

КНИГА V

ВИНСТОН ЧЕРЧИЛЛЬ / ВТОРАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА

ВИНСТОН ЧЕРЧИЛЛЬ

ГЕРМАНИЯ РВЕТСЯ
НА ВОСТОК

—
ВТОРАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА
Книга V

ИЗДАТЕЛЬСТВО ИМЕНИ ЧЕХОВА

Нью-Йорк

ВИНСТОН ЧЕРЧИЛЛЬ
ВТОРАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА
Книга V

ВИНСТОН ЧЕРЧИЛЬ

**ГЕРМАНИЯ РВЕТСЯ
НА ВОСТОК**

—
ВТОРАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА

Книга V

Перевод с английского В. Петрова

ИЗДАТЕЛЬСТВО ИМЕНИ ЧЕХОВА

Нью-Йорк

1955

WINSTON S. CHURCHILL
GERMANY DRIVES EAST

THE SECOND WORLD WAR
Book V

Translated from the English by VLADIMIR PETROV

© 1955, by
CHEKHOV PUBLISHING HOUSE
OF THE EAST EUROPEAN FUND, INC.

Printed in the United States of America

1.

В ПУСТЫНЕ И НА БАЛКАНАХ

Оглядываясь назад на бурные события войны, я не могу припомнить иного времени, когда, либо быстро чередуясь, либо сразу, столько проблем наваливалось бы на меня и на моих коллег так, как это было в первой половине 1941 года. Размах событий становился шире с каждым годом, но требовавшиеся решения от этого не становились более трудными. В 1942 году на нас обрушились еще бóльшие военные катастрофы, но к тому времени мы уже не были в одиночестве, и наши судьбы были соединены с судьбами всего Великого Альянса. Наши проблемы в 1941 году нельзя было разрешать даже частично, не затрагивая всего остального. То, что должно было быть переброшено на один театр войны, должно было сниматься с другого. Концентрация сил в одном месте означала риск в другом. Наши ресурсы были крайне ограничены. Подлинное отношение к происходившему со стороны доброй дюжины стран, — дружественное, оппортунистическое или враждебное, оставалось неизвестным для нас. Дома мы стояли лицом к лицу с подводной войной, с угрозой вторжения, и продолжающимся воздушным блицем; мы должны были вести целый ряд кампаний на Среднем Востоке, и, наконец, попытаться сколотить фронт против Германии на Балканах. И в течение долгого времени мы должны были проделывать все это одни. Одной из трудностей настоящего изложения является диспропорция между нашими одиночными усилиями удерживаться на по-

верхности событий, выполнять наш долг, и неумолимым развитием значительно более крупных событий.

**
*

При всех обстоятельствах, Великобритания оставалась нашей прочной основой. Я был уверен, что, если в нашем распоряжении будут нужные силы в состоянии полной готовности, попытка немецкого вторжения в 1941 году не шла бы вразрез с нашими интересами. Воздушная мощь Германии на всех театрах была не намного больше, чем в 1940 году, тогда как наша истребительная авиация в Англии выросла с пятидесяти одной до семидесяти восьми эскадрилий, а бомбардировочная — с двадцати семи до сорока пяти эскадрилий. Немцы не выиграли воздушного сражения в 1940 году. Повидимому, их шанс выиграть его в 1941 году был много меньше. Наша островная армия значительно укрепилась. Между сентябрем 1940 года и сентябрем 1941 года она возросла с двадцати шести строевых дивизий до тридцати четырех, плюс пять бронетанковых. К этому надо прибавить и зрелость войск, и колоссальное улучшение в их вооружении. Ополчение увеличилось с миллиона до полутора, и у всех ополченцев теперь имелось огнестрельное оружие. В огромной степени возросло не только количество, но и подвижность частей, качество их снаряжения, тренировки и организации; совершенствовались и оборонительные работы. Конечно, у Гитлера оставалось более чем достаточное число солдат для вторжения. Для того, чтобы покорить нас, ему нужно было переправить через Ламанш по крайней мере миллион бойцов, и обеспечить их вооружением. К 1941 году он мог бы иметь в своем распоряжении большое, хотя и недостаточное, число десантных судов. Но, располагая мощью наших флота и авиации, мы не сомневались, что сможем уничтожить гитлеровскую армаду или нанести ей тяжкий удар. Поэтому все расчеты,

которые мы делали и на которые мы полагались в 1940 году, становились теперь несравненно убедительнее. Пока мы сохраняли свою бдительность и минимум сил, нужных для обороны, Военному Кабинету и начальникам штабов можно было не тревожиться.

Хотя некоторые из наших американских друзей, и среди них несколько генералов, посещая нас, считали наше положение едва ли не безнадежным, а весь мир вообще продолжал считать вероятным вторжение в Англию, сами мы чувствовали себя достаточно уверенными, чтобы посылать за моря столько войск, сколько были в состоянии перевезти наши суда, и вести наступательные операции на Среднем Востоке и в Средиземном море. Именно из этих операций выросла наша конечная победа, и именно в 1941 году начались первые значительные события. Армиям на войне предназначено сражаться. Африка была единственным континентом, где мы могли вести борьбу с нашим врагом на суше. Оборона Египта и Мальты была нашим неременным долгом, а разрушение Итальянской империи — первым призом, который мы могли взять. Британское сопротивление победоносным державам Оси на Среднем Востоке и наша попытка объединить против них Балканы и Турцию, являются сейчас главной темой нашего повествования.

**

Победы в африканской пустыне были нашим праздником в первые дни нового года. 5 января пала Бардия; там сдалось в плен более сорока тысяч человек. Тобрук казался нашим несомненным следующим призом, и был действительно взят штурмом, с почти тридцатитысячным гарнизоном, в течение двух недель. 19-го мы снова заняли Кассалу в Судане и 20-го вторглись в итальянскую колонию Эритрею, захватив несколькими днями позже начальную железнодорожную станцию Бишию. В тот же день в Абиссинию воз-

вратился император Хайле Селассие. Но тем временем накапливались сообщения о немецких передвижениях и подготовке ими Балканской кампании. Я составил для начальников штабов свою оценку военного положения в целом; с этой оценкой они, в общем, согласились.

Премьер-министр — генералу Исмэю, для Комитета начальников штабов. 6 января 41 года

I

1. Быстрое уничтожение итальянских вооруженных сил в северо-восточной Африке должно стать нашей важнейшей задачей в первые месяцы 1941 года. Как только будет уничтожена итальянская армия в Киренаике, Нильская армия освободится для других задач. Сейчас мы еще не можем сказать, каковы будут эти задачи.

2. Падение Бардин должно дать возможность создания там передовой базы для захвата Тобрука. С Бардией и Тобруком в наших руках мы сможем почти полностью отказать от сухопутной связи с Александрией, и для дальнейшего продвижения на запад полагаться уже на морской транспорт. Нужно уже сейчас разработать все планы максимального использования Тобрука.

3. Нет необходимости держать к западу от Бардин и Тобрука большие ударные силы. Для преодоления остатков итальянского сопротивления и взятия Бенгази достаточно будет 2-й и 7-й британских бронетанковых дивизий, 6-й австралийской дивизии, Новозеландской бригады, которая скоро будет реорганизована в дивизию, и, может быть, одной-двух британских бригад, с общей численностью не более 40-45.000 человек. Расстояние от Тобрука до Бенгази, по береговой дороге, немногим превышает 250 миль, — по сравнению с 370 милями от Александрии до Тобрука. Таким образом, как только будет создана база в Тобруке и наши сухопутные сообщения будут начинаться оттуда, нам не придется перенапрягать сухопутный транспорт в большей мере, чем теперь, и мы сможем начать из Тобрука заново, как если бы Тобрук был Александрией, и держать небольшую, но достаточную по размерам ударную армию для проведения операций. С захватом Бенгази закончится нынешняя фаза Ливийской кампании.

4. Теперь встает вопрос: сколько для этого потребуется времени? Учитывая исключительно тяжелые потери в

лучших итальянских частях, в их снаряжении и транспорте, можно рассчитывать на очень скорое падение Киренайки. Это может случиться в любой момент. Нужда в спешке очевидна. Однако, для нашей общей стратегии будет достаточно, если в течение марта месяца Бенгази и вся территория к востоку от него окажутся прочно в наших руках, в виде военной и морской базы.

5. Поэтому, нет никакой необходимости, чтобы упомянутые операции в Ливии были бы как-то связаны с развитием кампании против итальянцев в Абиссинии. Генерал Уэйвел уже снял с фронта 4-ю индийскую дивизию. Можно взять также 5-ю индийскую дивизию, и проведение операции у Кассалы может сочетаться с распространением восстания в Абиссинии, в то время как силы, действующие из Кении, нажимают к северу, в направлении озера Рудольфа. Мы можем в любой момент получить предложение о перемирии от отрезанного итальянского гарнизона в Абиссинии. Эта армия подбадривалась раньше надеждами на итальянское завоевание Дельты и Суэцкого канала, на восстановление коммуникаций и снабжение по Нилу и через Красное море. Эти надежды теперь мертвы. С другой стороны, обширные пространства Абиссинии, недостаток в путях сообщения, особенно связи по морю, и невозможность снабжения значительных сил, могут иметь результатом оттяжку победы на неопределенное время. Все же, мы можем с некоторыми основаниями надеяться, что к концу апреля итальянцы в Абиссинии либо сдадутся, либо будут разбиты.

6. Как только это станет очевидным, будет возможным движение на север всех эффективных сил как из Кении, так и из Судана и Абиссинии. Эти силы превратятся тогда в резерв, который можно будет использовать для операций в Восточном Средиземноморье. Если мы примем общую численность армий Среднего Востока сейчас за 370.000 (включая два находящихся в пути конвоя), можно с основанием рассчитывать, что в долине Нила окажется эквивалент десяти дивизий, что, с двумя дополнительными дивизиями из Англии, составит двенадцать — не считая необходимых гарнизонов и частей внутренней безопасности для Абиссинии, Киренайки, Египта и Палестины. И эти дивизии, к концу апреля, если не произойдет чего-либо неожиданного, окажутся свободны.

II

7. Вторгаться в Испанию и пробиваться к Гибралтарскому проливу против воли испанского народа и прави-

тельства, было бы для Германии крайне опасным и сомнительным предприятием, и не удивительно, что Гитлер, которому приходится сдерживать так много недовольных народов, воздержался от этого. Разумеется, с разрешения испанского правительства немцы могли бы легко и быстро взять в свои руки контроль над Лиссабоном, батареями Алжезираса и Сеуты и соответствующими аэродромами. По мнению капитана Хиллгарта (нашего морского атташе в Мадриде), в течение долгого времени живущего в Испании и только что расставшегося с нашим послом там, становится все менее вероятным, что испанское правительство разрешит Гитлеру подобное продвижение или присоединится к войне против нас. Победы генерала Уэйвела в Ливии сыграли и продолжают играть важную роль в испанском общественном мнении. Если немцы не получают разрешения, надо считать невероятным, что они до апреля месяца предпримут попытку пробиться через Испанию силой. С любой точки зрения, эта оттяжка для нас благоприятна. Гибралтар нам необходим; у нас есть время нужное для того, чтобы наши силы на Среднем Востоке выполнили там свою задачу и освободились для других операций; сверх всего, есть вероятность, что события во Франции и в Виши примут для нас благоприятный оборот.

8. Нам сейчас необходимо быть крайне осторожными, чтобы не вызвать отрицательной реакции в Испании и не восстановить еще больше против себя испанское правительство, и чтобы не провоцировать Гитлера на насильственную политику по отношению к Испании. Все это, конечно, построено в значительной степени на предположениях и уверенности тут быть не может. Но факт, что Гитлер, как мы того опасались, не предпринял операции в Испании, когда условия как климатические, так и политические, были наиболее благоприятны для него, позволяет нам придти к заключению, что немецкая авантюра в Испании отложена по крайней мере до весны.

III

9. Вероятность отсрочки событий в Испании до весны дает надежду, что Вишійское правительство, под немецким давлением или даже под прямым военным нажимом, может или перебраться в Северную Африку и начать оттуда войну заново, или уполномочить сделать это генерала Вейгана. Если бы это удалось вызвать до того как Гибралтарский пролив попадет под немецкий контроль, у нас будет хороший шанс и неограниченное долгое время сопротивляться

немецкой попытке захватить пролив. Мы можем направить войска в Марокко через порты Атлантического побережья; нам придется использовать французские военно-воздушные базы в Северной Африке. Все положение в Средиземном море изменится полностью в нашу пользу. Положение же остающихся в Триполи итальянских сил станет невозможным. Вполне возможно, что мы окажемся в состоянии открыть Средиземное море для перебросок снаряжения и войск на Средний Восток.

10. Поэтому мы считали правильным заверить маршала Петэна и генерала Вейгана, что наша помощь им может составить до шести дивизий, значительных авиационных соединений и нужных военно-морских сил, — в тот момент, когда они найдут возможным сделать шаг, которого мы так ждем от них. Мы также подчеркнули им опасность откладывания этого шага до времени, когда немцы пройдут через Испанию и станут хозяевами Гибралтара и Северного Марокко. Но нам не остается ничего, как сидеть и ждать, что предпримет Виши. Тем временем, мы, поскольку позволяет обстановка на море, продолжаем блокаду Франции, частично из принципа, частично для создания «дымовой завесы» англо-французских трений, но особенно для того, чтобы Вишійское правительство почувствовало, что если оно ничего не предпримет, жизнь Франции, поскольку это зависит от нас, может стать невыносимой. Для нас крайне важно, чтобы события во Франции развернулись быстро. Надо полагать, Гитлер отдаст себе в этом отчет. Тем не менее, имеется вероятность, что кризис во Франции назреет до того, как что-то решающее произойдет в Испании.

IV

11. Нам надо все время ждать, что Гитлер вскорости нанесет какой-нибудь тяжелый удар, и что он сейчас проводит обширную подготовку, с обычной немецкой тщательностью. Он, конечно, без труда может пройти через Италию и создать мощную авиационную базу в Сицилии. Может быть это уже делается.

Комитет начальников штабов усиленно занимается изучением «Наводнения» (плана оккупации Сицилии); можно ждать, что в этом плане внезапно появится необходимость. Однако не видно, каким образом «Наводнение» может получить приоритет над операциями в Ливии; во всяком случае, не раньше, чем будет взят и превращен в хорошую передовую базу Тобрук, или даже территория к западу от него — для обороны Египта.

V

12. Все указанное выше доказывает, что для нас жизненно важна отсрочка до весны какого-либо немецкого наступления на Балканах. По этим же соображениям надо считать, что оно начнется раньше. Для нас оказались величайшей помощью подвиги греческой армии. Они нас горячо благодарят за нашу очень скромную поддержку авиацией — всё, что мы могли им дать. Но если за их успехами последует остановка в наступлении и они попадут в тупик, мы должны быть готовы к немедленной просьбе о дополнительной помощи. Все что мы можем предоставить сразу же, это еще четыре или пять эскадрилий со Среднего Востока, может быть, несколько артиллерийских полков и часть, или даже все танки 2-й бронетанковой дивизии, сейчас прибывшей в Египет и не спеша там разворачивающейся.

«Фюриуз» добрался до Такоради. Сорок Ураганов и другие самолеты скоро доведут силы маршала авиации до более чем сотни истребителей. Его потери в наступлении были исключительно малы. Отозвание им эскадрилий из Адена и Судана себя оправдало. Тобрук может скоро оказаться в наших руках, после чего, повидимому, можно будет выделить большие подкрепления для греческой авиации. Они должны будут включить эскадрильи Ураганов. Удлинены ли посадочные площадки на греческих аэродромах достаточно, чтобы сделать их пригодными для Ураганов? Приспособлен ли для них аэродром на Крите, чтобы они могли там останавливаться при перелете? Когда придет призыв о помощи, положение может потребовать быстроты действий. Нам также надо знать, сколько времени понадобится для переброски в Пирей 2-й бронетанковой дивизии и сколько потребуется для этого транспортов.

13. Все говорит о том, что неудача греков в попытке взять Валону может иметь очень дурные последствия. Генералу Уэйвелу может удасться завоевать Киренаику и закрепиться в Бенгази с силами, не превышающими тех, которые имеются в его распоряжении сейчас в Западной пустыне, несмотря на уменьшение числа самолетов. Но было бы неправильно упустить возможность взятия греками Валоны ради Бенгази, тем самым лишив их боевого духа и ожесточая их настолько, что они настроятся на заключение с Италией сепаратного мира. Поэтому, надо считаться с возможностью, что после взятия Тобрука дальнейшее продвижение на запад Нильской армии будет основательно задержано. Мне совершенно ясно, что поддержка Греции дол-

жна иметь приоритет, после того, как будет закреплен западный фланг египетской обороны.

VI

14. Поведение Югославии может в большой мере зависеть от той поддержки, которую мы окажем Греции, и от успехов последней у Валоны. В то время, как нам невозможно пускаться в далеко идущие предположения, мы все же можем допустить вероятность того, что немцы скорее будут двигаться к Черному морю через Румынию, нажимая дальше, через издавна дружественную им Болгарию, на Салоники, — чем прорываться через Югославию. Многие передвижения войск, и еще большее число слухов, повидимому, указывают именно на это. Очевидно, что в юго-восточном направлении идет большое скопление германских сил и улучшение путей сообщения. Нам надо действовать с таким расчетом, чтобы обеспечить вступление в войну Турции как только враг вступит в Болгарию. Если Югославия будет держаться твердо и не поддастся угрозам, если греки возьмут Валоны и закрепятся в Албании, если Турция станет нашим деятельным союзником, всё это окажет благоприятное влияние на поведение России. Каждый может видеть, в какой степени неприятным, и даже угрожающим, должно представляться России немецкое продвижение к Черному морю, или, через Болгарию, — к Эгейскому. Только страх может удерживать Россию от вступления в войну, и может быть, что сильный союзный фронт на Балканах, наряду с растущим престижем британской армии и наших морских и воздушных сил, уменьшат этот страх. Но мы не должны на это рассчитывать.

VII

15. Последней, но все еще доминирующей для нас угрозой, является угроза вторжения, воздушная война и ее последствия для промышленности, и давление на наши западные порты и на северо-западные пути сообщения. Нельзя сомневаться, что нужда Гитлера в том, чтобы Великобритания была раздавлена или доведена до истощения сейчас, сильнее чем когда-либо. Большая кампания на востоке Европы, поражение России, завоевание Украины и продвижение от Черного моря к Каспийскому, ни порознь, ни взятые вместе, не дадут ему победоносного мира, пока позади его растет британская воздушная мощь и пока ему приходится сдерживать целый континент, населенный недовольными, голодающими народами. Поэтому задача предотвращения вторжения, пропитания нашего острова и усиления нашей

военной продукции должны оставаться при всех обстоятельствах на первом месте во всех наших планах».

**

*

У Гитлера были свои новогодние мысли, и нам любопытно будет сравнить его письмо Муссолини, написанное неделей раньше, с моей оценкой положения. Заметно совпадение в части отношения генерала Франко и Испании.

31 декабря 40 года

«Дуче!

...Изучая общее положение, я прихожу к следующим заключениям:

1. Война на западе сама по себе выиграна. Для разгрома Англии нужно еще последнее, крайнее напряжение сил. Чтобы определить, как этого достичь, нам надо взвесить факторы, которые все еще будут отделять Англию от полного развала, после того, как усиление нашего воздушного и подводного наступления даст ожидаемый эффект.

В этом сражении, после того как мы достигли первых ступеней успеха, важным элементом германской политики будет неизбежно финальная атака Британских островов. Концентрация нужных сил — и особенно колоссальных баз снабжения — потребует противовоздушной обороны, далеко превосходящей то, на что мы первоначально рассчитывали.

2. Франция. Французское правительство уволило в отставку Лаваля. Сообщенные мне официальные причины отставки — лживы. Я ни на один момент не сомневаюсь, что истинной причиной являются требования из Северной Африки генерала Вейгана, равносильные шантажу, и что Вишійское правительство не в состоянии действовать, не рискуя потерей Северной Африки. Я также считаю вероятным, что в самом Виши имеется целая клика, пусть молчаливо, но одобряющая политику Вейгана. Я не думаю, чтобы Петэн лично был нелюбим, но никто этого не знает наверняка. Все это требует постоянной бдительности и внимательного наблюдения за развитием событий.

3. Испания. Глубоко обеспокоенная положением, которое, по мнению Франко ухудшилось, Испания отказалась сотрудничать с державами Оси. Я опасюсь, что Франко готов совершить величайшую ошибку своей жизни. Я ду-

маю, что его надежды получить от демократий сырье и пшеницу, в виде компенсации за воздержание от вступления в войну, крайне наивны. Демократии будут держать его в ожидании пока не будет съедено последнее пшеничное зерно, а затем начнут борьбу против него.

Я сожалею об этом, потому что со своей стороны мы закончили подготовку к переходу испанской границы 10 января, и к атаке на Гибралтар — к началу февраля. Я думаю, что успех будет развиваться сравнительно быстро. Для этой операции были специально отобраны и подготовлены войска. В тот момент, когда Гибралтарский пролив оказался бы в наших руках, была бы полностью ликвидирована опасность французского переворота в Северной и Западной Африке.

Я поэтому глубоко огорчен этим решением Франко, столь мало соответствующим той помощи, которую мы с Вами, Дуче, оказали ему, когда он был в трудном положении. Я все еще надеюсь, хотя очень слабо, что он в последний момент поймет катастрофические последствия своего поведения и тогда, хотя и с запозданием, найдет свое место на поле сражения, где наша победа решит его собственную судьбу.

4. Болгария. Болгария, в равной мере, неохотно идет на присоединение к Пакту трех держав, и на отчетливое выявление своего места в международных отношениях. Если бы король немедленно присоединился к нашему пакту, никто не решился бы оказывать на него давление. Причиной его колебаний является растущее давление со стороны России. Самое скверное в этом то, что советское влияние отравляет общественное мнение, отнюдь не нечувствительное к коммунистической заразе.

5. Несомненно, что самую отчетливую позицию в этом конфликте заняли Венгрия и Румыния. Генерал Антонеску признает, что будущее его режима, и даже его собственное, зависит от нашей победы. Из этого он сделал прямые и ясные заключения, поднимающие его в моем мнении.

Не менее лояльно поведение венгров. С 13 декабря немецкие войска непрерывно проходят через Венгрию, направляясь в Румынию. Венгрия и Румыния предоставили в мое распоряжение свои железные дороги, так что германские дивизии могут быстро двигаться к местам своего назначения. Я пока не могу ничего сказать о тех операциях, которые мы планируем, или о тех, которые могут оказаться необходимыми, потому что эти планы сейчас как раз разрабатываются. Во всяком случае, силы наших войск таковы, что всякая опасность контрманевра неприятеля исключена.

Совершенно необходимо, чтобы Вы, Дуче, стабилизировали свой фронт в Албании, с таким расчетом, чтобы сдерживать хотя бы часть греческих и англо-греческих сил.

6. Югославия. Югославия с осторожностью выгадывает время. Если условия окажутся благоприятными, может случиться, что она подпишет с нами пакт о ненападении, но, повидимому, ни при каких обстоятельствах не присоединится к Пакту трех держав. Я не рассчитываю ни на что большее, пока наши военные успехи не приведут к улучшению психологического климата.

7. Россия. Учитывая опасность развития конфликтов в некоторых балканских странах, необходимо предвидеть худшие последствия и иметь в своем распоряжении средства их избежать. Я не предвижу какого-либо выступления России против нас, пока Сталин жив и пока мы не натолкнулись на серьезные затруднения. Я считаю необходимым, в качестве предпосылки для успешного окончания этой войны, чтобы существовала германская армия, способная справиться с любым положением на востоке. Чем большей будет казаться сила этой армии, тем меньше будет вероятности, что нам придется двинуть ее в дело против непредвиденной опасности. К этим общим соображениям я хотел бы добавить, что наши нынешние отношения с СССР очень хороши. Мы находимся накануне заключения торгового договора, который удовлетворит обе стороны и имеется довольно основательная надежда, что мы разрешим в приемлемой форме еще остающиеся между нами разногласия.

Фактически, нас разделяют только два вопроса: о Финляндии и Константинополе. В отношении Финляндии я не предвижу больших трудностей, ибо мы не считаем ее принадлежащей к нашей сфере влияния, и все, что нас интересует, это то, чтобы в этом районе не вспыхнула вторая война.

Наоборот, отдавать большевикам Болгарию и Константинополь вовсе не в наших интересах. Но даже и в этом, при добром желании, можно достичь решения, которое позволит избежать худшего и облегчить получение того, чего мы хотим. Решение было бы найти легче, если бы Москва поняла, что не существует ничего, что могло бы заставить нас согласиться на условия, для нас неприемлемые.

8. Африка. Я не думаю, Дуче, что в настоящий момент на этом театре можно провести контратаку в больших масштабах. Подготовка такого предприятия займет минимум от трех до пяти месяцев. Тем временем подойдет сезон го-

да, когда германские бронетанковые соединения не смогут с успехом проводить операцию, потому что если танки не оборудовать специальными охладительными приспособлениями, при такой температуре ими практически нельзя будет пользоваться. Во всяком случае, их нельзя будет использовать для тактических операций на большие дистанции, требующих целого дня.

Решающий выход в этом секторе повидимому заключается в увеличении численности противотанковых орудий, даже если это означало бы лишение их итальянских соединений в других секторах.

Главное же, как я недавно писал, я считаю, что нам надо постараться всеми средствами ослабить положение британского флота в Средиземном море при помощи нашей авиации, потому что использование в этом секторе наших наземных сил не сможет привести к улучшению положения.

Что касается всего остального, Дуче, никаких важных решений нельзя принимать до марта месяца.

**
*

Иден пристально следил за тем, как на востоке собираются тучи.

«Министр иностранных дел — премьер-министру.

6 января 41 года

Поздравляю с победой у Бардии! Разрешите употребить золотое выражение: «Никогда еще столь многие не сдавались столь немногим».

Однако, в настоящий момент моей целью является привлечь внимание к менее удовлетворительному сектору на международном горизонте, — к Балканам. В последние дни из различных источников к нам поступает масса информации, указывающей на то, что Германия усиленно проводит подготовку в целях нападения на Грецию. Как дата такого нападения, обычно приводится начало марта, но я уверен, что немцы стараются ее приблизить. Я не могу судить о том, возможны ли в это время года военные операции на территории Болгарии и против Салоник, но мы можем не сомневаться, что Германия постарается прийти с достаточными силами, чтобы предупредить полное поражение итальянцев в Албании. Уже есть сведения об увеличении неприятельской авиации, оперирующей против греков, и ее активность, по заявлению генерала Папагоса, уже мешает его наступлению. Установление превосходства в воздухе до ка-

кого-либо движения на суше является типичной немецкой тактикой.

Поведение болгарского правительства вызывает во мне серьезное беспокойство. Правительство производит впечатление людей, почти не контролирующих событий. Болгарская печать все более попадает под влияние немцев и сейчас представляет собой почти полностью орудие в руках германского министерства пропаганды. Очень важно, чтобы наши победы в Северной Африке не имели бы результатом снижения бдительности турок и югославов, и в политической сфере мы делаем все от нас зависящее, чтобы ее обеспечат. Может быть Вы хотите обсудить все эти вопросы на заседании Комитета обороны».

Прочитав это, я выпустил следующий меморандум:

«Премьер-министр — генералу Исмэю, для Комитета начальников штабов.

6 января 41 года

Ознакомьтесь с приложенным письмом министра иностранных дел. Несмотря на очевидную необходимость преследования итальянцев вдоль ливийского побережья, пока дела идут хорошо, нам придется рассмотреть вопрос о посылке еще четырех или пяти эскадрилий Королевских военно-воздушных сил в Грецию, и, возможно, перебросить туда части 2-й британской бронетанковой дивизии.

В настоящий момент, я не могу сказать, что произойдет после захвата Бенгази; если Тобрук будет взят, к востоку от Бенгази останется очень мало, при чем не первоклассных, итальянских войск...

Хотя нам, возможно, и удалось бы взять, без большого труда, при риске и удаче, самые заманчивые призывы на ливийском побережье, необходимость взятия Валоны и сохранения греческого фронта нельзя ни на минуту упускать их из виду».

**

*

8 января Комитет обороны согласился, что в виду вероятности скорого германского наступления на Грецию через Болгарию, нашей важнейшей задачей является оказать любыми средствами немедленную и максимальную помощь Греции. Было также решено, что постановление о форме и размерах этой помощи

должно быть принято в течение следующих 48 часов. В тот же день я получил от генерала Смэтса приводимую ниже телеграмму. Она была написана совершенно независимо от меморандума, разосланного мной двумя днями раньше. Я был удовлетворен его полным согласием с моей точкой зрения, уже утвержденной совещанием начальников штаба и Комитета обороны.

«Генерал Смэтс — премьер-министру. 8 января 41 года

1. Наши замечательные победы на Среднем Востоке заставляют задуматься о будущем курсе действий для нас. Уэйвел скоро доберется на гребне наступательной волны до Тобрука. Следует ли ему идти дальше? До Триполи еще остается очень далеко. Даже до Бенгази от границы дальше, чем от той же границы — до Александрии. Военные соображения могут вызывать необходимость двигаться до Бенгази, но если нет убедительных доводов в пользу этого, Тобрук представляется мне конечным пунктом наступления. За этим все связано с риском, входить в рассмотрение которого даже нет нужды. Оставив там на укрепленных позициях достаточные для обороны силы, остальная армия должна быть переброшена из Египта и Среднего востока туда, где может потребоваться против возможной атаки через Балканы мощная, способная к маневрированию армия.

2. Однако, я рекомендовал бы в данный момент рассмотреть также возможность ликвидации итальянцев в Абиссинии. Завоевание Абиссинии означало бы смертельный удар по престижу Муссолини и по фашистским грабежам. Возможно, что Италия будет вынуждена выйти из войны, что привело бы к полному изменению положения на Средиземном море. Еще раз Германия оказалась бы изолированной, с несомненным поражением в перспективе.

3. В пользу ранней ликвидации абиссинского фронта говорит также то соображение, что дух итальянцев там сейчас далеко не на высоте, и скорое окончание кампании освободило бы силы для укрепления нашего фронта на Среднем Востоке. Если бы часть армии Уэйвела была бы выделена для подкрепления атаки на Абиссинию с севера, и, одновременно, началось бы наступление из Кении, итальянское сопротивление могло бы быстро сойти на-нет. Я думаю, что дополнительная дивизия на севере, и еще одна — на юге,

были бы достаточны, если оба наступления будут вестись одновременно.

4. Если такой план будет одобрен, я готов выделить дополнительную дивизию для южного участка фронта. Если не считать нехватки в орудиях Брена, она уже готова и может быть переброшена, как только будет предоставлен транспорт. Перевозка столь значительных сил, как на юг, так и на север, отнимет некоторое время, и если моя рекомендация будет принята, решение должно последовать как можно скорее. Атака с юга быстро отодвинет фронт от Кени, и нам придется выбросить планы, которые сейчас здесь выработываются. Нужен план одновременной атаки с юга и севера, — если желать избежать ненужного риска и затяжки кампании на столь обширной территории, как Эритрея и Абиссиния. Для этой цели на севере потребуются — и будет вероятно достаточна — дополнительная дивизия. Я надеюсь, что ее можно будет выделить несмотря на слухи о крупном сосредоточении германских войск в Румынии и Венгрии.

Вопрос сводится к тому, может ли Германия разжечь пламя войны на Балканах, имея рядом с собой столь неопределенный фактор как Россию и враждебно настроенную Турцию. Поражение итальянцев в Африке и Греции, наряду с неудачами германской авиации в операциях против Великобритании, глубоко изменили положение, и сосредоточение немецких сил может иметь целью лишь успокоение тревоги итальянцев и отвлечение британских сил из Англии, где предполагается неизбежная главная атака. Обсуждение всего положения — дело Генерального Штаба, располагающего всеми фактами. На мой взгляд, выделение Среднево-сточной армией одной дивизии с необходимой авиацией для подкрепления сил в Судане для проведения атаки с севера, не представляется, в настоящих условиях, делом рискованным. Если операция будет проведена скоро, она может вызвать далеко идущие последствия в Италии и на Среднем Востоке».

**
*

10 января начальники штабов предупредили среднево-сточное командование, что германская атака на Грецию может начаться еще до конца месяца. Они полагали, что атака будет вестись через Болгарию, и что вероятным направлением ее будет линия Стру-

ма-Салоники. Будут использованы три дивизии, поддержанные двумя сотнями пикирующих бомбардировщиков, а после марта месяца к ним могут быть прибавлены еще три или четыре дивизии. Начальники штабов добавляли, что решение правительства Его Величества оказать грекам максимально возможную помощь означает, что после взятия Тобрука все остальные операции на Среднем Востоке должны стать на второе место, и что командованию дается право направлять оттуда механизированные и специальные соединения, а также авиацию, в следующих пределах: один танковый эскадрон, предназначенный для поддержки пехоты, один рейдовый танковый полк, с танками, вооруженными более тяжелыми орудиями, десять артиллерийских полков и пять авиационных эскадрилий.

Главнокомандующий в Каире полагал, что сосредоточение немцев в Румынии, о котором мы его предупредили, было только «войной нервов», предназначенной к тому, чтобы заставить нас разбросать силы на Среднем Востоке и прекратить наступление в Ливии. Уэйвел выразил надежду, что начальники штабов «срочно исследуют вопрос, не являются ли передвижения противника просто блёфом».

Прочтя его ответ, столь отклонявшийся от фактов, я ответил:

«Премьер-министр — генералу Исмэю или полковнику Холлису, для Комитета начальников штабов. 10 января 41 года

Начальникам штабов следует собраться завтра, в субботу утром, для рассмотрения различных телеграмм из Средне-восточного главного штаба, и если они не пожелают снова связаться со мной, я даю им право переслать генералу Уэйвелу и маршалу авиации Лонгмору прилагаемую телеграмму».

«Премьер-министр — генералу Уэйвелу. 10 января 41 года

1. Имеющиеся в нашем распоряжении сведения противоречат Вашему соображению, что немецкая концентрация в Румынии является всего только «элементом войны нервов» или «блёфом, чтобы вызвать распыление сил». Мы распола-

гаем массой подробных указаний на то, что еще до конца этого месяца начнется широкое наступление через Болгарию к греческой границе, направленное, предположительно, на Салоники. Силы противника в этом вторжении будут невелики, но качество их смертельно угрожающее. Одна, может быть, две моторизованных дивизии, около 180 пикирующих бомбардировщиков, и некоторое число парашютистов, — это, повидимому все, что сможет перейти греко-болгарскую границу до середины февраля.

2. Но если эта сила не будет задержана, она сможет сыграть в Греции совершенно ту же роль, какую сыграл прорыв германской армии у Седана во Франции. Положение всех греческих войск в Албании станет невозможным. Таковы факты и заключения, вытекающие из нашей информации, — на которую у нас есть основания полагаться. Но не является ли это нападение также тем самым шагом, который должны сделать немцы, чтобы нанести нам сильнейший удар? Гибель Греции заслонит собой победы, достигнутые нами в Ливии, и может решающим образом повлиять на позицию Турции, особенно если мы проявим себя безразличными к судьбе союзников. Поэтому Вам сейчас надо привести все планы в соответствие с важнейшими интересами, сейчас поставленными на карту.

3. Ничто не должно помешать захвату Тобрука, но вслед за тем все операции в Ливии должны быть подчинены задаче помощи Греции, и с получением настоящей телеграммы должны быть немедленно приняты меры по оказанию Греции помощи в указанных пределах. Положение тщательно взвешено Комитетом обороны, и совершенно независимо генерал Смэтс дал почти такую же оценку положения.

4. Мы ждем деятельного и немедленного выполнения наших решений, за которые мы несем полную ответственность. Ваш совместный визит в Афины поможет Вам найти лучший путь к исполнению указанных выше решений. Его не следует откладывать».

С согласия начальников штабов, эта телеграмма была отправлена. Как будет видно, в наши намерения в тот момент не входило предложить Греции армию; мы ограничились предложением посылкой специальных и технических частей.

С этими приказами генерал Уэйвел и главный маршал авиации Лонгмор вылетели в Афины для пе-

реговоров с генералами Метаксасом и Папагосом. 15 января они сообщили нам, что греческое правительство не хотело бы высадки каких-либо наших войск в Салониках до того, пока они не будут предоставлены в количестве, достаточном для проведения наступательных операций. По получении этой телеграммы начальники штабов 17 января телеграфировали, что не может быть и вопроса о навязывании нашей помощи грекам. В результате мы пересмотрели свой взгляд на ближайшее будущее, решившись продвигаться до Бенгази, тем временем создавая как можно больший резерв в дельте Нила.

21 января, в согласии с этим, начальники штабов предложили Уэйвелу считать захват Бенгази важнейшей целью. Они полагали, что если Бенгази будет превращен в сильно укрепленную морскую и авиационную базу, нам можно будет отказаться от дороги по суше, сберегая тем самым людей и транспортные средства. Они также рекомендовали захват Додеканезских островов, в особенности Родоса, в возможно кратчайший срок, — для того, чтобы предупредить возможность появления там сильных немецких военно-воздушных соединений, с последующей угрозой нашим сообщениям с Грецией и Турцией, а также советовали создать стратегический резерв из четырех дивизий, который был бы готов для отправки на помощь этим двум странам.

«Премьер-министр — генералу Уэйвелу. 26 января 41 года

Появление германской авиации на Центрально-средиземноморском фронте заставило меня на некоторое время оставить надежду расчистить и обеспечить охрану пути через Мальтийский пролив, чтобы дать возможность конвоям двигаться через него регулярно. Если положение не прояснится в первые месяцы этого года, недостаток в судах и расстояние при обходе Африки несомненно отразятся на размерах, до которых я надеялся довести Нильскую армию, ограничив силы, находящиеся под Вашим командованием. Меня очень огорчило то, что конвой, отправляющийся с таким риском, и такой ценой вокруг мыса Доброй Надежды, в столь большой степени заняты обслуживанием тыловых

нужд армии, и перевозят так мало нужного для усиления боевых частей. Я приложу все силы, чтобы оказать Вам всемерную поддержку и взамен буду просить Ваших заверений, что каждый человек на Среднем Востоке используется с предельной эффективностью, и что там формируется максимальное число соединений — дивизий, или — что, может быть, предпочтительнее — бригад. Солдаты в тыловых частях должны играть эффективную роль в несении службы внутренней безопасности...

Сообщения, получаемые мною со всех сторон, не оставляют у меня сомнений, что немцы уже устраиваются на болгарских аэродромах и проводят нужную подготовку для действий против Греции. Эта инфильтрация, повидимому, достигнет решающих размеров еще до того, как турки будут поставлены лицом к лицу с проблемой вторжения и когда им будет сказано не вмешиваться в события, под страхом бомбардировки Константинополя. Нам следует ожидать серии тяжелых, губительных ударов на Балканах и возможности общего подчинения балканских стран силе германского оружия. Чем сильнее будет стратегический резерв, который Вы создадите в Дельте, и чем дальше продвинется подготовка к перевозке его на европейские берега, тем лучше будут наши шансы добиться благоприятствующей нам кристаллизации сил».

Генералу Смэтсу я ответил следующее:

«Премьер-министр — генералу Смэтсу. 12 января 41 года

Ваше послание от 8-го прибыло, когда мы, в результате трех-четырехдневных размышлений уже пришли к определенным заключениям. Я сам прочел его Комитету обороны, трем начальникам штабов, трем министрам, Эттли и Идену. Все были поражены полным совпадением точек зрения. Единственное расхождение сводится к тому, что, по моему мнению, наступление к северу из Кении будет связано с большими задержками из-за недостатка в перевозочных средствах. Восстание в Абиссинии расширяется; император скоро вернется. Наступление по линии Кассала-Агордат перерезает главную линию снабжения противника. Подкрепления, о которых вы упоминаете, уже находятся в пути. Пожалуйста, направьте Вашу дивизию как можно скорее. Давление из Кении должно быть как можно более сильным, но мы не можем доставить туда слишком много войск. Может быть, к моменту, когда она подойдет, можно будет произвести высадку в Красном море, но лучше сохранять гиб-

кость в планах, имея в виду непредвиденные обороты. Но, пожалуйста, начните отправку дивизии уже теперь.

Мы совершенно согласны с тем, что не следует платить высокой цены за продвижение к западу от Тобрука, в котором сейчас засели 25.000 итальянцев, но мы будем двигаться, пока продвижение идет легко, чтобы как можно дальше отодвинуть западный фланг египетской обороны, в то же время переключая все возможные силы к фронту, угрожающему образоваться на греко-болгарской границе. Естественно, что Уэйвел с компанией настроены продолжать преследование, но в понедельник или во вторник Уэйвел собирается лететь в Афины для согласования перебросок подкреплений с греками. Гарантировать успеха нельзя; можно только сделать максимум из того, что в наших силах. Погода, горы, переход через Дунай, укрепленная греко-болгарская граница — всё это благоприятствующие факторы. На Турцию, Югославию и Россию, — наша помощь Греции, возможно, произведет благоприятное впечатление.

Чтобы бы ни случилось на Балканах, итальянскую армию в Абиссинии вероятно удастся разбить. Если это произойдет, все подходящие силы из Кении будут переброшены на Средиземноморский театр. Надеюсь, что южноафриканская армия будет там во-время к летним сражениям. Вокруг мыса Доброй Надежды все время движутся очень сильные подкрепления. Чрезвычайно благодарен за Вашу помощь, и, сверх всего, за Вашу трезвую оценку обстановки, совпадающую с нашими, с таким трудом достигаемыми заключениями».

2.

ВОЙНА РАСШИРЯЕТСЯ

С наступлением Нового года еще более укрепился мой интимный контакт с президентом Рузвельтом. Я уже послал ему новогодние поздравления.

«Бывший моряк — президенту Рузвельту. 1 января 41 года

В настоящий момент, когда в грозе и буре начинается Новый год, я считаю своим долгом, от имени британского правительства и всего Британского содружества наций сказать Вам, господин президент, насколько глубоко наше чувство благодарности и восхищения, в связи с памятной декларацией, сделанной Вами в прошлое воскресенье американскому народу и всем свободолюбивым людям мира.

Мы не можем сказать, что нам предстоит, но с этим призывом мы готовы уверенно идти вперед, с убеждением — выраженным Вами — что все закончится хорошо для англо-саксонского мира, и для тех, кто разделяет его идеалы».

10 января на Даунинг-стрит прибыл один джентльмен, с очень солидными рекомендациями. Из Вашингтона были получены телеграммы, указывающие на то, что он является доверенным лицом и личным представителем президента. Поэтому я устроил так, чтобы по его прибытии на Пульский аэродром его там встретил Брендан Брэйкен и чтобы на следующий день мы могли бы позавтракать вдвоем. Так я познакомился с Гарри Гопкинсом, этим исключительным человеком, которому суждено было сыграть решающую роль во всем развитии войны. Его пылкая душа была заключена в хрупкое, болезненное тело. Это был разрушающийся маяк, лучи которого вели в мирную гавань великие эскадры. Он обладал даром сардонич-

ческого юмора, и я всегда наслаждался его обществом, особенно когда дела шли плохо. Он мог быть также очень неприятным и говорить жестокие и горькие вещи; мой опыт научил меня, когда нужно, уметь делать то же самое.

Наша первая встреча длилась около трех часов и я скоро почувствовал его личный динамизм и выдающееся значение его миссии. Это было в кульминационный момент бомбардировок Лондона, и на нас свалилось много местных забот и хлопот. Но для меня было очевидно, что этот посланник президента имел величайшее значение для нашего существования. С сияющим взором, со спокойной, сдерживаемой страстностью, он сказал:

— Президент пришел к твердому решению, что мы выиграем эту войну вместе. На этот счет вы не должны заблуждаться. Он послал меня, чтобы сказать вам, что всеми средствами и любой ценой он будет вас поддерживать, что бы ни случилось с ним; нет ничего в человеческих силах, чего бы он не сделал.

Каждый, кому приходилось соприкасаться с Гарри Гопкинсом в этой долгой борьбе, подтвердит мою оценку этой замечательной личности. И с этого момента между нами началась дружба, продержавшаяся до конца, несмотря на все конвульсии и землетрясения. Он стал превосходным и надежным средством связи между президентом и мной. Но, что несравненно важнее, в течение нескольких лет он был главной опорой и главным вдохновителем самого Рузвельта. Вместе, эти два человека, один из них — подчиненный, без всякого официального положения, другой — руководивший могущественнейшей республикой, были в состоянии принимать решения, имевшие важнейшее значение для всего англо-саксонского мира. Гопкинс, конечно, относился ревниво к своему личному влиянию на президента и не поощрял какой-либо конкуренции в этом отношении со стороны других американцев. В некотором отношении он оправдывал ска-

занное поэтом Греем: «у фаворита нет друзей». Но это меня не касалось. Он сидел передо мной, худой, хрупкий, болезненный, но весь одухотворенный пониманием нашей исторической задачи, независимо от того, шла ли речь о поражении, разгроме, гитлеровских зверствах, о наших целях, задачах или лойяльности. В истории Соединенных Штатов было мало таких выдающихся умов.

Гарри Гопкинс всегда смотрел в корень вещей. Я участвовал в нескольких конференциях огромного значения, где собиралось по двадцати и более высокопоставленных лиц. Если дискуссия не клеилась или заходила в тупик, он всегда приходил на выручку с радикальным вопросом: «Конечно, мистер президент, это именно та проблема, которую нам предстоит разрешить. Будем ли мы смотреть фактам прямо в глаза, или нет?» И всегда затронутый вопрос находил нужное решение. Он был истинным лидером и редко кто превосходил его в энергии и мудрости в критические моменты. Его преданность делу обездоленных и слабых была равна его страстной ненависти к тирании, особенно когда тирания была, на какой-то промежуток времени, победоносной.

**
*

Для того, чтобы обставить прибытие в Соединенные Штаты нашего посла лорда Галифакса с необходимой помпой, я устроил так, что наш сильнейший и новейший линкор, «Король Георг V», с соответствующим эскортом из миноносцев, перевез его с женой через океан. Я ехал с ними до Скапа-Флоу в своем поезде и там мы распрощались. Пребывание в Скапа-Флоу я использовал для посещения флота, который я не видел с того времени, как я оставил Адмиралтейство. Это совпало с моим планом как можно ближе познакомиться с Гарри Гопкинсом. Мы отправились вместе с инспекцией кораблей и оборонительных

сооружений. Со мной была моя жена, превзошедшая всех в ловкости и живости. Она карабкалась с одного корабля на другой, а Гопкинс чуть не свалился в море. В своем поезде я возвратился в Глазго, где меня приветствовали огромные толпы народа и где я встретился со всеми местными властями, обошел несколько заводов, произвел инспекцию оборонительных, пожарных и противовоздушных организаций и произнес ряд импровизированных речей. Затем мы отправились в Тайнсайд, где повторилось то же самое. Все это время я изучал этого человека — и его шефа. Гопкинс пробыл со мной около десяти дней, и за это время он помог мне установить гармоничные духовные отношения с вновь избранным хозяином великой республики. Позднее я взял его с собой в Дувр для осмотра наших тяжелых батарей, направленных дулами через Ламанш, на Францию — бывшей для нас Германией.

«Бывший моряк — президенту Рузвельту. 13 января 41 года Мы с Гопкинсом провели вместе субботу и воскресенье, и он теперь едет со мной в короткое турне по морским базам, так что на свободе у нас будет достаточно времени обсудить всё. Я Вам чрезвычайно признателен за присылку столь замечательного посланника, удостоенного столь высокой степени Вашего личного доверия».

**
*

Позднее в том же месяце приехал в Англию Венделл Уилки, бывший оппонентом президента на последних выборах. Он также привез с собой от президента наилучшие рекомендации, и поскольку он был признанным лидером республиканской партии, мы сделали все от нас зависящее, — с помощью неприятеля, чтобы он мог увидеть в находившемся в безвыходном положении Лондоне все, что ему хотелось. Он также приехал на один вечер в Чекерс, где у меня состоялся длинный разговор с этим способнейшим, энергичным человеком, жизнь которого столь неожиданно оборвалась тремя годами позднее.

«Бывший моряк — президенту Рузвельту. 28 января 41 года

Вчера я принял Уилки и был глубоко тронут переданной им Вашей цитатой из Лонгфелло. Я помещу ее в рамку как воспоминание об этих ужасных днях и как знак наших дружеских отношений, укрепляющихся, под давлением событий, как по телеграфу, так и по телепатии.

Вся моя информация указывает на то, что немцы упорно продолжают готовиться к вторжению в Англию, и мы готовимся оказать им достойный прием. С другой стороны, новости с востока говорят о том, что в Румынии размещается большая армия и авиационные соединения, и что передовые группы персонала германских военно-воздушных сил, в числе нескольких тысяч уже проникли на болгарские аэродромы, с полного согласия болгарского правительства. Для Гитлера было бы естественно продемонстрировать угрозу против Британских островов, чтобы занять нас здесь и скрыть свои планы на востоке. Однако, в его распоряжении имеются настолько значительные силы, что он в состоянии вести оба наступления одновременно. Можете быть уверены, что мы на обоих фронтах сделаем все от нас зависящее.

Я чрезвычайно благодарен Вам за замечательный прием, оказанный Галифаксу, и за все, что Вы делаете, чтобы обеспечить нам своевременную помощь. Для меня было большим удовольствием подружиться с Гопкинсом, который служит источником бодрости и уверенности для всех, кто с ним встречается. Не удивительно, что он так близок к Вам. Полковник Донован также провел хорошую работу на Среднем Востоке.

С уважением и лучшими пожеланиями, в надежде на Ваше выздоровление».

Вот письмо президента:

Белый Дом, Вашингтон,

20 января 41 г.

«Дорогой Черчилль,

Венделл Уилки передаст Вам это письмо. Он искренно старается не допускать здесь чрезмерного политиканства.

Я думаю, что приведенный ниже стих относится не только к нашему, но и к вашему народу:

Плыви вперед, корабль моей страны!
 Плыви вперед, Союз великий и могучий!
 Судьба людей, со всеми их тревогами,
 Со всеми их надеждами на будущее,
 Зависит полностью и от твоей судьбы.

Как всегда, Ваш Франклин Д. Рузвельт».

Эти замечательные строки из «Постройки корабля» Лонгфелло были источником нашего вдохновения.

**
**

В большой войне невозможно отделить дела военные от дел политических. На вершине они сходятся. Только естественно, если солдаты относятся к чисто военным аспектам, как к чему-то высшему и единственно важному, и естественно даже то, что они говорят о политических соображениях с известным презрением. Также самое слово «политика» в немалой мере смущает людей, ибо оно запятнано ассоциацией с «партийной политикой». Поэтому, немалая часть литературы нашего трагического века отражает то предвзятое мнение, что в войне принимаются в расчет только военные соображения, и что вмешательство политиков, во имя личных или партийных целей, старающихся изменить ужасающий ход войны, только мешает ясному, профессиональному мышлению военных. Очень близкие, интимные отношения, установившиеся между Военным Кабинетом, начальниками штабов и мной, а также полное отсутствие в Великобритании в то время партийной политики, сводили такого рода разногласия к минимуму.

В то время, как война против Италии в юго-восточной Африке продолжалась с успехом, и в то время, как у греков в Албании были надежды на взятие Валоны, вся наша информация о передвижениях немцев с каждым днем все больше подтверждала предположение, что Гитлер готов бросить большие силы на балканский и средиземноморский театры. С самого начала января я предчувствовал прибытие немецкой авиации в Сицилию, с последующей угрозой для Мальты и для всех наших надежд на возобновление судоходства по Средиземному морю. Я также опасался, что они создадут авиационную базу на Пантеллерии, со всеми средствами, нужными для переброски немец-

ких войск, скорее всего бронетанковых, в Триполи. Как это стало известно потом, они не считали нужным занять Пантеллерию, но мы не могли сомневаться в развитии их планов по обеспечению сообщения через Италию с Африкой, в то же время, и тем самым, прерывая наше движение по Средиземному морю в восточном и западном направлениях.

И надо всем этим поднималась угроза балканским государствам, включая Грецию и Турцию, быть вовлеченными в гитлеровскую империю, — или завоеванными, если они сами не пойдут на это. Было ли суждено повториться на юго-востоке Европы тому процессу, свидетелями которого мы были в Норвегии, Дании, Голландии, Бельгии и Франции? Было ли суждено всем балканским государствам, одному за другим, быть изолированными и вынужденными открыть путь германским легионам в Палестину, Египет, Ирак и Персию? Не было ли возможности создания на Балканах единого фронта, который бы сделал эту новую германскую агрессию слишком дорогим предприятием? Несомненно, что это была область, живо задевавшая интересы и чувства балканских государств и могшая повлиять на их планы и расчеты. Не могли ли бы мы, за счет наших напряженных, но растущих ресурсов выделить дополнительные силы, которые могли бы гальванизировать все эти государства на борьбу за наше общее дело? Или же нам не следовало сойтись в чужие дела и извлекать максимум из нашей кампании в северо-восточной Африке, оставив Грецию, Балканы и, возможно, Турцию и весь остальной Средний Восток почти на верную гибель?

На подобном ясном решении успокоиться было легче всего, и у него было много поклонников среди различных офицеров, занимавших подчиненное положение, сообщавших нам свое мнение. У них было преимущество в том, что они могли указывать на выдерживаемые нами трудности, но они не обладали познаниями, необходимыми для оценки возможных

последствий противоположной политики. Если бы Гитлеру удалось, почти без усилий, поставить Грецию и Балканы на колени и затем вынудить Турцию разрешить проход его армиям на юг и восток, не помогло ли бы это ему договориться с Советским Союзом о завоевании и разделе этих обширных территорий, отодвинув, тем самым, свою последнюю схватку с ним, бывшую решающей частью всей его программы? Или, что более вероятно, не оказался ли бы он в состоянии атаковать Россию большими силами и раньше, чем предполагалось? Главный вопрос, которому посвящены последующие главы, сводится к тому, — повлияло ли правительство Его Величества своими действиями в сколько-нибудь решающей степени на маневры Гитлера в юго-восточной Европе и, более того, повлияли ли наши действия, во-первых, на поведение России, и, во-вторых, на ее судьбу.

**
*

Как уже было рассказано в предшествующей книге, мы время от времени оказывали Греции, атакованной итальянцами, скромную помощь, и четыре британских эскадрильи с некоторым успехом оперировали с греческих аэродромов. Сейчас для нас имеет смысл посмотреть, что, на самом деле, происходило на немецкой стороне.

7 января Риббентроп сообщал руководителям германской миссии в Москве:

«С начала января через Венгрию на Румынию идут транспорты с сильными немецкими соединениями. Передвижение войск происходит с полного согласия венгерского и румынского правительств. В течение некоторого времени войска будут оставаться расквартированными на юге Румынии. Передвижения войск обусловлены необходимостью полного изгнания Англии из Греции. Германские войска так сконцентрированы, что они могут без труда справиться с любой военной задачей в районе Дуная, и со всеми други-

ми возможными случайностями. Принимаемые нами военные меры направлены исключительно против британских сил, старающихся заполучить плацдарм в Греции, но не против какой-либо балканской страны, включая Турцию.

Что касается инструкций для разговоров, вам следует занять сдержанную позицию. В случае срочных официальных запросов, вам, в зависимости от обстоятельств, следует указать, что такие запросы нужно делать в Берлине. Поскольку нельзя будет избежать разговоров, вам следует высказать, в общих чертах, свое мнение. При этом вы можете сослаться, как на убедительное основание, на всё большее подкрепления всякого рода помощью, посылаемые англичанами в Грецию, и вы можете напомнить операцию в Салониках в Первую мировую войну. Что касается размеров германских сил, желательно на некоторое время поддерживать русских в состоянии неопределенности. Позднее мы, вероятно, захотим сообщить им о составе наших войск, и, может быть, мы даже преувеличим его. Соображения к этому будут сообщены в должное время».

В тот же день немецкому послу в Японии сообщалось:

«Прошу конфиденциально и лично уведомить министра иностранных дел Японии, что довольно сильные германские войска в настоящее время перебрасываются в Румынию. Движение это происходит с полного согласия венгерского и румынского правительств. Эти переброски задуманы, как подготовительная мера к интервенции, которая может стать необходимой в Греции, если английские войска закрепятся там и вынудят, тем самым, такую интервенцию».

Шуленбург, германский посол в Москве, 8 января ответил:

«Здесь уже циркулируют многочисленные слухи по поводу посылки немецких войск в Румынию; число войск, участвующих в движении, оценивается в двести тысяч. Правительственные круги, радио и советская пресса пока не касаются этого.

Советское правительство будет сильнейшим образом заинтересовано в этих передвижениях войск, и также пожелает узнать, какие цели преследует эта концентрация войск, и, в частности, — в какой степени они могут задеть Болгарию и турецкие проливы. Прошу дать мне соответствующие инструкции».

Германский министр иностранных дел ответил в тот же день.

«Риббентроп — Шуленбургу. 8 января 41 года

Я прошу Вас не обсуждать с советским правительством вопроса о движении германских войск в Румынию.

Если герр Молотов, или какое-либо другое влиятельное лицо в советском правительстве обратится к Вам, отвечайте, что, согласно Вашей информации, посылка германских войск является исключительно мерой военной предосторожности против Англии. У англичан уже есть на греческой территории некоторые военные контингенты, и приходится ожидать, что в ближайшем будущем они будут увеличены. Германия ни при каких обстоятельствах не потерпит закрепления англичан в Греции. Далее этого, до получения дальнейших разъяснений, не идите».

**
*

К середине января русские были глубоко обеспокоены, и подняли вопрос в Берлине. 17 января русский посол явился в министерство иностранных дел и передал на словах суть следующего меморандума:

«Согласно всем сообщениям, германские войска в больших количествах сосредоточены в Румынии и теперь готовятся к наступлению на Болгарию, с целью оккупации Болгарии, Греции и Проливов. Нет сомнений, что Англия постарается предупредить операции немецких войск, оккупирует Проливы, в союзе с Турцией начнет военные операции против Болгарии, превратив последнюю в театр войны. Советское правительство многократно заявляло германскому правительству, что оно рассматривает болгарскую территорию и Проливы как часть зоны безопасности СССР, и оно не может оставаться безразличным к событиям, угрожающим интересам безопасности СССР. В виду всего этого Советское правительство считает своим долгом предупредить, что появление каких-либо иностранных войск в Болгарии и в Проливах оно будет рассматривать как нарушение интересов безопасности СССР».

21 января русский посол был вызван в министерство иностранных дел, где ему было заявлено, что у правительства Райха нет сведений о намерении Анг-

лии занять Проливы, или о готовности Турции разрешить вступление английских вооруженных сил на ее территорию. Однако, в их распоряжении имеются данные, говорящие о том, что Англия готовится закрепится на греческой территории. Неизменным намерением Германии является не допустить возникновения подобной угрозы жизненным интересам Германии на Балканах. Известная концентрация войск на Балканах происходит исключительно с целью не допустить англичан создать себе плацдарм на греческой территории. Правительство Райха полагает, что эти действия служат также советским интересам, в которые не входит разрешение Англии закрепится в этих районах. На этом, на некоторое время, дело и остановилось.

**
*

Несколькими днями позднее я обратился к президенту Турции.

«Премьер-министр — президенту Иненю, в Анкаре.

31 января 41 года

Быстро растущая угроза Турции и британским интересам побуждает меня, г-н президент, обратиться к Вам непосредственно. Я располагаю достоверной информацией, что немцы уже закрепляются на болгарских аэродромах. Уже подготавливаются казармы, и уже прибыл в числе нескольких тысяч обслуживающий персонал. На всё это смотрит сквозь пальцы Королевская болгарская авиация и, несомненно, болгарское правительство. Очень скоро, может быть, через несколько недель, начнется движение в Болгарию немецких войск и воздушных эскадрилий. Этим последним нужно будет только перелететь со своих баз в Румынии на готовящиеся сейчас базы в Болгарии, для того, чтобы немедленно приступить к операциям. Затем, если только Вы не обещаете немцам воздерживаться от наступления на Болгарию или от нападения на их войска, проходящие через Болгарию, они в одну и ту же ночь подвергнут бомбардировке Истамбул и Адрианополь, а также Ваши войска во Фракии. Нет сомнений, что они надеются либо достичь Салоник без сопротивления, либо заставить греков подпи-

сать мир с Италией и уступить ей воздушные базы в Греции и на островах, тем самым угрожая путям сообщения между нашими армиями в Египте и турецкой армией. Наш флот не сможет пользоваться Смирной, они будут полностью контролировать выходы из Дарданелл, и тем самым завершат окружение Европейской Турции с трех сторон. Это также облегчит их нападение на Александрию и вообще на Египет.

Германия по существу готовится повторить на турецких границах тот же самый маневр, который она проделала на границах Франции в апреле-мае 1940 года. Но в этом случае, вместо колеблющихся и напуганных нейтральных стран, как Дания, Голландия и Бельгия, она нашла в лице Болгарии соучастника и бывшего союзника, который, несомненно, отказался от намерения сопротивляться, — и никогда не обладал силами для оказания сопротивления. Все это, повторяю, может свалиться на нас в феврале или марте, и немцам откроются пути с момента, когда болгарские аэродромы будут готовы принять немецкую авиацию и будут заняты передовыми группами персонала и наземного обслуживания, — еще до начала передвижения больших масс войск. Должны ли мы сидеть сложа руки, наблюдая подготовку этого смертельного удара?

Мне кажется, что наши народы будут вправе винить нас, если мы не проявим элементарной осторожности и предусмотрительности. Даже сейчас мы уже ждали слишком долго.

Поэтому, я предлагаю Вам, г-н президент, чтобы для обороны Турции мы провели того же рода мероприятия, какие немцы проводят на болгарских аэродромах. Мое правительство хотело бы как можно скорее направить в Турцию по крайней мере десять эскадрилий истребителей и бомбардировщиков, помимо пяти, находящихся сейчас в Греции. Если Греция сдастся, или будет разбита, мы переведем и эти пять эскадрилий на турецкие аэродромы, после чего мы будем вести с ними воздушную войну со все возрастающими силами, причем высшего качества. Таким образом мы поможем турецкой армии в части дополнительных военно-воздушных сил, нужных для поддержания на высоте ее выдающихся военных качеств.

Но помимо этого, когда наши эскадрильи окажутся на турецких аэродромах, Турция окажется в состоянии бомбить румынские нефтепромыслы, как только немцы двинутся в Болгарию, или, если они немедленно не отзовут оттуда свой вспомогательный персонал. Мы не предпримем ничего подобного, не договорившись предварительно с Вами.

Есть еще одно соображение. Поведение России неопределенно и мы надеемся, что она останется дружественной к нам. Ничто так не заставит Россию воздерживаться даже от косвенной помощи Германии, как присутствие мощных британских бомбардировочных соединений, которые могут из Турции атаковать бакинские нефтепромыслы. Значительная часть русского сельского хозяйства зависит от продукции этих промыслов, и за их разрушением последует настоящий голод.

Таким образом, защищаемая нашей авиацией Турция будет иметь возможность удерживать Германию от захвата Болгарии и подавления Греции, а также уравновесить страх России перед германскими армиями. Если добиваться такой решающей позиции, нельзя терять ни одного часа и, по получении Вашего согласия, правительство его величества немедленно отдаст необходимые распоряжения нашим передовым частям, либо в военной форме, либо в штатском, — по Вашему желанию, немедленно отправиться в Турцию.

Далее, мы готовы послать Вам сотню зенитных орудий, находящихся сейчас в Египте, вместе с обслуживающим персоналом, в военной форме, или, если Вы хотите, под видом инструкторов.

Все другие мероприятия, которые были обсуждены с маршалом Чакмаком, включая военно-морские, в нужный момент будут проведены в жизнь.

Наши победы в Ливии дают нам возможность оказать Турции, если наши страны станут военными союзниками, значительную и немедленную помощь, и мы будем бороться с вами за общее дело, используя нашу растущую мощь для помощи Вашим доблестным армиям».

**
*

Начальникам штабов я направил следующее обращение:

«Премьер-министр — Комитету начальников штабов.

31 января 41 года

Нам нельзя упускать из виду, что, в соответствии с решением, переданным генералу Уэйвелу, после взятия Тобрука приоритет будет принадлежать положению в Турции и Греции. Наступление на Бенгази крайне желательно, и на это указывали последние телеграммы. Тем не менее, для него можно использовать лишь силы, ненужные для операций в Европе. Генералу Уэйвелу нужно указать, что, по по-

следним оценкам, Бенгази не удастся взять до конца февраля. Нельзя откладывать до того времени обещанную Турции поддержку авиацией. Однако, возможно, что нам удастся согласовать обе задачи».

В соответствии с этим начальники штабов телеграфировали Главнокомандующему на Среднем Востоке, обращая его внимание на мое послание президенту Иненю, добавив следующее:

«На первом месте сейчас должны стоять мероприятия по борьбе с немецким проникновением в Болгарию. Преимущества взятия Бенгази и обеспечения, тем самым, обороны Египта и морской базы на Восточном Средиземноморьи, для нас очевидны, при условии, что это может быть сделано без ущерба интересам в Европе. Захват Бенгази в кратчайший срок поэтому является важнейшей задачей. Мы приветствуем Ваше желание занять Родос, и мы послали Вам три десантных судна, ценой отказа на несколько месяцев от аналогичных операций в Западном бассейне Средиземного моря. Мы делаем это в надежде предупредить занятие Родоса немецкими парашютистами, что затруднило бы наши сообщения с Турцией. Мы просим Вас предельно ускорить эту операцию.

В заключение мы должны вторично указать на доминирующее значение греко-турецкого положения, которое должно преобладать над всем в Ваших мыслях».

К этому времени я понял, каким опасным стало положение Турции. Было очевидным, что заключенный с ней перед войной договор нельзя было считать для нее обязательным в новых условиях. Когда в 1939 году разразилась война, турки мобилизовали свою сильную, храбрую армию. Но всё это основывалось на условиях, характерных для Первой мировой войны. Турецкая пехота, как всегда, была отличной, и их полевая артиллерия — в хорошем состоянии. Но у них не было никакого современного оружия, которое с мая 1940 года оказывалось решающим. Их авиация была слаба и примитивна. У них не было ни танков, ни броневедомостей, ни заводов, где бы их можно было строить и ремонтировать, а также персонала для их обслуживания. У них почти не было зенитной и противотанковой артиллерии, а служба связи нахо-

дилась в зачаточном состоянии. Они не имели представления о радаре. В военные способности турок не входило умение обращаться с этими современными аппаратами.

С другой стороны, Болгария была в значительной степени вооружена Германией за счет внушительного количества всякого рода снаряжения, взятого у Франции и Нидерландов в итоге боев 1940 года. У немцев оказывалось достаточно современного оружия, чтобы снарядить им своих союзников. Мы же, потеряв так много в Дюнкерке, вынужденные создавать армию метрополии для борьбы против вторжения, стоя лицом к лицу с продолжающимся «блицем» на наши города, а также ведя войну на Среднем Востоке, могли помогать лишь от случая к случаю, за счет урезывания других потребностей. В этих условиях, турецкая армия во Фракии была в тяжелом состоянии, безнадежно невыгодном даже по сравнению с болгарями. Если к этой угрозе добавить хотя бы небольшие соединения германской авиации и танков, бремя, падающее на турок, получалось колоссальное.

Единственной политикой, или вернее говоря надеждой, в этой фазе все расширявшейся войны, было создание объединения сил Югославии, Греции и Турции, и именно это мы сейчас и пытались сделать. Наша помощь Греции была сперва ограничена несколькими эскадрильями авиации, посланными из Египта, когда ее атаковал Муссолини. Следующей стадией было предложение посылки технических частей, высказанное в телеграмме начальников штабов и отклоненное греками по достаточно логичным соображениям. Мы сейчас входили в третью фазу, когда казалось возможным создать надежный фланг в пустыне у Бенгази, и даже дальше, и сконцентрировать в Египте как можно более значительную армию, или способный к маневрированию стратегический резерв.

В этой обстановке мы добрались до февраля месяца.

3.

БЛИЦКРИГ И АНТИБЛИЦКРИГ. ГЕСС

По мере того, как приближался конец 1940 года, а германский «блиц» продолжался с прежней силой, становилось крайне необходимым заглянуть в будущее и попытаться представить себе размеры испытания, которому мы подвергались. Сколько еще продлятся эти ночные налеты на наши заводы и города, и насколько они могли быть еще усилены? Прежде всего нам нужно было самым точным образом определить силу немцев в воздухе, абсолютную и относительную, и их программу на 1941 год.

«Премьер-министр — государственному секретарю по делам авиации и начальнику штаба авиации. 21 декабря 40 года

Нельзя сомневаться в том, что немцы приложат огромные усилия для увеличения своих военно-воздушных сил этой зимой, и что будет сделана значительно более внушительная попытка нанести нам удар весной. Совершенно необходимо создать как можно более точное представление о потенциальной возможности немцев к усилению: а) к 31 марта, б) к 30 июня; эти даты не обязательны, если есть другие, более подходящие и показательные. Важно не преувеличить немецких возможностей, и поэтому лимитирующие факторы, как например, моторы, специальное сырье, подготовка пилотов и эффект от наших бомбардировок, приобретают особый интерес. С другой стороны, нужно рассчитывать на полное использование немцами промышленности захваченных ими стран.

Я был бы рад, если бы Ваше Разведочное отделение составило бы для меня доклад (не более, чем на двух-трех страницах) по этому важному вопросу, и было бы очень хорошо, если бы, готовя его, они поддерживали бы контакт с профессором Линдеманом, — чтобы нам не пришлось по-

том спорить о принятых для расчетов основаниях. Я хотел бы, чтобы доклад был краток, и в то же время я хочу быть осведомлен об источниках и логических заключениях, на которых он построен. Я не уверен, в какой мере в этом должно принять участие министерство авиапромышленности. Было бы целесообразно, чтобы министерства представили свое согласованное мнение. Сообщите, как у Вас пойдет с этим. Срок в одну неделю для этой работы — максимальный».

**
*

С помощью профессора Линдемана и его Статистического бюро я начал исследовать эту неизвестную область. Мы проверили отчеты министерства авиации. Мы представили ему совершенно отдельные и сильно расходящиеся данные министерства экономической войны и разведки министерства авиации, а также соображения министерства авиапромышленности. Я не противодействовал полезному спору между министерствами, — это хорошее средство найти истину. Между второстепенными чиновниками этих трех министерств существуют хорошие дружеские отношения, и я был очень рад случаю собрать как-то всех вместе в Чекерсе. Обе стороны представили имеющиеся у них факты и цифры и каждая мучилась сомнениями. Данные настолько противоречили друг другу и все участники настолько серьезно стремились отыскать истину, что я почувствовал необходимость, чтобы какое-либо лицо хладнокровно продумало и взвесило все факты. Соответственно я убедил всех заинтересованных всемерно помочь фактическому расследованию, которое бы провел самый компетентный судья.

«Премьер-министр государственному секретарю по делам авиации и начальнику штаба авиации. 9 декабря 40 года

В субботу я провел четыре часа с офицерами разведочного отделения министерства авиации и министерства экономической войны. Я оказался не в состоянии прийти к заключению, кто из них прав. Может быть, истина находится

посередине. Предмет этот представляет собой исключительную важность для всей картины будущего войны. Она также будет иметь влияние на использование наших сил в настоящее время. Я очень бы хотел, чтобы два упомянутых учреждения, сотрудники которых находятся в столь дружественных отношениях, собрались бы вместе, чтобы взвесить все данные и установить факты. Там должен присутствовать беспристрастный председатель, чтобы взвешивать имеющиеся данные и подвергать защитников той или иной точки зрения перекрестному допросу. Мне хотелось бы, чтобы судья Сингльтон, имеющий военный опыт в качестве артиллериста и недавно проводивший для меня расследование относительно прицельных аппаратов, смог бы руководить дискуссией и осветить темные и неясные места в этой, крайне важной, картине. Естественно, ему будет вручена вся имеющаяся информация. Я хотел бы знать ваше мнение до принятия решения. Тем временем, я составил меморандум о том, что мне стало известно в результате нашей дискуссии в субботу, чтобы у министерств было хотя что-нибудь для ориентации. Каждый из приведенных фактов подлежит проверке и поправкам. Я послал по одной копии в каждое министерство, и этот документ будет основой для расследования, которое я предлагаю».

Я составил этот меморандум сам, и он отнял у меня много часов сосредоточенного обдумывания. Он имеет техническое значение, и поэтому не включается в текст настоящего рассказа.

«Премьер-министр — государственному секретарю по делам авиации.

13 декабря 40 года

Из ежемесячной германской авиационной продукции, оцениваемой в 1800 машин, по мнению Разведочного отделения министерства авиации, только 400 направляется для целей подготовки пилотов. Это как будто очень мало, учитывая взгляд министерства авиации, что немцы держат на передовых линиях в два с половиной раза больше самолетов, чем мы. С другой стороны, если потребности министерства авиации в тренировочных самолетах обоснованы, если они не используются слишком расточительно, и если большое число тренировочных самолетов не стоят по аэродромам в непригодном для использования состоянии, немцы не могут поддерживать мощь своих соединений первой линии с таким малым количеством тренировочных самолетов.

Судья Сингльтон будет завтракать со мной в воскресенье, и я засажу его за работу по расследованию, о которой мы договорились».

**

Судья Сингльтон славился своей способностью ладить с лётными и другими экспертами. 21 января он представил мне окончательный доклад. Было чрезвычайно трудно сравнивать абсолютные цифры британской и германской авиации. Каждая сторона подразделяла свои самолеты на «утвержденные размеры соединений», «все самолеты», «годные к операциям» и «самолеты первой линии». Эти категории были различны, произвольны и подвергались изменениям. Более того, Королевские военно-воздушные силы разделялись на те, которые были расположены в Англии, и те, которые были за морем, в то время, как немецкие находились в тот момент у себя дома. Поэтому я лучше не буду морочить голову читателю спорной статистикой. Судья решил, что соотношение сил германской авиации, в сравнении с английской, может быть принято примерно как 4:3. Хотя министерство авиации продолжало считать, что у немцев самолетов больше, а министерство экономической войны — что меньше, было достигнуто значительное соглашение, и оценка Сингльтона была принята за основу для нашей работы. Его отчет, показывавший, что мы постепенно догоняем немцев в силе авиации, меня подбодрил. В начале Битвы за Францию у них было более, чем вдвое против нашего. Теперь соотношение было только 4:3. После войны мы узнали, что на самом деле в тот момент оно составляло 3:2. Это было большим улучшением. Мы еще не достигли полного развития и еще не получили огромной американской помощи, находившейся в тот момент в пути.

**

В конце 1940 года Гитлер сообразил, что уничтожить Англию прямыми нападениями с воздуха не удастся. Битва за Англию была его первым поражением, а беспощадные бомбардировки наших городов не запугали ни народ, ни его правительство. Подготовка к вторжению в Россию ранним летом 1941 года поглощала большую часть сил германской авиации. Многие, очень тяжелые атаки, которые мы продолжали выдерживать до конца мая, более не представляли полной мощи неприятеля. Для нас они имели очень тяжелые последствия, но они не были больше предметом первостепенного внимания ни германского верховного командования, ни самого фюрера. Для Гитлера, продолжение воздушных налетов на Англию было необходимым и удобным прикрытием для сосредоточения сил против России. По его оптимистическому расписанию, Советский Союз, подобно Франции, должен был быть раздавлен в результате шестинедельной кампании, после чего, к осени 1941 года, все немецкие силы будут свободны для окончательного разгрома Великобритании. Между тем, упрямый народ надо было довести до состояния изнеможения, сперва при посредстве подводной блокады, поддержанной самолетами дальнего действия, а затем воздушными налетами на наши города и особенно на наши порты. Для германской армии операция «Морской лев» (против Англии) была теперь заменена операцией «Барбаросса» (против России). Германскому флоту было дано указание сконцентрироваться на нашем морском судоходстве, а германской авиации — на наших гаванях и подходах к ним. Этот план был несравненно более страшен, чем беспорядочная бомбардировка Лондона и гражданского населения, но к нашему большому счастью он не проводился в жизнь всеми наличными силами и с бóльшей настойчивостью.

Оглядываясь назад, «блиц» 1941 года можно разделить на три фазы. Сперва, в течение января-февраля, планы неприятеля расстраивались плохой погодой, и кроме районов Кардифа, Портсмута и Сванси, наша служба гражданской обороны получила заслуженную передышку, которой она не преминула воспользоваться. Система чрезвычайных портовых комитетов, представлявших все главные заинтересованные в работе портов организации, была создана Комитетом обороны задолго до войны. Закаленные тяжелым опытом зимы 1940 года, подкрепленные готовностью министерства военного транспорта децентрализовать свои операции, эти комитеты теперь могли сами бороться более эффективно, с уверенностью полагаясь на помощь извне, оказываемую через районных комиссаров. Не были оставлены без внимания и более действенные средства обороны. Были подготовлены дымовые завесы, крайне непопулярные среди жителей, дома которых наполнялись вонючим газом; позднее они доказали свою полезность в обороне промышленных центров Средней Англии. Вводящие в заблуждение огни, или «звездная рыба», были приведены в готовность для отвлечения вражеских бомбардировщиков, и весь план обороны был приведен в единую связную систему.

Когда наступила лучшая погода, «блиц» возобновился всерьез. Вторую фазу иногда называют «туром Люфтваффе по портам». Началась она в марте. Она состояла из единичных или двойных атак, которые, несмотря на свою серьезность, не могли вывести из строя наши гавани. Начиная с 8-го и в течение трех последующих ночей был подвергнут тяжелым налетам Портсмут, причем были повреждены доки. 11-го были атакованы Манчестер и Салфорд. В последующие ночи наступил черед Мерсисайда. 13-го и 14-го Люфтваффе впервые тяжело обрушился на Клайд, где было убито и ранено более двух тысяч человек, а некоторые доки были выведены из строя, одни до июня,

другие до ноября. Пожары вызвали приостановку работ на судостроительных заводах Джона Брауна, и только к апрелю там была восстановлена нормальная работа. С 6-го марта этот завод не работал из-за забастовки. Большинство забастовщиков, в результате бомбардировки, остались без жилищ, но опасность и переживания в результате налета заставили их вернуться к исполнению обязанностей. Мерсисайд, Средняя Англия, Эссекс и Лондон, еще до истечения этого месяца получили дополнительную дозу бомбардировок.

Самые тяжелые удары были нанесены в апреле. 8-го противник сконцентрировался на Ковентри, а в остальных частях страны больше всего досталось Портсмуту. Тяжелые атаки были проведены на Лондон 16-го и 17-го; более 2.300 человек было убито, более 3.000 — тяжело ранено. В этой, третьей и финальной фазе, противник пытался разрушить большинство наших главных портов атаками, которые в некоторых случаях длились целую неделю. Плимут атаковался с 21 по 29 апреля, и хотя «звездная рыба» помогла спасти доки, это было возможно сделать за счет разрушений в городе. Кульминационный пункт наступил 1 мая, когда Ливерпуль и Мерси были атакованы после семи ночей налетов, следовавших один за другим. 76.000 человек осталось без крова и 3.000 было убито или ранено. Из 144 причалов 69 было выведено из строя, и в течение некоторого времени разгружаемый тоннаж сократился до одной четверти нормального. Если бы противник продолжал эту тактику, Битва за Атлантику, по своим результатам, была бы еще более неопределенна, чем это стало в действительности. Но, как обычно, он отказался от продолжения. В течение двух ночей подвергался тяжелым ударам Гуль, где были разрушены жилища 40.000 человек, где погибли продовольственные склады, а судостроительные заводы должны были прекратить работу почти на два месяца.

В апреле же был проведен налет на Бельфаст, уже до этого дважды подвергавшийся бомбардировкам.

**
*

12 апреля, в качестве канцлера Бристольского университета, я вручил почетную степень доктора юридических наук мистеру Винанту, американскому послу, д-ру Конанту, президенту Гарвардского университета и мистеру Мензису, австралийскому премьер-министру. Со мной была моя жена. На ночь наш поезд был отведен на боковой путь в открытом поле, но мы могли видеть и слышать бомбардировку города Бристоля. Мы прибыли на станцию рано утром и направились прямо в гостиницу. Там я встретил значительное число выдающихся граждан Бристоля и почти сразу же мы начали объезд частей города, подвергшихся самым тяжелым ударам. Служба противовоздушной обороны работала лихорадочно, и людей все еще откапывали из развалин. Это была тяжелая пытка, но дух граждан был непобедим. В одном из домов отдыха сидевшая там группа старушек, дома которых были разрушены, являла собой картину подавленности. Когда я вошел, они отерли слезы и разразились радостными приветствиями в честь короля и родины.

Церемония в университете прошла, как было намечено. Я провел час, разъезжая по разрушенным районам, и затем вернулся в университет. Все проходило со строжайшей официальнойностью, но соседнее с университетом здание все еще пылало, и яркие академические мантии главных участников собрания не могли прикрыть грязных и насквозь мокрых костюмов, хранивших все следы ночной работы. Вся сцена была потрясающей.

«Многие из тех, кто здесь сегодня находится, — сказал я, — были всю ночь на своем посту, и все находились под огнем неприятеля в эту тяжелую, затяжную бомбардировку. То, что вы собрались здесь, есть

признак силы и хладнокровия, смелости и способности отвлекаться от материальных дел, и это стоит всего, что мы познали здесь о древнем Риме и современной Греции.

Каждый раз, когда мне удастся оторваться на несколько часов от моих обязанностей в Главном Штабе, я езжу по стране и вижу все повреждения, нанесенные вражескими атаками; но тут же, рядом с разрушениями, с развалинами зданий, я также вижу спокойные, уверенные, ясные и смеющиеся глаза, сияющие сознанием, что они участвуют в благородном деле, много более значительном, чем все личное, человеческое. Я вижу дух непобедимого народа. Я чувствую дух, взращенный в свободе, вскормленный в традиции многих столетий, тот самый дух, который в этот момент, в этот поворотный пункт мировой истории, даст нам силы перенести нашу долю так, что у грядущих поколений не будет оснований бросить хотя бы тень упрека своим предкам».

**
*

Тем временем, Заколдованная война продолжала развиваться своими собственными, странными путями. В первой книге уже упоминалось, как мы ковали новое оружие. Уже осенью 1937 года планы противовоздушной обороны Великобритании были переработаны с учетом того, что обещания наших ученых относительно еще неиспытанного радара будут выполнены. Первые пять береговых радарных установок, охранявших устье Темзы, уже зарегистрировали прибытие самолета мистера Чемберлена, возвращавшегося со своей мирной миссии в сентябре 1938 года. Начиная с весны 1939 года уже восемнадцать радарных установок несли круглосуточную сторожевую службу на всем протяжении от Данди до Портсмута; ей не суждено было прекратиться в течение последующих шести лет. Эти установки играли роль сторожевых собак службы пре-

дупреждения налетов; они оберегали нас от тяжелых потерь в военной продукции и облегчали нестерпимый труд служащих гражданской обороны. Они давали возможность зенитчикам отдыхать от утомительных дежурств на зенитных батареях. Они предохраняли от полного износа наших пилотов и их самолеты; наша несравненная, но численно слабая авиация была бы обречена, если бы они были вынуждены непрерывно нести патрульную службу. Радары не обладали точностью, нужной для перехвата противника в ночное время, но они помогали дневным истребителям поджидать свои жертвы на самых благоприятных высотах, и в лучших условиях для атаки. Их решающая роль в победах в дневных схватках дополнялась действием других установок, дававших предупреждение — хотя очень краткое, но тем не менее неоценимое — о приближении низколетающих самолетов противника.

* *
*

Несмотря на улучшения в технике немецких направляющих лучей, в 1941 году нам удавалось их отклонять. Можно привести пример. В ночь на 8 мая немцы намечали две атаки на заводы Ролл-Ройса в Дерби и на Ноттингем. Благодаря изгибанию их лучей, направленных на Дерби, они подвергли, вместо него бомбежке Ноттингем, где с предшествовавшей ночи еще горели небольшие пожары. Благодаря ошибке же, вторая атака пришлась на Валь де Бельвуар, находящийся от Ноттингема на таком же расстоянии, как Ноттингем от Дерби. В германском коммюнике указывалось на разрушение заводов Роллс-Ройса в Дерби, к которому они и близко не были. Двести тридцать бомб большой взрывчатой силы и большое число зажигательных были сброшены в открытом поле. Жертвами оказались две курицы.

Самая тяжелая атака была последней. 10 мая враг вернулся на Лондон с зажигательными бомбами. Он

зажег более двух тысяч пожаров, и, разрушив почти двести пятьдесят водопроводных магистралей, — что совпало с низким уровнем воды в Темзе, — помешал их тушению. К шести часам следующего утра сотни пожаров продолжали пылать, а четыре еще горели в ночь на 13-е. Это была самая разрушительная атака всего периода ночного «блица», в которую пострадали пять доков и 71 ключевой пункт, в том числе половина — заводы. Все, кроме одной железнодорожной станции, вышли из строя на целые недели, и сквозные пути не были открыты до начала июня. Было убито и ранено более трех тысяч человек. Этому налету суждено было стать историческим и в другом отношении: он разрушил Палату общин. Одна единственная бомба оставила ее в развалинах на годы. Мы, однако, были рады, что Палата была пуста. С другой стороны, наши батареи и ночные истребители сбили 16 вражеских самолетов, — больше, чем когда-либо раньше в ночные налеты, — в большой мере плод зимних трудов в области Заколдованной войны.

Это, хотя мы того еще не знали, был прощальный налет неприятеля. 22 мая Кессельринг перенес главный Штаб своего воздушного флота в Познань, а в начале июня и сам флот был переброшен на восток. Почти три года должно было пройти прежде, чем нашей лондонской службе гражданской обороны пришлось иметь дело с «маленьким блицем» в феврале 1944 года и последовавшей атакой при помощи ракетных снарядов и летающих бомб. За двенадцать месяцев, с июня 1940 года по июнь 1941 года, наше население понесло потери: 43.381 убитыми и 50.856 тяжело ранеными, всего 94.237.

За исключением радарных приспособлений к своей зенитной артиллерии, противник до того времени сосредотачивал усилия на наступательных приспособлениях, как, например, на направляющих лучах, и весь 1941 год прошел, прежде чем ему пришлось начать заботиться о своей обороне. В Англии, для отыскания

мишеней, мы полагались больше на наши большие и дорогостоящие школы аэронавигации, и пользовались радаром главным образом для самозащиты. После того, как были освоены лучи и дела в целом улучшились, мы занялись изучением немецкого радара, имея в виду устранение препятствий к ответным ударам. В феврале 1941 года мы впервые нашли и сфотографировали немецкую радарную установку, и почти немедленно определили особенности ее передачи. Найдя этот образец около Шербурга, мы стали искать другие, ей подобные, вдоль западного побережья оккупированной Европы, при помощи фоторазведки и секретных агентов. К середине 1941 года наша авиация уже изучала возможности больших ночных атак на Германию. Для этого нам надо было знать все об их оборонительных приспособлениях, которые должны были, повидимому, опираться, подобно нашим, главным образом на радары. От изучения немецких радаров на побережье мы постепенно добрались до германской обороны против ночных истребителей. Она простиралась широким поясом от Шлезвиг-Гольштейна через северозападную Германию и Голландию до франко-бельгийской границы. Но ни наши новые мероприятия, ни немецкие, не играли большой роли в последние месяцы 1941 года. Немцы надеялись, что их бомбардировщики начнут возвращаться из России через шесть недель после начала вторжения. Если бы это случилось, они были бы поддержаны в налетах на Англию многими новыми лучевыми станциями с более мощными передатчиками, расположенными вдоль берегов Ламанша для того, чтобы помочь самолетам прорваться сквозь английское глушение. Немцы также натолкнулись бы на многие новые передатчики на нашей стороне, работающие над тем, чтобы изогнуть и отвлечь новые лучи, а также на значительно улучшенные радары на наших ночных истребителях. Характер русской кампании, вынудивший ее расширение, предупредил эту новую борьбу лучей, и большие усилия специалистов радиотехники

на обеих сторонах на некоторое время оставались без использования.

**
*

В воскресенье 11 мая я находился в Дичли. В течение вечера поступали сообщения о тяжелом налете на Лондон накануне. Я ничего не мог с этим поделать, и поэтому смотрел кинокомедию, которую демонстрировали на домашнем экране хозяева. Дважды я выходил из гостиной, чтобы узнать о разрушениях, и мне сообщали, что дела плохи. Веселый фильм продолжался, и я был рад возможности развлечься. Затем секретарь мне сказал, что кто-то хочет говорить со мной по телефону по поручению герцога Гамильтона. Герцог был моим личным другом; он командовал сектором истребителей в Восточной Шотландии, но я не мог придумать, чего он от меня хочет так срочно, что не может подождать до утра. Однако, звонивший настаивал, говоря что дело срочное, государственного значения. Я попросил мистера Брекена его выслушать. Через несколько минут мистер Брекен мне сказал, что у герцога имеется для меня изумительная новость. Тогда я послал за ним. По прибытии он мне сказал, что немецкий пленный, которого он опрашивал один, заявил, что он Рудольф Гесс. «Гесс в Шотландии!» Мне это казалось фантастическим. Сообщение, однако, оказалось верным.

Пилотируя свой собственный самолет и одетый в форму лейтенанта Люфтваффе, он прилетел из Аугсбурга и выбросился с парашютом. Сперва он сказал, что его имя Горн, и только после прибытия в военный госпиталь в Глазго, куда его привезли для перевязки нескольких царапин, стало известно, кто он был в действительности. Скоро, в несколько приемов, его перевели в Тоуэр. После того он побывал еще в нескольких тюрьмах Англии, — до 6 октября 1945 года, когда в камерах Нюрнберга он присоединился к тем из своих

коллег, которые пережили войну и находились под судом своих победителей.

Я никогда не придавал серьезного значения этой эскападе. Я знал, что она не имела отношения к ходу событий. Во всей Великобритании, в Соединенных Штатах, России, и прежде всего в Германии, — этот эпизод был сенсационным, и о нем писались книги. Здесь я лишь изложу то, что считаю действительной историей.

**
*

Рудольф Гесс был молодежавым привлекательным человеком, к которому Гитлер почувствовал привязанность, и который стал близким к нему членом его личного штаба. Он боготворил Фюрера и страстно переживал события мирового конфликта. Он обедал за столом Гитлера, часто наедине, или с двумя-тремя другими. Он хорошо знал — и был в состоянии понимать — внутренний ход мыслей Гитлера — его ненависть к Советской России, его жажду уничтожить большевизм, его восхищение Великобританией, серьезное желание дружбы с Британской империей, и презрение к большинству других стран. Никто иной не знал Гитлера лучше или видел его чаще в моменты, когда тот давал себе волю. С наступлением настоящей войны произошла перемена. Компания Гитлера за обедами значительно выросла. Время от времени в этот избранный круг деспотической власти допускались генералы, адмиралы, дипломаты, высокопоставленные чиновники. Заместитель Фюрера чувствовал, что роль его падает. Чего теперь стоили партийные парады? Это было время дел, а не скоморошества.

Рассматривая эпизод с его перелетом в Англию, мы должны сделать некоторую скидку на ревность, охватившую его, когда он увидел, что в военных условиях он более не играл прежней роли доверенного своего любимого Фюрера. Здесь, за обеденным столом,

он чувствовал, сидят все эти генералы и другие, которых Гитлер должен приближать к себе. У них своя роль. Но я, Рудольф, проявлением высшей преданности превзойду их всех и принесу моему Фюреру величайшее сокровище и большее облегчение, чем все они вместе взятые. Я полечу и заключу мир с Англией. Моя жизнь не стоит ничего. Я бесконечно рад пожертвовать своей жизнью во имя такой надежды! Подобные мысли, при всей их наивности, не были ни дурными, ни мелочными.

Представление Гесса о Европе было такое, что Англия не понимала своих истинных интересов и политики дружбы с Германией, и, главное, необходимости создания союза против большевизма, — введенная в заблуждение поджигателями войны, представителем которых был Черчилль. Если бы только он, Рудольф, добрался до сердца Великобритании и убедил бы короля в истинных чувствах Гитлера по отношению к ней, — зловещие силы, правящие этим злосчастливым островом и накликавшие на него ненужные жертвы и страдания, были бы сметены прочь. Как может выжить Англия? Франция кончилась. Подводные лодки скоро разрушат все морские пути сообщения. Германская воздушная война выведет из строя британскую промышленность и приведет к разрушению английских городов.

Но к кому же ему обратиться? Герцог Гамильтон был знаком с сыном его политического советника, Хаусхофера*). Он знал также, что герцог Гамильтон был лордом Стюардом. Такая особа должна была бы каждый вечер обедать с королем и быть его доверенным лицом. Это был прямой путь к цели.

---

*) Герцог Гамильтон впервые встретил Альбрехта Хаусхофера, сына Карла Хаусхофера, автора нацистской теории «Геополитики», на Олимпиаде 1936 года, когда герцог проходил обучение сперва в германской, а затем в русской авиации. Сын этот был казнен нацистами в 1944 году, по подозрению в участии в заговоре против Гитлера.

**

*

«Повидимому, — заявило сообщение германской прессы несколькими днями позже, — член партии Гесс находился в состоянии галлюцинации, в котором ему казалось, что он добьется взаимопонимания между Англией и Германией... Национал-социалистическая партия сожалеет, что этот идеалист пал жертвой своих галлюцинаций. Это, однако, не будет иметь никакого влияния на продолжение войны, навязанной Германии». Для Гитлера этот эпизод был очень досаден. Это было все равно, как если бы мой верный коллега, министр иностранных дел, который был всего годом старше Гесса, сбросился бы на парашюте с украденного Спитфайра в Берхтесгадене. Несомненно, нацисты почувствовали некоторое облегчение, арестовав адъютантов Гесса.

«Премьер-министр — министру иностранных дел.

13 мая 41 года

1. Было бы, в общем, удобнее держать Гесса на положении военнопленного, — в юрисдикции военного министерства, а не внутренних дел, но также в качестве человека, которому могут быть предъявлены обвинения политического характера. Этот человек, как и остальные нацистские лидеры, является потенциально военным преступником, и он, как и его соумышленники, могут быть объявлены вне закона в конце войны. В этом случае покаяние может сослужить ему хорошую службу.

2. Тем временем он должен подвергнуться строгой изоляции в подходящем доме, неподалеку от Лондона, и нужно будет приложить все усилия, чтобы изучить его психологию и вытянуть из него всё, что можно.

3. Ему необходимо обеспечить комфорт и хорошее состояние здоровья. Он не должен иметь никакого общения с внешним миром, и никаких посетителей, кроме тех, которых будет направлять к нему министерство иностранных дел. Нужно будет назначить для него специальную охрану. Обращаться к нему надо с уважением, как если бы он был важным генералом, попавшим в наши руки..»

«Премьер-министр — сэру Александру Кадогану.

16 мая 41 года

1. Прошу Вас подготовить достаточно полный пересказ разговорной части трех интервью с Гессом, обращая особое внимание на обстоятельства, упомянутые мной в подготовленной, но не произнесенной речи в Палате общин. Я затем перешлю это президенту Рузвельту с сопроводительной телеграммой.

2. Я одобрил предложение военного министерства перевести Гесса в Тоуэр к полуночи, в ожидании пока будет подготовлено для него место заключения в Альдершоте».

«Бывший моряк — президенту Рузвельту.

17 мая 41 года

Представитель министерства иностранных дел имел три интервью с Гессом. Во время первого интервью, в ночь на 12 мая, Гесс был очень разговорчив и сделал, с помощью заметок, длинное заявление. В первой части он рассмотрел англо-германские отношения за последние тридцать лет, с целью доказать, что Германия всегда была права, а Англия ошибалась. Во второй части он подчеркнул неизбежность германской победы, в результате сочетания подводной и воздушной войн, устойчивости германского духа и полнейшего единения германского народа под водительством Гитлера. В третьей части находились предложения для сговора. Гесс сказал, что у Гитлера никогда не было планов, направленных против Британской империи, которая будет оставлена в целости, — за исключением бывших германских колоний, — в обмен за свободу действий для Гитлера в Европе. Но условием является создание нового правительства в Англии, — Гитлер не будет вести переговоров с нынешним. Это — старое предложение покинуть наших друзей, чтобы на время спасти часть своей шкуры.

Представитель министерства иностранных дел спросил его, имеет ли он в виду, говоря о свободе рук для Гитлера в Европе, также Россию или же он относит Россию к Азии. Он ответил, что «к Азии», но добавил, что Германия собирается предъявить России определенные требования, которые ей придется удовлетворить; однако, он опроверг слухи о подготовке нападения на Россию.

Гесс производит впечатление человека, решившего, что Германия должна выиграть войну, но считает, что она может затянуться, вызвав, тем самым, большие разрушения и потери в человеческих жизнях. Повидимому, он чувствует,

что способен убедить англичан в существовании основы для сговора, могущей привести к окончанию войны и для предотвращения ненужных страданий.

Во втором интервью, 14 мая, Гесс добавил еще два пункта:

1. При любом мирном соглашении Германия должна будет поддержать Рашид Али и обеспечить изгнание англичан из Ирака.

2. Подводная война, поддержанная авиацией, будет продолжаться, пока Англия не будет отрезана от источников снабжения. Если бы даже Англия капитулировала, но Империя продолжала борьбу, блокада Британских островов продолжалась бы, хотя бы это означало, что последний житель Англии умрет от голода.

В третьем интервью, 15 мая, не было ничего нового, если не считать нескольких пренебрежительных замечаний об Америке, и степени поддержки, которую вы сможете нам оказать. В частности, я опасаюсь, что на него не производит впечатления то, что он знает о продукции американских самолетов.

Гесс кажется спокойным и здоровым, и у него нельзя заметить обычных признаков сумасшествия. Он заявляет, что вся эта эскапада — его собственная затея, и что Гитлер о ней заранее не знал. Если ему можно верить, он ожидал войти в контакт с членами «движения за мир» в Англии, которым он поможет изгнать нынешнее правительство. Если он честен и в здравом уме, это утешительный признак бездарности германской разведки. С ним будут обращаться хорошо, но желательно, чтобы пресса не романизовала ни его, ни его авантюры. Мы не должны забывать, что он разделяет ответственность за все преступления Гитлера и представляет собой потенциального военного преступника, судьба которого будет зависеть от решения союзных правительств.

Все вышеизложенное, господин президент, предназначается для Вашей личной информации. Мы здесь считаем, что в течение некоторого времени следует держать прессу во мраке и дать возможность немцам теряться в догадках. Военнопленные немецкие офицеры очень обеспокоены этой новостью и я не сомневаюсь, что в германских вооруженных силах наши сообщения вызовут глубокие и мрачные размышления».

Объяснения Гесса докторам не пролили больше света. 22 мая доктора доложили: «Он сказал, что его

ужасали тяжелые налеты на Лондон в 1940 году, и что ему была отвратна мысль об убийстве маленьких детей и их матерей. Это чувство было усилено, когда он думал о своей собственной жене и о сыне, и привело его к мысли полететь в Англию и договориться о мире с обширной антивоенной партией, которая, как он считал, существует в этой стране. Он подчеркнул, что в этом проекте не играли роли его личные выгоды, — он лишь чувствовал все усиливающиеся идеалистические побуждения».

«Охваченный этими мыслями, он услышал, что Карл Хаусхофер разделяет его чувства; от него он узнал, что герцог Гамильтон — человек со здравым смыслом, который должен ужасаться бессмысленными убийствами. Хаусхофер также заметил, что он три раза видел во сне Гесса, пилотирующим самолет, летящим неизвестно куда. Гесс принял эти замечания, исходящие от такого человека, за указание свыше — лететь в Англию в качестве эмиссара мира, и найти герцога Гамильтона, который проведет его к королю Георгу. Британское правительство будет свергнуто, и партия, стремящаяся к миру, придет на его место. Он настаивал, что он не будет иметь никаких дел с «кликкой» — нынешним правительством — которое сделает все, от него зависящее, чтобы помешать исполнению его планов, но выражался очень неопределенно, когда его спросили — кто же именно должен войти в новое правительство; он, повидимому, очень плохо информирован относительно имен и позиций наших политических деятелей... Он описал, как он обратился к Вилли Мессершмидту и получил возможность тренироваться в управлении самолетом, летая над Германией, и как он подготовился к своему путешествию. Он настаивал, что у него не было никаких соумышленников, и что он проявил значительное умение в организации своего путешествия; сам выработав маршрут и долеты с аккуратностью, позволившей ему спуститься все-

го лишь в десяти милях от места назначения, Дангевела».

**
*

Кабинет поручил лорду Саймону проинтервьюировать его; встреча состоялась 10 июня. «Когда Фюрер, — сказал Гесс, — пришел к заключению, что здравый смысл не правит больше в Англии, он стал действовать в соответствии с правилами поведения, установленными адмиралом лордом Фишером: «Умеренность в войне — сумасшествие. Если бьешь — бей сильно, где только можно». Но я могу подтвердить, что для Гитлера было всегда нелегко отдавать приказы о воздушных и подводных атаках. Он глубоко это переживал. Он всегда симпатизировал английскому народу, ставшему жертвой этого метода ведения войны... Он сказал, что, даже побеждая, не следует ставить тяжелых условий стране, с которой хочешь прийти к соглашению». И затем, главное, раз сказанное им Гессу: «Я думаю, что если бы Англия узнала об этом, для нее стала бы ясной возможность соглашения». Если бы только Англия знала, что из себя представлял Гитлер, она, несомненно, пошла бы навстречу его желаниям!

**
*

Психическому состоянию Гесса было посвящено много медицинских исследований. Он, несомненно, был невротиком, раздвоенный, искавший мира в поисках власти и положения, боготворивший Фюрера. Но он представлял собой нечто большее, чем клинический случай. Он страстно верил в свое понимание духовного облика Гитлера. Если бы только Англия могла бы также его понять, скольких страданий можно было бы избежать, и как легко можно было бы договориться! Для Германии — свобода рук в Европе, для Англии — в ее Империи! Возвращение германских колоний, эва-

куация Ирака и перемирие и мир с Италией были второстепенными условиями. А так позиция Англии была безнадежна. Если она не пойдет на эти условия, «раньше или позже наступит день, когда она будет вынуждена на них согласиться». На это лорд Саймон ответил: «Я не думаю, чтобы этот довод был убедителен для британского кабинета, потому что, если вы знаете, наш народ очень смел и мы не очень-то любим угрозы!»

Учитывая, как близок был Гесс к Гитлеру, можно удивляться, что он не знал, — или если знал, то не сказал, — о предстоящем нападении на Россию, к которому велась столь широкая подготовка. Тремя годами позднее, когда я был в Москве с моим вторым визитом, я представил себе, какой колоссальный интерес этот предмет должен был вызывать у Сталина. За обедом он у меня спросил, в чем состояла миссия Гесса. Я вкратце рассказал то, что описано здесь. У меня было ощущение, что он считал, что велись какие-то переговоры о совместном нападении на Россию Германии и Англии, которые сорвались. Помня, что он был человеком, исполненным мудрости, я удивился его глупости в этом вопросе. Когда переводчик дал понять, что он не верит моим словам, я ответил через своего переводчика: «Когда я делаю заявление об известных мне фактах, я привык к тому, чтобы мне верили». Сталин принял этот несколько резкий ответ с искренней улыбкой. «Даже здесь в России происходит немало такого, о чем наша секретная служба мне не докладывает». Я предпочел прекратить разговор на этом.

**
*

Вспоминая всю эту историю, я чувствую удовлетворение при мысли, что я не несу ответственности за то, чему подвергся и чему подвергается Гесс. Какова бы ни была моральная ответственность немца, близко

стоявшего к Гитлеру, Гесс, на мой взгляд, полностью искупил свою вину своим отчаянным и самоотверженным актом сумасшедшего доброжелательства. Он пришел к нам добровольно, и, хотя и без полномочий, был чем-то вроде посланника. Это был клинический, а не уголовный тип, и, как к таковому, к нему и следовало отнестись.

4.

ВОЙНА НА СРЕДИЗЕМНОМ МОРЕ

Со времен Нельсона Мальта стояла верным британским часовым в узком и важном морском проходе в центральной части Средиземного моря. Никогда еще ее стратегическое значение не было так велико, как в последнюю войну. Потребности большой армии, которую мы создавали на Среднем Востоке, делали крайне важной задачу: обеспечить свободное следование наших конвоев через Средиземное море и препятствовать движению неприятельских подкреплений, направляющихся в Триполи. В то же самое время новая роль авиации нанесла удар не только Мальте, но и всему командному положению британского флота в этом узком проливе. Если бы не было этой современной угрозы, наша задача была бы проста. Мы бы свободно двигались по морю, задерживая, в то же время, движение неприятеля. Теперь же, базировать флот на Мальту становилось невозможным. Сам остров находился под угрозой вторжения из Италии и неограниченных бомбардировок с воздуха. Вражеская авиация делала проведение конвоев через пролив чрезвычайно рискованным, почти невозможным, вынуждая нас к долгому обходному пути вокруг мыса Доброй Надежды. В то же время, превосходящая авиация противника, не допуская свободы действий наших кораблей в Центральном Средиземноморьи, — кроме как с риском больших потерь, — давала ему возможность поддерживать постоянный поток войск и снабжения в Триполи.

В 140 милях от Мальты, у входа в Западный пролив между Сицилией и Тунисом, находится итальянский остров Пантеллерия, по имевшимся сведениям сильно укрепленный и располагавший бесценным аэродромом. Эта точка имела важное значение для вражеских сообщений с Триполи и Тунисом, но, находясь в наших руках, позволила бы заметно расширить воздушное прикрытие для Мальты. В сентябре 1940 года я попросил адмирала Кейса подготовить план захвата Пантеллерии силами недавно сформированных «командос». План был таков: к одному из сильно охраняемых конвоев прицепить два или три транспортных судна с войсками. В то время, как главные силы отвлекали бы внимание противника, «командос» могли бы внезапно быть сброшены на остров, после чего проведена высадка. Проект этот, названный «Мастерская», получал все большую поддержку со стороны начальников штабов. Кейс был очень энергичен, и был готов повести штурм лично, отказавшись от своего ранга адмирала флота.

В моем кругу мы не считали слишком трудным захват острова, но вызывали сомнения трудности удержания его после захвата, в обстановке уже начавшегося давления на Мальту. Тем не менее, 28 декабря 1940 года я выпустил следующий меморандум:

«Премьер-министр — генералу Исмэю, для Комитета начальников штабов.

Постоянное размышление над «Мастерской» заставляет меня высоко оценить этот план, — при условии, что он будет разработан очень тщательно и что окажется возможным его выполнение. В случае успеха, эффект «Мастерской» будет поразительным, а наше стратегическое положение в Центральном Средиземноморьи будет существенно укреплено. План этот будет важнейшим шагом для открытия Мальтийского пролива для прохода торговых судов и военных транспортов: тем самым в большой степени облегчится нагрузка на наше судоходство. Срочность его выполнения усиливается опасностью, что немцы, если они займут Италию, захватят остров (Пантеллерию) и очень усложнят нашу операцию».

Начальники штабов немедленно приступили к работе над этим вопросом, а я вернулся к нему с началом Нового года.

«Премьер-министр — генералу Исмэю, для Комитета начальников штабов. 13 января 41 года.

1. Прибытие в Сицилию германской авиации может быть началом новым событий и Центральном Средиземноморье. Успешные атаки пикетирующих бомбардировщиков на «Ил-лостриус» и два крейсера указывают на необходимость оборудования этих судов воздушными минометами. Я не вижу, почему бы «Иллостриус» не подобрать второго под пару. Нужно принять крайние меры к ускорению производства флотской модели воздушной мины. Представляется неотложной необходимостью перехватывания в море пикетирующих бомбардировщиков быстроходными самолетами. Мы обязательно должны постараться поместить с дюжину Грумманов на «Формидабль», перед его рейсом в Средиземное море.

2. Меня очень тревожит возможность того, что немцы обоснуются на Пантеллерии и с помощью сильной группы пикетирующих бомбардировщиков закроют пролив. Я боюсь, что это будет лишней иллюстрацией пословицы «Дорого яичко к красному дню».

3. Сейчас необходимо пересмотреть «Мастерскую»: операция стала несравненно более срочной, и более трудной, а если немцы там закрепятся, — станет еще труднее. Я был бы рад, если бы переработанные и усовершенствованные планы были готовы через неделю. Нужно также постараться подобрать ближайшую дату для проведения их в жизнь. Окончательное решение — пытаться ли нам осуществить их — можно будет принять только после того, как будут разрешены вопросы метода и времени.

4. Я целиком остаюсь при мнении, что «Мастерская» — очень важна».

Все было согласовано, но за всеми другими делами мы опоздали к намеченному сроку — концу января. На конференции в Чекерсе утром 18 января я согласился с Первым морским лордом и другими начальниками штабов отложить операцию на месяц. Я думаю, я смог бы настоять на ином решении, но, подобно другим, я был завален делами, и несколько обескуражен

сообщением, что «коммандос» еще не закончили тренировки. Кейс, который не присутствовал на совещании, был горько разочарован. Оттяжка оказалась смертельной для всего плана. Задолго до того, как месяц кончился, в Сицилию прибыли соединения германской авиации, и все приняло совсем другой оборот. Нет никаких сомнений, что остров в наших руках оказался бы ценным приобретением. Если бы Пантеллерия была у нас, многие из отличных кораблей, пробывавшихся к Мальте в 1942 году, могли быть спасены, а коммуникации врага с Триполи еще больше осложнены. С другой стороны, мы вполне могли бы быть раздавлены немецкой воздушной атакой, потеряли бы наши преимущества и усложнили бы оборону Мальты.

Я остро ощущал нашу нужду в Пантеллерии. Но наш час прошел. Слишком много навалилось на нас со всех сторон. Только в мае 1943 года, после разгрома немецких и итальянских армий в Тунисе и после длительной бомбардировки, Пантеллерия была взята британским десантом по приказу генерала Эйзенхауэра. Тогда мы были уже всемогущи на этом театре, и хотя задача первоначально казалась очень серьезной, никаких потерь не было.

**
*

Наша первая серьезная схватка на море с немецкой авиацией случилась 10 января. Флот был занят прикрытием серии важных передвижений, включая прохождение конвоя через Центральный бассейн Средиземного моря с запада, переброской пополнений на Мальту с востока, и разными мелкими перевозками в Грецию. В то утро, рано, миноносец «Галлант», охранявший линкоры, подорвался на mine в Мальтийском проливе. Вскоре появились разведывательные самолеты и после полудня началась сильная атака немецких бомбардировщиков. Их усилия были сконцентрированы на новом авианосце «Иллюстриус», под командой

капитана Бойда, и в трех залетах на него было сброшено шесть больших бомб. Тяжело поврежденный и охваченный огнем, с 83 убитыми и 60 тяжело ранеными, авианосец с успехом отбивался благодаря своей бронированной палубе, и его самолеты сбили по крайней мере пять самолетов противника. В ту же ночь, под усилившейся воздушной атакой и, потеряв рулевое управление, «Иллостриус» добрался до Мальты.

В течение ночи, адмирал Каннингхэм без помехи провел конвой к югу от Мальты, сопровождаемый флотом из линкоров. На следующий день, крейсера «Саутхэмптон» и «Глостер», находившиеся к тому времени довольно далеко к востоку от Мальты, подверглись налету пикирующих бомбардировщиков, приблизившихся незамеченными против солнца. «Глостер» был только слегка поврежден неразорвавшейся бомбой, но «Саутхэмптон» получил попадание в машинное отделение. Начался пожар, затушить который не удалось, корабль был покинут и затонул. Таким образом, хотя конвой прошел благополучно к своему назначению, потери флота были тяжелыми.

Немцы поняли безвыходное положение раненого «Иллостриуса» в Мальте и предприняли решительную попытку уничтожить его. Однако, наша авиация на острове уже выросла, и в завязавшемся состязании, за один только день, было сбито 19 вражеских самолетов. Несмотря на позднейшие попадания, «Иллостриус» смог выйти в море вечером 23 января. Противник, обнаружив его отсутствие, старался отыскать корабль, но тот благополучно, двумя днями позднее добрался до Александрии.

К тому времени не менее 250 немецких самолетов действовали из Сицилии. В январе Мальта была атакована 58 раз, а дальше, до конца марта, налеты происходили три-четыре раза в день, с короткими интервалами. Но наши ресурсы возрастали. Между апрелем и июнем 1941 г. эскадра «Эйч» адмирала Соммервиля доставила, в шесть приемов, 224 Урагана и несколько

других самолетов, до пункта, откуда они уже смогли сами лететь на Мальту. В то же время, с востока шли снаряжение и подкрепления. К июню первое яростное нападение было отбито, и хотя и с колоссальным напряжением, но остров выдержал. Главная попытка была отложена до 1942 года.

В лице генерала Добби Мальта имела выдающегося губернатора, вдохновлявшего всех, независимо от положения, своей решительностью. Это был солдат, который боевым мужеством и почти религиозным рвением вызывал в памяти образ генерала Гордона, а заглядывая еще дальше в прошлое, — Айронсайдов и Ковенантов.

«Премьер-министр — генералу Добби, Мальта.

21 января 41 года

По поручению Военного Кабинета, я посылаю Вам наши сердечные поздравления с тем великолепным и незабываемым мужеством, с которым Ваш героический гарнизон и население острова, с помощью флота и, в первую очередь, авиации, отбивают итальянские и немецкие атаки. Глаза всей Англии и всей Британской империи следят за борьбой Мальты изо дня в день, и мы уверены, что наградой за Ваши усилия будут успех и слава.

**

Под давлением все разрастающихся событий, мы старались найти средства перебросить операции на Италию. Сообщалось, что дух итальянцев стоит невысоко и что удар по Италии расстроит их еще больше и приведет к катастрофе, которой мы так желали. 9 февраля адмирал Соммервиль провел смелый, но успешный рейд на Геную. «Эскадра Эйч», состоявшая из «Реноуна», «Малайи» и «Шеффилда», появилась у города и подвергла его тяжелой бомбардировке в течение полчаса. В то же самое время авианосец «Арк Ройал» бомбардировал Ливорно и Пизу, одновременно закладывая мины у Специи. Был достигнут эффект полнейшей внезапности; единственное сопротивление — сла-

бое и совершенно безуспешное — было оказано береговыми батареями у Генуи. Портовыми сооружениям и стоявшим у причалов пароходам были нанесены большие повреждения. Не без помощи низкой облачности корабли адмирала Соммервиля отступили, избегая встречи с флотом противника, искавшим его к западу от Сардинии.

**
*

Теперь, когда немцы стали проявлять интерес к Средиземному морю, становилась особенно срочной задача укрепления Мальты.

«Премьер-министр — генералу Исмэю, для Комитета начальников штабов. 6 февраля 41 года

Хотя создание нами базы для горючего в Судском заливе страшно затрудняет задачу противника атаковать Мальту, я, тем не менее, был бы рад, если бы туда был как можно скорее отправлен второй батальон из Египта, чтобы там всего было семь британских батальонов. Учитывая, что в виду итальянского поражения будет нетрудно выделить этот седьмой батальон из Египта и что проблема сводится к переброске его силами флота, можно спросить себя: а не будет ли так же просто перевезти два, как и один. Кажется нерациональным везти только один, когда путешествие так дорого, когда имеются лишние силы и доставить их несложно. Прошу без отлагательства рассмотреть этот вопрос.

**
*

К началу апреля мы были в состоянии усилить наши атаки на суда, снабжавшие части Роммеля, находившиеся в Ливии. Ведущая роль в этом принадлежала британским подводным лодкам, оперировавшим с Мальты, и размах их деятельности и их успехи все время возрастали. В этой области капитан 3-го ранга Малькольм Ванклин выделялся особенно, и своими успехами он позднее заслужил Крест Виктории. В следующем году он погиб вместе со своим кораблем «Ап-

холдером», но его пример продолжал жить в памяти людей, продолжавших его труд.

10 апреля на Мальту, для действий против конвоев противника, был послан ударный отряд из четырех миноносцев, с капитаном Маком, на «Джервисе», во главе. В течение первой же недели они добились замечательных успехов. Лунной ночью они наткнулись на конвой из пяти судов, шедших на юг под охраной двух миноносцев. В общем бою на короткой дистанции они были уничтожены. Наш миноносец «Могаук» был также торпедирован и его пришлось затопить, но его капитан и большинство команды были спасены. Только в этой операции было уничтожено пять полностью груженных неприятельских судов, с 14.000 тонн общего водоизмещения.

**

*

Из пустыни продолжали приходить хорошие новости. Шестая австралийская дивизия вошла в Бенгази 6 февраля, на три недели раньше намечавшегося срока. На рассвете 5 февраля 7-я британская бронетанковая дивизия (к тому времени, по числу танков, равная бригаде) после длинного и трудного перехода достигла Мсуса. Дивизия эта должна была перерезать береговую дорогу. В тот вечер колонна противника, численностью около 5.000 человек, наткнулась на заслон у Беда Фомм, и немедленно сдалась в плен. Рано утром 6 февраля главные колонны противника начали двигаться по шоссе, и в течение дня там шли жестокие схватки с каждой из проходивших групп, в составе которых было значительное число танков. К наступлению ночи положение противника было безнадежно; масса машин всех родов сгучилась на отрезке в двадцать миль, блокированные впереди и атакованные с фланга. С рассветом 7 февраля противник предпринял последнюю атаку силами тридцати танков. Когда и из этого ничего не вышло, генерал Берганцоли сдался со всей своей армией.

Таким образом, за два месяца Нильская армия прошла вперед 500 миль, разгромила итальянскую армию из более чем девяти дивизий и захватила 130.000 пленных, 400 танков и 1.290 орудий. Завоевание Киренаики было закончено.

**
*

Несмотря на эти победы, настолько тяжелы и запутаны были и дипломатические и военные проблемы Среднего Востока, а у генерала Уэйвела было столько забот, что на заседании Комитета обороны 11 февраля было предложено, чтобы министр иностранных дел и начальник Имперского генерального штаба генерал Дилл отправились к нему в Каир.

«Премьер-министр — генералу Уэйвелу.

12 февраля 41 года

1. Примите мои поздравления в связи с последней замечательной победой, и с той беспрецедентной быстротой, с которой была завоевана Киренаика. Я исполнил Ваше желание представить к награде генералов О'Коннора и Крея.

2. Комитет обороны вчера вечером рассмотрел все положение, определяющееся, во-первых, крайне благоприятным развитием в снабжении со стороны Соединенных Штатов; во-вторых, все более угрожающим поведением Японии и возможностью ее нападения в ближайшем будущем; в-третьих, несомненно серьезной возможностью вторжения здесь. Наши средиземноморские планы необходимо выработать с учетом этого общего положения.

3. Нам необходимо удовлетвориться созданием надежного фланга для Египта у Тобрука и мы уже сообщали Вам, что вслед за тем приоритет переходит к Греции и (или) Турции, но что, если Вы легко можете занять Бенгази без ущерба для европейских задач, это было бы еще лучше. Мы рады, что Вы взяли этот приз на три недели раньше намеченного срока, но это не меняет, а скорее подтверждает нашу предыдущую директиву, а именно, что Ваши главные усилия должны быть направлены на помощь Греции и Турции. Это исключает какое-либо серьезное продвижение на Триполи, хотя небольшие диверсии в ту сторону могут быть полезным стратегическим маневром для отвлечения внима-

ния противника. Поэтому Вам надо закрепиться в Бенгази и сосредоточить все наличные силы в Дельте, в подготовке переброски их в Европу.

4. До сего времени и Греция и Турция отклоняли наши предложения о посылке технических частей на том основании, что части эти слишком слабы, чтобы разрешить их главную проблему, но достаточно заметны для того, чтобы спровоцировать немецкую интервенцию. Однако, эта интервенция становится с каждым днем все очевиднее и неизбежнее, и может начаться в любое время. Если бы Турция и Греция предупредили Болгарию, что они атакуют ее, если она к ним не присоединится для отражения германского продвижения на юг, это смогло бы создать барьер, который бы потребовал много больших сил, чем те, что сейчас имеются в Румынии. Но я боюсь, что они этого не сделают и потеряют шансы на совместное сопротивление, как это было с Нидерландами.

5. Мы должны подумать, в первую очередь, о нашем союзнике, Греции, так хорошо сейчас дерущемся. Если Греция будет раздавлена или вынуждена заключить сепаратный мир с Италией, уступив Германии стратегические морские и авиационные базы для действий против нас, это произведет очень плохое впечатление на Турцию. Но если Греция, с британской помощью, сможет продержаться несколько месяцев, шансы на вмешательство Турции увеличатся. Поэтому, нам, повидимому, надо постараться предложить Греции боевую часть армии, до сего времени оборонявшую Египет, и подготовить все планы для переброски и для последующей ее поддержки, в меру наших сил, людьми и снаряжением.

6. Мы не знаем, как отнесется Греция к великодушному предложению в этом роде. Мы не знаем ее возможностей сопротивляться вторжению немецких сил через Болгарию. Можно не без оснований предположить, что у них есть план переброски войск из Албании для обороны горных проходов и линии обороны, уже сооруженной вдоль болгарской границы. Они явно не могут продолжать использовать свои успехи в Албании, не думая о смертельной опасности с правого фланга, почти с тыла. Если у них имеется хороший план, имело бы смысл подкрепить его всеми нашими силами и дать отпор немцам в Греции, надеясь, тем самым, втянуть в борьбу турок и югославов. Вам надлежит немедленно начать готовить планы и графики, равно как и средства для транспортировки.

7. Захват Родоса мы считаем задачей безотлагательной, и откладывать его не следует.

8. Для того, чтобы наилучшим образом согласовать все мероприятия против Германии на Балканах, как дипломатические, так и военные, мы направляем в Каир министра иностранных дел и генерала Дилла. Они вылетят 12 февраля и доберутся до Вас 14-го или 15-го. Рассмотрев совместно с ними в Каире общее положение и пустив в движение все подготовительные мероприятия, Вы несомненно вместе с ними отправитесь в Афины, а затем, если будет удобно, то и в Анкару. Мы надеемся, что мы сможем предложить доставить в кратчайший срок по крайней мере четыре дивизии со всем наличным снаряжением, в том числе одну бронетанковую, и столько самолетов, сколько смогут принять греческие аэродромы.

9. Мы отсюда не можем решить, какие именно греческие порты мы должны использовать, или какую маскировку применить, чтобы взять их под свой контроль. Это может быть разрешено только на месте, совместно с греческим командованием.

10. В случае, если окажется невозможным достичь удовлетворительного соглашения с греками и выработать практически осуществимый военный план, мы должны постараться как можно больше спасти от окончательного крушения. Любой ценой мы должны удержать Крит и занять все греческие острова, которые могут быть использованы как авиационные базы. Мы можем снова пересмотреть вопрос о продвижении на Триполи. Но это всё будет лишь слабым утешением после потери главного приза. И при всех обстоятельствах, остается необходимой поддержка Турции.

12 февраля генерал Уэйвел ответил мне и поблагодарил за поздравления. Естественно, в течение уже некоторого времени он изучал проблему помощи Греции и Турции. Он надеялся, что ему удастся поднять свою предыдущую оценку имеющихся в наличии резервов, особенно, если австралийское правительство несколько развяжет ему руки. Он уже говорил на эту тему с премьер-министром Австралии Мензисом, останавливавшимся в Каире на пути в Лондон, и нашел, что тот готов принять его рекомендации. Он приветствовал идею поездки министра иностранных дел и ге-

нерала Дилла. «Мы сделаем все от нас зависящее, — писал он, — чтобы нарушить немецкие планы на Балканах, но колебания греков и турок и робость югославов, делают нашу задачу очень трудной. Из-за затруднений с транспортом и с портами для погрузки и выгрузки, переброска сил будет несколько растянута».

**
*

Я набросал, и получил официальное одобрение со стороны кабинета, инструкции министру иностранных дел, в связи с этой его миссией.

12 февраля 41 года

«1. Во время своего посещения средиземноморского театра войны министр иностранных дел будет представлять правительство Его Величества во всех военных и дипломатических делах. По мере необходимости, он будет через премьер-министра направлять доклады Военному Кабинету.

2. Его главной задачей будет оказание быстрой помощи Греции. Для этой цели он может, по своему усмотрению, дать ход любому делу, по согласованию с Главнокомандующим на Среднем Востоке, египетским правительством, а также с правительствами Греции, Югославии и Турции. Он, естественно, будет держать в курсе дел министерство иностранных дел, и, в свою очередь, будет информироваться как министерством, так и премьер-министром, о всех переменах в планах или взглядах, происходящих в Лондоне.

3. Начальник Имперского генерального штаба будет его главным советником в военных вопросах, и министр иностранных дел примет меры к тому, чтобы в случае разногласий его взгляды были также представлены на рассмотрение правительства Его Величества.

4. Особое внимание должно быть уделено следующему:

а) Каковы должны быть минимальные размеры гарнизона, способного удерживать западную границу Ливии и Бенгази, и какие меры должны быть предприняты для превращения Бенгази в главный укрепленный пункт и авиационную базу. Придается особое значение скорейшему прекращению сухопутных сообщений в Африке.

б) Режим и общая политика в Киренаике, с учетом нашего стремления отделить итальянский народ от фашистского режима.

в) Осуществление, в кратчайший срок, операции «Мадидула» (Родос), включая, в случае необходимости, перегрузку «коммандос» в Кэптауне на суда, идущие в обратном направлении, с расчетом, однако, чтобы это не стало помехой в выполнении главной задачи.

г) Сформирование в Дельте сильной и превосходно-экипированной армии, разбитой на дивизии или бригады, которая могла бы быть в кратчайший срок переброшена в Грецию.

д) Наши ресурсы используются для окончания кампании в Эритрее и прорыва итальянских позиций в Абиссинии. Первое, сделать необходимо; второе, хотя и желательно, не должно мешать осуществлению основных планов. Может создаться положение, когда итальянцам в Абиссинии придется предоставить разлагаться самим.

е) Необходимо тщательно пересмотреть использование огромной массы в 70.000 войск на фронте в Кении, в частности с тем, чтобы освободить для службы в Египте южно-африканские дивизии. Все переговоры с генералом Смэтсом лучше вести через премьер-министра. Может оказаться полезной конференция министра иностранных дел с генералом Смэтсом.

ж) При посещении Афин с начальником Имперского генерального штаба, генералом Уэйвелом и другими офицерами, министр иностранных дел уполномочен договариваться с греческим правительством о соглашениях, на тех условиях, которые будут соответствовать положению. В то же самое время он будет информировать о переговорах правительство Его Величества, и как можно чаще прибегать к консультациям с ним. В случае срочности он должен поступать по своему усмотрению.

з) Он будет непосредственно устанавливать связь с правительствами Югославии и Турции, посылая копии своих писем им в министерство иностранных дел. Его задачей будет добиться, чтобы оба эти правительства вступили в борьбу, или же сделали максимум возможного. Для этой цели он может вызвать посланника в Белграде или посла в Турции для встречи, когда в этом будет потребность. Он будет иметь в виду, что в то время, как нашим долгом является бороться и, если потребуются, перенести поражение вместе с Грецией, интересы Турции, во второй стадии, не менее важны, чем интересы Греции. Нужно будет согласовать греческие и турецкие требования на снабжение амуницией и поддержку авиацией.

и) Министр иностранных дел займется проблемой обеспечения наилучшей формы военной экономики в армиях и авиации Среднего Востока для всех указанных выше целей, а также обеспечения того, чтобы ценные военные части на этом театре сразу же сыграли важную роль в намеченных операциях.

к) Он будет рекомендовать, через премьер-министра, правительству Его Величества кандидатуры на командные должности для всех намечаемых операций. При этом он, несомненно, будет консультироваться с генералом Уэйвелом, облеченным высокой степенью доверия со стороны правительства Его Величества. Выбор генерала для командования в Греции имеет большое значение, и желательно, чтобы рекомендация кандидата на этот пост была согласована.

л) Главному маршалу авиации Лонгмору надлежит исполнять указания и пожелания министра иностранных дел, в соответствии с общей установленной политикой на месте. Но здесь, опять же, в случае разногласий, министр иностранных дел, через премьер-министра, будет сообщать взгляды главного маршала авиации правительству Его Величества. Долгом авиации на Среднем Востоке является обеспечение максимальных усилий в Греции и Турции, по скольку это можно будет сделать без ущерба для операций в Судане и Абиссинии и для удержания Бенгази.

м) Министр иностранных дел будет консультироваться с адмиралом Каннингхэмом относительно необходимых для всех этих целей морских операций и, в случае нужды, будет обращаться с просьбами о дополнительных транспортных средствах и военных кораблях к правительству Его Величества.

н) Он будет рекомендовать правительству Его Величества такую политическую линию в отношении Ирака, Палестины и Аравии, которая будет соответствовать упомянутым выше целям. Он может сноситься непосредственно с этими странами и с правительством Индии, хотя и не может давать директив. Министерство по делам Индии должно быть в курсе дел.

о) Он ознакомится с положением в Гибралтаре, на Мальте и, если будет возможно на обратном пути, то и в Такоради.

п) Короче говоря, ему надлежит собрать в свои руки все нити, и рекомендовать лучшие решения наших трудных проблем, останавливаясь перед действиями собственной властью, если положение создастся слишком напряженное и не будет возможности снести с Лондоном».

Я полагал, что о миссии Идена следует информировать Смэтса, и что он сможет сам приехать в Каир.

«Премьер-министр — генералу Смэтсу 15 февраля 41 года

Ускоренный захват Бенгази и Киренаики создает нам надежный фланг для Египта. Хорошо также получается с Кисмаю. Теперь мы должны постараться помочь Греции и подстегнуть турок к сопротивлению предстоящему германскому наступлению к Эгейскому морю. Не могу гарантировать хороших результатов на европейском континенте, но мы должны сделать всё, что в наших силах, и спасти те острова, которые удастся, в случае если наши усилия окажутся напрасными и катастрофа — неминуемой. Мы поэтому направили в Каир министра иностранных дел и начальника Имперского генерального штаба, откуда они отправятся в Афины и Анкару, для создания согласованного плана сопротивления. Возможно, что они пробудут на Среднем Востоке три недели. Прошу рассмотреть возможность встречи с ними, а также посылать мне через Верховного комиссара Великобритании копии своих посланий им».

На время отсутствия Идена я взял на себя руководство министерством иностранных дел. Это было, конечно, большой дополнительной нагрузкой к моим обязанностям. Однако, с того времени, как я стал премьер-министром, я привык прочитывать все важнейшие телеграммы и специальные доклады, и в своей переписке с президентом и главами других правительств я составлял многие из исходящих посланий. За исключением особых случаев, я оставил переговоры с иностранными послами на обязанности постоянного заместителя министра иностранных дел, сэра Александра Кадогана и мистера Батлера, парламентского заместителя министра. В то время все иностранные дела и военная стратегия были прочно связаны между собой, и в них мне необходимо было так или иначе разбираться самому.

«Премьер-министр — мистеру Идену, Каир.

20 февраля 41 года

1. Рад Вашему благополучному прибытию. Я прилагаю большие усилия, чтобы перебросить к Вам 50-ю дивизию и должен был вырывать дополнительные суда у министер-

ства судоходства, при щедрой помощи Адмиралтейства. Я озадачен ответом. Совершенно очевидно, что Средне-восточный главный штаб неточно информируется о составе конвоев... Надеюсь, что Вам удастся все это привести в порядок. Существенно, чтобы точные подробности о конвоях и их боевом состоянии были известны и здесь, и там. Мое впечатление, что на Среднем Востоке происходит страшная путаница относительно количества настоящих войск и мало подготовленных тактических соединений. 6-я британская и 7-я австралийская дивизии повидимому еще некоторое время будут находиться в неудовлетворительном виде. Выясните, куда мы можем их послать, чтобы превратить в эффективные боевые единицы. Несомненно, будет возможно что-то изобрести на месте в процессе перебросок как их, так и других неподготовленных частей. Существующее положение не должно быть каким-то святой-святынь, если на иной основе можно будет добиться практических результатов. Последние данные о списочном составе войск на Среднем Востоке указывают на рост в 50.000 между 31 декабря и 31 января. Неужели из этого подкрепления ничего не может быть выделено в качестве боевых соединений? Если боевых частей, в сравнении со списочным числом так мало, если дополнительные их переброски на другой театр столь затяжные и ничего нельзя сделать для улучшения положения, нам надо будет признать ограниченность наших возможностей действовать на континенте и даже все средне-восточное предприятие начать классифицировать, как второстепенную сферу операций.

2. Я обеспокоен приостановкой наступления у Керена. Абиссинию можно оставить в покое, но мы надеялись, что будет очищена хотя бы Эритрея. Постарайтесь учесть это в Вашей диспозиции воздушных и иных сил.

3. Не считайте себя обязанным проводить греческое предприятие в жизнь, если в глубине души вы чувствуете, что оно закончится вторым норвежским фиаско. Если нельзя будет выработать хорошего плана, скажите об этом откровенно. Но Вы, конечно, знаете, как важно было бы достичь там успеха».

Это послание разминулось с телеграммами Идена, дававшими ясное представление об убеждениях людей на месте, и включавшими заключения конференции в Каире между ним и Диллом, и тремя главнокомандующими.

«Мы все согласны в том, что должны сделать все возможное в наших силах, чтобы оказать максимальную помощь грекам, и как можно скорее. Если предложенная нами помощь будет греками принята, мы полагаем, что появится возможность задержать германское наступление и предупредить крушение Греции. Однако, ограниченность наших ресурсов, особенно в авиации, не позволит нам оказать помощь Турции в то время, как нами будет активно поддерживаться Греция».

Объяснив, что малочисленность нашей авиации вряд ли позволит удерживать линию столь выдвинутую, как Салоники, он продолжал:

«Генерал Уэйвел предлагает следующую диспозицию: разместить в Киренаике, в качестве гарнизона, одну из менее подготовленных и хуже снаряженных австралийских дивизий, индийскую моторизованную бригаду, находящуюся сейчас в процессе тренировки, и одну бронетанковую бригадную группу, представляющую собой остатки 7-й бронетанковой дивизии. Вы помните, что эта дивизия никогда не была полноценной. Дальнейшее осложнение, по сообщению Главнокомандующего Средиземноморским театром, состоит в том, что войска в Бенгази, из-за разрушения портовых сооружений, не могут снабжаться морским путем. Поэтому снабжение должно идти из Тобрука береговой дорогой. Сейчас формируется, и будет использована для взятия Родоса, 6-я дивизия. Силы, занятые операциями в Эритрее, не могут быть сокращены до успешного их окончания. Керен оказывается твердым орешком. С другой стороны, все согласны с тем, что можно сократить силы в Кении и туда послан приказ об отозвании южноафриканской дивизии, в виду ее перемещения в Египет, как только будут свободные транспорты. Я надеюсь переговорить со Сметсом об этом и о других делах, до возвращения домой.

В итоге, для Греции, в настоящее время, и в ближайшем будущем, генерал Уэйвел может выделить следующие силы: одну бронетанковую бригаду и новозеландскую дивизию, теперь состоящую из трех пехотных бригад, готовых к отправке; за ними последуют польская бригада, австралийская дивизия, вторая бронетанковая бригада и, если потребуется, и вторая австралийская бригада, — в этом порядке. переброска этой армии неизбежно приведет к предельному напряжению технических и административных ресурсов и потребует немалой импровизации.

График пока что составить нельзя, — это будет зависеть от переговоров с греками и от наличия судов для перевозок. Предполагается, что для переброски упомянутых выше сил потребуются по крайней мере 53 парохода. Их, естественно, можно будет получить только путем задержки прибывающих на Средний Восток конвоев, со всеми вытекающими отсюда последствиями. Помимо уже существующих опасностей, есть еще угроза появления мин в Суэцком канале. Принимаются энергичные меры, чтобы с этим справиться, но пока это организуется, и пока нужные материалы придут из Англии, всегда остается опасность, что канал будет закрыт на 5-7 дней.

Мое собственное заключение, которое разделяется генералом Диллом и Главнокомандующими то, что немедленная помощь сражающимся и находящимся в опасности грекам должна иметь приоритет в использовании всех наших ресурсов. Размеры помощи, которую мы позднее окажем Турции, должны зависеть от подкреплений самолетами, направляемых на Средний Восток, и от военных потерь в африканских операциях.

Я намереваюсь сообщить грекам о той помощи, которую мы им готовы оказать теперь, и убедить их принять ее с той быстротой, с какой она может быть доставлена. Если они примут эту помощь, рискуя вызвать в ближайшее время враждебные действия со стороны Германии, это будет крупным шансом для удержания в Греции линии обороны. Если мы сейчас разделим свои скромные ресурсы, особенно в авиации, мы не сможем оказать эффективной помощи ни Греции, ни Турции.

Слово «убедить», которое я подчеркнул в этой телеграмме, должно быть понято правильно. Иден имел в виду не самый принцип принятия греками британской помощи, но срок этого принятия, если бы они это решились.

Я ответил:

«Премьер-министр — мистеру Идену, Каир.

21 февраля 41 года

Я всегда считал важным, чтобы Вы повидали греков до поездки в Анкару, в противном случае в Анкаре могли бы быть взяты обязательства, которые связали бы Ваши руки в переговорах с греками, уже сражающимися. Поэтому я полностью согласен с предлагаемой Вами процедурой».

И — генералу Смэтсу:

21 февраля 41 года

«Я разделяю Ваши сомнения в том, что поведение России подорвало дух турок, и что возможно, что они не предпримут ничего, помимо соблюдения честного нейтралитета. Все положение в Греции будет сейчас обсуждено нашими посланцами в Каире. Мы будем держать Вас в курсе дел».

В тот же день Иден послал из Каира другую телеграмму.

«В отношении общих перспектив греческой кампании: посылать на континент силы против немцев в настоящее время является конечно рискованным. Никто не может гарантировать успеха, но когда мы обсуждали положение в Лондоне, мы были готовы рисковать неудачей, считая, что лучше пострадать, помогая грекам, чем вообще не предпринять попытки им помочь. Мы здесь все убеждены в том же. Более того, хотя наша кампания и рискованна, мы не теряем надежды, что она может иметь успех тем, что задержит немцев, прежде чем они завоюют всю Грецию.

Надо помнить, что ставки — высоки. Если мы не окажем помощи Греции, не будет надежды на вступление Югославии, и будущее Турции легко будет подвергнуто опасности. Хотя пока никто из нас не может гарантировать, что нам не придется прибегнуть к нашим главным козырям, мы полагаем, что эта попытка помощи Греции должна быть сделана. Конечно, остается возможность, что когда мы завтра встретимся с греками, они скажут, что не желают прибытия наших сил.

Мы обсудили вопрос о командовании. Дилл, Уэйвел и я, мы все согласились между собой, что надо выбрать такого кандидата, который пользовался бы уважением и авторитетом среди греческих офицеров, с которыми придется работать. Необходимо также найти первоклассного специалиста по тактике. Поэтому мы решили, что командование должно быть поручено Вильсону, которого в роли военного губернатора Киренаики сменил Ним, нынешний командующий в Палестине... Вильсон пользуется среди здешней публики так же, как и среди солдат, отличной репутацией, и его назначение командующим наших сил в Греции послужит для всех гарантий, что мы выделяем для этой кампании самое лучшее».

**
*

22 февраля Иден, генерал Уэйвел, сэр Джон Дилл и другие офицеры вылетели в Афины для переговоров с греческим королем и правительством. Как только Иден прибыл — это произошло вечером — его немедленно пригласили в королевский дворец в Татои. Король сразу же спросил Идена, не согласится ли он принять наедине его премьер-министра. Иден объяснил королю, что ему этого бы не хотелось делать, так как предстоящее обсуждение ограничено чисто военными проблемами. Если нам суждено оказать Греции помощь, это может произойти только по военным соображениям, и он не хотел бы, чтобы политические обстоятельства играли здесь чрезмерную роль. Однако, по настоянию короля, Иден согласился. При встрече премьер-министр Корисис прочел ему декларацию, излагающую результаты внутрикабинетных дискуссий последних дней. Поскольку это заявление создавало основу для нашей деятельности, я привожу его здесь полностью.

«Иден — премьер-министру. 22 февраля 41 года

Ниже следует сводка письменной декларации, врученной мне председателем Совета министров в начале нашей сегодняшней встречи.

1. Я хочу самым категорическим образом повторить, что Греция, в качестве верного союзника, тверда в своем решении продолжать борьбу до окончательной победы. Это решение не ограничивается итальянским фронтом, но будет относиться и к любой немецкой агрессии.

2. У Греции на болгарской границе в Македонии имеется только три дивизии. Следовательно, встает чисто военная проблема: какие подкрепления должны быть направлены греческой армии, чтобы дать ей возможность сопротивляться немцам. В то время, как о германских силах в Румынии и тех, которые мобилизованы в Болгарии, имеется более или менее достаточная информация, греческое правительство знает лишь о размерах британской помощи, которая может быть оказана в течение первого месяца. Более того, ему неизвестны намерения Турции и Югославии. В этих условиях,

прибытие вашего превосходительства на Средний Восток очень существенно не только для разъяснения положения, но также и для использования его в общих интересах Великобритании и Греции.

3. Я хочу снова повторить, что каков бы ни был исход, есть надежда отбить врага в Македонии или нет, Греция будет защищать свою национальную территорию, даже если ей придется рассчитывать только на свои силы».

Греческое правительство хотело, чтобы мы поняли, что его решение было принято до того, как оно узнало, будет ли нами оказана помощь. Король хотел, чтобы Иден знал это до начала военных переговоров, и это решение послужило бы основой для них.

После военных конференций и встреч штабных офицеров, проходивших всю последовавшую ночь и следующий день, Иден послал нам следующую, важнейшую телеграмму, датированную 24-м:

«Министр иностранных дел — премьер-министру.

Сегодня с греческим правительством достигнуто соглашение по всем пунктам.

1. Когда, в конце совещания, я спросил, согласно ли греческое правительство на высадку в Греции британских войск в указанном числе и на наших условиях, президент Совета официально заявил, что греческое правительство принимает наше предложение с благодарностью и одобряет во всех деталях соглашения, достигнутые между двумя генеральными штабами.

2. По прибытии сюда мы встретились с греческим королем, председателем Совета и генералом Папагосом. Я обрисовал международное положение, как оно представляется нам, и подробно остановился на немецких планах на Балканах. Я затем объяснил, что министры и начальники штаба в Лондоне пришли к заключению — с которым здешние Главнокомандующие вполне согласны, — что мы должны в кратчайший срок оказать Греции максимально возможную помощь. Затем мы подробно изложили, какие силы мы можем предоставить Греции, объяснив, что это всё, чем мы располагаем в данный момент. Что мы сможем сделать в будущем, будет зависеть от общего хода войны и состояния наших ресурсов. Всё, что я мог сказать, это то, что предлагаемые нами войска хорошо тренированы и сна-

ряжены, и что мы уверены, что они с честью выполнят свой долг.

3. Председатель Совета министров, повторно указав на решимость Греции защищаться против Германии, опять упомянул о сомнениях греческого правительства в той части, что прибытие недостаточно сильных британских войск только ускорит германскую атаку, и сказал, что важно установить, существуют ли достаточные комбинированные силы, греческие и британские, для успешного сопротивления немцам, учитывая сомнительное поведение Турции и Югославии. Поэтому, до того, как греческое правительство свяжет себя обязательствами, председатель Совета министров желал бы, чтобы военные эксперты рассмотрели положение в свете британских предложений. Я совершенно согласился с логичностью подхода председателя Совета. Если нам предназначено откладывать высадку, опасаясь спровоцировать немцев, высадка неизбежно окажется запоздалой.

4. Из последовавшего обмена мнениями между генералом Диллом, Главнокомандующим на Среднем Востоке и старшим офицером авиации, с одной стороны, и генералом Папагосом — с другой, выяснилось, что в виду сомнительного поведения Югославии, единственной линией, которую можно будет оборонять, выигрывая время, нужное для переброски войск из Албании, будет линия к западу от Вардара-Олимпа-Верри-Эдхессы-Каймакалана. Если бы мы были уверены, что Югославия присоединится к нам, было бы возможно удерживать линию дальше на север, от устья Нестоса до Белеса, включая Салоники. Без участия Югославии, было бы нереальным пытаться удержать линию, включающую Салоники, в виду открытия греческого левого фланга немецкой атаке».

Затем, он описал в подробностях достигнутое соглашение.

«Дискуссии продолжались часов десять, и охватили главные вопросы политического и военного сотрудничества.. На нас произвели хорошее впечатление откровенность и добросовестность греческих представителей, при обсуждении всех вопросов. Я совершенно уверен, что они решились сопротивляться всеми силами, и что у правительства Его Величества нет иного выбора, как поддержать Грецию, каков бы ни был конечный исход. Признавая все опасности, мы должны на них идти».

В следующей телеграмме, Иден сообщил:

«Мы все убеждены, что мы избрали правильный путь, и поскольку роковой час уже пробил, мы думаем, что Вы не захотите, чтобы мы откладывали подробное изложение происшедшего и оттягивали возвращение домой.

Риск очень велик, но есть шанс на успех. Мы идем на трудности, которые потребуют напряжения всех наших ресурсов, в особенности — в части истребителей»...

По получении этих телеграмм, к содержанию которых присоединились и Дилл и Уэйвел, кабинет решил целиком одобрить сделанные Иденом предложения.

«Премьер-министр — Идену, Каир 24 февраля 41 года
Начальники штабов одобрили план действий, изложенный в Ваших телеграммах из Каира и Афин. Сегодня вечером я представил их Военному Кабинету, на заседании которого присутствовал мистер Мензис. Решение в желаемом Вами плане было принято единодушно, но мистер Мензис естественно должен сперва телеграфировать домой. Считайте, также, что с новозеландским правительством договорено по части войск. Нет нужды ожидать трудностей откуда-либо. Поэтому, хотя и без всяких иллюзий, мы шлем Вам приказ «Полным ходом, вперед».

**
*

Пока что мы не предприняли еще ничего, помимо сосредоточения в Дельте как можно большего стратегического резерва, составления планов и подготовки к переброске армии в Грецию. Если бы положение изменилось из-за перемены в греческой политике, или по какой-либо иной причине, мы все еще были бы в выигрышном положении. Хотелось бы, после всего напряжения, быть в состоянии удовлетворительно закончить кампании в Абиссинии, Сомали и в Эритрее, и собрать значительные войска в «маневренном центре» в Египте. В то время, как ни намерений врага, ни реакции дружественных и нейтральных стран нельзя было предсказать, мы еще в существенной степени располагали возможностью выбора. Будущее оставалось неизвестным, и хотя ни одна дивизия еще не отправилась в путь, ни один день подготовки не был потерян.

5.

ЗАВОЕВАНИЕ ИТАЛЬЯНСКОЙ ИМПЕРИИ

Когда, в момент падения Франции в 1940 году, Муссолини объявил войну Великобритании, Итальянская империя в Северной и Восточной Африке представляла собой внушительное зрелище. В число государств Европы XIX века Итальянское королевство попало сравнительно поздно. Слабая индустриально, а, следовательно, и в военном отношении, под давлением необходимости разрешать проблему перенаселения, Италия приняла участие в разделе Африки в неблагоприятных условиях. С открытием, в 1869 году, Суэцкого канала, глаза итальянцев все более начали обращаться к Африке. Шестнадцатью годами позже ими была оккупирована Массава и колония Эритрея была официально провозглашена владением Италии. Постепенно росла и колония Итальянского Сомали, с ее выходом к Индийскому океану. Между этими ранними итальянскими поселениями находилось древнее королевство Абиссиния. В 90-х годах прошлого столетия, в эпоху империалистической экспансии, надеясь приобрести для Италии престиж великой европейской державы, на эту дикую землю предпринял поход синьор Криспи. Ужасающее поражение под Адовой в 1896 году, когда вторгшаяся в Абиссинию итальянская армия была уничтожена, привела к его падению и к приостановке итальянских авантур в Африке.

Этот трагический эпизод глубоко засел в умах итальянцев. Когда, в 1911 году, балканские страны атаковали Турцию, итальянское правительство потряс-

ло и встревожило невозмутимое мировое общественное мнение тех дней своим прыжком в Триполи и началом его завоевания. Необходимость для Франции и Англии привлечь Италию к союзу против сгущающейся угрозы со стороны Германии и поражение турок в Балканской войне дали возможность итальянцам как-то закрепиться на северо-африканском побережье. Тот факт, что Италия оказалась в числе победителей в первом большом конфликте, обеспечил для нее приобретение Триполи и Киренаики, которые, в память древнего Рима, были переименованы в Ливию. Но неослабевающим вызовом умелому освоению и колонизации итальянцами аравийских пустынь оставалось восстание племени сенусситов.

Таково было положение, когда на вздымающейся волне фашизма, поднявшегося против большевизма, к власти пришел Муссолини. В последовавшие годы проводилась широко задуманная экспансия Италии, как колониальной державы. Североафриканские территории были подчинены жестокому военному управлению генерала Грациани. Восстания беспощадно подавлялись; число переселенцев увеличивалось; пустыня орошалась; строились форты и аэродромы; вдоль средиземноморского побережья протянулись железные и шоссейные дороги. За всем этим большим — и вовсе не бесполезным — расходом итальянских ресурсов таилось национальное желание отомстить за постыдное поражение под Адовой. Я уже писал, как дерзость и решимость Муссолини преодолели робкое и половинчатое сопротивление Англии через Лигу Наций и привели к падению престижа этой организации. Мы также видели, какую роль весь этот конфликт и завоевание Абиссинии сыграли в развязывании Второй мировой войны.

В июне 1940 года, когда фашистам казалось, что Британская империя идет к развалу, а Франция была почти повержена в прах, Итальянская империя в Африке уже раскинулась вглубь и вширь. Ливия, Эритрея,

Абиссиния, Сомали, благоустроенные за счет средств, выкачивавшихся в Италии посредством налогов, представляли собой обширный район, в котором жили и работали почти четверть миллиона итальянских колонистов, начинавших уже процветать — под защитой более чем четырехсот тысяч итальянских и туземных войск. Все порты на Красном и Средиземном морях были укреплены. Британская разведка принимала за чистую монету итальянские заявления о большом размахе их укреплений и вооружений и классифицировала их, как первоклассные морские базы. Если бы — как казалось неизбежным Муссолини — Британская империя погибла, Египет, Британское Сомали и Британская Восточная Африка, прибавленные к существующим владениям Италии, представили бы собой действительно грандиозную часть земной поверхности под итальянским владычеством, подобного чему не было со времен Юлия Цезаря. Это было тем, что незадачливый Чиано называл «шансом, который приходит раз в пять тысяч лет». Именно этому сияющему видению теперь суждено было быть безжалостно разрушенным.

**
**

До декабря 1940 года наша тактика в итальянской кампании в Восточной Африке была чисто оборонительная. 2 декабря генерал Уэйвел собрал в Каире совещание, на котором изложил новую политику. Он еще не предполагал отправки регулярных войск вглубь Абиссинии, но указал на необходимость выставить итальянцев из Кассалы и Галабата в Судане, которые они оккупировали 4 июля. Когда эти второстепенные наступательные операции были бы закончены, Уэйвел, по первоначальному плану, намеревался отозвать большинство этих войск для операций на Среднем Востоке, оставив задачу отравить пребывание итальянцев в Абиссинии и конечного освобождения страны на долю движения патриотов, вскормленного и воору-

женного усилиями британских офицеров, за счет британских оружия и денег.

Операции по очистке Судана начались в январе под командованием генерала Платта. Начальная фаза была проведена с полным успехом. У Платта была 5-я британско-индийская дивизия, переброшенная из Западной пустыни, подкрепленная в январе 4-й британско-индийской дивизией, сыгравшей свою роль в победоносных сражениях декабря месяца. Эта сила была поддержана шестью авиационными эскадрильями. 19 января две итальянских дивизии эвакуировали Кассалу, под угрозой атаки и после бомбардировки с воздуха. Вскоре после того они отошли также и от Галабата и, таким образом, покинули Судан. Наше преследование от Кассалы проводилось дальше без особых задержек, пока не натолкнулось на очень сильные горные укрепления у Керена. В этом месте накрепко засели две итальянских дивизии, оказывая сильное сопротивление. Несколько атак в начале февраля не имели успеха и Платт решил, что для захвата такой позиции он должен пойти на всякие административные задержки, связанные с тщательной подготовкой штурма.

Тем временем, продолжала с успехом развиваться деятельность по поднятию восстания в Абиссинии. Небольшая военная группа под командованием бригадира Сэндфорда, состоящая из одного суданского батальона, и некоторого числа отборных британских офицеров и унтер-офицеров, — из числа которых позднее выдвинулся полковник Вингэйт, представляла собой ядро повстанцев. По мере развития их успеха, они стали получать помощь от все большего числа патриотов. 20 января император возвратился в Абиссинию и большая часть западного Годжама постепенно была очищена от неприятеля.

Читатели предыдущей книги помнят мое недовольство тем, что в Кении находилось без движения столь значительное число войск в течение столь долгого времени. В ноябре 1940 года Кению посетил Смэтс, после чего он стал настойчиво требовать, чтобы мы начали наступление, направленное против итальянского порта Кисмаю.

Он телеграфировал мне следующее:

5 ноября 42 года

«Я посетил в Кении большинство участков фронта и, совместно с генералом Каннингхэмом и его штабом, ознакомился со всеми планами. Дух войск стоит высоко и общее положение — благоприятно, но слишком затянувшаяся бездеятельность в пустыне и на границе ее представляет для нас потенциальную опасность. Самое лучшее было бы в ближайшее время двинуться на порт Кисмаю, представляющий серьезную опасность для Момбасы, нашей важной базы. Как только мы захватим и обеспечим удержание Кисмаю, основная масса наших сил может быть двинута из этой совершенно пустынной области на север, чтобы угрожать Аддис-Абебе. Для движения на Кисмаю Каннингхэму нужны большие силы, чем первоначально предполагалось, и я пошлю ему из Союза дополнительную пехотную бригаду, как только будет найден морской транспорт. Есть крайняя нужда в дополнительных орудиях Брена; транспорт для перевозки воды и другого снабжения будет добыт. При серьезных внутренних волнениях в Абиссинии и наступлении с севера и юга итальянцы могут капитулировать уже летом, тем самым позволив освободить значительные силы для более важного военного театра дальше на севере».

Все это полностью соответствовало моим взглядам. Из Кэптауна была послана бригада, и я представлял себе, что подготовка к январскому наступлению ведется с таким расчетом, чтобы все закончить до наступления сезона дождей. Поэтому будет понятно, что нижеследующая телеграмма свалилась мне, как снег на голову:

«Генерал Уэйвел — начальнику Имперского генерального штаба.

23 ноября 40 года

Каннингхэм решил, что этой зимой невозможно проводить смелых операций. Он предлагает серию второстепен-

ных операций в Северной Кении около середины декабря, и для этой цели просит предоставить ему обе западноафриканские бригады...»

Верховный комиссар Южной Африки сообщил нам, что генерал Смэтс выразил свое разочарование очевидным откладыванием до мая — несмотря на посылку 3-й Союзной бригады — экспедиции против Кисмаю, которая, он надеялся, состоится в январе. На заседании Комитета обороны 25 ноября 1940 года я попросил объяснений, почему проектирующаяся операция против Кисмаю отложена до мая. Сэр Джон Дилл сказал, что им получена от генерала Уэйвела телеграмма, где сообщается о предстоящей конференции командующих, с участием генерала Каннингхэма, для обсуждения планов на следующие полгода.

Никто из нас не был этим удовлетворен, и Комитет предложил начальникам штабов потребовать исчерпывающих объяснений положения от генерала Уэйвела и доложить их премьер-министру.

Государственному секретарю по военным делам и начальнику Имперского генерального штаба я направил следующее:

26 ноября 40 года

«Как я понимаю, мы должны получить от вас полный отчет о причинах, которые якобы мешают проведению операции против Кисмаю до мая месяца, а также обещание, что вы приложите все усилия, чтобы не согласиться с этими доводами. Если будет решено, что до мая ничего сделать нельзя, западноафриканская бригада должна быть с первым же транспортом отправлена на Западный берег, сменяя батальон, находящийся во Фритауне.

Меня очень расстраивает предложение держать там бригаду и ничего не делать».

В результате конференции Уэйвела 2 декабря было решено атаковать итальянцев в Кассале и всеми средствами стимулировать восстание в Абиссинии. Но попытку захватить Кисмаю было все же решено отложить до конца весеннего сезона дождей, что означало май или июнь.

**
*

Я продолжал посмеиваться над численностью и бездеятельностью войск в Кении.

«Премьер-министр — генералу Уэйвелу. 26 января 41 года

Вы меня озадачили своей телеграммой от 21-го. Я полагал, что Вы хотите собрать в Дельте большой стратегический резерв, и что это находится в соответствии с директивами, данными Вам отсюда. Ясно, что нет никакой необходимости посылать новую южноафриканскую дивизию в Кению для усиления семидесятитысячной армии, находящейся в состоянии полного бездействия. Я просил генерала Смэтса — и он согласился — не уточнять сейчас назначения новой дивизии, полагая, что к тому времени как будет найден транспорт и прочее, он сможет согласиться на отправку ее на север, для присоединения к Нильской армии. Как можете Вы полагать, что я легко отнесусь к беспримерному напряжению нашего судоходства, отрывая суда для доставки новых дивизий на Средний Восток за счет завоза продовольствия и вооружения в Англию, когда Вы повидимому неохотно берете южноафриканскую дивизию, перевозить которую надо на расстояние вдвое меньшее? Я надеюсь, что обе южноафриканских дивизии, сейчас находящиеся в Кении, в ближайшие месяцы будут переброшены в Дельту, и что западноафриканская бригада, как было обещано, будет отправлена назад во Фритаун. При всех обстоятельствах необходимо поощрять генерала Смэтса продолжать его разумную и смелую политику постепенной отправки сил Южной Африки на главный театр войны».

Под сильным нажимом из Англии Уэйвел, в конце концов, решил предпринять попытку еще до наступления дождей. Он вдохновил командование в Кении и в должный момент нам сообщили, что находящиеся в Найроби силы рассчитывают провести операцию «Брезент» (как называлась атака на Кисмаю) между 10 и 16 февраля. Это означало настоящий сдвиг на восточноафриканском театре. Я был весьма обрадован телеграммой Уэйвела от 2 февраля, в которой он сообщил:

«Я утвердил для Кении план попытки захватить Кисмаю около середины февраля. Позиции противника сильно укреп-

лены, а размеры нашей экспедиции ограничены трудностями в снабжении, но я думаю, что у попытки есть некоторый шанс на успех... Вообще же, я дал инструкции и Платту, и Каннингхэму сделать в ближайшие два месяца максимум усилий в действиях против Итальянской Восточной Африки».

Таким образом, мы добились движения вперед. Результаты показали, как неосновательно раздували трудности командующие на месте и насколько правы были мы в Англии, настаивая на ускоренных операциях.

Февраль был отмечен началом наступления генерала Каннингхэма. Итальянцы, в числе шести бригад и шести соединений туземных войск, удерживали реку Джубу, около устья которой лежит порт Кисмаю. Против них, 10 февраля, генерал Каннингхэм направил четыре бригадных группы. Кисмаю был взят 14-го без сопротивления. К северу от порта, в Джелибе, на другом берегу реки были расположены главные позиции противника, которые были атакованы с флангов и с тыла 22-го, при чем был достигнут значительный успех. Разбитый на голову противник потерял более тридцати тысяч убитыми, ранеными и обращенными в бегство. Из-за плохой погоды в сражении не принимали участия самолеты Южной Африки. Теперь не оставалось ничего, что могло бы помешать наступлению на Могадишу, главный порт Итальянского Сомали, лежащий в 200 милях к северу. Наши моторизованные части вошли в него 25-го, и нашли там большие склады различных материалов и свыше 400.000 галлонов драгоценного горючего. На местном аэродроме лежали остатки двадцати одного самолета, уничтоженных итальянцами. Генерал Каннингхэм правильно заключил, что не осталось никого, кто бы стал на пути в его последующих начинаниях. У него было достаточно войск, несмотря на то, что I-я южноафриканская дивизия была задержана операциями в другом месте. Единственной проблемой оставались расстояния, а решающим фактором были транспорт и снабжение. Каннингхэм получил разрешение генерала Уэйвела

сделать следующей своей целью Джиджигу, отстоящую от Могадишу не менее, чем в 740 милях. После краткой трехдневной задержки, 1 марта возобновилось наступление и, без труда преодолевая слабое сопротивление противника и наталкиваясь лишь на незначительные помехи со стороны итальянской авиации, аэродромы которой подвергались частым атакам, 17 марта наши войска достигли Джиджиги. Все это были отличные операции.

«Премьер-министр — генералу Уэйвелу. 1 марта 41 года

Сердечные поздравления в связи с блестящими результатами кампании в Итальянском Сомали. Передайте генералу Каннингхэму благодарность правительства Его Величества за энергичные, смелые и крайне успешные операции, которые он провел командуя своей деятельной, хорошо тренированной и организованной армией. Попросите его передать это послание войскам. Опубликуйте, что найдете нужным.

Вы несомненно будете 7-го обсуждать с генералом Смэтсом предстоящие операции. Как Вам известно, мне всегда хотелось, чтобы южноафриканские дивизии вышли бы на средиземноморское побережье».

«Генерал Уэйвел — премьер-министру. 2 марта 41 года

1. Мы оценили Ваши поздравления. Я передал Ваше послание генералу Каннингхэму.

2. Каннингхэм направил небольшие силы на Ферфер (около 200 миль к северу от Могадишу и Доло), что позволит закончить оккупацию Итальянского Сомали. Из-за трудностей в снабжении и перевозках, он не рассчитывает добраться до Харрара раньше 21 марта. Он будет в Каире 7 марта и мы обсудим будущие планы и движение южноафриканских дивизий.

3. Я уже указал в Аден о проведении разведки в районе Береры, с учетом возможной оккупации».

**

*

Теперь получили возможность принять участие в событиях и наши войска в Адене. Находившиеся там четыре эскадрильи авиации, помимо исполнения сво-

их обязанностей над Красным морем, из своей центральной позиции поддерживали своими налетами кампании и Платта и Каннингхэма, атакуя вражеские аэродромы. 16 марта два наших батальона высадились в Бербере. Неприятельский гарнизон, в составе бригады, растаял, оставив в наших руках 200 пленных. Все Британское Сомали было быстро освобождено, и через порт Берберы теперь уже можно было поддерживать дальнейшее наступление генерала Каннингхэма с меньшими усилиями. Он возобновил свое наступление на Харрар, который капитулировал 26 марта, и тремя днями позже его войска вошли в Диредаву. Это довело нас до железной дороги, идущей из Французского Сомали. Если бы порт Джибути был бы открыт для нас Вишийским правительством, наша задача снабжения войск была бы сильно облегчена. Но этого не было. В Диредаве генерал Каннингхэм собрал все свои ресурсы для последнего наступления на Аддис-Абебу. В течение марта он прошел 850 миль от Могадишу, с 11-й африканской дивизией и 1-й южноафриканской бригадой. С момента нашего перехода через Джубу, противник потерял больше 50.000 человек убитыми, пленными или рассеянными; наши потери составляли всего 500.

В результате этих успехов возникли различные осложнения. Генерал Уэйвел опасался, что жесткая блокада Джибути, на которой настаивали генералы Де Голль и Ле Жантильом, только приведет к более упорному сопротивлению французов. Вместо того, он предлагал разрешить пропуск туда некоторых грузов, — как например молока для детей, — чтобы не допустить катастрофы; разрешить всем желающим присоединиться к Свободным Французам и эвакуировать остальных в какую-нибудь другую французскую колонию, в то же время договорившись об использовании железной дороги для снабжения его собственных войск. Но мы, в Англии, смотрели на вещи иначе.

«Премьер-министр — генералу Уэйвелу. 1 апреля 41 года

1. Мы полагаем, что Вам нужно следовать политике, установленной в телеграмме начальников штабов от 25 марта, с минимальными отклонениями, внося в нее желательные изменения после Ваших переговоров с генералом Де Голлем. В частности, первоначальные переговоры с властями Французского Сомали должны вестись Свободными Французами, и не следует колебаться целиком использовать блокаду, в качестве средства давления. Не беспокойтесь о податливости Вейгана и Виши. За этим проследим мы здесь сами.

2. Я надеюсь, что в этом, и в сходных делах, Вы полнотью примете в расчет взгляды генерала Де Голля, которому правительство Его Величества дало торжественные заверения, и который пользуется полной нашей поддержкой, в качестве лидера движения Свободных Французов».

**

*

Президент был обеспокоен судьбой итальянского гражданского населения в Абиссинии.

«Бывший моряк — президенту Рузвельту. 4 апреля 41 года

К рекомендации графа Сфорца (о невоюющих итальянцах) мы отнеслись очень внимательно. Я прошу Вас, однако, представить себе наши трудности. Герцог Аоста может быть и в самом деле готов отдать Аддис-Абебу и двинуться в горы, откуда вести войну еще в течение нескольких недель или даже месяцев, оставив на нашей ответственности безопасность и содержание гражданского населения, насчитывающего десятки тысяч. У нас нет никакой возможности нести такую ответственность до окончания военных операций. Нам даже не принадлежит порт Джибути; железная дорога разрушена и все перевозочные средства в нашем распоряжении предельно мобилизованы на снабжение наших наступающих войск. Если мы отвлечем эти средства, результатом может оказаться прискорбное положение, вся тяжесть которого падет на нас, подобно концентрационным лагерям в Бурскую войну. Как только герцог прекратит сопротивление, мы сделаем все возможное, и тогда будет возможен успех. Всякая затяжка итальянского сопротивления в Абиссинии вынуждает откладывать усиление наших сил в Ливии, и Вы можете видеть, как это стало важно. Это означает не только предоставление врагу огромных военных преимуществ, но взятие на себя задачи, с которой мы неминуемо провалимся».

«Премьер-министр — генералу Уэйвелу. 30 мая, 41 года

Было бы очень кстати заполучить Джибути в ближайшее же время, и я был бы признателен, если бы Вы взвесили, какие силы нужны для преодоления сопротивления французов, а также, могут ли быть выделены такие силы без ущерба для наших нужд. Время для удара зависит, конечно, от событий в Сирии, которые могут привести к разрыву с Виши, или же — к сотрудничеству между французской армией в Сирии и Свободными Французами. И в том, и в другом случае, захват Джибути будет возможным. Тем временем, надо с предельной строгостью проводить блокаду, и все подготовительные мероприятия у границ Джибути, которые Вы сочтете полезными. Таким образом можно будет избежать непосредственной схватки, — чего только и можно желать. Время начала сражения может быть решено только после консультации с нами».

**

Тем временем, кампания в Абиссинии развивалась с успехом. Керен сопротивлялся упорно. Фланги этой позиции обойти было нельзя; оставалась только прямая фронтальная атака. Чтобы сосредоточить свои ресурсы и использовать обе дивизии, Платт мог располагать единственной дорогой, проходившей прямо перед носом противника. Конечная железнодорожная станция находилась в 150 милях, так что не только подготовка должна была растянуться на несколько недель, но неизбежно исключалась внезапность штурма. Военно-воздушные силы, включая самолеты из Адена, играли теперь важнейшую роль. В первой фазе кампании итальянские летчики проявляли значительную инициативу, но после прибытия Ураганов южноафриканской эскадрильи нами было достигнуто превосходство в воздухе. В подготовительной стадии финального сражения у Керена итальянские войска беспрерывно обстреливались с суши и с воздуха и подвергались бомбардировке. Вскоре противник перестал мешать передвижениям наших войск, и когда сражение началось, поддержка авиацией сделала много для расчистки пути для наступления наших сил и подав-

ления духа врага. Сражение было упорным и обошлось нам в 3000 человек убитыми и ранеными. После первых трех дней — 15-17 марта — была сделана передышка для перегруппировки. 20-го генерал Уэйвел телеграфировал, что сражение идет с ожесточением. Враг повторно переходил в сильную контратаку и хотя его потери были весьма тяжелы, и добился он успеха лишь один раз, не было никаких признаков его ослабления. Очевидно, итальянцы прилагали крайние усилия, чтобы удержать эти укрепленные позиции, и их авиация была все время в действии. Из Лондона положение казалось одинаково уравновешенным, и нами был поднят вопрос о подкреплениях. Однако, обошлось и без них. 25 марта атака возобновилась и двумя днями позднее линия итальянской обороны была прорвана и Керен пал. Началось быстрое преследование. 1 апреля пала Азмара, и 8-го капитулировала Массав, причем в наши руки попало 10.000 пленных.

Победа при Керене была одержана, главным образом, благодаря усилиям 4-й и 5-й британско-индийских дивизий. Я отдал должное их доблести.

«Премьер-министр — вице-королю Индии. 7 апреля 41 года

Вся Империя восхищена достижениями индийских войск в Эритрее. Повесть об их воодушевлении и настойчивости, с которыми они взбирались — и, в конце концов, захватили, отвесные укрепления Керена, напоминает эпизоды на северо-западной границе в давно прошедшие времена; в качестве человека, имевшего честь служить в индийских частях, представлявших все части Индостана, и от имени правительства Его Величества, я прошу ваше превосходительство передать им, и всей индийской армии чувства гордости и восхищения, с какими мы следили за их героическими подвигами».

Я поспешил послать генералам Каннингхэму и Платту и их славным армиям свои и правительства Его Величества сердечные поздравления, в связи с «этим своевременным и блестящим окончанием тяжелой и памятной кампании».

Эти события имели и другие последствия. Вступая в войну, Италия имела в Красном море эскадру из девяти миноносцев, восьми подводных лодок и некоторого количества второстепенных судов. Все они были теперь на учете Королевского флота и военноморской авиации. К 11 апреля президент Рузвельт был в состоянии заявить, что Красное море и Аденский залив больше не являются «военными зонами» и становятся, поэтому, открытыми для американских судов.

Остатки итальянской армии в Эритрее отступили на 230 миль к югу, в горы, и закрепились на позициях у Амба Алаги. Генерал Платт следовал за ними по пятам. 4-я индийская дивизия и большинство подкрепляющих ее авиационных эскадрилий были теперь переведены в Египет, как об этом будет сказано в своем месте. С тем, что осталось от его сил, Платт сошелся с врагом. Генерал Каннингхэм 6 апреля достиг Аддис-Абебы, где на аэродроме нашел остатки уничтоженных итальянских самолетов. Южноафриканскую бригаду он послал к северу, через Десси, где она вышла в тыл позиции итальянцев у Амба Алаги. Потеряв возможность к отступлению, с генералом Платтом, атакующим с севера, патриотами, нападающими из-за угла, обстреливаемые и бомбардируемые с воздуха, — итальянцы не могли долго продолжать сопротивление. В начале апреля суданский батальон Вингейта, совместно с туземными частями, перешедшими к императору, выбросил 12.000 войск противника из Годжама в Дебра Маркос. Половина из них была взята в плен, остальные бежали к северу, в Гондар. Император вошел в свою столицу 5 мая.

**

*

Когда мы оглядываемся назад, на роль, которую сыграл Муссолини в европейском кризисе и на события, приведшие к войне, — и вспоминаем, с каким успехом он смог пренебречь решениями Лиги На-

ций, — мы можем видеть, с какой легкостью твердость и активность могли бы устранить с темнеющей европейской сцены это осложнение. Во всяком случае, среди всего нашего напряжения и опасностей мы теперь могли считать сделанным доброе дело. Не без чувства, проистекавшего из прежних мыслей и опыта, я смог поздравить Хайле Селасие.

«Премьер-министр — императору Эфиопии. 9 мая 41 года

С глубоким и безраздельным удовлетворением британская нация и Империя узнали о благополучном прибытии домой, в свою столицу Аддис-Абебу, Вашего императорского величества. Вы были первым законным сувереном, изгнанным со своего трона и изгнанным из своей страны наци-фашистскими преступниками, и Вы первый из них с триумфом возвращаетесь теперь назад. Благодарность Вашего величества будет должным образом сообщена командирам, офицерам и солдатам британских и имперских войск, оказавших помощь абиссинским патриотам во всеобщем и окончательном уничтожении итальянских военных узурпаторов. Правительство Его Величества ожидает, что после окончательного разгрома злых сил в Эфиопии установится долгий период мира и прогресса».

Герцог Аоста, двоюродный брат короля Италии, был генерал-губернатором Итальянской Восточной Африки и вице-королем Эфиопии с 1937 года, и главнокомандующим итальянских войск на этих территориях — с 1939 года. Благородный и интеллигентный человек, частично получивший образование в Англии и женатый на французской принцессе, он не был в фаворе у Муссолини. С некоторым основанием Дуче считал, что у него недостает беспощадности и способностей военного командира. Он сдался с остатками своей армии 17 мая, и в 1942 году умер в Неаполе на положении военнопленного.

В прошедших с января месяца операциях большая часть вражеских сил, первоначально составлявших армию более чем в 220.000 человек, была захвачена или разгромлена. В горных укрепленных пунктах Абиссинии все еще оставались многие тысячи вооруженных итальянцев.

**
*

Здесь будет кстати закончить повествование о гибели Итальянской империи и ее армий в Восточной Африке, послужившей лишь аккомпаниментом к значительно более серьезным событиям в других местах. Наши первоначальные опасения, что двадцатитысячное итальянское гражданское население Аддис-Абебы будет истреблено абиссинцами, не оправдалось. Далее к северу 4500 итальянцев и рекрутов, загнанных в дельту Табора патриотами, сдались 2 июля британским силам в составе одного эскадрона и одной роты. Югозападная Абиссиния была очищена частями 11-й африканской дивизии из Аддис-Абебы, и 12-й, наступавшей к северу от границы Кении. В долгой серии операций, которым мешали условия местности и погода, к первой неделе июля они очистили весь этот район от 40.000 войск противника. В течение лета, прибыли из Конго туземные войска, под бельгийским командованием, прошедшие 2000 миль через всю Африку, чтобы принять участие в заключительных операциях, и взяли в плен 15.000 пленных. Оставался только Гондар, но наступал сезон дождей, и этот последний штурм должен был быть отложен до его окончания. Петля начала затягиваться в конце сентября, и когда 27 ноября все было кончено, 11.500 итальянцев и 12.000 туземных войск были взяты в плен, с 48 полевыми орудиями.

Так улетучились мечты Муссолини об Африканской империи, которую он хотел завоевать и колонизовать в традициях древнего Рима.

6.

РЕШЕНИЕ ПОМОЧЬ ГРЕЦИИ

Мы все еще не взяли на себя никаких обязательств в связи с авантюрой в Греции, если не считать продолжающихся в широких масштабах подготовительных операций в Египте и переговоров и соглашений в Афинах, о которых уже писалось. Подготовка могла быть приостановлена единственным приказом, а сосредоточение в Дельте стратегического резерва из четырех дивизий было и само по себе хорошим делом. Греки настолько отклонились от различных условий Афинского соглашения, что мы могли бы — если бы захотели — просить освободить нас от него. Со всех сторон надвигались опасности, но до первых дней марта, располагая «маневренной массой» в Дельте, я чувствовал себя довольно уверенным и, в основном, свободным.

Теперь же наступал момент безвозвратного решения — посылать или нет в Грецию нашу Нильскую армию. Этот тяжелый шаг был нужен не только для оказания помощи Греции в ее мучительно-опасном состоянии, но и для создания Балканского фронта против надвигающегося германского наступления в составе Югославии, Греции и Турции, чтобы оказать, еще не поддающееся измерению влияние на Советскую Россию. Было, конечно, крайне важно, чтобы советские вожди поняли, что им угрожает. Положение на Балканах зависело не от того, что могли послать мы туда сами; нашей ограниченной целью было возбудить боевой дух и организовать единство дейст-

вий. Если бы, по мановению нашего жезла, Югославия, Греция и Турция стали бы действовать единодушно, Гитлер, — как нам казалось, — мог бы на некоторое время оставить Балканы в покое, или же настолько ввязаться в операции против наших объединенных сил, что на этом театре возник бы фронт первостепенного значения. Мы тогда еще не знали, что он уже решился на грандиозное вторжение в Россию, — если бы это нам было известно, мы бы были более уверены в успехе нашей политики. Мы должны были бы видеть, что он рискует сесть между двух стульев, легко поставив под угрозу свое главное предприятие из-за балканских второстепенных целей. Это было то, что в действительности случилось, но в то время мы этого не знали. Можно полагать, что мы собирали свои силы из верных соображений; во всяком случае, не зная того сами, мы действовали лучше, чем это могло бы быть. Нашей целью было вдохновить и собрать воедино Югославию, Грецию и Турцию. Нашим долгом было, как можно более помочь грекам. Для этих целей положение наших четырех дивизий в Дельте было выбрано как нельзя лучше.

**
**

4 марта адмирал Каннингхэм сообщил нам о значительных опасностях на море, связанных с переброской в Грецию армии и Королевских военно-воздушных сил. Переброска эта означала непрерывное движение конвоев с людьми, складами и машинами, в течение следующих двух месяцев. Особенно тяжело придется миноносцам, тогда как защита со стороны истребителей и зенитных батарей еще некоторое время будет оставаться слабой. Если немцы начнут воздушное наступление из Болгарии, мы должны ожидать потерь в конвоях как на море, так и в портах разгрузки. Нельзя также сбрасывать со счетов действия на море итальянского флота. Этим последним могут про-

тивостоять только наши линкоры, базирующиеся на Судский залив в Крите, но лишь за счет ослабления эскорта из миноносцев и оставления практически незащищенной линии снабжения на Киренаику. Все это, в свою очередь, приведет к усилению напряжения на Мальте. Уязвимость Суэцкого канала для магнитных и акустических мин вызвала большую тревогу как раз в тот момент, когда начинали двигаться большие массы войск и конвои. Все наступательные планы, включая комбинированную операцию против Родоса, по мнению адмирала, должны были быть отложены. Его ресурсы будут напряжены до предела, но он был уверен в правильности нашей политики и в необходимости рисковать. Отказ от взятия Родоса был для нас серьезным разочарованием, так как мы понимали его важность. Родос, а также Скарпанто, с их неоценимыми аэродромами и в такой близости к Криту, были ключевыми пунктами. В последующие годы мы много раз планировали штурм Родоса, и никогда не могли увязать его с течением главных событий.

**
*

Узнав, что по срочной просьбе Идена генерал Смэтс направляется в Каир, я ему телеграфировал:

28 февраля 41 года

«Я очень рад, что Вы встретитесь с Иденом и Диллом. Мы приняли тяжелое и опасное решение поддержать греков и попытаться создать Балканский фронт. Я был бы рад, после этой конференции, ознакомиться с Вашими личными взглядами на все это дело. Принятое решение делает крайне необходимым укрепление Египта и Ливии, и я надеюсь, что Вы договоритесь с Уэйвелом и Диллом о переводе в кратчайший срок 1-й южноафриканской дивизии на средиземноморский театр; я озабочусь о судах для перевозки, выделить которые нелегко. Нам помогли быстрые успехи в Восточной Африке, а ведь еще несколько недель назад нам говорили, что на Кисмаю нельзя двигаться до мая месяца. Теперь у нас в руках Могадишу и весь край».

**
*

Отчет Идена о переговорах с турками в Анкаре был малоутешительным. Они отдавали себе отчет в опасностях, как и мы, но как и греки, были убеждены, что силы, которые мы могли предложить, будут недостаточными, чтобы изменить исход будущего сражения:

«Мистер Иден — премьер-министру. 28 февраля 41 года

Вместе с начальником Имперского генерального штаба у меня сегодня утром состоялся совершенно откровенный и дружелюбный разговор с председателем Совета министров, министром иностранных дел и маршалом Чакмаком.

Они положительно отнеслись к нашему решению послать как можно скорее грекам предельную помощь. Они подтвердили решение Турции бороться в случае нападения немцев и высказали свое убеждение, что нападение немцев на Грецию будет означать, что следующим будет черед Турции. Но поскольку турецкие силы в настоящее время лишены наступательных возможностей, они считают, что Турция лучше послужит общему делу, если останется вне войны, пока не будут ликвидированы нынешние недочеты и ее ресурсы не смогут быть использованы с максимальным эффектом.

Турки уверены, что если на них нападут, они смогут в течение некоторого времени удерживать немцев, хотя хотели бы рассчитывать на нашу немедленную поддержку... Они заявили о своей готовности договориться о совместных действиях с югославским правительством, хотя до сего времени на сделанный по нашему настоянию запрос они получили только весьма уклончивый ответ. Они опасаются, что если Турция втянется в войну против Германии, Югославия будет атакована русскими.

Результатом наших совещаний является то, что в какой-то момент Турция вступит в войну. Несомненно, это случится, если она подвергнется нападению. Но если немцы дадут ей время перевооружиться, она этим воспользуется и тогда вступит в войну в момент, благоприятный для общего дела, — когда ее сила сможет быть использована с успехом».

На это я ответил:

«Премьер-министр — мистру Идену, Анкара.

1 марта 41 года

Совершенно очевидно, что немцы собираются пройти через Болгарию, запугать Турцию еще больше угрозой воз-

душных атак, вынудить Грецию выйти из войны и затем обратиться против Югославии, заставляя её подчиниться. После этого, если им захочется, они смогут напасть на Турцию.

Вам следует сосредоточить главные усилия на Югославии. Неожиданное движение Югославии на юг будет иметь результатом страшную катастрофу для итальянцев, которая, возможно, будет решающей для всего положения на Балканах. Если в тот же самый момент Турция объявит войну, противник в течение многих месяцев не сможет собрать достаточных сил, в то время, как наша авиация будет расти. Я совершенно готов пойти на серьезный риск, если есть сколько-нибудь значительный шанс на успех, во всяком случае, — на несколько месяцев, и все приготовления должны идти полным ходом. Но я хотел бы, чтобы Вы проводили с Грецией такую линию, что если при окончательном рассмотрении всех факторов, включая сюда возможности с Родосом, Вы почувствуете, что надежд на успех нет, Вы все же были бы в состоянии и освободить от обязательств греков, и освободиться от них самим. Повидимому, и у Вас и у нас тут остается несколько дней до принятия окончательного решения. Тем временем, Вы действуйте как было договорено».

**
*

Теперь надо описать наши усилия предупредить югославское правительство. Вся оборона Салоник зависела от участия в ней югославов и было жизненно важно узнать, что они намерены делать. 2 марта мистер Кэмпбелл, наш посол в Белграде, встретился с Иденом в Афинах. Он сказал, что югославы боятся Германии и находятся в состоянии внутренней политической неустойчивости. Была, однако, возможность, что если бы они узнали о наших планах помощи Греции, они бы согласились сами помочь положению. 5-го министр иностранных дел послал Кемпбелла назад в Белград с конфиденциальным письмом, адресованным регенту. В нем он описал судьбу Югославии, попавшей в руки немцев, и сказал, что Греция и Турция, в случае нападения на них, готовы бороться. В этом случае Югославия должна к ним присоединить-

ся. Регенту, далее, надо было сказать на словах, что англичане решили помочь Греции наземными и воздушными силами, какие только можно было собрать в кратчайший срок, и что если в Афины будет послан офицер югославского генерального штаба, он будет привлечен к нашим дискуссиям. Оборона Салоник будет зависеть от поведения Югославии. Если она откроет путь немцам, последствия будут очевидны. Вместо этого, Югославии советовалось присоединиться к нам и сражаться рядом с британской армией. Мы примем в Греции энергичные меры и у нас имеются хорошие шансы удержать линию обороны.

**
*

1 марта германская армия начала вступление в Болгарию. Болгарская армия была мобилизована и заняла позиции вдоль греческой границы. Происходило общее движение германских сил на юг, всеми средствами поддерживаемое болгарами. На следующий день Иден вернулся в Афины из Анкары с генералом Диллом и военные совещания возобновились. В результате Иден прислал очень серьезную телеграмму.

«Мистер Иден и начальник Имперского генерального штаба
— премьер-министру. 5 марта 41 года

1. Вернувшись сюда, мы нашли положение тревожным и изменившимся и почувствовали атмосферу, совершенно отличную от той, которая была здесь в наше последнее посещение.

2. В прошлый раз генерал Папагос решительно настаивал на том, что отвод всех войск в Македонии к линии Алиахмона был единственным разумным разрешением военной ситуации. Мы исходили из того, что этот отвод к Алиахмону уже начался. Вместо этого, мы нашли, что никакого отвода там нет, и Папагос заявил, что на нашем последнем совещании было договорено, что окончательное решение будет принято по получении ответа от Югославии о ее отношении к этому.

3. Теперь Папагос предложил удерживать линию укреплений у македонской границы четырьмя дивизиями, хотя считает, что долго они там держаться не смогут, а также одновременно просто сохранять позиции на албанском фронте. Повидимому, это является признанием безнадежности положения, — чего он, по существу, и не отрицает.

4. Он предложил, чтобы британские войска, по мере прибывания, направлялись на пограничную линию в Македонии, хотя маловероятно, чтобы они прибыли туда вовремя. Мы, естественно, отказались принять это предложение, столь отличающееся от условий, на которых мы согласились прислать наши войска. Мы вызвали по телеграфу Главнокомандующего средневосточным театром и предложили ему прибыть в Афины для переговоров. Он прибыл 3 марта, и с тех пор совещания продолжают беспрерывно. Поскольку Папагос остается несговорчивым, мы должны были прибегнуть к помощи короля, который во время всех этих весьма напряженных заседаний оставался спокойным, решительным и готовым идти навстречу.

5 В конце концов, мы предложили грекам три дивизии.

6. Таким образом, перед нами следующие пути:

а) Принять план Папагоса, к которому он все время возвращается, — попытаться по частям провести наши силы к македонской границе.

б) Согласиться, чтобы три греческих дивизии, предлагаемые для линии Алиахмона, соответствующие 16-23 батальонам — вместо 35, которых мы могли ждать после приглашений, достигнутых в прошлое посещение, — создали там линию обороны, за которой мы могли бы начать концентрировать наши силы.

в) Взять полностью назад наше предложение военной помощи.

7. Мы согласились, что путь (а) может привести только к краху, и что путь (в) представляется в равной мере катастрофическим...

8. Поэтому, мы согласились, с некоторыми сомнениями, прибегнуть к решению (б), с условием, что командование и организация всей линии Алиахмона будут поручены генералу Вильсону, как только он сможет принять эти обязанности. На этом и договорились.

9. Наши военные советники вовсе не считают безнадежной перспективу задержать на этой линии германское наступление; линия Алиахмона сильна, лишь с немногими подступами к ней. В худшем случае будет всегда возможно от-

ступить с этой линии с боем, по местности как нельзя более подходящей для арьергардных боев.

10. Мы все уверены, что в очень трудном положении мы пришли к правильному решению. Эти два дня были неопишимо тревожными, но теперь, когда решение принято, на греческой стороне можно наблюдать заметное улучшение общей атмосферы. Остается, однако, упрямым фактом, что наши силы, включая сюда контингенты из доминионов, будут вовлечены в более рискованную операцию, чем это казалось неделю назад. Вы, несомненно, решите сами, какие переговоры повести с правительствами доминионов.

**

В наших взглядах в Лондоне теперь произошла заметная перемена. Начальники штабов теперь отмечали различные факторы, развивающиеся неблагоприятно для нашей политики на Балканах и особенно действующие против плана посылки в Грецию нашей армии. Сперва они обратили внимание на главные перемены в положении: подавленное состояние греческого главнокомандующего; отказ греков исполнить взятое на себя двенадцатью днями раньше обязательство отвести свои войска к линии, которую мы должны были бы удерживать, если бы Югославия не пришла на помощь; тот факт, что в удерживании этой линии нам должны были помогать 35 греческих батальонов, — и что теперь там будет их максимум 23, — неопытных в боях и лишенных артиллерии. Кроме того, ожидалось, что греки смогут перебросить несколько дивизий со своего албанского фронта. Генерал Папагос теперь говорит, что сделать этого нельзя, так как они истощены и вынуждены сражаться против превосходящего противника.

Обращаясь к нашим собственным затруднениям, начальники штабов указывали, что они всегда рассчитывали на предварительный захват Родоса, — или, по крайней мере, на одновременную с переброской войск в Грецию высадку там; вместо того, выясняет-

ся, что сделать этого нельзя до окончания всех перебросок. Это означает, что вместо концентрации сил нашей авиации против германского наступления, мы теперь вынуждены проводить «значительные» воздушные операции против Родоса только для того, чтобы охранять наши коммуникации с Грецией. Наконец, Суэцкий канал был, в настоящий момент, совершенно блокирован минами, и ожидалось, что очистка его кончится лишь к 11 марта. Половина судов, погруженных грузовиками, находилась к северу от канала, тогда как суда с личным составом — к югу от него. Более того, времени оставалось очень мало. Начальники штабов рассчитывали, что немцы могут собрать две дивизии у линии Алиахмона к 15 марта, и еще три — к 22-му. Одна из них будет бронетанковая. Считая, что греки могут задержать их перед этой линией лишь на короткий срок, максимум, на что мы могли рассчитывать иметь там, это одну новозеландскую бригаду против первых двух немецких дивизий.

Опасности этого предприятия, — продолжали они, — значительно возросли. Однако, они еще не считали, что могут ставить под вопрос решения военных экспертов на месте, — находивших, что положение вовсе не безнадежно.

**

Обдумав наедине в Чекерсе, в воскресенье вечером, меморандум начальников штабов и тенденции, определившиеся на совещании Военного Кабинета в то же утро, я послал Идену, уже находившемуся на пути из Афин в Каир, следующее послание. Оно несомненно говорило о переменах в моих настроениях. Но я принимал на себя полную ответственность за возможное решение, — которое, я уверен, я мог бы изменить, если бы был убежден в противном. Всегда легче сделать остановку, чем действовать.

«Премьер-министр — мистеру Идену, в Каире.

6 марта 41 года

Положение несомненно изменилось к худшему. Начальники штабов представили серьезные замечания, которые следуют ниже. То, что Папагос не поступил в соответствии с соглашением, к которому пришел с Вами 22 февраля, очевидные трудности вывода армии из Албании, и расписание наших возможных передвижений, представленное Уэйвелом, — все это, вместе с другими неблагоприятными факторами, приведенными начальниками штабов (как откладывание захвата Родоса и закрытие Суэцкого канала), заставляет кабинет сомневаться в нашей способности предотвратить судьбу Греции, если Турция и (или) Югославия к нам присоединятся, — что представляется невероятным. Мы сделали все, от нас зависящее, чтобы вызвать к жизни балканскую комбинацию против Германии. Мы должны быть осторожны и не побуждать Грецию к безнадежному одинокому сопротивлению, если она сама к тому не склоняется, — когда у нас имеется лишь горсточка войск, могущих прибыть вовремя к месту. Вовлечение новозеландских и австралийских войск в операцию, которая, как Вы указываете, становится еще более опасной, вызывает внутриимперские осложнения. Мы обязаны представить Ваши соображения на рассмотрение правительств доминионов и начальников штабов, и я не могу предсказать, согласятся ли они на нее. Мы не видим оснований для успеха, хотя, конечно, взглядам Дилла и Уэйвела придается большое значение.

Мы должны освободить греков от чувства необходимости отвергнуть германский ультиматум. Если они, по своей воле, решат драться, мы должны, в какой-то мере, разделить их испытания. Однако быстрое немецкое продвижение вероятно не допустит вовлечения сколько-нибудь значительных имперских сил.

Потеря Греции и Балкан ни в коем случае не означает для нас катастрофы первой величины, при условии, что Турция останется честно нейтральной. Мы могли бы занять Родос и рассмотреть план высадки в Сицилии или продвижения на Триполи. Со многих сторон нам говорят, что позорное изгнание из Греции принесет нам больше вреда в Испании и Виши, чем факт падения Балкан, которое мы никогда не надеялись предупредить нашими небольшими силами.

Я посылаю Вам это послание, чтобы подготовить Вас к тому, что при отсутствии каких-либо новых фактов, отдельных от того, что у нас имеется, будет, вероятно, решено завтра кабинетом».

К этому был приложен комментарий начальников штабов, смысл которого изложен выше.

**
*

Как только моя предупредительная телеграмма достигла сэра Майкла Пэлерета в Афинах, он проявил живейшие признаки отчаяния и телеграфировал Идену, уже прибывшему в Каир, следующее:

6 марта 41 года

«1. Я только что прочел адресованное Вам послание премьер-министра. Мне не нужно говорить Вам о том впечатлении, которое произведет наш отказ от соглашения, фактически подписанного начальником Имперского генерального штаба и греческим Главнокомандующим, и уже принятого к исполнению самим генералом Вильсоном. Как мы можем покинуть короля Греции, после заверений, сделанных ему Главнокомандующим и начальником Имперского генерального штаба, о реальных возможностях на успех операции? Мне это представляется немислимым. Греки и весь мир поставят нас к позорному столбу за то, что мы не сдерживаем своего слова.

2. Нельзя ставить и вопроса об «освобождении греков от чувства необходимости отвергнуть германский ультиматум». Они решились, если нужно, бороться против Германии в одиночестве. Вопрос сводится к тому, поможем ли мы им, или покинем на произвол судьбы».

И — в тот же день — еще раз, опять Идену:

«В разговоре с авиационным атташе сегодня король говорил с чувством глубокой признательности о Вашем визите и о своей абсолютной решимости выполнить выработанный план действий против германской атаки. Он уверен, что шансы на успех имеются и удовлетворен тем, что эту уверенность разделяют генерал Папагос и правительство. Он подчеркивает большое значение быстроты и особенно наличия здесь достаточных военно-воздушных сил для отражения германского воздушного наступления, — их обычного первого наступательного шага. Поражение немцев в воздухе с самого начала, больше чем что-либо другое, рассеет миф о немецкой непобедимости и даст всей стране ту же веру в возможность успеха, какая имеется у него. С Вашего отъезда я его еще не видел».

И — еще позднее:

«У генерала Уэйвела сегодня утром было совещание с генералом Папагосом. Он сильно подбодрен значительным улучшением во всем поведении последнего. Он нашел его стремящимся к сотрудничеству и горящим желанием помочь делу всеми возможными средствами».

«Премьер-министр — мистеру Идену, Каир. 6 марта 41 года

Военный Кабинет не примет никакого решения до получения ответа от Вас».

«Мистер Иден — премьер-министру 6 марта 41 года

1. Сегодня, совместно с начальником Имперского генерального штаба и Главнокомандующими, мы снова рассмотрели положение. Мы единодушно согласились, что несмотря на тяжелые обязательства и риск, несомненно связанный с планом, особенно в виду ограниченности наших авиационных и военно-морских ресурсов, в Афинах было принято правильное решение. Телеграмма Пэлерета, полученная в Каире, подтверждает положение с греческой стороны.

2. Это я сообщаю Вам только для того, чтобы Вы знали наши взгляды в ожидании решения Кабинета».

И позднее:

«Мистер Иден — премьер-министру. 6 марта 41 года

Сегодня вечером у нас были дальнейшие совещания с генералом Смэтсом и Главнокомандующими, и утром Вам будет отправлена подробная оценка нами создавшегося положения».

«Премьер-министр — мистеру Идену, Каир 7 марта 41 года

1. Сегодня я представлю Кабинету Ваш взвешенный и рассчитанный ответ. Тем временем, все подготовительные мероприятия и передвижения должны идти вперед с предельной быстротой.

2. На меня производит глубокое впечатление непоколебимость позиции, занятой Вами и Вашими военными советниками, — Диллом, Уэйвелом и, я полагаю, Вильсоном, — после тщательного ознакомления с местными условиями и несмотря на меморандум Комитета начальников штабов.

3. Преобладающее значение имеют два обстоятельства. Первое, нам не следует взваливать себе на плечи ответственности за угораривание греков ввязываться в безнадеж-

ную борьбу и вовлекать свою страну в возможную быструю катастрофу. Если, однако, зная, как мало мы можем послать в определенные даты, они готовы драться до последнего, мы естественно должны, как я уже указывал, разделить их судьбу. Никто не должен иметь права сказать, — и, судя по Вашему поведению, никто не может сказать, — что имея столь мало предложить, мы подтолкнули их на сопротивление своим давлением. Из Ваших и афинских телеграмм я заключаю, что в этом Вы уверены.

4. Так получается, что большая часть войск, которую придется привлечь к исполнению этого тяжелого долга, составляют новозеландская дивизия и, после марта, — австралийская. Мы должны быть в состоянии сказать откровенно правительствам Новой Зеландии и Австралии, что это опасное предприятие, — от которого они не уклоняются, — проводится не потому, что британский премьер-министр взял на себя а начальник Имперского генерального штаба подписал в Афинах определенные обязательства, но потому, что Дилл, Уэйвел и другие Главнокомандующие убеждены в наличии известного шанса на успех в той борьбе. Я считаю, что в Вашем положительном ответе на наш запрос Вы учитывали это обстоятельство.

5. Прошу помнить, что до сего времени Вы представили нам лишь немного фактов или соображений, которые могут быть сообщены доминионам, как оправдывающие эту операцию, — если не считать того, что «благородство обязывает». Совершенно необходима точная военная оценка положения.

6. Вы знаете, что наши симпатии — с Вами и Вашими офицерами».

7-го мы, наконец, получили в Лондоне более обстоятельный доклад.

«Мистер Иден — премьер-министру. 7 марта 41 года

Ниже следуют взгляды Ваших посланцев:

1. Все положение рассмотрено заново, совместно с Главнокомандующими и генералом Смэтсом. В то время, как мы все отдаем себе отчет в серьезности решения, мы не находим оснований для изменения нашего прежнего суждения.

2. Не может быть и вопроса о побуждении Греции к сопротивлению, если греки сами к тому не склоняются. При нашей первой встрече в Татон греческий премьер-министр в начале переговоров вручил мне письменное заявление о ре-

шимости Греции сопротивляться нападению Германии или Италии, если нужно — в одиночестве. Греческое правительство неуклонно сохраняло эту позицию, как бы ни колебалась уверенность в конечном исходе. Греки понимают, что для них нет возможности получить почетный мир от Италии и Германии, угрожающих их границам. Греки могут либо разделить судьбу Румынии, или продолжать борьбу, независимо от того, насколько малы шансы на успех.

3. Мы уже взяли на себя обязательства в отношении Греции. Уже в течение трех месяцев там находятся в действии восемь эскадрилий авиации, соединения противовоздушной обороны и охрана.

4. Падение Греции, без нашей дальнейшей попытки спасти ее путем вмешательства в сухопутные операции, которое, как известно всему миру, стало возможным в результате побед в Ливии и высвобождения оттуда сил, означало бы величайшую беду для нас. Югославия, в таком случае, будет наверняка потеряна, и нельзя быть уверенным, что даже у Турции хватит сил противостоять нажиму, если немцы и итальянцы закрепятся в Греции без усилий с нашей стороны оказать этому сопротивление. Нет сомнений, что наш престиж пострадает, если нас с позором выбьют из Греции, но при всех обстоятельствах, мы пострадем меньше, если будем бороться и окажемся разбитыми в Греции, чем если мы покинем ее на произвол судьбы...

В создавшемся положении мы все согласны, что нужно следовать намеченному курсу и что Греции должна быть оказана помощь.

Мы, поэтому, твердо надеемся, что не возникнет никаких трудностей с отправкой в Грецию частей доминионов, как было намечено. В то же время, если от операции ожидать приличных шансов на успех, крайне важно найти средства пополнить очень серьезные пробелы в наших силах, особенно в авиации. Как мы уже много раз подчеркивали со времени нашего прибытия сюда, слабость в воздухе является источником нашей главной тревоги на этом театре войны. Немцы, действуя по внутренним линиям сообщения, усиливают угрозу атаки из Сицилии или Триполи, с Балкан и Додеканезских островов. В то же время, мы соответственно не увеличиваем наших подкреплений, а резкое сокращение обещанного в разрядке на Томогауки явилось тяжелым ударом. Королевские военно-воздушные силы здесь ведут ежедневные сражения с итальянской авиацией в Албании, и, во все больших масштабах, — с германской авиацией в других местах.

Борьба на этом участке войны будет напряженной. Лонгмор просит оказать ему как можно большую помощь. Если он удержит свои позиции в воздухе, большая часть опасностей и трудностей намеченной операции исчезнет».

Сопровождаемый начальниками штабов, я поднял этот вопрос перед Военным Кабинетом, которому были изложены все события, как они произошли, для окончательного решения. Несмотря на то, что мы не могли послать больше самолетов, чем было уже предназначено и находилось в пути, среди нас не было ни колебаний, ни расхождений. Я лично чувствовал, что люди, находящиеся на месте, тщательно изучили положение. Не было сомнений, что их решения ни в какой мере не были результатом политического давления из Англии. Смэтс, со всем своим умом, со своей, свежей точки зрения, с ними согласился. Равным образом, никто не мог утверждать, что мы заставили греков подчиниться нашим желаниям, — мы никого не старались слишком убеждать. Мы несомненно располагали лучшими военными авторитетами, действующими свободно, с полным знанием людей на месте и местной обстановки. Мои коллеги, закаленные во многих рискованных операциях, закончившихся успешно, совершенно независимо пришли к тем же заключениям. Мистер Мензис, на которого падала особая тяжесть, был полон бодрости. У всех было сильное желание действий. Заседание Кабинета было коротким, решение — окончательным.

«Премьер-министр — мистеру Идену, Каир 7 марта 41 года

Сегодня утром Кабинет рассмотрел наш проект в свете Ваших телеграмм из Афин и Каира, и моих телеграмм Вам. Начальники штабов высказались в том духе, что в виду твердо выраженных мнений Главнокомандующих на месте, начальника Имперского генерального штаба и командиров частей, которые предназначены для операции, будет правильным немедленно приступить к ее выполнению. Кабинет решил дать Вам указания в этом смысле, беря на себя, при этом, полную ответственность. Мы свяжемся сами с австралийским и новозеландским правительствами».

В более личном духе я телеграфировал двумя днями позднее:

«Премьер-министр — мистеру Идену, Каир. 9 марта 41 года

1. Я совершенно согласен с тем, как Вы действуете в связи с балканскими телеграммами. Повидимому, еще есть возможность, что Югославия присоединится к нам, и еще большая — что она не позволит немцам пройти по своей территории.

2. Пока Вы находитесь там на месте, Вы должны откровенно поговорить с египетским премьер-министром, Фаруком, и всеми прочими, о наших требованиях безопасности. Совершенно нетерпимо, чтобы румынская миссия превращалась в гнездо немецких шпионов или чтобы Зона канала была заражена неприятельскими агентами. Я рассчитываю, что Вы прекратите все эти злоупотребления со стороны тех, кого мы спасли.

3. Передайте Смэтсу, что я был бы очень рад, если бы он, пользуясь близостью к Англии, приехал бы сюда на месяц, поработать, как в старые времена, в Военном Кабинете.

4. Не упускайте из виду те части Ваших инструкций, которые посвящены хозяйству средневосточных армий. Я полагаю на то, что Вы там расчистите положение и обеспечите выполнение каждым своих обязанностей. Этому можно было бы посвятить несколько дней».

**
*

Тем временем Новая Зеландия прислала нам прекрасный ответ на нашу просьбу об использовании ее дивизии.

«Премьер-министр — премьер-министру Новой Зеландии.
12 марта 41 года

Мы глубоко тронуты Вашим ответом, который, независимо от того, что нам суждено, будет сиять в истории Новой Зеландии и вызывать восхищение будущих поколений свободных людей всего мира.

Мы сделаем все от нас зависящее для исполнения просьбы, изложенной в конце Вашего послания».

«Премьер-министр — мистеру Идену, Каир. 14 марта 41 года

1. Я пришел к заключению, что для Вас лучше всего остаться в Каире до того, как определится первая стадия

нынешнего кризиса. Ваши инструкции дают Вам средства для согласования всех политических и военных факторов, связанных с ним. Положение Югославии все еще не представляется мне безнадежным, и в любой момент может возникнуть ситуация, которая позволит Вам поехать туда. По мере развития событий, Турция может иметь нужду в стимулировании и руководстве. Никто, кроме Вас, не может скомбинировать и согласовать ту важную политику, которую Вы нам навязали и которую мы приняли. Военный Кабинет нуждается в представителе на месте; не менее нуждаюсь в этом и я.

2. Сегодня утром я видел Сикорского и просил его разрешить использование Польской бригады. Он мужественно согласился, но попросил, в свою очередь, чтобы к этой бригаде, представляющей собой как бы одно из немногих уцелевших олицетворений польской нации, отнеслись бы бережно и не бросили ее где-нибудь на произвол судьбы. Я обещал полное ее снаряжение и риск не больший, чем тот, которому подвергнутся англичане. Он сказал: «У вас — миллионы солдат, у нас — только эти немногие части». Я надеюсь, что Вы понимаете значение жертвы, которую мы просим принести этих доблестных иностранцев и что генерал Уэйвел будет постоянно иметь это в виду.

3. Я очень переживаю то обстоятельство, что мы не используем там ни одной британской дивизии. Я принимаю меры, чтобы послать с конвоем В.С.8, отправляющимся 22 апреля, 50-ю дивизию. Посылка специального конвоя сэкономит только одну неделю, и мы не в состоянии выделить дополнительный эскорт.

4. Уэйвел не сообщил нам, прошли ли через канал Глены, но, я полагаю, провод этих быстроходных транспортов будет рассматриваться как крайне срочное задание. Известный Вам источник сообщает, что принимаются меры к вывозу с Родоса, в ожидании британской оккупации, немецкого персонала. Вы не должны легко соглашаться на бесконечное откладывание этой операции. Нам нужно занять его как можно раньше, после чего, независимо от того, как пойдут дела, нам потребуется 6-я британская дивизия. Никто не должен нас укорять за то, что мы подвергаем опасностям только войска других наций. Нам необходимо приложить все усилия для захвата Родоса еще до окончания месяца.

5. Не напишете ли Вы мне, почему Папагос не заберет трех-четыре дивизии из Албании для укрепления правого

фланга? Сообщают, что недавно итальянцы были снова полностью остановлены, и то, что немецкое наступление еще не начинается, может дать время для переброски. Нынешняя стратегическая дислокация греческой армии представляется мне крайне опасной. У Папагоса должны быть веские причины, и если Вам они известны — сообщите их, пожалуйста, мне.

6. Если бы Югославия вошла в дело, это бы оправдало оставление греческих войск в Албании, но пока что об этом ничего не известно. Полагаю, что Вы с Диллом тщательно изучили возможность атаки югославы на итальянцев в Албании. Здесь они могут выиграть первоклассную победу, в то же самое время захватив массу снаряжения, которое им нужно для сохранения своей независимости и которое они нигде не в состоянии получить своевременно.

7. Не допускайте, чтобы Лемнос оказался бы без труда захвачен немцами и превращен в авиационную базу.

8. Повидимому, следует добиться решительного исхода у Керена, до отзыва оттуда авиаэскадрилий.

9. Ваше послание о жалобах Лонгмора не учитывает того, что уже находится в пути».

Приведя подробности об этих подкреплениях для авиации, я добавил:

«Тот факт, что Лонгмор — и Портал — полагают, что Вам следует ехать через Лагос, является моим последним доводом в пользу того, чтобы Вы с Диллом оставались на месте. В противном случае, помимо соображений, приведенных вначале, вы оба выйдете из строя и там и тут на семь решающих дней. Здесь все спокойно, и мы начинаем обрезать когти гуннам и при лунном свете. Бог вас всех благословит».

Я считал нужным сообщить о наших планах президенту, в послании, которым хорошо закончить эту тревожную главу.

«Бывший моряк — президенту Рузвельту. 10 марта 41 года

Должен Вам сказать, что мы приняли решение относительно Греции. Хотя было весьма соблазнительным продвигаться от Бенгази до Триполи, и мы все еще можем использовать значительные силы в этом направлении, мы считали своим долгом встать рядом с греками, заявившими нам, что они решились, даже одни, сопротивляться немецким втор-

женцам. Наши генералы Уэйвел и Дилл, сопровождавшие Идена в Каир, после всесторонних обсуждений с нами в Лондоне, полагают, что мы располагаем неплохим шансом устоять в этой борьбе. Поэтому, мы посылаем в Грецию большую часть Нильской армии и укрепляем, как можем, нашу авиацию на Среднем Востоке. Смэтс направляет в Дельту южноафриканцев. Об опасностях, стоящих перед нами, Вы можете судить сами.

В настоящий момент, действия Югославии могут сыграть кардинальную роль. Ни у одной страны никогда еще не было таких военных возможностей. Если они обрушатся на итальянские тылы в Албании, нельзя будет даже предсказать, как изменится положение за несколько недель. Вся ситуация может преобразиться, и Турция может решиться пойти с нами. Чувствуется, что Россия, хотя и движимая более страхом, может, как минимум, дать заверения Турции, что не будет нажимать на нее на Кавказе и не пойдет против нее на Черном море. Мне вряд ли надо говорить, что согласованное влияние Ваших послов в Турции, России и, прежде всего, в Югославии, имело бы колоссальное значение в данный момент, и — кто знает? — может быть, склонило бы весы судьбы в нашу пользу.

В этой связи, я должен поблагодарить Вас за отличную работу Донована в его длительной поездке по Балканам и Среднему Востоку. Он повсюду пронес с собой вдохновенное, согревающее сердце пламя».

7.

БИТВА ЗА АТЛАНТИКУ**Западные подступы
1941**

В потоке стремительных событий одна тревога оставалась на первом месте. Сражения можно было выигрывать или проигрывать, разные операции могли кончаться успехом или неудачей, территории можно было завоевывать или оставлять, но, превыше всего, наша способность вести войну — или даже только выжить — зависела от того, удастся ли нам сохранить господство на морях и обеспечить открытые входы в наши гавани. В предыдущей книге я описал ту опасность, которую создал для нас захват немцами европейского побережья от Нордкапа до Пиренеев. Вражеские подводные лодки, все время усовершенствующиеся в отношении быстроты, выносливости и радиуса действий, могли выходить в море из любого порта или залива и подрывать тот единственный путь, по которому мы получали продовольствие и другие товары. Число их все время увеличивалось. В первой четверти 1941 года немцы выпускали по десять подводных лодок в месяц; вскоре после того, — до восемнадцати. Это включало т. н. «пятисоттонный» и «семисотсорокатонный» типы, первый с радиусом в 5500 миль, второй — 7500.

К этому бедствию теперь добавились нападения с воздуха среди океана самолетов дальнего действия. Из них самым удивительным был Фокке-Вульф 200, известный под названием «Кондор», хотя, к счастью,

вначале их было немного. Они могли подниматься в Бресте или в Бордо, облететь Британские острова, пополнить запас горючего в Норвегии и на следующий день возвратиться назад. По пути они могли видеть далеко под собой большие конвои, состоявшие из 40-50 кораблей, к которым мы вынуждены были прибегнуть из-за недостатка в эскорте, пересекающие океан. Они могли атаковать эти конвои или отдельные суда своими разрушительными бомбами, или же могли указать позицию, к которой могли быть направлены для перехвата поджидавшие подводные лодки. Уже в декабре мы начали подготовку к операции, продиктованной безнадежностью положения, — выкладыванию подводного динамитного ковра от устья Мерси и Клайда до линии, глубиной в двести морских саженей к северо-западу от Ирландии. (Этот план никогда не был выполнен. Примечание автора.)

Тем временем, мы распорядились о расширении и реорганизации Командования береговой авиационной службы, отдавая ей приоритет в летчиках и самолетах. Мы предполагали к июню 1941 года увеличить его силы на 15 эскадрилий, включая сюда все 57 американских самолетов дальнего действия «Катилина», получение которых ожидалось к концу апреля. Невозможность для нас получить базы в Южной Ирландии снова оказывала губительное влияние на наши планы. Мы старались ускорить постройку новых аэродромов в Ульстере, в Шотландии и на Гибридных островах.

Таким образом, описанная выше обстановка оставалась без изменений, если не считать того, что некоторые условия становились еще хуже. Удушение нас магнитными минами удалось предотвратить лишь за счет успехов и находчивости британских ученых и благодаря неустанному труду двадцати тысяч человек, которые на тысяче маленьких судов вылавливали мины при помощи удивительной и разнообразной аппаратуры. Все наше судоходство вдоль во-

сточного побережья Англии находилось под постоянной угрозой со стороны немецких легких бомбардировщиков или истребителей и, по этой причине, было сильно ограничено. Лондонский порт, считавшийся в Первую мировую войну необходимым для нашего существования, использовался только на четверть своей мощности. Ламанш был зоной военных действий. Рейды бомбардировщиков на Мерси, Клайд и Бристоль крайне затрудняли работу этих единственных значительных торговых портов. Ирландский и Бристольский каналы были либо закрыты совсем, либо движение по ним сокращалось до последней степени. Если бы годом раньше специалисты-авторитеты были поставлены лицом к лицу с преобладавшими теперь условиями, они наперед объявили бы наше положение безнадежным. Это была борьба за право дышать.

Даже самый размах и все улучшения в наших защитных мероприятиях — конвой, отвлечение противника, размагничивание мин и очистка от них каналов, обход Средиземного моря, удлинение большинства рейсов во времени и расстоянии и задержки в портах из-за бомбежек и затемнений, — сокращали грузооборот нашего судоходства еще в большей степени, чем фактические потери в нем. Вначале Адмиралтейство, естественно, было озабочено безопасным проведением судов в порты и судило о своих успехах по уменьшению числа потопленных пароходов. Но теперь уже не в этом было дело. Мы все сознавали, что существование и способность страны вести войну в равной степени зависели от количества выгруженных грузов. «Из вашего отчета я вижу, — писал я Первому лорду в середине февраля, — что прибытие груженых пароходов в январе составило половину того, что было год тому назад».

Напряжение возрастало все время и потери в судоходстве в устрашающей степени превышали тоннаж нового судостроения. Обширные ресурсы Соединен-

ных Штатов входили в строй медленно. Мы не могли более ожидать таких больших поступлений в судах, какие были после захвата немцами Норвегии, Дании и Нидерландов весной 1940 года. Более того, число поврежденных судов на много превосходило то, которое мы могли ремонтировать; с каждой неделей затор в портах увеличивался и мы все более и более отставали. К началу марта уже накопилось более 2.600.000 тонн поврежденных судов, из которых около 930.000 отремонтировались во время погрузки и разгрузки, а почти 1.700.000 тонн, из-за невозможности отремонтировать, было полностью выведено из строя. Не удивительно, что для меня было почти облегчением, когда я переключался от этих смертельных проблем к — пусть неудачным, но вдохновенным — операциям в военной области. С какой радостью я согласился бы променять эту бесформенную, не поддающуюся измерению опасность, выраженную в графиках, диаграммах, кривых и статистических отчетах, на настоящую попытку немцев вторгнуться в Англию в широких масштабах.

**
*

В начале января 1941 года мы создали Бюро импорта, состоявшее из представителей основных, связанных с проблемами ввоза департаментов, во главе с министром снабжения, и параллельную организацию, Бюро производства, под руководством министра труда. Главной целью первого из них было попытаться разрешить ситуацию с импортом, улучшить организацию судоходства и транспорта и привести в порядок многие проблемы организации труда в портах. Я начал работать в тесной связи с этими мощными учреждениями, часто заседавшими вместе, и старался согласовать их деятельность.

«Премьер-министр — министру судоходства

4 января 41 года

Бюро импорта займется изучением всего положения, развитие которого послужило одной из причин его организации. Я буду находиться в теснейшем контакте с Бюро импорта и постараюсь найти нужные решения. Мы надеемся, что, используя более эффективно наше судоходство, его оборот, возможности портов и рабочей силы, мы сможем увеличить рабочий тоннаж, подняв его выше 33.000.000 тонн, — выше того, на что мы рассчитываем в настоящее время. Министерство судоходства и министерство транспорта, совместно с министерством труда, будут деятельно сотрудничать с Бюро импорта, которое будет координировать их работу. Помимо этого, мы будем просить Адмиралтейство сосредоточить больше усилий на ремонте судов, даже за счет некоторого ущерба для нового грузового судостроения. Мы надеемся, что придет американская помощь, и что наши конвои смогут по мере удлинения дня и вступления в строй новых эскортирующих судов, обеспечить большую безопасность судоходства».

«Премьер-министр — Бюро импорта.

23 января 41 года

1. Я прошу Вас не считать себя связанным предварительным расчетом наших потерь, представленным министерством судоходства и не принимать его за основу своих будущих расчетов. Министерство судоходства достигло итога в пять с четвертью миллионов тонн в год, беря за основу период, прошедший с момента падения Франции, включая совершенно исключительные потери при эвакуации Норвегии и Франции. Лучшим методом для расчетов было бы принятие среднемесячной цифры за весь 1940 год, то есть четыре с четвертью миллиона тонн; или даже за всю войну, что составит от трех и трех четвертей до четырех миллионов тонн, если вычесть потери при срочной эвакуации.

2. Вероятно, из осторожности следует считать, что наши средние потери будут оставаться на том же уровне. Из этого, однако, не следует, что они не могут уменьшаться по мере того, как начнут оказывать влияние наши новые методы, и флот получит дополнительные миноносцы. Имея это в виду, я думаю, что будет вернее ориентироваться на средние месячные цифры за весь период войны».

Мой подход полностью оправдался событиями 1941 года.

**
*

В начале года я попросил сэра Джона Андерсона, лорда-президента Совета, взять на себя особую задачу продвижения вперед планов по наиболее полному использованию всех экономических ресурсов страны в интересах нашего военного производства.

«Премьер-министр — лорду-президенту Совета.

28 января 41 года

В то время, как Бюро импорта и Бюро производства по необходимости заняты практическим руководством порученными им предприятиями, остается существенным, чтобы более обширные вопросы экономической политики оставались под наблюдением Вашего комитета, в особенности, лично Вашего. Это соответствует взглядам хорошо информированных людей. Поэтому Вы не должны колебаться взять в свои руки инициативу во всей этой области. Вы можете вызывать экономистов, вроде Кинеса, чтобы они высказывали Вам свои мнения лично. Вы можете просить любую помощь и содействие, в которых встретите необходимость, используя, конечно, Статистическое управление. Профессор Линдеман и его бюро будут помогать Вам во всем, что Вы захотите, и послужат связью между Вами и мной. Я хотел бы, чтобы Вы энергично взяли на себя руководство этим комитетом, и чтобы он собирался не реже раза в неделю.

Пожалуйста, поговорите с сэром Эдуардом Бриджесом и сообщите мне, как Вы предполагаете провести все это в жизнь».

Андерсон взялся за эту задачу со всей своей энергией, зрелой рассудительностью и административными способностями. Его долгий опыт в качестве государственного служащего в Англии и в качестве губернатора Бенгала вооружил его знанием особенностей британских министерств и правительственного аппарата в целом. Он скоро приобрел полное доверие своих коллег министров и превратил Комитет лорда-президента в мощный инструмент по согласованию планов министерств во всех областях военной экономики. По мере того, как шло время, этот комитет, действуя

по полномочиям Военного Кабинета, стал пользоваться все большим авторитетом и правом выносить решения в этой и в других областях. Его надежный контроль над экономической политикой и внутрианглийскими делами помогли мне сосредоточиться в военной сфере.

**
*

«Премьер-министр — сэру Ан德里ю Дункану, министру снабжения.
22 февраля 41 года

Премьер-министр был бы признателен, если бы Вы представили прилагаемые заметки и диаграммы Бюро импорта. Они были подготовлены профессором Линдеманом под личным наблюдением премьер-министра, и выявляют крайне тяжелую и все еще не объясненную тенденцию, которая, если не будет принято должных мер, подвергнет опасности существование Англии и парализует ее способность вести войну.

Премьер-министр не может понять, каким образом может иметь место столь ужасающее сокращение ввоза в то время, как число потопленных судов уменьшается (хотя и остается весьма внушительным) и объем перевозного тоннажа (если не считать изменения маршрутов) уменьшился сравнительно мало.

Он рад отметить, что за последние две недели произошло резкое улучшение и надеется, что это — первые результаты деятельности Бюро импорта.

Премьер-министр был бы рад встретиться с руководителями Бюро импорта в 5 часов дня во вторник, рассчитывая узнать от них, могут ли они предложить какие-либо дальнейшие мероприятия для предотвращения потенциально смертельной угрозы».

Еще 4 августа 1940 года я попросил Адмиралтейство перевести из Плимута в устье Клайда контрольный пункт Западных подступов. Это предложение натолкнулось на сопротивление и только в феврале 1941 года, под давлением событий, Адмиралтейство провело его в жизнь. О перемещении было договорено. Мерси было с основанием отдано предпочтение перед Клайдом, и 17 февраля адмирал Нобль

обосновался в Ливерпуле в качестве Главного командующего Западными подступами. Главный маршал авиации Боухилл, командующий Береговой охраной, работал с ним в теснейшем контакте. Новая объединенная штаб-квартира вскоре начала работать и с 15 апреля оба командования были объединены в одно закаленное оружие, под оперативным контролем Адмиралтейства.

**
*

Новый год начался сильнейшими, почти непрерывными штормами, вызывавшими многочисленные кораблекрушения среди более старых пароходов, которые, несмотря на свой возраст и неустойчивость, должны были посылаться в океан. Наконец, 30 января 1941 года, Гитлер произнес речь, угрожая нам гибелью и с уверенностью указывая на ту комбинацию воздушной и морской мощи, при посредстве которой он надеялся довести нас до голода и капитуляции. «Весной, — сказал он, — в море начнется наша подводная война и они увидят, что мы не спим. Авиация сыграет свою роль, и все вооруженные силы наши, тем или иным путем, но доведут дело до решающего конца».

«Премьер-министр — Бюро импорта. 25 февраля 41 года

Мне стало известно, что спасательная организация Адмиралтейства недавно внесла большой вклад в дело поддержания нашего судоходства. За последние пять месяцев 1940 года всего спасено судов общим водоизмещением около 370.000 тонн — против 340.000 тонн вновь построенных; число поднятых со дна судов, быстро возрастая, поднялось с десяти в августе, до тридцати в настоящее время.

Их следует с этим поздравить, и я уверен, что если что-либо может быть сделано для оказания помощи в улучшении их оборудования и подбора нужных специалистов, Вы делаете все от Вас зависящее.

Между тем, мы не можем полностью использовать эти результаты из-за ограниченности наших возможностей ремонта. Я не сомневаюсь, что Ваше бюро планирует их уве-

личить и, в то же время, использует возможности, существующие за океаном, — в случае, если эти суда в состоянии проделать еще одно путешествие до того, как стать на ремонт».

**

Помимо подводных лодок, в это время мы серьезно страдали от рейдов мощных немецких крейсеров. Об атаке «Шеера» на наш конвой в ноябре 1940 года, когда был потоплен благородный «Джервис Бей», было уже рассказано. В январе «Шеер» был уже в южной части Атлантического океана, двигаясь к Индийскому. За три месяца он потопил десять судов, водоизмещением в шестьдесят тысяч тонн, и затем сумел пробраться назад в Германию, куда прибыл 1 апреля 1941 года. Мы не были в состоянии направить против него такие мощные силы, которые годом раньше изловили «Графа Шпее». Крейсер «Хиппер», прорвавшийся в Атлантический океан в начале декабря 1940 года, укрылся в Бресте. В конце января, наконец отремонтированные после понесенных в Норвегии повреждений, «Шарнгорст» и «Гнейзенау» получили приказ выйти в североатлантический рейд, в то время как «Хиппер» должен был действовать против конвоев из Сиерра Леоне. В свою первую попытку вырваться в море эти линейные крейсера, бывшие под командой адмирала Лютьенса, едва не были уничтожены силами британского флота. Их спасли густые туманы, и 3 февраля они миновали незамеченными Датский пролив. В то же время из Бреста вышел в южном направлении «Хиппер».

8 февраля два немецких крейсера, двигавшиеся по обе стороны обычного маршрута из Галифакса, заметили приближающийся британский конвой. Германские суда разделились, чтобы атаковать его под разными углами. Внезапно, к своему удивлению, они обнаружили, что конвой эскортируется линкором «Рамиллем». Адмирал Лютьенс немедленно прервал

сражение. В его основных инструкциях приказывалось избегать схваток с равными силами противника, что предполагало любой британский линкор с 15-дюймовыми орудиями. Его осторожность была вознаграждена, и 22 февраля он потопил пять кораблей из разбежавшегося конвоя, следовавшего из Англии. Опасаясь нашего возмездия, он затем двинулся далее к югу и 8 марта встретил конвой, шедший из Фритауна. Но здесь опять оказался линкор «Малайя», и ему не оставалось ничего другого, как вызвать подводные лодки, чтобы повести атаку. Подводные лодки потопили пять судов. Показавшись в этом районе, он еще раз вернулся в западную часть Атлантики, где достиг своего величайшего успеха. 15 марта он перехватил шесть пустых танкеров, шедших из Англии, и потопил — или захватил — их все. На следующий день он потопил еще десять пароходов, в большинстве из того же конвоя. Таким образом, только за два дня, адмирал Лютенс потопил или захватил более 80.000 тонн водоизмещения.

Но уже приближался «Родней», эскортировавший конвой из Галифакса. У адмирала Лютенса было многое, чем похвастаться, и он достаточно рисковал. 22 марта он вошел в Брест. За этот рейд «Шарнгорст» и «Гнейзенау» потопили или захватили 22 парохода, с 115.000 тонн водоизмещения. Тем временем, «Хиппер» у Азорских островов наткнулся на идущий в Англию конвой из Сиерра Леоне, который еще не получил военного эскорта. В свирепой атаке, продолжавшейся один час, он потопил семь из девятнадцати пароходов, и, не пытаясь спасти утопающих, вернулся в Брест двумя днями позже. Для нас это были тяжелые потери, — дополнительно к тем, которые наносили нам подводные лодки. Более того, присутствие этих сильных вражеских судов вынуждало придавать эскорт почти к каждому наличному пароходу, и был момент, когда у Главнокомандующе-

го флотом у берегов Англии был в распоряжении всего один линкор.

«Бисмарк» еще не вошел в строй. Германскому адмиралтейству приходилось ждать окончания ремонта и его, и сопровождающего его — «Тирпица». Гитлер не мог бы придумать ничего более эффективного, чем держать эти два гигантских судна в Балтийском море и пускать время от времени слухи, что они собираются выйти в рейд. Из-за этого мы вынуждены были держать в районе Скапа Флоу практически все наши новые корабли, — и у него оставались все преимущества выбора момента, без необходимости находиться в постоянной готовности. Поскольку суда должны периодически инспектироваться и приводиться в порядок, для нас было почти невозможно поддерживать минимальное превосходство, — которое могло исчезнуть при любом значительном несчастном случае.

**
*

Мои мысли днем и ночью возвращались к этой ужасающей проблеме. В это время, моя единственная верная надежда на победу зависела от нашей способности вести долгую и неопределенную войну, пока не будет достигнуто превосходство в воздухе и пока, возможно, другие великие державы к нам не примкнут. Но эта смертельная опасность для наших важнейших путей сообщения сжимала мое сердце. В начале марта адмирал Паунд доложил Военному Кабинету об особенно тяжелых потоплениях. Я уже видел цифры и, после заседания, происходившего в кабинете премьер-министра в Палате общин, я сказал Паунду: «Нам надо посвятить этому делу все наше внимание. Я собираюсь провозгласить Битву за Атлантику». Это, подобно объявлению девятью месяцами раньше Битвы за Англию, было бы сигналом, целью которого было сосредоточить все умы и все заинтересованные министерства на подводной войне,

Для того, чтобы следить за этим делом как можно ближе и иметь возможность отдавать своевременные распоряжения, которые расчищали бы исполнение задачи от всяческих трудностей и препятствий, а также для того, чтобы принудить к деятельности многочисленные заинтересованные учреждения, я создал Комитет по борьбе за Атлантику. Заседания этого комитета происходили еженедельно и в них участвовали все заинтересованные министры и высшие чиновники, — как из военных, так и из гражданских ведомств. Обычно они длились не менее двух с половиной часов. Тщательно разбиралось все поле действий, и не задерживалось ничего, что требовало решения. Иллюстрацией интенсивности Битвы за Атлантику в 1941 году является частота заседаний комитета. Он собирался каждую неделю, без пропуска, между 19 марта и 8 мая; затем — в течение некоторого времени — раз в две недели, и, в конце концов, совсем редко. Последнее заседание состоялось 22 октября.

На всех участках нашей военной машины, охватывавших тысячи способных и преданных людей, были установлены совершенно новые пропорции задачи, на которой сосредоточилось, под сотнями разных углов зрения, всеобщее внимание. Как видно из предыдущей главы, 6 марта было напряженнейшим днем, когда решение о посылке в Грецию армии повисло в воздухе. Тем не менее, еще до окончания этого дня, была составлена моя директива о Битве за Атлантику. Я прочел ее Палате общин в закрытой сессии 25 июня 1941 года, но она существенна для нашего рассказа и я приведу ее здесь.

БИТВА ЗА АТЛАНТИКУ «Директива министра обороны

6 марта 41 года

В виду различных германских деклараций, мы должны считать, что Битва за Атлантику началась.

В течение следующих четырех месяцев мы должны оказаться в состоянии разбить попытку свести на-нет наше

продовольственное снабжение и нашу связь с Соединенными Штатами. Для этой цели:

1. Мы должны перейти во всеобщее и повсеместное наступление против подводных лодок и Фокке-Вульфов. На подводную лодку в море надо устраивать охоту; на лодку, строящуюся на германских верфях, надо сбрасывать бомбы. Фокке-Вульфы и другие бомбардировщики, оперирующие против нашего судоходства, должны атаковаться в воздухе и уничтожаться на аэродромах.

2. Первое место должно быть отведено задаче оборудования наших судов катапультами, способными бросать в воздух истребители для встречи атакующих наши корабли бомбардировщиков. На все предложения в этой области дается одна неделя.

3. Будут энергично продвигаться все, ранее одобренные и спущенные для исполнения мероприятия, целью которых является сосредоточение главных сил Береговой обороны на северо-западных подступах и оказание им помощи на восточном берегу Командованиями истребительной и бомбардировочной авиации. Можно надеяться, что с удлинением дня и с использованием новых маршрутов угроза подводных лодок скоро будет уменьшена. Тем более важно эффективно бороться против Фокке-Вульфов и, если они появятся, то и против Юнкеров 88.

4. В виду большой нужды в многочисленных миноносцах для эскортных, следует рассмотреть вопрос, нужно ли направлять находящиеся сейчас в строю американские миноносцы в доки, для второй серии улучшений, до окончания критического периода нынешней стадии сражения.

5. Адмиралтейство, совместно с министерством судоходства, пересмотрит вопрос освобождения от конвоирования судов со скоростью хода от 12 до 13 узлов, а также о том, не следует ли, в течение некоторого времени, испытать это в виде эксперимента.

6. Адмиралтейским заявкам на все зенитные орудия ближнего действия и на другие орудия, годные для установки на торговые суда, курсирующие в опасной зоне, должен принадлежать приоритет. Службе Противовоздушной обороны Великобритании и заводам уже даны указания выделить 200 Бофоров, или им эквивалентных орудий. Но за ними, по мере поступления требований Адмиралтейства, должен последовать непрерывный поток орудий, вместе с при-слугой, или хотя бы только с зенитчиками. Нужно составить трехмесячный график этого движения.

7. Мы должны быть готовы встретить концентрированные налеты на порты, от которых мы особенно зависим (Мерси, Клайд и Бристольский канал). Поэтому их надо обеспечить максимальной обороной. В недельный срок должен быть составлен доклад с нужными рекомендациями.

8. Все заинтересованные учреждения должны приложить согласованные усилия для разгрузки портов от скопившихся там поврежденных судов. К концу июня эту массу нужно уменьшить, по крайней мере, на 400.000 тонн водоизмещения. Для этой цели надо на некоторое время пересмотреть взгляды на торговое и военное судостроение. С верфей, где строятся новые суда, которых нельзя закончить до сентября 1941 года, надо перебросить рабочих на ремонт. Адмиралтейство берет на себя предоставление в кратчайший срок до 5.000 человек, сейчас занятых на военном кораблестроении, рассчитанном на долгое время. Такое же число должно быть переброшено с длительных строительных работ на торговых верфях.

9. Для борьбы с ужасающе медленным оборотом судов в британских портах необходимо использовать все методы по упрощению и ускорению ремонта и размагничивания, — даже за счет некоторого риска. Экономия в пятнадцать дней за счет этих работ, сама по себе, будет эквивалентна лишним 5 миллионам тонн импорта, или дополнительному тоннажу в один с четвертью миллион тонн водоизмещения. Адмиралтейство уже приказало своим офицерам во всех портах, оказывать всемерное содействие проведению в жизнь этого мероприятия, — существенную часть которого составляют ремонты. От времени до времени будут даваться дальнейшие предписания и портовые чиновники должны быть обязаны докладывать о том, что сделано, и предлагать свои рекомендации о том, что еще может быть предпринято. Может оказаться желательным проведение совещаний среди портовых служащих, на которых могли бы обсуждаться все трудности и проводиться обмен мнениями.

10. На своем совещании с представителями работодателей и рабочих и служащих министр труда достиг соглашения относительно перебросок рабочих в пределах порта. Это должно иметь в последствии немалое усиление занятости рабочей силы. Тем или иным путем, но в ближайший срок на ремонт и строительство судов и на работы в доках должно быть привлечено не менее 40.000 новых рабочих. В портах и на верфях надо провести интенсивную разъяснительную кампанию, с тем, чтобы все работающие могли уяс-

нить себе важнейшие последствия своей работы. В то же время нежелательно использование для этой кампании прессы и радио, — чтобы не соблазнять врага на новые воздушные налеты.

11. Министерство транспорта обеспечит порядок и свободу продвижения транспортных средств на пристанях и набережных, а также немедленную отправку дальше разгруженных с пароходов грузов. Для этой цели министр труда, в случае нужды, будет прибегать к содействию председателя Бюро импорта, а также сообщать ему еженедельно об успехах в переоборудовании портов, от которых мы особенно зависим, о переброске кранов и прочего из других портов и так далее. Он также должен сообщать о ходе работ по оборудованию второстепенных портов и об использовании лихтеров для ускорения погрузочно-разгрузочных операций.

12. Из представителей Управления транспорта Адмиралтейства, министерства судоходства и министерства транспорта создается Постоянный комитет, который будет собираться ежедневно и докладывать об всех препятствиях и затруднениях председателю Бюро импорта. Бюро импорта будет координировать все эти мероприятия и еженедельно докладывать о них мне, с тем, чтобы я мог, когда потребуется, просить Кабинет об утверждении всех дальнейших шагов.

13. В дополнение к тому, что сделано в Англии, надо принять все меры для обеспечения быстрого судооборота в портах заграничей. На этот счет всем, кого это касается, должны быть даны специальные инструкции, с указанием докладывать о том, что ими делается для исполнения этих инструкций и о тех трудностях, на которые им приходится наталкиваться».

**
*

В тот же день, 6 марта, я также выпустил меморандум о силе нашей армии в свете того, что мне стало известным о положении с импортом; его содержание не существенно для нашего повествования и потому здесь не приводится.

**
*

Подводные лодки теперь начали прибегать к новым методам, ставшим известными под названием «тактики волчьей стаи». Эта тактика состояла из атак на один конвой, с разных сторон, нескольких подводных лодок, действующих согласованно. В то время атаки производились обычно ночью, когда подводные лодки оперировали на поверхности, двигаясь полным ходом, — кроме случаев, когда их приближение замечалось. В этих условиях, перехватить их могли только миноносцы.

Эта тактика, ставшая главным методом противника в течение ближайшего года, ставила нас перед лицом двух проблем. Первая, как защищать наши конвои против быстрых ночных нападений, против которых «асдики» были, по существу, беспомощны. Выход был лишь в умножении быстроходных эскортирующих судов, но, еще более, в развитии эффективного радара. Более того, решение требовалось скорое, иначе наши потери грозили стать вовсе невыносимыми. Небольшие масштабы первых налетов подводных лодок, с которыми мы боролись с относительным успехом, вызвали вредное чувство самоуспокоенности. Теперь, когда гроза разразилась с ужасающей силой, у нас не оказывалось специальной аппаратуры, соответствовавшей требованиям момента. Мы энергично занялись этой проблемой и в итоге невероятных усилий наших ученых, которым дружно помогали наши моряки и летчики, был достигнут заметный успех. Результаты, однако, сказывались медленно, а тем временем продолжались тяжелые потери — и наша тревога.

Второй проблемой для нас было использование уязвимости вышедшей на поверхность подводной лодки для воздушной атаки. Эта долгая борьба могла быть выиграна только тогда, когда мы могли атаковать в уверенности, что являемся господами положения. Для этого мы нуждались в смертоносном оружии для нашей авиации, а также во времени, необходимом

для обучения летчиков и моряков пользованию этим оружием. Когда, наконец, обе эти проблемы были разрешены, подводные лодки были еще раз вынуждены возвратиться к подводным же атакам, при которых с ними можно было бороться старыми и хорошо испытанными методами. Но прошло два года, прежде чем мы достигли такого положения.

Тем временем, новая «тактика волчьей стаи», изобретенная адмиралом Деницем, стоявшим во главе подводного флота Германии и бывшим в Первую мировую войну капитаном подводной лодки, стала широко использоваться грозным Приеном и другими первоклассными командирами подводных лодок. Возмездие обрушилось скоро. 8 марта У-47 Приена была потоплена, с ним самим и всем экипажем, миноносцем «Уолверин», а девятью днями позже У-99 и У-100 были потоплены во время нападения на наш конвой. Обе лодки были под командованием выдающихся офицеров и их гибель имела заметное влияние на ход борьбы. Немногие из командиров подводных лодок, оперировавших позднее, могли сравняться с погибшими в беспощадности, смелости и по своим способностям. В марте на Западных подступах было потоплено пять подводных лодок, и хотя мы понесли тяжелые потери — до 243.000 тонн водоизмещения — от подводной войны и еще 113.000 тонн — от воздушных налетов, можно сказать, что первый раунд в Битве за Атлантику закончился вничью.

**
*

Другое важнейшее событие теперь надвигалось на другой стороне Атлантического океана. В эти дни я был в тесном контакте с Гопкинсом. Поблагодарив его за «посылку из 250.000 винтовок и патронов, благополучно прибывших», 28 февраля я телеграфировал:

«Однако, меня все более беспокоит высокий процент потерь в судах на Северозападных подступах и уменьшение

поступающего в Англию тоннажа. Со времени нашей встречи положение ухудшилось. Сообщите мне, когда пройдет Закон о ленд-лизе. Напряжение здесь возрастает».

Вскоре мы получили из Соединенных Штатов добрые вести. Закон прошел через Конгресс и 11 марта был утвержден президентом. Гопкинс поспешил сообщить мне об этом. Мы сразу почувствовали облегчение и прилив энергии. Материалы и снаряжение отпущались. От нас зависело их доставить.

«Премьер-министр — мистеру Гопкинсу. 9 марта 41 года
Благодарю Бога за новости. Напряжение велико. Привет».

«Бывший моряк — президенту Рузвельту. 9 марта 41 года
Да будет с Вами и со всем американским народом благословение всей Британской империи за эту помощь в тяжкий час испытаний».

В своем обращении по радио 9 февраля, я уже сказал: «Дайте нам — чем, и мы доведем дело до конца». Это было лишь заявлением. Требовалось много больше, но мы старались сделать все от нас зависящее.

**
*

Так же, как канцлер казначейства составлял свой финансовый бюджет, мы составляли бюджет нашего ввоза в натуральном выражении. К концу марта были закончены все расчеты и обсуждения относительно наших средств, и я мог представить Военному Кабинету свои окончательные предложения относительно характера и размеров армии, флота и авиации, а также относительно количества и характера импорта, который нам надо стараться обеспечить.

ПРОГРАММА ИМПОРТА
«Меморандум премьер-министра

26 марта 41 года

1. Для 1941 года мы должны принять общий размер ввоза не менее чем в 31 миллион тонн. На этой основе ввоз

продовольствия не может быть принят меньше, чем в 15 миллионов тонн, плюс еще миллион для Управления торговли. Это оставляет 15 миллионов для министерства снабжения, против 19 миллионов, которыми оно располагало по программе в 35 миллионов. Сокращение на 4 миллиона должно быть поэтому проведено министерством снабжения, в соответствии с чем оно должно переработать свои планы. Железо, чугун, сталь, лес, повидимому, являются той областью, где должно пройти сокращение. Поскольку мы теперь свободно покупаем сталь в Соединенных Штатах, поддержка в рабочем состоянии всей металлургической промышленности не может считаться необходимой. Мы должны постараться ввозить нужное в самых концентрированных формах и по кратчайшим путям. Этот принцип относится также к импорту продовольствия.

2. Если общий размер нашего ввоза упадет ниже 31 миллиона тонн, разница должна быть покрыта за счет министерств продовольствия и снабжения, в соотношении 1:2. Если ввоз превысит 31 миллион тонн, эти министерства получат избытки, в той же пропорции. Положение будет пересмотрено осенью, когда станет известным размер урожая этого года.

3. Я получил от военного министерства ответ на мой меморандум о размерах армии, который они обсуждали в течение трех недель. В этом меморандуме я не заглядывал дальше 1942 года и он должен быть пересмотрен с учетом позднейших событий. Мою цифру «около двух миллионов» можно интерпретировать как пожелание военного министерства иметь «2.195.000 человек», — для набора которых уже проведены нужные меры. Предложение военного министерства — заменить мою цифру в 15 бронетанковых дивизий — двенадцатью, плюс девять армейских танковых бригад, можно будет принять, что будет означать общие размеры Имперской армии в марте 1942 года в 59 с третью «эквивалентных дивизий». В результате, до конца 1942 года мы сберегаем за счет набора 475.000 человек. Это сбережение и увеличение в бронетанковых частях за счет пехоты и артиллерии должно означать существенное облегчение для министерства снабжения в поставке палаток, одежды и артиллерии.

4. Представленный президенту Рузвельту в январе план Пурвиса, имел целью обрисовать ему общий масштаб потребностей; сейчас можно его уточнить так, как захочет министерство снабжения, внося при этом поправки, вытекающие из изменения соотношения между бронетанковыми си-

лами. Однако, важно, чтобы цифры наших потребностей и того, что мы можем получить от Соединенных Штатов, не уменьшались; в особенности нельзя касаться снаряжения для десяти дополнительных дивизий.

5. Программа для флота будет рассмотрена отдельно, но здесь уже можно привести те принципы, которые окажут влияние на импорт.

Остающиеся три линкора типа «Король Георг V» должны быть закончены в кратчайший срок. Крайне желательная постройка «Вангарда», единственного основного корабля, который мы можем получить в 1943 году и до 1945 года. Нужен также один новый монитор. В настоящее время ни один другой тяжелый корабль не должен строиться, и для других целей флота, в течение следующих шести месяцев, не должны расходоваться бронированные плиты. Равным образом не следует строить новых заводов для их производства. 1 сентября положение будет пересмотрено с учетом —

а) хода Битвы за Атлантику,

б) отношения Соединенных Штатов к войне.

Потребности флота в бронированных плитах не должны превосходить 16.500 тонн, предусмотренных для 1941 года, и 25.000 — для 1943 года. Если эти лимиты будут соблюдены, министерство снабжения сумеет провести в жизнь увеличенный план танкостроения.

6. Министерства продовольствия и сельского хозяйства должны, на базе пятнадцатимиллионного импорта в 1941 году, выработать план на 18 месяцев, используя в нужной мере наши мясные резервы для покрытия потребности в следующие шесть месяцев, но в то же время стараясь ввезти как можно более разнообразные продукты. Делая расчеты на столь долгий период, как 18 месяцев, надо суметь избежать перемен в нашей политике использования резервов, в качестве балансирующего фактора и наилучшего использования отведенного тоннажа.

7. Британская воздушная мощь будет продолжать увеличиваться до установленных лимитов и принятых сейчас разнарядок и планов».

По получении одобрения Военного Кабинета, эти точные инструкции были приняты к безоговорочному исполнению всеми, к кому они относились.

**
*

Со времени принятия Закона о ленд-лизе, наши отношения с Соединенными Штатами становились все более близкими. Под нашим нажимом они заняли более решительную линию поведения в отношении Вишійской Франции. Недавние опустошения, учиненные германскими крейсерами, показали, какое зло могут причинить эти мощные суда, к которым вскоре должен был присоединиться «Бисмарк». Был также страх, что немцы захватят контроль над французским флотом и введут в строй быстроходный линкор «Дюнкерк».

Президенту я телеграфировал:

«Бывший моряк — президенту Рузвельту. 2 апреля 41 года

1. Мы располагаем совершенно надежной информацией, что Вишійское правительство получило «разрешение» от Комиссии по перемирию на перевод из Орана в Тулон, якобы для «разоружения», линкора «Дюнкерк» под охраной всей группы «Страсбург».

2. Представляется более чем вероятным, что целью этого перевода является ремонт линкора, и мы должны, естественно, считать, что все это делается по немецким приказам.

3. Мне нет необходимости указывать Вам на тяжелую опасность, которую это для нас представляет. Угроза германских рейдеров уже и без того достаточно велика. Добавление такого судна к флоту рейдеров поставит нас перед действительно тяжелой проблемой. Если слово адмирала Дарлана стоит хоть чего-либо, можно надеяться, что в качестве крайнего исхода он прикажет выйти в море из портов континентальной Франции всем военно-морским соединениям, готовым для плавания. Но если «Дюнкерк» будет поставлен в док и на ремонт, это даст немцам возможность внезапно захватить его в свои руки.

4. Я боюсь, что наши худшие подозрения относительно Дарлана оправдаются самым зловещим образом.

5. Через своего посла в Виши Вы уже указали французскому правительству, что переговоры о снабжении хлебом неоккупированной Франции были бы значительно облегчены, если бы французские военные корабли были бы переведены из портов метрополии в порты Северной и Западной Африки. И мы видим, что Дарлан не только не счи-

тается с Вашими пожеланиями, но и сознательно поступает наоборот.

6. Я серьезно надеюсь, что Вы сочтете возможным немедленно указать маршалу Петэну, что если Дарлан будет настаивать на своем, он тем самым будет подрывать перспективы получения Францией помощи и, в конце концов, американские симпатии. В этом положении мы сами, конечно, ничем не можем помочь снабжению Франции. Может быть, остается слабый шанс, что Петэн удержит Дарлана от исполнения его плана, но все это дело для нас настолько важно, что мы можем, даже несмотря на все возможные опасные последствия, попытаться перехватить и затопить это судно. Я хотел бы услышать Ваше мнение — будет ли понятна для Вас необходимость такого шага.

7. Само собой разумеется, что крайне важно, чтобы ни французы, ни их господа, не догадывались, что мы можем сделать упомянутый выше крайний шаг».

Как бы ни было срочным это дело, я не мог предпринять здесь ничего, не зная чувств и пожеланий президента.

«Премьер-министр — Первому лорду. 3 апреля 41 года

1. До получения ответа от президента Рузвельта, об отсутствии с его стороны возражений, нельзя предпринимать никаких нападений на «Дюнкерк». Если в его ответе ничего об этом не будет сказано, это можно будет считать признаком согласия.

2. Если ответ будет получен в мое отсутствие, Первый лорд свяжется, по возможности, с Лордом хранителем печати, и примет решение.

3. Лично я сильно настроен в пользу атаки. Увы, мы не можем быть уверены в успехе. Если линкор будет сопровождаться миноносцами, у нас будет лишь один шанс из десяти на успех атаки.

4. По моему мнению, реакция Виши не будет серьезной. Они поймут, что их поймали на прогерманском трюке. Поскольку дело касается французского народа, не может быть ничего легче, как объяснить в повторных радио-передачах, что линкор, находившийся в беспомощном состоянии, передавался по существу немцам, так как в случае занятия ими юга Франции, будучи привязанным к доку в Тулоне, он не был бы в состоянии уйти в море, подобно подвижным соединениям».

**
*

На следующий день мы узнали от президента, что «Дюнкерк» не выйдет из Орана еще в течение десяти дней, и что поэтому в деле нет крайней срочности. 6 апреля он сообщил нам, что мистер Мэтьюз, американский советник в Виши, испросил у маршала Петэна срочную аудиенцию. Но как только Мэтьюз сказал Петэну, что он хочет говорить о «Дюнкерке», маршал, явно не осведомленный о ситуации, послал за Дарланом. Дарлан явился и сказал, что подобная информация очевидно исходит от англичан и стал жаловаться, что Англия хочет стать монополистом в Средиземном море. Он признал, что собирается перевести линкор в Тулон, так как его нельзя отремонтировать в Оране, и, кроме того, он вообще решил не оставлять его там. И маршал, и он, раньше дали честное слово, что французские суда не попадут в руки немцев, и он повторил эти заверения. «Дюнкерк» не будет готов к переводу еще по крайней мере десять дней. Американское посольство в Виши полагает, что это — правда, и считает, что если даже судно будет переведено в Тулон, ремонта закончить будет нельзя до конца августа. Дарлан сделал серию антибританских деклараций и маршал обещал Мэтьюзу ответить официально. Президент далее писал, что, повидимому, Петэну было легче разобраться в написанном, чем полагаться на свою память, и что после более внимательного изучения вопроса он сможет дать нам просимые заверения.

Я поблагодарил, но сказал, что тревога моя не исчезла.

«Бывший моряк — президенту Рузвельту. 6 апреля 41 года

1. Весьма признателен за Ваше энергичное вмешательство в дело о «Дюнкерке». Это верно, что Тулон не сможет отремонтировать его еще три-шесть месяцев, но зачем нам нужна эта постоянная угроза над нашей головой? Честное слово Дарлана, что судно не попадет к немцам, ничего не стоит. Судно в сухом доке, или в капитальном ремонте,

просто не сможет уйти из Тулона до того, как немцы наложат на него руки. Их офицеры и агенты все время находятся на месте и Вы помните, с какой легкостью мы захватили французские корабли в Портсмуте и Плимуте. Нам надо держаться принятой политики сопротивления всем переводам французских судов из африканских портов в порты, либо уже контролируемые немцами, либо в те, где их контроль может быть установлен, а также поощрять движение в обратном направлении. Если Дарлан получит «Дюнкерк» из Орана, почему бы ему не вызвать «Жана Барта» из Казабланки или «Ришелье» из Дакара? Поэтому, я прошу Вас не ослаблять непрерывного давления на Виши. Очевидно, это — самое эффективное, что только можно сделать; мы знаем наверняка, что «Дюнкерк» собирался отплыть утром 4-го и все приготовления были сделаны. Петэн не знает и половины того, что делает этот негодяй Дарлан. Было бы много лучше, если бы Ваше давление и далее удерживало Дарлана, чем если бы нам пришлось прибегать к сильным средствам, со всеми вытекающими отсюда опасностями.

2. Не поможет ли делу своевременное оглашение этой истории? Возражали ли бы Вы, если в среду, в Палате общин, я заявил бы что-нибудь вроде следующего: «Риск, что Дарлан переведет «Дюнкерк» в Тулон из Орана, чтобы привести его в боеспособное состояние, имелся всегда. Подобный акт нарушил бы равновесие морских сил во всем мире и задел бы не только наши интересы, но и интересы американцев. Маршалу Петэну были правительством Соединенных Штатов сделаны представления, которые должны были показать правительству Виши, насколько нежелателен этот шаг с точки зрения интересов Франции. Правительство Его Величества будет несомненно вынуждено рассматривать это, как угрожающий шаг, предпринимаемый по указке Гитлера и представляющий собой часть общей схемы адмирала Дарлана по захвату личного контроля над Францией в качестве надежного германского агента. Правительство Его Величества будет считать себя свободным предпринять против этого судна любые действия по своему усмотрению, либо при переводе его в Тулон, либо в тулонской гавани. Мы будем крайне сожалеть, если создастся подобное положение, поскольку наша политика по отношению Франции сводится к освобождению ее от германского ига и сохранению целостности Французской империи». Сообщите мне, пожалуйста, что Вы об этом думаете, и не предпочтаете ли Вы уладить дело втихомолку».

9 апреля я сделал Палате общин заявления в приведенных выше выражениях и инцидент с «Дюнкерком» был в конце концов улажен подчинением Виши давлению президента. Двумя днями позднее президент прислал мне копию официального французского ответа:

11 апреля 41 года

«В меморандуме, врученном маршалу Петэну 4 апреля, американский поверенный в делах обратил его внимание на сообщения, согласно которым французское правительство «с разрешения Висбаденской Комиссии по перемирию», готовится перевести «Дюнкерк» из Орана в Тулон в тот самый момент, когда правительство Соединенных Штатов высказывает пожелание, чтобы военно-морские силы двигались в обратном направлении. «Если подобное перемещение будет иметь место, — было сказано в меморандуме, — правительство Соединенных Штатов не представляет себе, как оно сможет продолжать далее свою прежнюю политику оказания помощи неоккупированной Франции, не говоря уже о других возможных актах сотрудничества».

Правительство маршала Петэна откровенно и без стеснений признает, что оно имело в виду подготовить «Дюнкерк» к переводу в Тулон в ближайшее время. Но это мероприятие рассматривалось им вполне независимо, без какого-либо иностранного давления, и исключительно по техническим соображениям.

Правительству Соединенных Штатов хорошо известно, что «Дюнкерк» был тяжело поврежден в июле 1940 года в результате гнусного нападения, во время которого было убито много французов.

Судно сегодня в состоянии двигаться, но окончательный ремонт требует пребывания в сухом доке; Тулон является единственным местом в неоккупированной Франции и Северной Африке, где ремонт может быть произведен. Это — единственная причина, почему было решено перевести туда «Дюнкерк». Тем не менее, в виду политического значения, которое правительство Соединенных Штатов считает нужным придать этому делу, французское правительство согласно отсрочить подготовительные мероприятия до того, как будет достигнуто соглашение по этому поводу. Этим оно желает показать правительству Соединенных Штатов свое неизменное желание следовать, поскольку позволяет обстановка, политике, принятой Францией в целях обеспе-

чения снабжения Французской Африки и неоккупированной зоны.

Но, откладывая окончательный ремонт одного из своих лучших военных кораблей, французское правительство приносит в жертву свое самоуважение и интересы страны, так как этим уменьшаются его возможности оборонять Империю и защищать морские пути.

Поэтому французское правительство ожидает от американского, что оно использует свои отношения в Лондоне для получения от британского правительства гарантии, что поскольку «Дюнкерк» остается в Северной Африке, будут прекращены захваты наших пароходов, крейсирующих между французскими колониями, Французской Африкой и неоккупированной зоной. Должно быть очевидным, что страна, которой так угрожает голод, как Франции, не может согласиться на отказ в использовании всех своих средств обороны, если торговые морские суда, которым была обещана безопасность, будут продолжать подвергаться преследованиям и нападениям».

Конечно, мы не дали подобной гарантии, и в то же время могущественное вмешательство президента дало возможность стать нашим отношениям с вишійской Францией несколько менее враждебными.

8.

БИТВА ЗА АТЛАНТИКУ

1941

Американское вмешательство

В подводной войне теперь происходили важные перемены. Ликвидация в марте трех германских «ас-сов» и улучшения в наших оборонительных мероприятиях оказали свое влияние на тактику подводных лодок. Решив, что Западные подступы для них слишком опасны, они двинулись далее на запад, в воды, где из-за невозможности пользоваться южно-ирландскими портами, до них могли добраться только немногие из наших эскортирующих флотилий и где было невозможно создать прикрытие с воздуха. Из наших английских баз наш эскорт мог обеспечить эффективную защиту лишь на протяжении одной четверти пути до Галифакса. В начале апреля «волчья стая» атаковала у 28° западной долготы наш конвой, раньше, чем до него успел добраться эскорт. В завязавшемся сражении 10 судов из 22 были потоплены, и погибла одна подводная лодка противника. Мы должны были как-то постараться удлинить нашу защиту, иначе нам оставались считанные дни.

До сего времени помощь из-за океана ограничивалась снабжением, но теперь, в обстановке возрастающего напряжения, президент, используя данные ему Конституцией полномочия Главнокомандующего вооруженных сил, начинал оказывать нам вооруженную помощь. Он решился не допустить, чтобы немецкие подводные лодки и рейдеры приближались к амери-

канским берегам, и принять меры к тому, чтобы посылаемые Англии вооружение и амуниция благополучно проходили хотя бы полпути через океан. Еще в июле 1940 года он послал в Великобританию военную и морскую миссию для «изучения положения». Вскоре адмирал Гормли, морской обозреватель Соединенных Штатов, обнаружил, что Англия была полна решимости и могла выдержать борьбу против любой непосредственной опасности. Его задачей, в сотрудничестве с Адмиралтейством, было установить, каким образом можно было использовать военную мощь Соединенных Штатов, во-первых, в обстановке, определяемой нынешней политикой — «полная поддержка, но без участия в войне», и, во-вторых, в случае вовлечения Соединенных Штатов в войну.

Из этого скромного начала вырос широкий план обороны Атлантического океана двумя англо-саксонскими державами. В январе 1941 года в Вашингтоне начались секретные переговоры между штабами, охватившие всю обстановку и положившие начало формулированию совместной всемирной стратегии. Военные руководители Соединенных Штатов согласились с тем, что если война распространится на Америку и на Тихий океан, Европа и Атлантический океан будут рассматриваться в качестве решающих театров. В первую очередь должен был быть разбит Гитлер, — и, исходя из этого основного принципа, были разработаны планы американской помощи в Битве за Атлантику. Были начаты подготовительные мероприятия для совместной охраны конвоев в Атлантическом океане. В марте 1941 года Великобританию посетили американские офицеры, задачей которых было выбрать местоположения для баз американских воздушных и морских сил. Работа на строительстве этих баз началась без промедления. Тем временем начавшееся в 1940 году строительство американских баз на британских территориях в западной части Атлантики шло полным ходом; из них важнейшей для североамери-

канских конвоев была Арджентия, на Ньюфаундленде. Располагая ею и гаванями в Англии, американские силы могли полностью, в допустимых пределах, использовать свои возможности в Битве за Атлантику; во всяком случае, так нам казалось, когда планировались эти мероприятия.

Между Канадой и Великобританией находятся острова Ньюфаундленд, Гренландия и Исландия. Все они лежат неподалеку от кратчайшего пути между Галифаксом и Шотландией, образующего большую дугу. Базирующиеся на них силы могут контролировать, посекторно, весь путь. Гренландия была совершенно лишена каких-либо ресурсов, но два других острова могли быть быстро и с успехом использованы. Есть поговорка: «Кто владеет Исландией, держит в руках пистолет, направленный на Англию, Америку и Канаду». Имея это в виду, мы, после падения Дании в 1940 году, с согласия населения острова, оккупировали Исландию. Теперь мы могли воспользоваться ею в борьбе против подводных лодок и в апреле 1941 года мы устроили там базы, которыми могли бы пользоваться наши эскортирующие суда и самолеты. Исландия была выделена в отдельное командование, после чего мы смогли продлить эскортирование на море до 35° западной долготы. Но даже и после того к западу оставался угрожающий разрыв, который мы пока не могли заполнить. В мае у 41° западной долготы был атакован шедший из Галифакса конвой и пока подоспел наш эскорт, девять судов было потоплено.

Тем временем возрастала сила Королевского канадского флота и с верфей в значительных количествах стали спускаться новые корветы. В этот критический момент Канада была готова сыграть выдающуюся роль в смертельной борьбе. Потери в этом конвое сделали как нельзя более очевидным то обстоятельство, что только эскортирование от берега Канады до берега Англии могло обеспечить относитель-

ную безопасность, и 23 мая Адмиралтейство предложило правительствам Канады и Ньюфаундленда использовать Сент-Джон, на Ньюфаундленде, в качестве передовой базы наших общих эскортирующих сил. Отклик последовал немедленно и к концу месяца, наконец, стало реальным эскортирование транспортов на всем пути. После этого Канадский королевский флот взял на себя ответственность за охрану, своими собственными силами, всех конвоев в западной части океанского пути. Из Великобритании и Исландии мы могли обеспечить охрану на остающейся его части. Но даже и после того охраняющие силы оставались угрожающе малыми для выполнения всей задачи, и потери быстро возрастали. За три месяца, кончая маем, только подводными лодками было затоплено 142 судна с водоизмещением в 818.000 тонн. Из них 99 судов (около 600.000 тонн) были английскими. Для достижения таких результатов немцы постоянно держали в Северной Атлантике около дюжины подводных лодок, кроме того стараясь растянуть линии нашей обороны решительными нападениями в районе Фритауна, где только в мае шестью подводными лодками было потоплено тридцать два парохода.

**
*

В Соединенных Штатах шаг за шагом к нам приближался президент и его могущественное вмешательство вскоре приобрело решающее значение. Поскольку мы нашли необходимым устройство баз в Исландии, для него было только естественным принять меры для устройства американской авиабазы в Гренландии. Было известно, что немцы уже построили несколько метеорологических станций на восточном берегу Гренландии и против Исландии. Поэтому, шаг президента был весьма своевременным. Далее, было решено, что не только наши пароходы, но и наши военные корабли, поврежденные в тяжелых боях на Сре-

диземном море и в других местах, могли ремонтироваться на американских верфях. Это сразу же означало облегчение для наших перенапряженных ресурсов в Англии. Президент подтвердил это в телеграмме от 4 апреля, в которой также говорилось, что он ассигновал средства для строительства еще 58 верфей и двух сотен новых судов.

«Бывший моряк — президенту Рузвельту. 4 апреля 41 года

1. Я очень признателен за Ваше послание о судостроении, которое я только что получил через нашего посла.

2. За последние несколько недель мы были в состоянии усилить эскортирование конвоев на Северозападных подступах и, в результате, нанесли тяжелые удары немецким подводным лодкам. Сейчас они переместились далее на запад и сегодня утром (3 апреля) потопили четыре парохода у 29-го меридиана, за день до прибытия эскорта. Ликвидация опасности со стороны подводных лодок, — это просто вопрос миноносцев и эскортирующих судов, но наши возможности настолько перенапряжены, что, заделывая одну дыру, мы открываем ее в другом месте. Если бы могли получить десять ваших катеров, с экипажем, мы могли бы базировать их на Исландию, откуда их значительный радиус действия позволил бы им охранять конвои до того самого места, где их встречает эскорт, базирующийся на Англию. Другим важным фактором на Северозападных подступах является авиация дальнего действия. Сейчас эти самолеты начинают поступать. Тем временем, хотя наши потери становятся все более ощутительными, я надеюсь, что мы уменьшим воздушную опасность, когда, через месяц или шесть недель, получим большое число истребителей (Ураганов), которые будут взлетать с торговых пароходов, патрулирующих опасную зону».

Неделей позже пришли большие известия. 11 апреля президент мне телеграфировал, что правительство Соединенных Штатов предполагает расширить свою так называемую Зону Безопасности и патрулируемый район, установленные в самом начале войны, до линии, включающей все воды Северной Атлантики к западу от 26° западной долготы. Для этой цели президент предполагал использовать самолеты и военные суда, оперирующие из Гренландии, Ньюфаундле-

да, Новой Шотландии, Соединенных Штатов, Бермудских островов и Вест Индских островов, с возможным последующим продлением до Бразилии. Он предложил нам, в секретном порядке, сообщать ему о передвижениях наших конвоев, « с тем, чтобы наши патрульные соединения могли выискивать суда и самолеты агрессора, оперирующие к западу от новой линии Зоны Безопасности». Со своей стороны американцы немедленно бы сообщили координаты судов и самолетов агрессора, если таковые появятся в зоне, патрулируемой американцами. «Еще неизвестно, — заканчивал свою телеграмму президент, — сделаю ли я особую декларацию по этому поводу. Я могу ограничиться изданием нужных приказов флоту и предоставить немцам со временем самим обнаружить существование новой патрулируемой зоны».

С чувством большого облегчения я передал эту телеграмму Адмиралтейству.

«Премьер-министр — президенту Рузвельту.

16 апреля 41 года

Я намеревался ответить Вам более подробно на Ваше важное сообщение об Атлантике. Адмиралтейство узнало новость с величайшим удовлетворением и чувством облегчения, и подготовило бумагу технического содержания. Оно хотело бы знать, однако, не было бы лучше предварительно обсудить ее с адмиралом Гормли, ожидающимся здесь в ближайшие дни. Я не знаю, информирован ли он обо всем. Дело это, несомненно, крайней срочности и связано с важными последствиями. У 30 меридиана сейчас оперирует около 15 подводных лодок и несомненно, что гидропланы Соединенных Штатов, действующие из Гренландии, смогут провести немедленно же полезнейшую работу».

Двумя днями позже, 18 апреля, правительство Соединенных Штатов объявило о новой демаркационной линии между восточным и западным полушариями, о которой президент упоминал в послании от 11 апреля. Эта линия, проведенная вдоль 26 меридиана, с этого момента становилась фактической морской границей Соединенных Штатов. Она включала в сферу

Соединенных Штатов все британские владения вблизи американского континента, Гренландию и Азорские острова, и вскоре после того была передвинута далее на восток, чтобы включить Исландию. Согласно этой декларации, военные суда Соединенных Штатов должны были патрулировать воды Западного полушария и, между прочим, информировать нас о деятельности там противника. Однако, Соединенные Штаты оставались невоюющей стороной и в этой стадии не могли оказать прямой помощи нашим конвоям. Эта последняя задача оставалась целиком на долю британских сил, на всем протяжении пути.

В это время, и британские и американские военноморские круги были обеспокоены положением на Азорских островах. Мы сильно подозревали, что противник планирует их захват в качестве базы для подводных лодок и самолетов. Эти острова, расположенные около центра Северной Атлантики, во вражеских руках могли оказаться такой же большой угрозой нашему судоходству на юге, как Исландия — на севере. Со своей стороны, британское правительство не могло терпеть такого положения, и, в ответ на срочные запросы португальского правительства, вполне сознававшего опасность для своей страны, мы подготовили экспедицию с целью предупредить подобный немецкий шаг. Мы также подготовили планы оккупации Канарских островов и островов Зеленого Мыса, в случае, если Гитлер двинется в Испанию. Необходимость в этих экспедициях исчезла как только стало ясным, что Гитлер направил свои взоры на Россию.

«Бывший моряк — президенту Рузвельту. 24 апреля 41 года

1. Отвечаю подробно на Ваше послание от 11 апреля. Задержка была вызвана ожиданием адмирала Гормли, в прибытии которого не было уверенности. Первый морской лорд имел ряд продолжительных бесед с Гормли, об итогах которых мне передано следующее:

2. В дополнение к угрозе со стороны немецкой авиации у наших берегов, у нас, в Битве за Атлантику, есть еще

две основных проблемы. Это — подводные лодки и рейдеры.

3. Что касается подводных лодок, мы имеем значительный успех в борьбе с этой заразой, когда они оперируют где-нибудь в районе 22° западной долготы, на Северозападных подступах. По причине ли наших успехов, или по какой-нибудь иной, но сейчас они работают уже около 30° западной долготы.

4. Однако, благодаря присланным американским миноносцам, и в результате использования Исландии в качестве топливной базы, мы смогли постепенно усилить наше эскортирование.

5. Можно ожидать, что реакцией противника на это будет посылка подводных лодок еще дальше на запад, и, поскольку большинство их базируется на Лориан и Бордо, они могут проделать это без удлинения нынешнего радиуса действия.

6. Поэтому, можно считать вероятным, что район к западу от 35° западной долготы и к югу от Гренландии, станет следующей опасной зоной, и там нам управляться будет трудно. Поэтому, воздушная разведка с Гренландии, покрывающая этот район, будет иметь огромную ценность, так как, узнав местоположение подводной лодки, мы всегда сможем по радио изменить маршрут наших конвоев и благополучно миновать опасность.

7. Другой район, где мы имеем значительные неприятности, расположен между Фритауном, островами Зеленого Мыса и Азорскими. Мы не можем направлять наши транспорты дальше к западу из-за плохого состояния пароходов, плавающих по этому маршруту. Это было бы возможно лишь при условии уменьшения их груза и погрузки дополнительного горючего. Для этих конвоев мы выделяем сколь можно больший эскорт, но он совершенно недостаточен и нам страшно бы помогло, если бы разведка с одного из американских авианосцев прочесывала бы эту зону впереди идущих конвоев.

8. Никаких трудностей в предварительном осведомлении американских морских властей о передвижении конвоев не будет.

9. Что касается рейдеров, одним опасным пунктом являются воды в районе Ньюфаундленда, — где проходит очень большое количество наших судов, без необходимой охраны. Именно там «Шарпгорст» и «Гнейзенау» собрали свои самые богатые трофеи. Всякая дополнительная раз-

ведка большого радиуса действий с Ньюфаундленда или из Новой Шотландии была бы огромной помощью нам.

10. Мы надеемся сделать Ньюфаундленд или Новую Шотландию базой какого-либо мощного линкора, который мог бы использовать полученную от вас информацию относительно рейдеров.

11. На наших торговых путях имеются различные районы, где могут оперировать корабли противника; они находятся к западу от 26° западной долготы. И в северной и в южной части Атлантического океана имеются зоны, в стороне от наших торговых путей, где находятся пловучие базы снабжения противника и где он получает горючее. До сего времени мы не имели возможности исследовать эти зоны, так как у нас нет нужных для этого судов. Если бы мы знали, что над определенной зоной будет проведена разведка, мы бы постарались иметь поблизости силы, способные справиться с обнаруженным рейдером. Помимо информации, которую смогут передавать по радио ваши корабли, самый факт воздушной разведки над этими зонами вызовет у противника немалое чувство беспокойства.

12. Я полагаю, что все уже сделано для установления секретной радиосвязи между британскими и американскими военными судами.

13. Только для Вас. С перечисленным выше тесно связано одно дело, вызывающее у меня и у морского штаба все возрастающее беспокойство. Способность Испании и Португалии сопротивляться возрастающему германскому давлению может исчезнуть в любой момент, в результате чего мы потеряем возможность пользоваться базой в Гибралтаре. Для достижения этого немцам не нужно двигать в Испанию большой армии; им достаточно захватить батареи, которые будут причинять беспокойство Гибралтару, для чего им будет достаточно нескольких тысяч артиллеристов и технического персонала. Они уже провели предварительную операцию по проникновению в Танжер и, таким образом, обе стороны пролива могут живо перейти в руки опытных немецких артиллеристов.

14. В тот момент, когда Испания капитулирует или будет атакована, мы, конечно, пошлем две, давно уже подготовленные экспедиции, одну из Англии, оккупировать один из Канарских островов и, далее, на второй остров, а вторую экспедицию, — проделать то же самое на островах Зеленого Мыса. Но эти операции с момента, когда будет дан сигнал, отнимут восемь дней и нельзя предсказать, не

предупредят ли нас немцы. Со всей остальной морской нагрузкой у нас нет сил для несения непрерывной службы наблюдения. Было бы очень хорошо, если бы Вы смогли в ближайшее время послать американскую эскадру для дружеского визита в этот район. Это, возможно, спугнет германские рейдеры, поможет нам в наблюдении за этой зоной и обеспечит нас бесценной информацией.

15. У меня было несколько продолжительных бесед с Форрестолом и завтра вечером я беру его и Гарримана с собой, для ознакомления с положением в районе Мерси, столь важном для Северозападных подступов.

**
*

Тем временем, в результате переговоров Адмиралтейства с адмиралом Гормли, был выработан подробный план помощи нам Соединенными Штатами в Атлантическом океане.

«Бывший моряк — президенту Рузвельту. 24 апреля 41 года

1. Я очень обрадован новостями о «Плане №2, обороны флотом Западного полушария». Он почти целиком охватывает пункты, отмеченные мной в телеграмме, разминувшейся с официальным сообщением. На нас произвела глубокое впечатление быстрота, с которой дело двинулось вперед. Мы только что получили сообщения, что германский рейдер оперирует в районе, расположенном в 300 милях к юго-востоку от Бермудских островов. Будет сделано всё нужное, чтобы оповестить Главнокомандующего флотом Соединенных Штатов относительно конвоев и других дел. Адмирал Гормли находится в теснейшем контакте с Адмиралтейством и необходимая связь между штабами будет приведена в отличное состояние.

2. Маршрут, по которому движутся британские пароходы к мысу Доброй Надежды и оттуда, зависит от того, где подозревается присутствие подводных лодок, но в настоящее время используется путь к западу от 26^о западной долготы; он будет использоваться и дальше, когда только возможно.

3. Мы приветствуем энергичные меры, предпринимаемые флотом Соединенных Штатов по подготовке баз на Северозападных подступах... Сделанные Вами шаги могут привести к благоприятному исходу Битвы за Атлантику.

Мы, конечно, соблюдаем строжайшую тайну. Однако, я уверен, что Вы поймете, что если бы Вы смогли кое-что огласить из упомянутого выше, это оказало бы в решающий момент сильнейшее влияние на поведение Турции и Испании».

Результаты политики президента шли очень далеко и мы продолжали свою борьбу, освобожденные от части тяжести, снятой с наших плеч флотами Канады и Соединенных Штатов. Америка всё приближалась к вступлению в войну и эта тенденция еще более усилилась после прорыва в Атлантический океан «Бисмарка» в конце мая. Этот эпизод будет описан своевременно. В обращении по радио 27 мая, в тот самый момент, когда «Бисмарк» был потоплен, президент заявил: «Война приближается к границам Западного полушария... Битва за Атлантику теперь распространилась от ледяных вод Северного полюса до замороженного континента Антарктики». И далее: «Было бы самоубийством дожидаться появления врага перед нашим домом... Поэтому мы расширили патрулируемую зону в водах Северной и Южной Атлантики». В заключение президент провозгласил «Положение чрезвычайной опасности», без всяких ограничений.

**
*

Имеется достаточно данных, доказывающих, что немцы были сильно обеспокоены этим расширением активности американцев, и адмиралы Редер и Дениц просили Фюрера разрешить более широкие операции для подводных лодок, с правом действовать против американского побережья и американских судов, если последние будут идти в составе конвоя или следовать без огней. Однако, Гитлер был непоколебим. Он всегда боялся последствий войны против Соединенных Штатов и настаивал на том, чтобы германские силы избегали всяких провокационных действий.

Дальнейшее усиление подводной войны привело также к некоторым улучшениям у противника. К июню он располагал, помимо находящихся в стадии испытаний, тридцатью пятью подводными лодками в открытом море, но обслуживание многих новых лодок, спускаемых с верфей, становилось все более трудной задачей из-за недостатка в хорошо тренированных подводниках, в первую очередь, — опытных капитанах. «Разбавленные» экипажи новых подводных лодок, состоявшие в большой мере из молодых и неопытных людей, проявляли упадок в искусстве и напористости, нужных в подводной войне. Более того, распространение сражения в далекие просторы океана нарушало опасную комбинацию подводных лодок и самолетов. Германские самолеты в большой мере не были приспособлены для операций над морем. Тем не менее, за те же три месяца, с марта по май, было потоплено в результате воздушных атак 179 пароходов, с 545.000 тонн водоизмещения, — главным образом в прибрежных районах. Из них, 40.000 тонн погибло, как было описано в предыдущей главе, в двух яростных атаках на Ливерпульский порт в начале мая. Я был благодарен немцам за то, что они отказались от настойчивых бомбежек этой измученной мишени. Все это время бесшумная и коварная опасность от магнитных мин продолжала, с переменным успехом, подстерегать наши суда вокруг берегов Англии; однако, наши контрмеры были более эффективны, и к 1941 году число кораблей, подрывавшихся на минах, резко сократилось.

К июню неуклонный рост наших оборонных мероприятий как в водах метрополии, так и в Атлантическом океане — с помощью Канады и Америки — еще раз привел к изменению положения в нашу пользу. Делались величайшие усилия как для лучшей организации эскортирования наших конвоев, так и в обла-

сти развития новых видов оружия и приспособлений, которые могли помочь эскортирующим судам в выполнении их задачи. Главная нужда была в большем числе быстроходных миноносцев, с большим радиусом действия при том же количестве горючего; в большем числе самолетов дальнего действия и в первую очередь в хороших радарах. Базирующихся на сушу самолетов было недостаточно и для каждого конвоя были нужны свои самолеты, которые бы могли отслеживать подводные лодки в дневное время и, вынуждая их погружаться, предупреждать возможное сближение, а также не позволить вызвать к месту подкрепления по радио. При всем этом, ценность авиации, в этой стадии, была главным образом в разведке. Самолет мог обнаружить подводную лодку и заставить ее погрузиться, но средства для ее уничтожения еще не были найдены, а в ночное время ценность самолета сводилась почти к нулю. Должно было пройти еще некоторое время, прежде чем самолеты вооружились мощным средством уничтожения подводных лодок.

Однако, эти самолеты были хорошим оружием в борьбе с нападающими Фокке-Вульфами. Используя истребители, выброшенные в воздух при помощи катапульт, установленных на обычных грузовых пароходах и переоборудованных судах с флотским экипажем, мы скоро уже могли противостоять этим налетам. Подброшенный, подобно соколу, летчик-истребитель налетал на свою жертву, но для спасения собственной жизни должен был первоначально рассчитывать на то, что одно из судов выловит его из моря.

Утратив господствующее положение в воздухе, Фокке-Вульф не мог более оказывать прежней помощи подводным лодкам, и из охотника постепенно превращался в дичь.

**
*

Наши потери от неприятельских действий, в эти судьбоносные месяцы, указывают все напряжение этой борьбы не на жизнь, а на смерть.

**Потоплено, в английских
тоннах водоизмещения**

Январь	320.000
Февраль	402.000
Март	537.000
Апрель	654.000
Май	500.000
Июнь	431.000

Апрельская цифра конечно включает особенно тяжелые потери в борьбе у берегов Греции.

**
*

С неослабевающим вниманием я наблюдал этот процесс.

«Премьер-министр — министру информации.

14 апреля 41 года

Прекратите публикацию в дальнейшем сообщений о потоплениях за неделю, — то есть никаких публикаций уже в следующий вторник. Когда представители прессы Вас спросят, почему не были опубликованы цифры за неделю, Вы ответите, что дальше публикация будет производиться ежемесячно. Когда кто-нибудь заметит, что повидимому мы боимся давать еженедельную информацию и хотим, как Вы заметили, «скрыть истинные размеры последних потерь в судах», ответом должно быть: «Что ж, мы решили поступить таким образом, так или иначе». Несомненно, что и враги и друзья будут интерпретировать это по-своему, но только факты, в конце концов, решают. В ближайшем будущем нам придется пойти на много худшие вещи.

В Палате общин я сам отвечу на все вопросы по этому поводу».

«Премьер-министр — сэру Эдуарду Бриджесу, генералу Исмю и другим членам Атлантического комитета.

28 апреля 41 года

1. Использование судов с катапультами в качестве обычных грузовых пароходов не имеется в виду; упомянутая цифра в 200 не может даже рассматриваться.

2. В настоящее время пять патрулирующих судов с катапультами работают как Пегасы. К ним должны как можно скорее присоединиться первые десять торговых судов, оборудованных катапультами, и при помощи этих пятнадцати судов надо обеспечить регулярное патрулирование и сопровождение конвоев в зоне, где действуют Фокке-Вульффы.

3. Поскольку некоторые из этих судов, вероятно, тяжелее, быстрееходнее и ценнее, чем нужно для патрульной службы, их надо как можно скорее заменить другими, меньшими судами, без которых министерству судоходства обойтись легче. По освобождению, уже оборудованные пароходы большего размера могут направляться по маршруту на Фритаун; им придется дважды проходить по две опасных зоны и находящиеся на них Ураганы будут иметь хорошие возможности вступить в бой.

4. Если пятнадцать судов, действующих на Северозападных подступах, докажут свою эффективность и будет признано целесообразным увеличить их в числе, такое предложение должно быть сделано. В то же время занятые сейчас на патрульной службе Бофайтеры должны будут быть возвращены Командованию истребительной авиации, где они крайней необходимы для ночных боев».

**
*

Мы строили и расширяли свои базы в Канаде и Исландии с максимальной быстротой, и соответственно планировали свои конвои. Мы увеличили емкость баков для горючего на наших старых миноносцах и, следовательно, радиус их действия. Вновь созданная Комбинированная главная квартира в Ливерпуле со всей горячностью бросилась в борьбу. По мере того, как в строй вступало больше эскортирующих судов, а экипажи приобретали опыт, адмирал Нобль формировал из них постоянные группы, под командованием групповых командиров. Таким образом, развивался важный коллективный дух, и люди привыкали к согласованной работе, с ясным пониманием методов командования. Эти эскортирующие группы становились все более эффективными по мере роста их мощи и снижения действенности подводных лодок.

Тем временем президент в июне предпринял важный шаг. Он решил создать базу в Исландии. Было договорено, что американские части сменят там британский гарнизон. Они добрались до Исландии 7 июля и этот остров был включен в систему обороны Западного полушария. С тех пор, американские конвои, сопровождаемые американскими военными кораблями, постоянно проходили в Рейкьявик, и хотя Соединенные Штаты еще не участвовали в войне, они уже брали иностранные суда под защиту своих конвоев.

**
*

В эти критические месяцы два германских броненосных крейсера стояли наготове в Бресте. Казалось, что они готовы в любой момент снова прорваться, чтобы произвести новые опустошения в Атлантическом океане. Они оставались в бездействии благодаря деятельности Королевских военно-воздушных сил. На порт проводились повторные воздушные атаки, и со столь хорошими результатами, что в течение всего года они не могли войти в строй. Немцы становились все более озабоченными задачей перевести их в Германию, но даже этого они не могли сделать до 1942 года. Гитлеровский план вторжения в Россию вскоре дал нам столь нужную передышку в воздушной войне. Для этого нового предприятия германская авиация должна была сосредоточить большие силы и поэтому, начиная с мая месяца, воздушные налеты на наши суда заметно уменьшились.

**
*

Здесь нам стоит рассмотреть некоторые из будущих итогов Битвы за Атлантику, установленные в результате тщательного изучения всех известных действующих факторов. Было большим преимуществом, что весь процесс вынесения различных решений про-

ходил через одного человека, и что в качестве премьер-министра я получил от своих коллег власть, необходимую для объединенного руководства в этой обширной административной области. Военная машина, которую я возглавлял в роли министра обороны, была в состоянии с точностью проводить в жизнь все решения.

В конце июня, по поручению Адмиралтейства, я сообщил Палате общин о решающем снижении в британских потерях в Северной Атлантике от налетов вражеской авиации:

Февраль	86.000	тонн
Март	69.000	„
Апрель	59.000	„
Май	21.000	„
Июнь (на сегодня) . .	18.000	„

В своей директиве от 6 марта я предписывал к 1 июля сократить общее водоизмещение выведенных из строя и нуждающихся в ремонте судов с 1.700.000 до 1.300.000. Позднее, мы стали более честолюбивыми и поставили перед собой задачу снизить этот тоннаж до 950.000 — на ту же дату. В действительности была достигнута цифра в один миллион тонн. Это было достигнуто в разгар воздушных атак на Мерси и Клайд в начале мая. Это приятное дополнение большого числа судов, до того считавшихся безнадежными, а теперь спасенными нашей замечательной Службой спасения и добавленными к списку отремонтированных, было новым завоеванием. Различными методами была достигнута существенная экономия в обороте судов, а каждый день такой экономии стоит четверти миллиона тонн доставленного импорта в год.

Во всем этом было немало осложнений. Мы не всегда могли организовать разгрузку парохода в самом подходящем порту. Какой-нибудь пароход, со смешанным грузом, иногда бывал вынужден зайти для разгрузки в несколько портов, с дополнительным ри-

ском быть потопленным вражеским самолетом или подорваться на mine в береговой зоне. И всё это время сами порты, особенно находящиеся на восточном побережье, были объектами налетов, угрожавших временно их парализовать. Лондон, несомненно, наш крупнейший порт, был в большой степени выведен из строя риском, связанным с посылкой больших судов вокруг восточного берега, перед лицом атак с воздуха, торпедных катеров и мин. Таким образом, порты восточного побережья не могли принять полной доли грузов, и на порты на западе — Ливерпуль, Клайд и Бристольский канал падала чрезмерная тяжесть. Тем не менее, ценой больших усилий, Лондон, Хамбер и более северные порты восточного побережья держались открытыми для каботажного и отчасти океанского судоходства всё это беспокойное время.

**
*

В разгар этой борьбы я сделал одно из важнейших и удачнейших назначений за все время моей военной администрации. В 1930 году, когда я не был на службе, я в первый и единственный раз в своей жизни принял назначение директором одной из подсобных компаний широко разбросанной организации лорда Инчкэйпа — Полуостровного и Восточного судоходства. В течение восьми лет я аккуратно посещал заседания правления и тщательно исполнял свои обязанности. На этих собраниях я постепенно познакомился с замечательным человеком. Он был председателем тридцати или сорока компаний, среди которых компания, где я был одним из директоров, была в числе самых маленьких. Я вскоре почувствовал, что Фредрик Летерс был центральным мозгом и главной пружиной всей этой организации. Он знал всё и пользовался всеобщим и полнейшим доверием. Со своего малозначительного места я наблюдал его из года в год и говорил себе: «Если случится вторая война, —

вот будет человек, который сыграет такую же роль, какую выдающиеся бизнесмены, служившие под моим руководством, сыграли в министерстве снаряжения в 1917 и 1918 годах».

Летерс предложил свои услуги министерству судоходства в начале войны, в 1939 году. Мы мало соприкасались, когда я был в Адмиралтействе, потому что его функции были специализированного и подчиненного характера. Но теперь, в 1941 году, во всем напряжении Битвы за Атлантику и при необходимости согласования руководства нашего судоходства со всеми передвижениями грузов по железным и шоссейным дорогам из портов, мысль о нем все чаще и чаще приходила мне на ум. Я обратился к нему 8 мая. После долгого обсуждения я реорганизовал министерства судоходства и транспорта в один объединенный организм. Во главе его я поставил Летерса. Чтобы придать ему нужный авторитет, я создал должность министра военного транспорта. Мне всегда бывало несколько неудобно предлагать Палате общин назначение на министерские посты людей, предварительно не прошедших многих лет в Парламенте. Опытные члены Палаты, вне службы могли затравить новичка и он обычно всегда чрезмерно волновался из-за речей, которые ему нужно было подготовить или произнести. Поэтому я сделал представление королю о необходимости возвести нового министра в звание пэра.

С того момента и до конца войны лорд Летерс оставался полным хозяином в министерстве военного транспорта и с каждым годом его репутация росла. Он завоевал доверие начальников штабов и всех министерств в Англии и установил замечательно близкие отношения с руководящими в этой сфере американцами. Ни с кем он не работал в такой гармонии, как с Люисом Дугласом, начальником управления судоходства Соединенных Штатов и позднее послом в Лондоне. Летерс был для меня незаменимым помощником в деле ведения войны. Редко случалось,

что он был не в состоянии выполнить поставленной трудной задачи. Несколько раз, когда все штабные и министерские процедуры оказывались беспомощными разрешить проблему перевозки дополнительной дивизии или перегрузки ее с британских на американские суда, или еще что-либо, я обращался к нему лично и все трудности исчезали как бы по мановению волшебного жезла.

**
*

25 июня на закрытой сессии Палаты общин я мог уже сообщить несколько ободряющих фактов относительно разгрузки наших портов.

«Я никогда не допускал, чтобы заторы в наших портах служили извинением потому, что, несмотря на наши трудности, мы сейчас имеем, и планируем иметь, лишь половину довоенного грузооборота. Тем не менее, усилия делаются исключительные. Сортировочные склады внутри страны, от которых зависит быстрый вывоз грузов из подверженных налетам портов, создаются по рекомендации Отборочного комитета. Из них шесть, предназначенных для обслуживания портов западного берега, находятся в стадии строительства. Первые из них начнут частично оперировать в сентябре. Чтобы извлечь максимум из портов Южного Уэльса, мы строим три новых железнодорожных колеи от Ньюпорта до туннеля Северна; часть этой новой линии уже действует. Некоторые транспортные заторы имеются на узловых станциях внутри страны, на западе Англии, так как им приходится выносить большую нагрузку, чем рассчитывалось, когда они строились. Сейчас эти заторы ликвидируются. Организована, в значительных размерах, разгрузка на рейдах в подходящих местах, не только для облегчения портов, но и качестве альтернативы в случае тяжелых налетов.

Устанавливается большое число новых кранов, как для оборудования новых чрезвычайных портов, так и для превращения существующих в более гибкие организации, в условиях воздушной войны. Только за один май месяц с английских и американских заводов доставлено 130 кранов, по сравнению со средней цифрой в 50, за последние четыре месяца».

Располагая этими данными, я чувствовал, что я могу просить Палату одобрить мое распоряжение о приостановке публикации наших потерь на море, которая в такой мере служила на пользу противнику, но которой пресса и Парламент придавали раздутое значение. Как упоминалось, я уже дал указания в этом направлении в апреле месяце. «Я не сомневаюсь, — сказал я, — что поднимется вой, не только со стороны немцев, но и со стороны многих доброжелательных патриотов в Англии. Пусть воют. Мы должны думать о наших морях, о жизни наших соотечественников и нашей страны, сейчас содрогающейся от смертельной опасности».

Палата, повидимому, вполне удовлетворилась моим отчетом и завершила меня в полной поддержке. Я сказал:

«Если этой осенью мы окажемся в состоянии успешно воспротивиться вторжению, с помощью нынешних мероприятий Соединенных Штатов, мы должны будем продержаться 1941 год. В 1942 году мы надеемся приобрести весьма определенное превосходство в воздухе и быть в состоянии не только перейти в наступление, подвергая Германию тяжелым бомбардировкам, но и ликвидировать ужасающее, стратегически невыгодное положение в результате немецкого контроля над атлантическим побережьем Европы. Если мы сможем сделать атлантические порты и аэродромы негодными для использования противником, я не вижу, почему бы 1942 год, когда мы получим колоссальное количество американского снаряжения, не оказался бы более выносимым, чем все то, через что мы уже прошли и проходим сейчас».

И закончил я так:

«Я добавлю лишь одно. Не будем забывать, что у противника имеются свои трудности, что некоторые из этих трудностей — очевидны, что могут иметься и другие, более известные врагу, чем нам, и что все величайшие сражения истории были выиграны теми, кто обладал превосходящей силой воли, способной вырвать победу из рук судьбы, несмотря на преимущества противника».

9.

ЮГОСЛАВИЯ

Убийство в Марселе, в октябре 1934 года, короля Югославии Александра, о чем уже упоминалось, послужило началом разложения югославянского государства, в процессе которого заметно уменьшилась независимость его позиции в Европе. Политическая враждебность фашистской Италии и экономическое наступление гитлеровской Германии на юговостоке Европы ускорили этот процесс. Упадок внутренней стабильности и антагонизм между сербами и хорватами разъедали мощь этого государства южных славян. Под регентством принца Павла, человека располагающей, артистической натуры, престиж монархии пошел на убыль. Д-р Мачек, лидер Крестьянской хорватской партии, упрямо проводил политику, враждебную белградскому правительству. Поддерживаемые Италией и Венгрией хорватские экстремисты, из-за границы, работали над отделением Хорватии от Югославии. Белградское правительство отказалось от сотрудничества с Малой Антантой балканских стран и избрало «реалистическую» линию взаимоотношений с державами Оси. Эту политику проводил М. Стоядинович, подписавший 25 марта 1937 года итало-югославский пакт. Она казалась оправданной событиями, произошедшими в Мюнхене годом позже. Ослабленный союзом между Крестьянской хорватской партией и сербской оппозицией, относившимся с подозрением к близости с Италией и Германией, Стоядинович потерпел поражение на выборах и вынужден был выйти в отставку в феврале 1939 года.

Новый премьер-министр Цветкович и его министр иностранных дел Маркович старались умиротворить усиливающиеся державы Оси. В августе 1939 года было достигнуто соглашение с хорватами и Мачек вошел в состав белградского правительства. В том же месяце пришло сообщение о советско-германском пакте. Несмотря на идеологические расхождения, славянские инстинкты сербов всегда подталкивали их к России. Советское поведение во время Мюнхена пробудило в них надежду, что удастся сохранить единство Восточной Европы. Теперь, подписание рокового пакта, казалось, одним ударом отдавало Балканы в руки Оси. Падение Франции в июне 1940 года лишило южных славян их традиционного друга и защитника. Русские проявили свои истинные намерения в отношении Румынии, оккупировав Бессарабию и Буковину. В августе 1940 года, в Вене, Германией и Италией Трансильвания была передана Венгрии. Кольцо вокруг Югославии смыкалось. В ноябре 1940 года Маркович секретно встретился в Берхтесгадене с Гитлером. Ему удалось избежать формальной связанности Югославии с Осью, но 12 декабря им был подписан пакт дружбы со второстепенным партнером Оси, Венгрией.

**
*

По мере своего развития, эти события вызывали у нас немалое беспокойство. В этой атмосфере принц Павел держался политики предельного нейтралитета. Он особенно опасался, что любое движение со стороны Югославии или одного из ее соседей спровоцирует германское продвижение на юг, на Балканы.

«Премьер-министр — министру иностранных дел.

14 января 41 года

Сегодня кабинет должен рассмотреть эти телеграммы из Белграда о взглядах принца Павла. Они меня не поколебали. Это дело греков, — заявить, желают ли они, чтобы Уэйвел посетил Афины. И только греки могут судить о возможной реакции немцев.

Во-вторых, если немцы решились идти на юг, им не нужны предлоги. По всем признакам, они уже действуют согласно тщательно обдуманному плану, выполнение которого вряд ли будет ускорено или замедлено в результате наших незначительных передвижений. Наша информация о передвижениях немцев не оставляет никаких сомнений, и перед лицом этого принц Павел напоминает неудачника, попавшего в клетку с тигром и надеящегося не спровоцировать зверя, несмотря на приближение времени его обеда».

В конце января 1941 года, в дни растущей тревоги, друг президента Рузвельта, полковник Донован, прибыл в Белград с миссией от американского правительства, которой было поручено выяснить состояние умов в юговосточной Европе. Там господствовал страх. Министры и ведущие политики боялись высказываться. Принц Павел отклонил предложение о встрече с Иденом. Впрочем, было одно исключение. Генерал авиации, по имени Симович, представлял националистические элементы в офицерском корпусе вооруженных сил Югославии. Начиная с декабря, его бюро в главном штабе авиации в Земуне, находящемся по другую сторону реки от Белграда, стало тайным центром оппозиции германскому проникновению на Балканы и инертности югославского правительства.

14 февраля Цветкович и Маркович были вызваны в Берхтесгаден. Там, вместе, они выслушали описание Гитлером мощи победоносной германской армии; он сделал также упор на близкие отношения между Берлином и Москвой. Гитлер далее обещал, что в случае операций против Греции он не пошлет своих армий через Югославию, но только при условии присоединения Югославии к Пакту трех держав. Министры вернулись в Белград в мрачном настроении. Присоединение к Оси приведет сербов в ярость. Соппротивление Германии может вызвать противоречивые чувства у хорватов. Греция, единственный возможный балканский союзник, была вовлечена в тяжелую борьбу против двухсоттысячной итальянской армии и находилась под угрозой близкого нападения со сторо-

ны немцев. Английская помощь выглядела сомнительной и носила более символический характер. Для того, чтобы помочь югославскому правительству достичь удовлетворительного решения, Гитлер выступил со своим планом стратегического окружения Югославии. 1 марта Болгария присоединилась к Пакту трех держав и в тот же вечер германские моторизованные части достигли сербской границы. Тем временем, чтобы не провоцировать немцев, югославская армия оставалась демобилизованной. Наступил час выбора.

4 марта принц Павел покинул Белград, отправившись с секретным визитом в Берхтесгаден, где, под страшным давлением, обещал на словах, что Югославия последует примеру Болгарии. По возвращении, на заседании Королевского совета и, отдельно, на совещании политических и военных лидеров, он натолкнулся на оппозицию. Дебаты были бурными, но немецкий ультиматум был несомненным. Вызванный в Белый дворец, резиденцию принца Павла на холмах за Белградом, генерал Симович твердо высказался против капитуляции. Сербия не согласится на такое решение и династия окажется в опасности. Но принц Павел, по существу, уже связал Югославию обязательством.

**
*

Из Лондона я старался сделать все возможное, чтобы объединить югославов в борьбе против Германии и 22 марта телеграфировал д-ру Цветковичу, премьер-министру Югославии.

22 марта 41 года

«Ваше превосходительство! Конечное и полнейшее поражение Гитлера и Муссолини несомненно. Ни один осторожный и дальновидный человек не может в этом сомневаться, в виду декларированной решимости британской и американской демократий. В Европе имеется всего 65.000.000 гуннов, большинство которых уже занято тем, что удер-

живают в повиновении австрийцев, чехов, поляков и многие другие древние народы, которых они теперь запугивают и грабят. Население Великобритании и Соединенных Штатов насчитывает почти 200 миллионов человек. Мы обладаем неоспоримым господством в океанах и, с американской помощью, скоро получим решающее превосходство в воздухе. Британская империя и Соединенные Штаты обладают большим богатством и большими техническими ресурсами и они производят больше стали, чем все остальные страны мира, вместе взятые. Они решились не допустить поправки дела свободы и обращения вспять мирового прогресса преступными диктаторами, один из которых уже понес непоправимые потери. Мы знаем, что все истинные сербы, хорваты и словенцы ценят свободу, достоинство человека и независимость своей страны и что они разделяют передовые идеалы англо-саксонского мира. Если Югославия теперь унижится до роли Румынии или совершит преступление, подобное болгарскому, и превратится в соучастника в предстоящем уничтожении Греции, гибель ее предрешена и будет непоправимой. Она не изменит, а только затянет пытку войны, и ее доблестным армиям придется потом бороться в одиночестве, окруженным и отрезанным от источников надежды и помощи. С другой стороны, история войн редко знает более благоприятную перспективу, чем та, которая открыта сейчас югославским армиям, если они ею воспользуются вовремя. Если Югославия и Турция поддержат Грецию, с помощью сил, которые выделит Британская империя, проклятые немцы будут остановлены и конечная победа будет достигнута с такой же определенностью, как это было в прошлый раз. Я надеюсь, что Вы, ваше превосходительство, окажетесь на высоте положения».

Но на заседании кабинета ночью 20 марта югославское правительство решило присоединиться к Пакту трех держав, несмотря на то, что три министра, не согласившись, подали в отставку. 24 марта Цветкович и Маркович выскользнули из Белграда, с пригородного вокзала, на поезде, отправлявшемся в Вену. На следующий день, в Вене, они подписали с Гитлером пакт и церемония была передана по белградскому радио. Слухи о неизбежной катастрофе поползли по тайным организациям и кафе югославской столицы.

Нашему министру в Белграде я послал следующие инструкции:

26 марта 41 года

«Не позволяйте вырасти пропасти между Вами и принцем Павлом или его министрами. Продолжайте настаивать, уговаривать и кусать. Требуйте аудиенций. Не принимайте отказов. Приставайте к ним, указывая, что немцы уже считают само собой разумеющимся подчинение страны. Сейчас не время для упреков или негодующих отъездов. Тем временем, не пренебрегайте никакой альтернативой, к которой мы могли бы прибегнуть, если обнаружится, что нынешнее правительство окончательно для нас потеряно. Восхищаюсь тем, что Вы сделали до сего времени; продолжайте в том же духе, используя все доступные Вам средства.»

**
*

Меры на случай капитуляции югославы перед Германией в течение некоторого времени обсуждались в узком офицерском кругу, возникшем вокруг Симовича. Был тщательно подготовлен революционный переворот. Лидером готовящегося восстания был генерал Бора Миркович, командир югославской авиации, которому помогали многие патриоты, в их числе майор Кнезвич, офицер армии, и его брат, профессор, создавший нужные политические связи в сербской демократической партии. План был известен небольшому числу верных офицеров, из которых почти все были чином ниже полковника. Из Белграда протянулись нити к главным гарнизонам внутри страны, — в Загреб, Скопье и Сараево. В распоряжении заговорщиков в Белграде имелось два полка королевской гвардии, рота жандармов, несшая охрану в королевском дворце, часть дивизиона зенитчиков, расположенного в столице, главная квартира авиации в Земуне, начальником которой был Симович, и офицерские и унтер-офицерские школы, вместе с некоторыми артиллерийскими и саперными частями.

Когда, в течение дня 26 марта в Белграде начали циркулировать новости о возвращении из Вены югославских министров, заговорщики решили действовать. Был дан сигнал на рассвете 27 захватить ключевые позиции в Белграде, а также королевскую резиденцию, вместе с молодым королем Петром II. В то время, как войска, под командованием решительных офицеров, изолировали находившийся на окраине столицы королевский дворец, принц Павел, не зная, что происходит, находился в поезде, идущем в Загреб. Немногие революции проходили так гладко. Не было никакого кровопролития. Некоторые старшие офицеры были арестованы. Цветковича полиция доставила в главный штаб Симовича, где его заставили подписать прошение об отставке. Пулеметы и артиллерия были расставлены в подходящих местах. По прибытии в Загреб принц Павел узнал, что от имени молодого короля Петра Симович принял на себя управление государством и что Регентский совет распущен. Военный командующий в Загребе попросил принца немедленно вернуться в столицу. Как только тот добрался до Белграда, его препроводили в кабинет Симовича. Затем, вместе с двумя другими регентами, он подписал заявление об отречении. Ему было дано несколько часов на сбор вещей, после чего, вместе с семьей, он в ту же ночь выехал в Грецию.

Весь план был разработан и приведен в исполнение узкой группой националистически-настроенных сербских офицеров, действовавших в согласии с истинными настроениями народа. Их действия вызвали взрыв народного энтузиазма. Улицы Белграда вскоре наполнились толпой, выкрикивавшей: «Лучше война, чем пакт! Лучше смерть, чем рабство!» На площадях люди танцевали; повсюду были вывешены английские и французские флаги; сербский национальный гимн с вызовом распевался массами доблестных, но беспомощных людей. 28 марта молодой король, ко-

торый сбежал из-под надзора регентов, спустившись по водосточной трубе, присутствовал на церковной службе в белградском кафедральном соборе, среди бурных приветствий толпы. Германского посланника публично оскорбляли, и толпа заплевала его автомобиль. Военный подвиг поднял волну национальной гордости. Люди, еще недавно неспособные к действию, плохо управляемые и руководимые, долгое время чувствовавшие, что они попали в ловушку, бросали смелый, героический вызов в лицо тирану и завоевателю в момент его величайшего могущества.

**
*

Гитлер был ошеломлен. У него произошел взрыв того конвульсивного бешенства, который затемнял его сознание и который так часто толкал его на самые страшные авантюры. Месяцем позже, в более спокойном состоянии, разговаривая с Шуленбургом, он сказал: «Югославский переворот был громом с ясного неба. Когда мне сообщили о нем утром 27-го, я думал, что это шутка». Но теперь, он в ярости созвал совещание германского высшего командования. Присутствовали Геринг, Кайтель и Йодль; позднее прибыл Риббентроп. Отчет о заседании имеется в делах Нюрнбергского процесса. Гитлер обрисовал положение в Югославии после переворота. Он сказал, что Югославия была сомнительным фактором в предстоящих действиях против Греции («Марита») и, еще более, в операции «Барбаросса», планируемой против России несколько позднее. Он рассматривал, как положительный, тот факт, что югославы проявили свой истинный характер до начала операции «Барбаросса».

«Фюрер решил, не ожидая возможных деклараций о лояльности со стороны нового правительства, сделать все приготовления для того, чтобы уничтожить Югославию в качестве национальной и военной единицы. Не будет ника-

ких дипломатических запросов и никаких ультиматумов. Заверения югославского правительства, которому нельзя доверять, так или иначе, в будущем, будут «приняты во внимание». Атака начнется как только будут готовы нужные войска и средства.

От Италии, Венгрии и, отчасти, от Болгарии, будет потребована военная помощь. Главной задачей Румынии будет заслон против России. Венгерский и болгарский посланники уже оповещены. В течение дня будет направлено послание к Дуче.

Политически особенно важно, чтобы удар по Югославии был нанесен с беспощадной силой, и чтобы военное поражение было нанесено с молниеносной быстротой. Таким образом, будет в достаточной мере напугана Турция и оказано благотворное влияние на последующую кампанию против Греции. Можно считать, что когда мы начнем атаку, хорваты к нам присоединятся. Они будут заверены в соответствующих политических преимуществах (позднее, при получении автономии). Война против Югославии должна быть очень популярной в Италии, Венгрии и Болгарии, поскольку этим странам будут обещаны территориальные приобретения: адриатическое побережье — Италии, Банат — Венгрии и Македония — Болгарии. Этот план предполагает, что мы ускорим всю подготовку и используем такие силы, что крушение Югославии произойдет в кратчайший срок... Главной задачей авиации будет начать как можно раньше уничтожение наземных сооружений югославской авиации и разрушение столицы, Белграда, бомбардировщиками, налетающими волнами».

В тот же день Фюрер подписал «Директиву № 25»:

«Моим намерением является вторгнуться в Югославию мощными ударами из районов Фиуме и Софии, в общем направлении на Белград и, далее, к югу, с целью нанести югославской армии решающее поражение, а также отрезать южную часть Югославии от остальной страны, превратив ее в базу для дальнейших операций германско-итальянских сил против Греции.

Я приказываю:

а) Как только будет закончено сосредоточение достаточных сил и метеорологическая обстановка позволит, все югославские наземные сооружения и Белград должны быть разрушены непрерывающимися дневными и ночными атаками.

б) Если будет возможно, то одновременно, но ни в коем случае не раньше, приступить к операции «Марита», с первой ограниченной целью захвата гавани Салоник и Диоских гор».

Затем он телеграфировал Муссолини:

«Дуче! События заставляют меня дать Вам в этом письме, вкратце, мою оценку положения и последствия, которые могут явиться результатом происходящего.

1. С самого начала, я рассматривал Югославию в качестве опасного фактора в нашем конфликте с Грецией. С чисто военной точки зрения германское вмешательство в эту войну во Фракии было бы совершенно неоправданным, пока поведение Югославии оставалось неопределенным и она могла угрожать левому флангу наступающих частей нашего колоссального фронта.

2. По этой причине я сделал всё возможное и честно старался ввести Югославию в наш союз, связанный общими интересами. К несчастью, эти попытки оказались неудачными, или же были предприняты слишком поздно, чтобы дать определенные результаты. Сегодняшние сообщения не оставляют никаких сомнений в скором повороте югославской внешней политики.

3. Я не считаю положение катастрофическим, но оно, тем не менее, достаточно затруднительное и мы, со своей стороны, должны избежать ошибок, если не хотим поставить под угрозу все положение.

4. Сейчас я буду просить Вас, Дуче, в течение нескольких дней не предпринимать никаких дальнейших операций в Албании».

Так же, как и мы, Гитлер ясно видел единственный шанс для югославов нанести смертельный удар.

«Я считаю необходимым, чтобы Вы, всеми наличными силами, обеспечили защиту важнейших горных проходов из Югославии в Албанию. Эти мероприятия не должны рассматриваться, как долговременные, но как вспомогательные, для предупреждения возможного кризиса в течение ближайших двух-трех недель.

Я также считаю необходимым, чтобы Вы подкрепили свои войска на итало-югославской границе всеми доступными Вам средствами и в предельно короткий срок.

... Если будет соблюдена тайна, я уверен, Дуче, что мы будем свидетелями успеха не меньше того, что был в Норвегии. Это — мое твердое убеждение».

Генералы провели ночь, составляя оперативные приказы. Кайтель, в своих показаниях подтверждает наш взгляд, что величайшей опасностью для Германии была «атака с тыла на итальянскую армию». Йодль свидетельствует следующее: «Всю ночь я проработал в Канцелярии Рейха, что указывает на внезапный характер всего этого эпизода. В 4 часа утра, 28-го, я вручил инструкцию генералу фон Ринтелену, нашему офицеру связи с Итальянским генеральным штабом». Кайтель отмечает: «Решение атаковать Югославию значило полнейшее расстройство во всех военных передвижениях и планах составленных до того времени. Надо было полностью пересмотреть «Мариту». С севера, через Венгрию, нужно было перебросить новые силы. Все приходилось импровизировать».

**
*

Со времен Мюнхена Венгрия пыталась раздвинуть свои границы (установленные в 1920 году) при посредстве германских дипломатических побед, за счет Чехословакии и Румынии, в то же время стараясь сохранить нейтральную позицию в международных делах. Венгерские дипломаты старались избежать необходимости брать на себя обязательства по отношению к Оси, — стать ее военным союзником. В Вене Венгрия присоединилась к Пакту трех держав, но, подобно Румынии, не взяла на себя конкретных обязательств. Ни Гитлер, ни Муссолини не хотели конфликта между балканскими странами. Они надеялись получить контроль над всеми ими одновременно. Поэтому, они навязали Венгрии и Румынии соглашение относительно Трансильвании. Атака Муссолини на Грецию, на которую Гитлер смотрел отрицательно, влекла за собой перспективу британской интервенции

в юговосточной Европе. Поэтому, на Югославию было оказано давление, чтобы заставить ее последовать примеру Венгрии и Румынии и присоединиться к блоку Оси. Когда югославские министры были для этой цели вызваны в Вену, все казалось урегулированным. Драматические события в Белграде 27 марта уничтожили все надежды на создание объединенной балканской группы, примыкающей к Оси.

При этом Венгрия задевалась немедленно и самым непосредственным образом. Хотя главный немецкий удар по непокорным югославам должен был очевидно произойти через Румынию, все пути сообщения вели через венгерскую территорию. Почти немедленной реакцией германского правительства на белградские события была отправка самолетом из Берлина в Будапешт венгерского посланника, со срочным письмом на имя регента Венгрии, адмирала Хорти:

«Югославия будет уничтожена, так как она громогласно отвергла политику взаимного соглашения с державами Оси. Большая часть германских вооруженных сил должна будет пройти через Венгрию. Но главная атака произойдет не на венгерском секторе, на котором должна будет действовать венгерская армия. В награду за свое сотрудничество Венгрия сможет оккупировать все бывшие свои земли, которые в прошлом ее заставили уступить Югославии. Дело срочное. Прошу немедленного и положительного ответа».

Венгрия была связана с Югославией пактом о дружбе, подписанным только в декабре 1940 года. С другой стороны, оппозиция немецким требованиям могла привести лишь к германской оккупации Венгрии, в процессе ближайших военных операций. Был также соблазн возврата территории вдоль южной границы, которую Венгрия должна была отдать Югославии по Трианонскому договору. Венгерский премьер-министр, граф Телеки, последовательно старался сохранить для своей страны некоторую свободу действий. Он вовсе не был уверен, что Германия победит в войне. При подписании Пакта трех держав

он относился с сомнением к независимости Италии, в качестве партнера Оси. Ультиматум Гитлера требовал разрыва его собственного соглашения с Югославией. Однако, инициатива была вырвана у него венгерским генеральным штабом, начальник которого, генерал Верт, сам немец по происхождению, за спиной венгерского правительства договорился с германским верховным командованием непосредственно. На основе этого договора и были выработаны детали прохождения войск.

Телеки немедленно объявил действия Верта предательством. Вечером 2 апреля он получил телеграмму венгерского посланника в Лондоне, сообщающую формальное заявление британского министерства иностранных дел, что если Венгрия примет участие в каком-либо выступлении Германии против Югославии, Великобритания объявит ей войну. Таким образом, для Венгрии оставался выбор между бесплодным сопротивлением проходу немецких войск, и открытым присоединением к врагам Союзников и предательством по отношению к Югославии. В этом жестоком положении граф Телеки нашел лишь одно средство спасти свою честь. Вскоре после девяти часов вечера он оставил венгерское министерство иностранных дел и вернулся в свою квартиру в Сандорском дворце. Там ему повидимому сообщили по телефону известие, что германские войска уже перешли венгерскую границу. Вскоре после того он застрелился. Его самоубийство было искупительной жертвой его самого и его народа от вины за германское нападение на Югославию. Оно очистило его имя в глазах истории. Но оно не могло задержать марша германских армий и всех его последствий.

**
*

Естественно, что мы с большим удовлетворением встретили новость о перевороте в Белграде. Наконец,

у нас был осязаемый результат наших отчаянных попыток сколотить союзный фронт на Балканах и предупредить подпадение этих стран, одной за другой, под власть Гитлера. Первую телеграмму я получил всего за полчаса до моего выступления перед центральным советом консервативной партии, впервые в качестве лидера партии. Закончил я следующим образом:

«Для вас и для всей страны у меня имеется сейчас большая новость. Сегодня, рано утром, югославский народ обрел свою душу. В Белграде произошла революция и министры, которые только вчера отдали Гитлеру честь и свободу своей страны, находятся под арестом. Это патриотическое движение вдохновляется гневом доблестного и воинственного народа, возмущенного предательством его родины слабостью правителей и интригами держав Оси.

Мы, поэтому, можем надеяться — я говорю здесь, конечно, на основе полученной мной информации, — что югославское правительство, которое будет создано, окажется достойным дела защиты свободы и независимости страны. Такое правительство, в своих смелых усилиях, получит от Британской империи и, я не сомневаюсь, от Соединенных Штатов, всю возможную поддержку и помощь. Британская империя и ее союзники будут бороться вместе с югославским народом за общее дело, и мы будем продолжать идти вместе до окончательной победы».

**
*

На пути домой Иден уже добрался до Мальты, но, узнав о революции в Белграде, я подумал, что ему следует изменить свои планы и быть на месте, с генералами Диллом и Уэйвелом.

«Премьер-министр — мистеру Идену. 27 марта 41 года

В виду переворота в Сербии для Вас, несомненно, было бы хорошо оказаться на месте, в Каире, откуда бы Вы могли направлять события. Насколько надежен шанс вовлечения Турции в дело создания единого фронта на Балканах? Могли ли бы Вы созвать совещание всех потенциальных участников на Кипре или в Афинах? Когда Вы ознакомитесь с положением, нет ли смысла для Вас посетить Белград? Тем временем мы делаем здесь все возможное».

Президенту Турции я телеграфировал:

27 марта 41 года

«Ваше превосходительство! Происшедшие в Белграде и во всей стране драматические события могут представить собой лучшую возможность предупреждения германского вторжения на Балканский полуостров. Несомненно, что пришло время для создания общего фронта, который Германия вряд ли решится атаковать. Я телеграфировал президенту Рузвельту, прося распространить американское снабжение на все страны, оказывающие сопротивление германской агрессии на востоке. Я просил мистера Идена и генерала Дилла согласовать все возможные мероприятия, направленные к общей безопасности».

В течение дня я составил для Идена, уже прибывшего в Афины, следующее послание:

28 марта 41 года

«Попытаемся представить себе, чего бы мы желали на Балканах и от Турции, чтобы действовать в этом направлении, поскольку позволит обстановка.

1. Вместе с Югославией, Грецией и Турцией мы будем располагать на этом театре семьдесятю мобилизованными дивизиями. У немцев их сейчас не больше тридцати. Поэтому, семьдесят могут сказать тридцати: «Если вы атакуете одну из нас, вы будете иметь дело со всеми». Немцы либо атакуют в горном районе, с плохими коммуникациями, или же им придется доставить из Германии сильные подкрепления. Но даже и эти силы не позволят им устранить трудности, потому что, во-первых, им потребуется несколько месяцев, чтобы доставить подкрепления на этот театр войны, и, во-вторых, сам театр — и ведущие к нему пути — недостаточно сильны для продвижения более крупных сил, без требующего времени улучшения дорог. Поэтому, весьма вероятно, что общая нота трех балканских держав приведет к сохранению мира, или же к долговременному откладыванию германского наступления. Может быть, наступление придется отложить на многие месяцы и тогда наступит неблагоприятное время года. Тем временем, британские подкрепления и американское снабжение в большой мере увеличат силу сопротивления союзных армий. Поэтому, если удастся координировать действия этих трех союзников, есть надежда, что противник не предпримет никакого движения в южном направлении. Это то, чего ~~хотят~~ турки.

2. В этом лучший шанс для турок избежать войны. Теперь рассмотрим другой вариант. Если все три государства останутся разъединенными, немцы могут почувствовать, что лучше оставить в покое Грецию и Югославию, и обратить всю свою ударную мощь против Турции. Намеки на это имелись в различных телеграммах. Таким образом, не принимая ничего, Турция рискует величайшей опасностью — что все будет сосредоточено против нее. Вряд ли можно сомневаться, что собранная во Фракии масса турецких войск будет отброшена назад на Чаталью и Босфор, без всяких обязательств со стороны Югославии или Греции принять на себя часть давления контратакой или удлинением боевого фронта.

3. Порядок, который следовало бы рекомендовать каждому, кто располагает соответствующей силой следующий: а) декларация единства и требование, чтобы немцы оставили в покое, и б) одновременный отвод основной массы турецкой армии к Чаталье и азиатскому побережью. Оставить во Фракии только сильные прикрывающие части и арьергард. Такая политика твердой общей декларации, в сочетании с разумным стратегическим отходом, помешает немцам достичь во Фракии решающей победы, не будет требовать от турок наступления и, если немцы от этого откажутся, поставит их в необходимость увязнуть на неподвижном фронте от, скажем, Чатальи, через сектор Рупель-Нестор, прямо до северного сербского фронта. Но даже и этого не случится в течение еще долгого времени. И какая опасная и отталкивающая это будет перспектива для неприятеля, для которого особенно важно достичь быстрого успеха! Явно, что в этом истинный интерес турок, — если этот план осуществим, — и мы должны попытаться убедить их в этом, как бы слабо они на него ни реагировали. Величайшая опасность для турок это быть зажатыми в одиночестве во Фракии.

4. Как все это увязывается с британскими интересами? Если Германия, невзирая на все препятствия, атакует на Балканах, мы должны будем сыграть нашу роль там всеми наличными силами. Если, с другой стороны, немцы сделают вид, что они никогда и не желали воевать на Балканах, и оставят в покое Грецию, Югославию и Турцию, тогда мы сможем направить наши силы для большой летне-осенней кампании в центральной части Средиземного моря, включая Триполи, Сицилию и южную оконечность Италии. Правой рукой мы должны быть в состоянии защитить наши средневосточные интересы, тогда как левой мы сможем прове-

сти какую-нибудь остроумную операцию, средних размеров, в Центральном Средиземноморье.

5. Если образование единого фронта на Балканах будет невозможным, Германия может прийти к заключению, что лучше получить компенсацию за счет России; надо учесть, что мы располагаем многими донесениями, говорящими о большом сосредоточении сил в Польше и об интригах в Швеции и Финляндии.

6. Прошу Вас рассмотреть высказанные здесь соображения».

Я также телеграфировал мистеру Фаддену, и. о. премьер-министра Австралии.

30 марта 41 года

«Когда, месяц назад, мы решили послать армию в Грецию, вся операция выглядела довольно рискованной военной авантюрой, продиктованной девизом «благородство обязывает». События, происшедшие в четверг в Белграде, показывают далеко идущие последствия этих, и иных мероприятий, проведенных нами в связи с положением на Балканах. Германские планы нарушены и мы снова можем лелеять надежду формирования балканского фронта с участием Турции, состоящего, примерно, из семидесяти дивизий четырех его участников. Это, конечно, еще совершенно гадательно. Но даже уже в нынешнем свете экспедиция в Грецию начинает выглядеть в своем истинном свете, — не как изолированный военный шаг, но как главный двигатель в значительно более крупном плане. Каковы бы ни были результаты, всё случившееся после принятия нами решения оправдывает его. Любая оттяжка даст нам возможность создать на греческом фронте полное сосредоточение сил, — вместо вовлечения наших соединений по частям. Результатов никто не может знать, но награда возросла в ценности, и риск несколько уменьшился. Я поддерживаю с Мензисом теснейший контакт; хотел бы переговорить и с Вами».

**
*

Было договорено, что Иден останется в Афинах для ведения дел с турками, и что генерал Дилл проследует в Белград. Каждому было очевидно, что положение Югославии было отчаянным, если немедленно не будет создан фронт из всех заинтересован-

ных государств. Однако, для Югославии оставалась возможность, о чем уже говорилось, нанести смертельный удар по обнаженному тылу дезорганизованных итальянских армий в Албании. Если они будут действовать быстро, они смогут добиться перво-степенной военной победы и, в то время, как их собственная страна будет опустошаться с севера, югославы смогут захватить массы снаряжения и амуниции, которые дадут им возможность вести партизанскую войну в горах, — остававшуюся для них единственной надеждой. Это был бы мощный удар, который оказал бы влияние на всю обстановку на Балканах. В нашем лондонском кругу мы это видели ясно.

Генерал Дилл теперь находился в Белграде и я послал ему следующее:

1 апреля 41 года

«Разнообразные сведения говорят о быстрой перегруппировке немецких сил против Югославии. Чтобы выиграть время против немцев, надо спешить в действиях против итальянцев. Ничто не должно удерживать югославов от скорейшего и полновесного удара по этим последним. Только таким путем они могут приобрести важнейший первоначальный успех и массу снаряжения в кратчайший срок».

Но накопившиеся за годы ошибки не могут быть исправлены в течение часов. Когда остыло в Белграде всеобщее возбуждение, все поняли, что на них готова обрушиться катастрофа и смерть и люди не могли сделать ничего для предотвращения неминуемой судьбы. Для поддержания иллюзорной внутренней сплоченности высшее командование сочло себя обязанным укрепить гарнизоны в Словении и Хорватии. Оно смогло, наконец, мобилизовать свои армии. Но у него не было никакого стратегического плана. В Белграде Дилл обнаружил лишь растерянность и всеобщий паралич. «Несмотря на все усилия, — докладывал он Идену 1 апреля, — я не был в состоянии переубедить президента Совета министров согласить-

ся на Ваш визит в ближайшее время. Он не оставил сомнений, что югославское правительство, движимое страхом перед возможным влиянием на внутреннее положение, решилось не предпринимать никаких шагов, которые могли бы рассматриваться как провоцирование Германии». Это — в момент, когда вся мощь Германии была уже готова обрушиться на них, подобно обвалу.

4 апреля генерал Дилл прислал подробный отчет о своей миссии в Белград, показывающий, как далеки от сознания надвигающейся опасности были умы югославских министров. Зная их настроения и взгляды, можно было подумать, что в их распоряжении имеются месяцы для принятия решения — воевать с Германией, или поддерживать с ней мир. На самом деле, они располагали всего лишь 72 часами до начала бешеной немецкой атаки. Дилл писал:

«Окончательные результаты посещения Белграда во многих отношениях разочаровывающие, и я не смог убедить Симовича подписать какое-либо соглашение. Тем не менее, на меня произвел впечатление воинственный дух югославских лидеров, которые будут бороться, если Югославия будет атакована, или если немцы нападут на Салоники. Сегодняшние штабные конференции должны иметь полезный результат в виде обмена мнениями и, я надеюсь, в выработке наилучших планов, применительно к разным ситуациям. Ни один из этих планов не связывает ни одной стороны, но есть перспектива, что когда наступит момент, югославы будут готовы провести их в жизнь.

Остается фактом, что хотя Симович является способным лидером, он ни в каком смысле не диктатор. У него трудная задача — поддерживать единство министров, — и у него не было духу предложить им какое-либо соглашение с нами. Равным образом, он не может провести подобное соглашение с нами без согласия кабинета. Но и он, и военный министр Илич, кажущийся более твердым, но менее умным, по видимому готовы к борьбе...

Югославские силы еще не готовы к войне и Симович хочет выиграть время для окончания мобилизации и сосредоточения. По внутренним политическим соображениям, он не может сделать первого шага и должен ожидать дви-

жения немцев. Он ожидает, что немцы нападут на южную Югославию из Болгарии и на момент оставят в покое Грецию... Югославы помогут в Албании, но не станут атаковать даже там, пока на них не нападет Германия».

Одновременно с получением этого, я послал следующее обращение:

«Премьер-министр — генералу Симовичу. 4 апреля 41 года

Со всех сторон я получаю сообщения, которые указывают на сильнейшую концентрацию германских наземных и воздушных сил и их продвижение к границам Вашей страны. Наши агенты из Франции сообщают о больших передвижениях находящихся там авиационных соединений. Бомбардировщики, по сообщению нашей разведки в Африке, забраны даже из Триполи. Я не могу понять возражения, что вы выигрываете время. Единственный возможный шаг, который может дать победу и безопасность, это выиграть быстрое сражение в Албании и забрать массу снаряжения, которое попадет в ваши руки. Когда до Албании доберутся четыре немецких горных дивизии, отправляющиеся туда, по сообщениям Вашего генерального штаба, из Тироля, вам там придется столкнуться с совершенно иным родом сопротивления, чем то, которое могут оказать тыловые части деморализованных итальянцев. Поскольку я впервые имею честь обращаться к вашему превосходительству, я пользуюсь случаем, чтобы послать свои сердечные пожелания успехов Вашему правительству, а также безопасности и независимости смелому народу, судьбы которого находятся в Ваших руках».

**
*

Теперь нам надо отметить единственный случай в истории, когда элемент сентиментальности замешался в расчеты кремлевской олигархии.

Национальное движение в Белграде было стихийным восстанием, не имевшим ничего общего с деятельностью маленькой нелегальной югославской коммунистической партии, поддерживаемой Советским Союзом. Прождав неделю, Сталин решил сделать жест. Его чиновники вели переговоры с г-ном Гавриловичем, югославским посланником в Москве, и с

миссией, посланной из Белграда после переворота. Прогресс был ничтожен. Но ночью с 5-го на 6-е апреля югославов внезапно вызвали в Кремль. Там они встретили самого Сталина, вручившего им проект пакта, готовый к подписанию. Работа была проделана быстро. Россия соглашалась уважать «независимость, суверенные права и территориальную неприкосновенность Югославии», и в случае нападения на эту страну, обещала занять позицию, «основанную на дружеских отношениях». При всех обстоятельствах это все же был дружественный жест. Гаврилович до самого утра оставался наедине со Сталиным, обсуждая вопрос о военном снабжении. В момент, когда закончилась их беседа, немцы нанесли свой удар.

**

*

Утром 6 апреля германские бомбардировщики появились над Белградом. Вылетая группами с оккупированных румынских аэродромов, они три дня методически бомбили югославскую столицу. Летая на высоте, немногим выше крыш, не опасаясь сопротивления, они беспощадно бомбили город. Это называлось операцией «Наказание». Когда, наконец, 8 апреля наступила тишина, на улицах Белграда и под развалинами домов лежало свыше семнадцати тысяч убитых жителей. В кошмаре дыма и огня носились выпущенные из зоологического сада обезумевшие животные. Мимо охваченного пожаром главного отеля города, прихрамывая, пробежал раненый аист. Ошеломленный, ничего не соображающий медведь, медленной и неловкой поступью пробирался через весь этот ад, к Дунаю. Это был не единственный медведь, который ничего не понимал.

Операция «Наказание» была выполнена.

10.

ЯПОНСКИЙ ПОСЛАНЕЦ

Новый год принес с собой тревожные новости с Дальнего Востока. Японский флот у берегов Южного Индо-Китая становился все активнее. О появлении японских кораблей сообщалось из Сайгона и Сиамского залива. 31 октября японское правительство заключило перемирие с французскими вишийскими властями и Сиамом. Распространились слухи, что договоренность о границах в юго-восточной Азии была прелюдией вступления Японии в войну. В то же самое время немцы оказывали все более сильное давление на японцев, чтобы те атаковали Сингапур.

«Я пытался, — заявил Риббентроп на Нюрнбергском процессе, — побудить Японию напасть на Сингапур, потому что было невозможно заключить мир с Англией и я не знал, какие военные мероприятия мы можем предпринять для достижения этого; во всяком случае, Фюрер приказал мне сделать все возможное дипломатическими средствами для ослабления Англии и, тем самым, добиться мира. Мы полагали, что лучшим средством для достижения этого будет нападение Японии на британские укрепленные позиции в Восточной Азии».

**
*

Около этого времени от нашего Главнокомандующего на Дальнем Востоке было получено несколько телеграмм, с просьбами о подкреплениях для Гонконга. Я не соглашался с его взглядами.

«Премьер-министр — генералу Исмю. 7 января 41 года

Все это не так. Если Япония начнет с нами войну там, не будет ни малейшего шанса для удержания Гонконга или

облегчения его положения. Крайне неразумно увеличивать наши будущие потери. Вместо увеличения гарнизона, его надо уменьшить до символических размеров. Со всеми неприятностями, которые могут там приключиться, мы сможем раздаться только на мирной конференции после войны. Нам нужно избегать распыления наших ресурсов по позициям, удерживать которые мы не в состоянии. Япония много раз подумает, прежде чем объявлять войну Британской империи, и не будет никакой разницы, окажется ли в Гонконге шесть батальонов или только два. Это не повлияет на их решение. Я бы хотел, чтобы у нас там было меньше войск, но отвод их оттуда будет заметным, и потому опасным».

Позднее мы увидим, что я позволил увлечь себя с этой позиции и что два канадских батальона были посланы туда в виде подкреплений.

**

*

Во второй неделе февраля мне стало известно о возбуждении и переполохе в японском посольстве и японской колонии в Лондоне. Возбуждение было очевидно очень сильным, и японцы болтали между собой без большой сдержанности. В те дни мы старались держать глаза и уши открытыми. Мне были представлены различные донесения, несомненно создававшие впечатление, что японцы получили из дому новости, говорившие о необходимости быть готовыми уложиться без всякой задержки. Это волнение среди обычно сдержанных людей вызвало во мне чувство, что, может быть, очень близок момент военного нападения на нас со стороны Японии, и я счел нужным поделиться своими сомнениями с президентом.

«Бывший моряк — президенту Рузвельту. 15 февраля 41 года

Многие признаки указывают на намерение Японии начать с нами войну или сделать что-нибудь, что вынудит нас объявить её в ближайшие недели или месяцы. Я сам не уверен, что все это не является «войной нервов», предназначенной для прикрытия японского вторжения в Сиам и Индо-Китай. Однако, я думаю, что я должен сообщить Вам, что если против нас будет брошена вся сила японского флота,

мы окажемся лицом к лицу с обстановкой, выходящей за пределы наших морских ресурсов. Я сам не думаю, что японцы смогут послать большую военную экспедицию, необходимую для осады Сингапура. Они, несомненно, оккупируют стратегические позиции и нефтепромыслы в районе Голландской Ост-Индии, которых они домогаются и, тем самым, поставят себя в значительно лучшую позицию для позднейшего штурма Сингапура. Они также будут совершать налеты на австралийские и новозеландские порты и берега, вызывая в этих доминионах большую тревогу, так как лучшие войска оттуда уже отправлены на Средний Восток. Но больше всего я опасаясь японских рейдеров, возможно линейных крейсеров, которые смогут атаковать торговые пути и коммуникации в Тихом и Индийском океанах. С риском вызвать катастрофу в других местах мы могли бы послать немного сильных кораблей в эти обширные воды, но все судоходство должно будет перейти на систему конвоев, с немногими и редкими эскортами. Это не только будет означать новые тяжелые ограничения и расстройство всей нашей военной экономики, но также окончание поступлений всех подкреплений для армии, которую мы планируем создать на Среднем Востоке за счет австралийских и индийских источников. Любая угроза большого вторжения в Австралию и Новую Зеландию вынудит нас, конечно, вывести наш флот из Восточного Средиземноморья, с возможными катастрофическими для этого района последствиями, в том числе с вероятностью, что Турция должна будет как-то договориться с немцами о пропуске германских грузов и нефти из Черного моря. Поэтому Вам будет понятно, мистер президент, то ужасающее ослабление нашего военного потенциала, которое будет вызвано простой посылкой Японией ее линейных и вооруженных восьмидюймовыми орудиями крейсеров в восточные океаны, и еще большее — если появится серьезная угроза вторжения в наши доминионы в Южном Тихом океане.

Некоторые полагают, что Япония, в ее нынешнем настроении, не поколеблется перед попыткой вести войну одновременно против Великобритании и Соединенных Штатов. Я лично думаю, что это очень маловероятно, но никто не может дать никаких гарантий. Все, что Вы сделаете для того, чтобы вселить в японцев страх перед войной на два фронта, может предотвратить опасность. Если, однако, они выступят против нас и мы окажемся в одиночестве, будет трудно переоценить самые тяжелые последствия».

Волнение среди японцев в Лондоне утихло так же быстро, как началось. Среди них уже снова царствовали тишина и восточная сдержанность.

«Бывший моряк — президенту Рузвельту. 20 февраля 41 года

У меня сейчас есть лучшие новости о Японии. Повидимому, Мацуока в ближайшее время посетит Берлин, Рим и Москву. Это вполне может быть дипломатическим соусом для прикрытия действий против Великобритании. Если казавшаяся близкой японская атака теперь отложена, это произошло в большой мере благодаря Соединенным Штатам. Чем больше будут использованы японские страхи, тем лучше, но я вполне понимаю Ваши трудности в ожидании принятия закона о Ленд-лизе, на который мы все надеемся. Оценка, данная в моем «личном и секретном» послании относительно последствий японской агрессии против Великобритании, остается неизменной при всех обстоятельствах».

**

*

24 февраля меня навестил японский посол, мистер Сигемицу. Содержание беседы было мной записано.

Я остановился на долгих и дружественных отношениях между двумя странами, на моих собственных чувствах со времен Японского союза 1902 года и на нашем большом желании сохранить существующие добрые отношения. Япония не может ожидать, чтобы мы отнеслись одобрительно к происходящему в Китае, но мы сохраняем отношение корректного нейтралитета, — нейтралитета, совершенно иного рода, чем тот, который мы держали, помогая Японии в войне против России. У нас нет ни малейшего желания нападать на Японию; мы хотим видеть ее мирной и процветающей страной, и было бы очень грустно, если бы, увязнув уже в Китае, она начала войну против Великобритании и Соединенных Штатов.

Посол сказал, что у Японии нет намерения нападать на нас или на Соединенные Штаты и желания оказаться втянутой в войну с любой из этих стран. Японцы не будут пытаться атаковать Сингапур или

Австралию и — он повторил это несколько раз — пытаться закрепиться в Голландской Ост-Индии. Единственная жалоба японцев, сказал он, была на наше отношение к Китаю, придающее китайцам бодрости и, тем самым, увеличивающее трудности японцев в Азии.

...Я чувствовал себя обязанным напомнить ему о Пакте трех держав, заключенном Японией с Осью, и сказал, что это, естественно, мы постоянно помним. Трудно верить, что в Пакте, дающем такие преимущества Германии и так мало — Японии, нет некоторых дополнительных секретных статей и, во всяком случае, Япония не рассеяла наших сомнений, как его толковать в определенных случаях. Посол сказал, что в свое время были сделаны нужные разъяснения, что целью Пакта является ограничить конфликт, и т. д. Я заметил, что Пакт трех держав был большой ошибкой, поскольку дело касается Японии. Ничто другое так не повредило ее отношениям с Соединенными Штатами, и ничто так не сблизило Соединенные Штаты и Англию.

Затем я возобновил свои дружеские заверения. Все его поведение было весьма дружелюбным и даже заискивающим, и у нас нет никаких сомнений относительно его позиции.

4 марта, несомненно после того, как он уже связался с Токио, я записал отчет о втором посещении мистера Сигемицу.

Японский посол сегодня посетил меня и в добродушных тонах говорил о большом желании Японии избежать войны и не допустить разрыва с Великобританией. Он описал Пакт трех держав, как пакт мира и сказал, что родился он из желания Японии ограничить конфликт. Я спросил его конкретно, оставляет ли Пакт право Японии интерпретировать любую обстановку по-своему и указал, что ничто в Пакте не обязывает ее вступать в войну. Он не возражал против этого; даже больше того — молчаливо согла-

сил. Я с сердечным вниманием принял все эти заверения и попросил передать мою признательность министру иностранных дел Японии. Я не думаю, что Япония нас атакует, если не будет уверена в нашем поражении. Я очень сомневаюсь, что она вступит в войну на стороне держав Оси, если к нам присоединятся Соединенные Штаты. Во всяком случае, было бы очень глупо, если бы она это сделала. Для нее было бы более разумно начать войну, если Соединенные Штаты к нам не присоединятся.

По совершенно другим соображениям это была также немецкая точка зрения. И Германия, и Япония стремились разделить и разграбить Британскую империю. Но они подходили к своей цели под различными углами зрения. Германское верховное командование доказывало, что Япония должна направить свои вооруженные силы против Малайи и Голландской Ост-Индии, не тревожась об американских тихоокеанских базах и главном флоте США, расположенном во фланге. В течение февраля и марта немцы уговаривали японское правительство нанести немедленный удар по Малайе и Сингапуру, не беспокоясь о Соединенных Штатах. У Гитлера было достаточно забот и без вовлечения Америки в войну, и мы уже видели его готовность примириться с очень многими американскими мероприятиями, каждое из которых давало более чем достаточные основания для открытия военных действий. Гитлер и Риббентроп больше всего хотели, чтобы японцы атаковали то, что они называли «Англией», но ни в коем случае не связываться с Соединенными Штатами. Они заверяли Токио, что если Япония начнет энергичные действия против Малайи и Голландской Ост-Индии, американцы не решатся воевать. Японские морские и военные круги вовсе не были разубеждены этим доводом, и доказательствами о незаинтересованности Америки. С их точки зрения нельзя было и думать об операциях в Юго-восточной Азии, не напав сперва на американ-

ские базы, или не договорившись с Соединенными Штатами в дипломатическом порядке.

В этой сложной политической обстановке три решения были, повидимому, приняты в Японии в это время. Первым была посылка министра иностранных дел Мацуока в Европу для личного выяснения степени германского господства в Европе и особенно даты начала вторжения в Англию. Были ли британские военно-морские силы настолько связаны обороной Англии, что Великобритания была не в состоянии укрепить свои восточные владения в случае японской атаки? Хотя Мацуока получил свое образование в Соединенных Штатах, он был ярким антиамериканцем. На него производило глубокое впечатление нацистское движение и мощь воюющей Германии. Он находился под влиянием Гитлера. Может быть, бывали моменты, когда он видел себя самого, играющего аналогичную роль в Японии. Во-вторых, японское правительство решило, что у его армии и флота должны быть свободные руки при планировании операций против американской базы в Перл-Харбор и против Филиппин, Голландской Ост-Индии и Малайи. В-третьих, «либеральный» государственный деятель, адмирал Номура, должен был быть послан в Вашингтон для исследования возможностей общего соглашения с Соединенными Штатами в Тихом океане. Это не только служило камуфляжем, но могло привести к действительно мирному разрешению. Таким образом, противоречивые мнения членов японского кабинета пришли к общему соглашению.

**

Мацуока отправился в свою поездку 12 марта. 25-го, проезжая через Москву, он имел двухчасовую беседу со Сталиным и Молотовым и заверил германского посла Шуленбурга в том, что передаст лично Риббентропу все подробности разговора,

Захваченные документы, опубликованные американским Государственным департаментом, бросают яркий свет на миссию Мацуока и немецкие настроения. 27 марта японского посла сердечно приветствовал в Берлине Риббентроп. Министр иностранных дел Райха стал распространяться о мощи своей страны. Он сказал, что Германия находилась в последней стадии своей борьбы против Англии. В течение последней зимы Фюрер провел все необходимые меры для того, чтобы Германия была бы абсолютно готова противостоять Англии повсюду. В своем распоряжении Фюрер имеет, вероятно, сильнейшую военную силу, которая когда-либо существовала. Германия располагает 240 боевыми дивизиями, из которых 186 — первоклассные штурмовые дивизии, и 24 — бронетанковые. Сильно вырос Люфтваффе, при чем введены в строй новые самолеты, и Германия в воздухе не только равноценна Англии и Америке, но и решительно сильнее их.

Германский флот в начале войны располагал лишь сравнительно небольшим числом военных кораблей. Тем не менее, находившиеся в постройке суда были закончены и последнее из них в ближайшее время войдет в строй. В отличие от Первой мировой войны, германский флот на этот раз не отстает в портах, но с первого же дня войны действует против неприятеля. Из донесений последних нескольких недель Мацуока, вероятно, знает, что большие немецкие боевые соединения с чрезвычайным успехом прерывают пути сообщения между Англией и Америкой (Это относится к рейдам «Шарнгорста» и «Гнейзенау» в Атлантическом океане в феврале и марте. Примечание автора).

Число действующих подводных лодок пока что было очень незначительно. Одновременно против противника оперировало не более 8-9 лодок. Но и эти немногие, во взаимодействии с Люфтваффе, в январе и феврале пускали ко дну по 750.000 тонн водоизмещения ежемесячно и Германия может в любой момент

представить доказательства этому. Более того, в эту цифру не входят большие дополнительные потери англичан от пловучих и магнитных мин. В начале апреля число подводных лодок увеличится в 8-10 раз, таким образом, против врага будет действовать постоянно 60-80 лодок. Фюрер избрал следующую тактику: он приказал использовать лишь немного подводных лодок в операциях, а остальные — для тренировки экипажей, необходимых для большего подводного флота, который, в свою очередь, должен будет нанести окончательный удар по врагу. Поэтому тоннаж, потопленный германскими подводными лодками, в ближайшем времени должен намного превысить то, что уже достигнуто. В этих условиях только одни подводные лодки могут рассматриваться как совершенно убийственное оружие.

На европейском континенте у Германии практически нет ни одного значительного противника, за исключением маленьких британских сил, еще остающихся в Греции. Германия отобьет любую попытку Англии высадиться на континенте или попытаться там закрепиться. Поэтому, она не потерпит пребывания англичан в Греции. Греческая проблема второстепенна, но ударом по Греции будут завоеваны господствующие позиции в Восточном Средиземноморье, которые могут понадобиться для будущих операций.

Итальянцам в последние месяцы не повезло в Африке, потому что итальянские войска были незнакомы с современной танковой войной и не были готовы к противотанковой обороне. Поэтому для британских бронетанковых дивизий было сравнительно легко захватить маловажные итальянские позиции. Всякое дальнейшее продвижение англичан блокировано окончательно. Фюрер направил в Триполи одного из наиболее способных германских офицеров, генерала Ромеля, с достаточными немецкими силами. К сожалению, надежда, что генерал Уэйвел нас атакует, не сбылась. Англичане имели с немцами несколько схваток

местного значения, после чего оставили всякие намерения атаковать. Если случайно они попытаются еще раз повести наступление на Триполи, результатом будет их полный разгром. Здесь также в один прекрасный день обстановка изменится и англичане исчезнут из Северной Африки, может быть, еще быстрее, чем они туда пришли.

В Средиземном море немецкий Люфтваффе в течение двух месяцев действует довольно успешно и причинил тяжелые потери британскому судоходству; англичане напрягают все силы для удержания своих позиций. Суэцкий канал в течение долгого времени был заблокирован и будет заблокирован опять. Теперь для англичан держаться в Средиземном море стало совсем нелегкой задачей.

Если мы суммируем военную ситуацию в Европе, мы приходим к заключению, что, в военном отношении, державы Оси являются полными хозяевами положения в континентальной Европе. В распоряжении Германии имеется гигантская армия, практически не воюющая, которая может быть использована в любое время и в любой момент по выбору Фюрера.

Переходя от военного к политическому положению, Риббентроп отметил:

Конфиденциально, мы можем информировать Мацуока, что нынешние отношения с Россией, хотя и корректны, но не слишком дружественны. После визита Молотова, во время которого ему было предложено присоединиться к Пакту трех держав, Россия поставила неприемлемые условия. Она потребовала принесения в жертву германских интересов в Финляндии, предоставления ей баз в Дарданеллах и права эффективно влиять на положение дел на Балканах, особенно в Болгарии. Фюрер не согласился, потому что считал, что Германия не может допустить такой русской политики на сколько-нибудь продолжительное время. Балканский полуостров крайне необходим Германии по экономическим соображениям, и было не-

возможно отдавать его под русское господство. По этой причине он дал гарантии Румынии. Именно на эту последнюю акцию русские особенно обиделись. Далее Германия была обязана войти в более близкие отношения с Болгарией, чтобы приобрести лучшую позицию, с которой можно было бы изгнать англичан из Греции. Германии пришлось остановиться на таком курсе, потому что иначе эта кампания была бы невозможна. Это также совсем не понравилось русским.

В этой обстановке, отношения с Россией, внешне остаются нормальными и корректными. Однако, время от времени, когда только было возможно, русские демонстрировали свое недружелюбие к Германии. Примером этого является декларация по адресу Турции, сделанная на днях. Германия определенно чувствует, что со времени назначения сэра Стаффорда Криппса послом в Москву... между Россией и Англией налаживаются отношения не только тайно, но и сравнительно открыто. Германия внимательно следит за развитием событий.

Далее Риббентроп продолжал:

Он знает Сталина лично и не считает его склонным к авантюрам, но уверенным быть нельзя. Германские армии на востоке постоянно находятся в состоянии готовности. Если в какой-либо момент Россия займет позицию, которую можно будет истолковать как угрозу для Германии, Фюрер раздавит ее. Германия уверена, что русская кампания закончится абсолютной победой германского оружия и полным разгромом русской армии и русского государства. Фюрер убежден, что в случае действий против Советского Союза, через несколько месяцев от великой русской державы не останется ничего. При всех обстоятельствах Фюрер не рассчитывает только на договоры с Россией, но полагается прежде всего на свой Вермахт.

Надо также иметь в виду, что Советский Союз, несмотря на все попытки доказать обратное, все еще ведет за границей коммунистическую пропаганду. Не только в Германии, но и в оккупированных областях Франции, Голландии и Бельгии, он продолжает вводящую в заблуждение пропагандистскую активность. Конечно, для Германии эта пропаганда не опасна. Но к чему она ведет в других странах, Мацуока знает хорошо сам. Как пример, министр иностранных дел Райха может привести прибалтийские государства, в которых сегодня, через год после их оккупации Россией, действительно ужасные условия привели к уничтожению всей интеллигенции. Германия на-чеку и не боится ни малейшей угрозы со стороны России.

Далее германский тыл должен быть обеспечен для окончательного сражения против Англии. Поэтому она не потерпит никаких угроз со стороны России, — если в один прекрасный день эти угрозы окажутся серьезными. Германия хочет завоевать Англию как можно скорей, и не позволит, чтобы что-нибудь отвлекло бы ее от осуществления этого намерения.

Таковы были веские выражения, употребленные министром иностранных дел Райха в данном случае, и Мацуока не имел никаких оснований жаловаться на то, что немцы держали его неосведомленным. Риббентроп затем повторил снова, что:

Война уже окончательно выиграна державами Оси. Во всяком случае, проиграть ее более невозможно. Теперь остается только вопрос времени, пока Англия признает свое поражение. Когда это случится, он предсказать не может. Это может произойти очень скоро. Это будет зависеть от событий ближайших 3-4 месяцев. Однако, очень вероятно, что Англия капитулирует в течение текущего года.

Наконец, он высказался об Америке:

Нет никаких сомнений, что англичане давно бы уже вышли из войны, если бы Рузвельт не поддерживал Черчилля надеждами. Трудно сказать, каковы

подлинные намерения Рузвельта. Пройдет много времени, прежде чем американская помощь Англии снаряжением станет действительно эффективной, но и тогда еще будет под сомнением качество доставленных самолетов. Страна, находящаяся далеко от войны, просто не может выпускать самолетов высшего качества. То, с чем до сего времени соприкасались немецкие летчики, они называют «барахлом».

Пакт трех держав, сказал Риббентроп, имеет целью напугать Америку и не допустить ее вхождения в войну. Главным врагом Нового порядка является Англия, являющаяся в такой же мере врагом Японии, как и держав Оси.

Далее Риббентроп сказал, что после внимательного рассмотрения положения, Фюрер пришел к заключению, что сейчас было бы хорошо, если бы Япония решила в ближайшее же время принять активное участие в войне против Англии. Быстрая атака на Сингапур, к примеру, послужила бы решающим фактором в разгроме Англии. Если сегодня, в войне против Англии, Япония нанесла бы решающий удар по Сингапуру, Рузвельт оказался бы в очень затруднительном положении. Если бы он объявил Японии войну, он должен был бы считаться с тем, что проблема Филиппин может разрешиться в пользу Японии. Он много раз подумает, прежде чем рискнет такой серьезной потерей престижа. С другой стороны, завоевав Сингапур, Япония приобретает абсолютно доминирующую позицию в этой части Восточной Азии. Она фактически разрубит «Гордиев узел».

**
*

После перерыва на завтрак, Мацуока был принят Гитлером. В своих собственных выражениях, Гитлер описал немецкие военные победы. С начала войны было ликвидировано 60 польских, 6 норвежских, 18 голландских, 22 бельгийских и 138 французских ди-

визий, и от 12 до 13 британских было выброшено с континента. Сопrotивление воле держав Оси стало невозможным. Далее Гитлер стал говорить о потерях британского судоходства. Настоящая подводная война только начинается. В этот, и в следующие месяцы, Англия понесет потери, далеко превышающие всё, что было до сего времени. В воздухе, несмотря на все английские претензии, Германия сохраняет абсолютное господство. В ближайшие месяцы атаки Люфтваффе станут еще сильнее. Эффективность германской блокады привела к более строгому рациированию всего в Англии, чем это имеет место в Германии. В то же время, продолжаютя приготовления к последнему удару по Англии.

Мацуока внимательно слушал эти разглагольствования. Он поблагодарил за откровенность и сказал, что полностью согласен со взглядами Фюрера. В Японии, как и в других странах, имелись мощные интеллектуальные силы, которые мог бы держать в руках только человек необычайной силы воли. Если Япония почувствует, что она теряет шанс, который приходит раз в тысячу лет, она будет действовать решительно. Двум принцам японской императорской фамилии он уже объяснил, что подготовленность не всегда может быть полной и совершенной. Необходимо бывает идти на риск. Вопрос лишь в том, когда лучше атаковать. Нерешительные японские политики будут постоянно оттягивать начало, действуя частично под влиянием проанглийских и проамериканских позиций. Лично Мацуока хочет атаковать как можно скорее. К сожалению, Япония не у него в руках и ему приходится убеждать в справедливости своей точки зрения тех, в чьих руках находится контроль над страной. Несомненно, придет день, когда он этого добьется, но в нынешних условиях он не может взять, от имени Японской империи, каких-либо твердых обязательств о действиях против Англии. По возвращении он внимательно изучит всё дело, и хотя он не может

связать себя определенными обязательствами, лично он сделает все от него зависящее. Таким образом, оговорки были значительные.

Затем он остановился на своей встрече со Сталиным, состоявшейся, когда он проездом остановился в Москве. Сперва он имел в виду нанести в Москве лишь визит вежливости, но русское правительство предложило организовать встречу между ним, Сталиным и Молотовым. Он беседовал с Молотовым, учитывая время, нужное для переводов, может быть, минут десять, и со Сталиным — минут двадцать пять. Он сказал Сталину, что японцы являются духовными коммунистами, хотя и не верят в коммунизм политический и экономический. Японский идеал духовного коммунизма был опровергнут либерализмом, индивидуализмом и эгоизмом — порождениями Запада. Идеологическая война в Японии была крайне острой, но те, кто боролся за восстановление старинных идеалов, были убеждены в своей конечной победе. Англосаксонская раса представляет собой крупнейшее препятствие на пути установления Нового порядка. Он сказал Сталину, что после крушения Британской империи будут ликвидированы расхождения между Японией и Россией. Англо-саксы являются общим врагом Японии, Германии и Советской России. После некоторого размышления Сталин сказал, что Советская Россия никогда не ладит с Великобританией и никогда не поладит.

**
*

Переговоры в Берлине продолжались в течение 28 и 29 марта, но суть их оставалась той же: во-первых, немцы усиленно старались убедить японцев напасть на Британскую империю; во-вторых, они признавали неопределенность в отношениях с Россией; и, в-третьих, они давали понять, что Гитлер серьезно надеется избежать конфликта с Соединенными Штатами.

Ни на один из важных вопросов, — собирается ли Германия, как и прежде, высадиться на Британских островах, и как теперь рассматриваются германско-советские отношения, Мацуока не был в состоянии получить ясного ответа. На его вопрос, следует ли ему, на обратном пути, остановиться в Москве и затронуть там слегка — или поглубже — политические проблемы, Риббентроп, через переводчика, ответил: «Лучше вы рассматривайте свой визит туда как простую формальность».

**

Не зная, конечно, существа или характера этих секретных берлинских переговоров, но под сильным влиянием их очевидной важности, я решил использовать японского посла, которого Мацуока вызвал для встречи на континенте, для передачи его шефу нескольких контробразжений. Мистер Сигемицу, — если и был враждебен Англии и Соединенным Штатам и трудился над развязыванием войны против нас, был очевидно очень ловким обманщиком — любезно взял на себя задачу передачи моего послания. В конце концов, поездка не состоялась и письмо мое было передано по телеграфу нашему послу в Москве, для передачи мистеру Мацуока на его обратном пути.

«Мистер Черчилль — мистеру Иосуке Мацуока

2 апреля 41 года

Я беру на себя смелость поставить несколько вопросов, которые, как мне кажется, заслуживают внимания императорского японского правительства и японского народа.

1. Сможет ли Германия, без господства на море, или в воздухе над Англией (хотя бы в дневное время) вторгнуться и завоевать Британские острова весной, летом или осенью 1941 года? Станет ли Германия пытаться делать это? Не было бы в интересах Японии подождать, пока ответы на эти вопросы не станут ясными сами собой?

2. Окажутся ли германские операции против британского судоходства достаточными для того, чтобы не допустить американскую помощь к английским берегам во вре-

мя, когда Англия и Соединенные Штаты переводят всю свою промышленность на военные рельсы?

3. Сделало ли присоединение Японии к Пакту трех держав более или менее вероятным вступление Соединенных Штатов в нынешнюю войну?

4. Если Соединенные Штаты присоединятся в войне к Англии, а Япония примкнет к державам Оси, не окажется ли военно-морское превосходство двух англо-саксонских держав достаточным для того, чтобы ликвидировать державы Оси в Европе, еще до обращения своей объединенной мощи против Японии?

5. Является Италия помощником или обузой для Германии? Столь ли хорош итальянский флот в море, как на бумаге? Так ли он хорош теперь на бумаге, как он был в прошлом?

6. Не окажется ли британская авиация сильнее германской до конца 1941 года, и много сильнее — к концу 1942-го?

7. Научатся ли те многочисленные страны, которые сейчас сдерживаются силами немецкой армии и Гестапо, любить немцев с течением времени больше или меньше?

8. Правда ли, что выпуск стали в Соединенных Штатах в течение 1941 года дойдет до 75 миллионов тонн, Великобритании — до приблизительно 12,5 миллионов, всего почти 90 миллионов тонн? Если Германии случится проиграть войну, как это было в прошлый раз, не окажется ли количество в 7 миллионов тонн стали, сейчас выпускаемые в Японии, недостаточным для ведения войны в одиночку?

Ответы на эти вопросы могут помочь Японии избежать серьезной катастрофы и привести к значительному улучшению в отношениях между Японией и двумя великими морскими державами Запада».

Я остался доволен написанным тогда, и не без удовольствия перечитываю это сегодня.

**
*

Тем временем Мацуока отправился в Рим, где встретился с Муссолини и Папой. Сейчас мы располагаем германским отчетом того, что он сказал Гитлеру 4 апреля, по возвращении в Берлин. Дуче, по его словам, рассказал о войне в Греции, Югославии и Северной Африке, и о той роли, которую во всех этих

делах играла Италия. Наконец, он говорил о Советской России и об Америке. Дуче сказал, что очень важно ясно представлять себе истинное значение противника. Врагом № 1 была Америка; Советская Россия была на втором месте. Этими замечаниями Дуче хотел дать понять, что Америку, как врага № 1, нельзя провоцировать, но в то же время необходимо внимательно следить за ее поведением. С другой стороны, надо быть готовым ко всем случайностям. Мацуока согласился с этим образом мыслей.

**
*

Перед обратным путешествием по транссибирской железной дороге, Мацуока на неделю задержался в Москве, где у него было несколько длинных разговоров со Сталиным и Молотовым. Единственный отчет, имеющийся о них, составлен германским послом в Москве Шуленбургом, знавшим, конечно, только то, что русские и японцы хотели ему сказать. Повидимому, все декларации, правдивые или хвастливые, не убедили японского посланца. Осторожность, проявленная немцами в вопросе о столкновении с Соединенными Штатами, оставила отчетливый след в уме Мацуока. В то же время от Риббентропа он знал об угрожающем и все расширяющемся разрыве между Германией и Россией. Что сказал он об этом в Москве, мы не знаем. Но, занимая позицию, характерную любопытными преимуществами и получив от сэра Стаффорда Криппса переданное по телеграфу мое письмо с вопросами, Мацуока, повидимому, обнаружил, что его позиция находится ближе к Молотову, чем к Риббентропу. В этом обреченном равновесии могущественных держав Японии предлагалось Германией сделать безвозвратный шаг, объявив войну Англии и, по существу, всему англо-саксонскому миру. Россия же только просила не торопиться и выжидать. Очевидно, Мацуока не поверил, что с Англией все по-

кончено. Он не мог быть уверен в том, что произойдет между Германией и Россией, и он не был склонен — или не располагал полномочиями — взять на Японию обязательства решительных действий. Он отдавал предпочтение Пакту о нейтралитете, предоставлявшему, по крайней мере, время, в течение которого неотвратимые события, течение которых было невозможно предсказать, могли развернуться.

Соответственно, когда Мацуока 13 апреля посетил в Москве Шуленбурга с прощальным визитом, он с неуместной точностью упомянул о том, что японско-советский пакт о нейтралитете, о котором договорились в последний момент, «по всей вероятности будет подписан сегодня в 2 часа по местному времени». Обе стороны сделали уступки относительно спорного Сахалина. Это новое соглашение, заверил он германского посла, ни в коей мере не затрагивает Пакта трех держав. Он добавил, что американские и английские журналисты, уже сообщившие, что его приезд в Москву закончился полнейшей неудачей, будут теперь вынуждены признать, что японская политика достигла больших успехов, — что не может не произвести впечатления в Англии и Америке.

Шуленбург отмечает демонстрацию единства и дружбы, устроенную Сталиным на вокзале при отъезде Мацуока в Японию. Поезд был задержан на целый час всякими церемониями, явившимися, повидимому, неожиданностью и для немцев, и для японцев. На вокзале появились Сталин и Молотов, приветствуя Мацуока и японцев в чрезвычайно дружеском тоне и желая им счастливого пути. Затем Сталин громко приказал позвать ему германского посла. «И когда меня нашли, — рассказывает Шуленбург, — он подошел и обнял меня за плечи. «Мы должны оставаться друзьями. Вы должны сделать все, чтобы добиться этого». Затем Сталин повернулся к германскому военному атташе, сперва убедившись, что это именно он, и сказал ему: «С вами-то мы останемся друзьями при лю-

бых обстоятельствах». «Сталин, — добавляет Шуленбург, — несомненно устроил это представление с приветствием полковника Кребса намеренно, тем самым сознательно привлекая внимание многочисленных присутствующих лиц».

Эти объятия были напрасным притворством. Из имеющихся в его распоряжении многочисленных донесений Сталин, несомненно, должен был знать о колоссальном сосредоточении германских сил, ставшим уже очевидным для английской разведки вдоль всей русской границы. Оставалось только десять недель до начала бешеного гитлеровского нападения на Россию. Срок этот был бы равен только пяти неделям, если бы не задержка, вызванная войной в Греции и Югославии.

**
*

Мацуока вернулся в Токио из своей европейской поездки в конце апреля. Он был встречен на аэропорте премьер-министром, принцем Коноэ, сообщившим ему, что в этот самый день японцы рассматривали возможность достижения соглашения с Соединенными Штатами в зоне Тихого океана. Это шло вразрез с позицией Мацуока. Хотя и охваченный сомнениями, он, в целом, еще верил в конечную германскую победу. Поддержанный престижем заключенного им Пакта трех держав и договора о нейтралитете с Россией, он не видел особой нужды в том, чтобы стараться расположить к Японии американцев, которые, по его мнению, не были в состоянии вести одновременную войну в Атлантическом океане против Германии, и в Тихом — против Японии. Поэтому министр иностранных дел натолкнулся в правительственных кругах на настроения, широко отличающиеся от его собственных. Несмотря на его страстные протесты, японцы решили продолжать переговоры в Вашингтоне, — и скрывать их от немцев. 4 мая Мацуока взял на себя задачу по-

знакомить германского посла с текстом американской ноты Японии, предлагающей общее соглашение на тихоокеанском театре, начиная с американского посредничества между Японией и Китаем. Главным препятствием к принятию этого предложения было американское требование предварительной эвакуации японцев из Китая.

**

Будучи в Москве, Мацуока получил мое послание и, на обратном пути, в поезде, несшем его через Сибирь, написал бессодержательный ответ, который был отправлен по назначению по его прибытии в Токио.

«Мистер Мацуока — мистеру Черчиллю. 22 апреля 41 года

Ваше превосходительство! Я только что вернулся из своего путешествия и спешу подтвердить получение письма, врученного мне в Москве вечером 12-го сэрм Стаффордом Криппсом, с замечанием, что это копия письма, адресованного мне, датированного в Лондоне 2 апреля 1941 года и направленного в Токио.

Я хочу выразить свою признательность за усилия Вашего правительства предоставить нашему послу возможность встретиться со мной на континенте. Я был глубоко разочарован, когда узнал, что он не может прибыть. Ваше превосходительство может быть уверенным, что иностранная политика Японии определяется после тщательного и непредубежденного изучения всех фактов и осторожного взвешивания всех элементов ситуации, с которой сталкивается Япония, всегда и неизменно учитывая великую задачу японской расы, и стремясь осуществить цели, заключенные в Хакко-ичиу, японской концепции всеобщего мира, когда не будет ни завоеваний, ни угнетения, ни эксплуатации одних народов другими. И мне нет нужды говорить вашему превосходительству, что раз установленная политика будет проводиться в жизнь решительно, но с величайшей осмотрительностью, учитывая все изменяющиеся обстоятельства.

Прошу верить, что я пребываю,

покорным слугой вашего превосходительства,

Иосуке Мацуока»,

Очень скоро Мацуока и его коллеги по японскому правительству должны были стать лицом к лицу с положением, требующим именно такого «непредубежденного изучения». 28 июня, через неделю после вторжения Гитлера в Россию, состоялось заседание японского кабинета и чиновников императорских уделов. Мацуока обнаружил, что его позиция непоправимо ослабла. Он «потерял лицо», потому что не знал о намерении Гитлера напасть на Россию. Он говорил в пользу присоединения к Германии, но против него оказалось преобладающее большинство. Правительство решило принять политику компромисса. Должны были быть усилены военные приготовления. Была сделана ссылка на 5-ю статью Пакта трех держав, указывающую на неприменимость его против России. Германию решено было конфиденциально информировать, что Япония будет «бороться против большевизма в Азии», и Пакт о нейтралитете с Россией приводился в оправдание политики невмешательства в русско-германскую войну. С другой стороны, было решено развивать операции в южных морях и закончить оккупацию Южного Индо-Китая. Мацуока не был согласен с этими решениями. Чтобы вызвать движение за вступление в войну на стороне немцев, он приказал отпечатать для широкого распространения одну из своих речей. Отпечатанные экземпляры брошюры были конфискованы японским правительством. 16 июля Мацуока исчез со своего поста.

Но в то время как японский кабинет не был готов идти в фарватере германской политики, политика, избранная им, отнюдь не представляла собой торжества умеренных элементов Японии. Проводилось дальнейшее усиление японских вооруженных сил, и в Южном Индо-Китае должны были быть созданы японские базы. Это было прелюдией к нападению на британские и голландские колонии в Юго-восточной Азии.

Из всех, имеющихся теперь в нашем распоряжении данных, можно заключить, что руководители японской политики не ждали от Соединенных Штатов или Великобритании каких-либо энергичных контрмер, направленных против этого продвижения на юг.

Таким образом, пока развивались события мирового значения, мы видим, как эти три, холодно расчетливые империи, в этот момент совершили ошибки, оказавшиеся катастрофическими как для их планов, так и для безопасности. Гитлер решился на войну с Россией, сыгравшую решающую роль в его гибели. Сталин оставался в неведении или недооценивал силу страшного удара, который должен был вот-вот обрушиться на Россию и вызвать жестокие потрясения в стране. Япония, несомненно, упустила лучшую возможность — какова бы она ни была — осуществить свои мечты.

11.

ФРОНТ В ПУСТЫНЕ. РОММЕЛЬ. ТОБРУК

Все наши попытки создать фронт на Балканах исходили из предположения, что мы сможем с уверенностью удерживать наш фланг в североафриканской пустыне. Он мог быть закреплен в Тобруке, но быстрое продвижение Уэйвела на запад и захват Бенгази отдал в наше распоряжение всю Киренаику, входом в которую служил залив у Агейлы. И в Лондоне, и в Каире считалось само собой разумеющимся, что этот вход должен удерживаться любой ценой, даже за счет всех остальных предприятий. Разгром итальянских сил в Киренаике и большие расстояния, которые надо было пройти, прежде чем враг мог сконцентрировать свежую армию, привели Уэйвела к заключению, что в течение некоторого времени он сможет удерживать этот жизненно-важный западный фланг сравнительно небольшими силами и заменить испытанные войска другими, не столь хорошо тренированными. Фронт в пустыне был тем крючком, на котором держалось все остальное, и никто и не думал им рисковать, будь то ради Греции или ради чего-нибудь иного на Балканах.

В конце февраля 7-я британская бронетанковая дивизия была отозвана в Египет для отдыха и переформирования. Эта славная часть послужила отлично. Ее танки прошли большие расстояния и были заметно изношены. Их численность уменьшилась в результате боев и долгих маршей. Все же это была часть, состоявшая из опытных, закаленных в пустыне бой-

цов, равных которым мы не могли найти. Было бы жаль не поддержать существования ядра этой единственной в своем роде организации, не пополнить ее хорошо подготовленными свежими офицерами и солдатами, прибывающими из Англии, не послать ей максимального количества новых танков и запасных частей. Таким образом, можно было сохранить 7-ю бронетанковую дивизию, воскресив одновременно ее мощь.

Только спустя несколько недель, в течение которых я был занят другими серьезными делами, я узнал, что 7-я бронетанковая дивизия перестала существовать в качестве защитного фактора на важнейшем фронте в пустыне. Ее место было занято танковой бригадой и частью вспомогательной группы 2-й бронетанковой дивизии; 6-я австралийская дивизия к 9 числу была также отозвана. Ни одно из новых соединений не прошло полной подготовки, и, что было еще хуже, они были лишены большей части снаряжения и транспортных средств, потребовавшихся для полного укомплектования дивизий, предназначавшихся для скорой отправки в Грецию. Недостаток в транспорте ощущался остро, отражаясь на диспозиции и подвижности войск. Из-за трудностей содержания на выдвинутых позициях одна австралийская бригада была задержана в Тобруке, где также размещалась бригада моторизованной индийской кавалерии, недавно сформированная и находившаяся в стадии тренировки.

**

Донесения нашей разведки теперь начинали беспокоить начальников штабов. 27 февраля они послали генералу Уэйвелу предупреждающую телеграмму: «В виду прибытия новых немецких бронетанковых соединений и авиации в Триполитанию, здесь рассматриваются наши оборонные нужды в Египте и Кире-

наике. Были бы признательны, если бы вы телеграфировали свою краткую оценку положения». Ответом на это было важное и взвешенное сообщение, включавшее следующее:

2 марта 41 года

«1. Последние сообщения указывают, что недавние пополнения в Триполитании состоят из двух итальянских пехотных дивизий, двух итальянских полков моторизованной артиллерии и немецких бронетанковых войск, — максимум одной бригадной группы. Нет никаких данных о высадке дополнительного механизированного транспорта, — которого все еще должно недоставать противнику. Однако, последняя воздушная разведка указывает на значительное увеличение числа грузовиков на шоссе Триполи-Сирте.

2. От Триполи до Агейлы — 471 миль, до Бриндизи — 646 миль. Там имеется только одно шоссе, и водоснабжение недостаточно на протяжении 410 миль этого расстояния. Эти факторы, наряду с транспортом, ограничивают нынешнюю угрозу со стороны неприятеля. Он, повидимому, сможет поддержать, недели на три, одну пехотную дивизию и одну бронетанковую бригаду вдоль прибрежной дороги и, возможно, вторую бронетанковую бригаду, — если таковая у него имеется, — в пустыне, в направлении Хона и Марады, против нашего фланга.

3. Он может испытать нас у Агейлы интенсивным патрулированием, и, если найдет нас слабыми, отодвинуть нас до Аджедабии, в целях выдвижения пунктов для высадки. Я не думаю, что с этими силами он попытается отвоевать Бенгази.

4. В дальнейшем, при большом наступлении, могут быть использованы две немецкие дивизии. Вместе с еще одной или двумя пехотными дивизиями, это будет максимум, который можно поддерживать из Триполи. Опасность для судорождства, трудности в коммуникациях и приближение жаркой погоды, — делают маловероятным, что такое наступление будет предпринято до конца лета. Наши морские операции против конвоев и воздушные атаки на Триполи смогут удлинить этот период...

Угроза итальянской авиации Киренаике в настоящий момент ничтожна. С другой стороны, немцы хорошо закрепились в Центральном Средиземноморье. Немецкие парашютные части, в комбинации с танковыми соединениями, могут начать оперировать на наших путях сообщения. Я не

ожидаю, чтобы парашютисты были использованы в атаке, которую можно ожидать в ближайшее время, но они могут принять участие в большом наступлении позднее.

**
*

Но теперь на мировой арене появилась новая фигура — германский полководец, имя которого будет записано в немецкую военную историю. Эрвин Роммель родился в Хейденхейме, в Вюртемберге, в ноябре 1891 года. Он был мальчиком хрупкой комплекции и воспитывался дома до девятилетнего возраста, когда поступил в государственную школу, директором которой был его отец. В 1910 году он уже служил офицером в Вюртембергском полку. Когда он учился в военной школе в Данциге, инструктора отмечали, что он, при небольшом росте, был физически силен. Успехами в классе он особенно не отличался. Он участвовал в Первой мировой войне в Аргоннах, Румынии и в Италии, был дважды ранен и награжден Железным крестом и Орденом чести высших степеней. Между двумя войнами он служил полковым офицером и при штабе. С началом Второй мировой войны он был назначен комендантом полевого Главного штаба Фюрера в Польскую кампанию, а затем командиром 7-й танковой дивизии XV корпуса. Эта дивизия, получившая кличку «Призраки», шла во главе германских войск при прорыве у Мёзы. Когда англичане контратаковали у Арраса 21 мая 1940 года, Роммель едва не попал в плен. Затем он повел свою дивизию через Ла Бассэ, к Лиллю. Если бы этот удар оказался чуточку более успешным, или, может быть, если бы Роммеля не удерживали приказы Верховного командования, он бы мог отрезать большую часть британской армии, включая 3-ю дивизию, которой командовал генерал Монтгомери. Роммель шел во главе клина, пересекшего Сомму и направленного на Руан, откатывая назад французский левый фланг, причем были захвачены в плен многочисленные французские и

британские силы у Сан Валери. Его дивизия первой вышла к Ламаншу и ворвалась в Шербург сразу же после нашей эвакуации оттуда, захватив порт и 30.000 французских пленных.

Эти выдающиеся операции привели к его назначению, в начале 1941 года, командующим германскими войсками, посланными в Ливию. Он прибыл со своим личным штабом в Триполи 12 февраля, — вести кампанию совместно с итальянским союзником, в борьбе против которого он получил награды в Первую мировую войну. В это время надежды итальянцев ограничивались удержанием Триполитании, и Роммель встал во главе растущих немецких контингентов под общим итальянским командованием. Он старался продвинуть идею немедленного наступления. Когда, в начале апреля, итальянский главнокомандующий попытался убедить его, что Германский Африканский корпус не должен наступать без его разрешения, Роммель заявил протест, что «в качестве германского генерала он обязан отдавать те приказы, которые диктуются обстановкой». Все ссылки на проблему снабжения он объявил «ни на чем не основанными». Он потребовал — и получил — полную свободу действий.

На протяжении всей Африканской кампании Роммель проявил себя мастером передвижений мобильных частей, особенно в быстрой перегруппировке вслед за операцией и в развитии достигнутого успеха. Он был блестящим военным игроком, сумевшим стать выше трудностей в снабжении и презрительно относившимся ко всяким препятствиям. Германское Верховное командование, давшее ему полную свободу, было сперва поражено его успехами и склонно его как-то сдерживать. Его смелость и энергия привели к большим для нас катастрофам, но он заслужил того, чтобы я отдал ему должное — не без некоторых упреков со стороны публики — в Палате общин в январе 1942 года, когда я сказал о нем: «Мы имеем против себя очень смелого и искусного противника и я осме-

люсь сказать, — несмотря на все потрясения войны, — великого генерала». Он также заслуживает нашего уважения потому, что, оставаясь лояльным германским солдатом, он стал ненавидеть Гитлера и все его дела и принял участие в заговоре 1944 года, целью которого было спасти Германию путем устранения тирана и маньяка. За это он заплатил жизнью. В мрачных войнах современных демократий не остается места для рыцарства. Войны эти превращаются в гигантские боины, и самая их массовость не оставляет места для каких-либо отвлеченных чувств. И все же я не жалею, что отдал должное Роммелю, как бы это ни считалось противоречащим моде.

**
*

Телеграмму Уэйвела от 2 марта мы в Лондоне приняли за основу для наших действий. Ущелье Агейлы приобрело исключительное значение. Если бы противник прорвался к Аждабаби, — Бенгази и все остальное к востоку, до Тобрука, оказалось бы в опасности. Он мог выбирать между хорошей береговой дорогой на Бенгази и дальше, и прямым путем на Мечили и Тобрук, отрезавшим участок пустыни длиной в двести и шириной в сто миль. Пользуясь этим последним путем в феврале, мы отрезали и захватили много тысяч итальянцев, отступавших через Бенгази. Для нас не должно было быть сюрпризом, если бы Роммель также воспользовался дорогой через пустыню, чтобы сыграть и с нами такую же шутку. Однако, пока мы удерживали проход у Агейлы, противник был лишен возможности одурачить нас таким способом. Там имелись хорошие позиции, но отчасти вследствие перегрузки транспорта из Тобрука, частью из-за неиспользования порта Бенгази, они не были должным образом защищены.

Положение зависело от знания не только местности, но и условий войны в пустыне. Наше продвиже-

ние было столь быстрым, наши победы — столь легкими и полными, что эти стратегические факторы в той стадии не были достаточно оценены. Однако, с помощью превосходства в танках и примерного равенства в воздухе и при качественных преимуществах, лучшая и более энергичная сторона могла бы выиграть сражение в пустыне даже в случае потери ущелья. В наших мероприятиях не было ничего, что обеспечило бы подобные условия. Мы были слабее в воздухе, и наши танки, по причинам, которые будут приведены ниже, были совершенно непригодными, — так же как и подготовка и снаряжение наших войск к западу от Тобрука.

17 марта генералы Уэйвел и Дилл посетили Киренаику для личной инспекции. Они проехали через Антелат до Агейлы, и Дилл сразу же обратил внимание на трудность обороны большого пространства пустыни между Агейлой и Бенгази. В телеграмме от 18 марта своему заместителю в Лондоне он отметил тот важный факт, что между соляными полями к востоку от Агейлы и Бенгази пустыня была настолько открыта для танков, что при всех равных обстоятельствах, более сильная сторона непременно возьмет верх. Там не было никаких позиций, с которых могла бы вести борьбу пехота. Конечно, оставалась проблема снабжения на этих обширных пространствах, — которая говорила в пользу обороняющейся стороны. По его словам, Уэйвел прочно держал трудную проблему обороны в своих руках.

В разговоре с генералом австралийского штаба, с которым он встретился по пути, начальник Имперского генерального штаба выразил мнение, что «нам могут разбить нос» в ближайшем будущем, добавив, что «это произойдет не только здесь». Это последнее мнение не совпадало с заявлениями, которые он делал нам.

В течение марта месяца появилось еще больше признаков приближения германских войск из Триполи к Агейле, и 20 марта Уэйвел сообщил, что, повидимому, готовится небольшая атака и что положение на границе Киренаики вызывает у него некоторое беспокойство. Если наши передовые части будут отброшены со своих нынешних позиций, к югу от Бенгази не окажется хороших оборонительных рубежей, поскольку местность там совершенно плоская. Однако, разные административные трудности должны были помешать сколько-нибудь значительному продвижению противника.

Я телеграфировал:

«Премьер-министр — генералу Уэйвелу. 26 марта 41 года

Мы, естественно, озабочены быстрым немецким продвижением к Агейле. В их привычках — двигаться вперед повсюду, где им не оказывается сопротивления. Я полагаю, что вы только дожидаетесь, чтобы черепаха настолько высунула свою голову вперед, чтобы ее отрубить. Представляется крайне важным дать им как можно раньше почувствовать наше качественное превосходство. Каково состояние и расположение 7-й бронетанковой дивизии? Пожалуйста, сообщите мне свою оценку положения. Я одобряю Вашу просьбу генералу Смэтсу передать Вам бригаду 1-й южноафриканской дивизии. Нужно сделать все возможное, чтобы ускорить движение 2-й южноафриканской дивизии. 50-я британская дивизия отплыла 22-го»...

Уэйвел немедленно ответил следующим:

27 марта 41 года

«1. Пока нет никаких свидетельств тому, что под Агейлой имеется много немцев; большинство там, вероятно, итальянцы, с некоторым немецким подкреплением.

2. Должен признать, что я пошел на значительный риск в Киренаике, после захвата Бенгази, для оказания максимальной поддержки греческой операции. В то время я полагал, что итальянцев в Триполитании можно игнорировать и что немцы вряд ли будут рисковать посылкой в Африку больших бронетанковых соединений, в виду неэффективности итальянского флота. Поэтому я оставил в Киренаике только небольшую танковую часть и лишь частично обученную австралийскую дивизию.

3. После того, как мы взяли на себя обязательства помочь Греции, начали накапливаться сообщения о прибытии в Триполи немецких пополнений, а налеты на Мальту сделали невозможными бомбардировки оттуда Триполи, — на которые я рассчитывал. Немецкие воздушные налеты на Бенгази, не дающие возможности нашим пароходам пользоваться гаванью, увеличили наши трудности.

4. В результате, мои силы в Киренаике в настоящее время слабы, и нет никаких бронетанковых резервов для отправки туда. У меня есть одна бригада 2-й бронетанковой дивизии в Киренаике, вторая — в Греции. 7-я бронетанковая дивизия возвращается в Каир, а получение запасных танков зависит от хода ремонта, — на что уйдет время. Следующие месяц-два будут тревожными, но перед противником стоит крайне трудная задача, и я уверен, что численность его сил крайне преувеличена. Я, однако, не могу себе позволить использовать мои слабые бронетанковые части с той смелостью, с какой бы я хотел.

Меры для подкрепления фронта в Киренаике принимаются... Моя главная трудность — это транспорт».

Он добавил еще нечто, что должно напомнить нам о его многообразных проблемах:

«Только что вернулся с фронта в Керене. Захват его был отличным достижением индийских дивизий, и, несмотря на довольно значительные потери, дух их стоит высоко. Платт будет с предельной быстротой двигаться на Азмару, и я дал указания Каннингхэму продолжать наступление на Аддис-Абебу из капитулировавшего вчера Харрара».

**

Атака Роммеля на Агейлу началась 31 марта. Генералу Ниму было приказано: в случае чрезмерного давления отходить с боями к Бенгази и прикрывать этот порт как можно дольше. Ему было дано разрешение, в случае необходимости, эвакуировать его, произведя разрушения всех сооружений. В течение следующих двух дней бронетанковая дивизия — бывшая, по существу, одной бригадой — и ее вспомогательная группа, медленно отошли от Агейлы. Противник оказался много сильнее в воздухе. Итальянская авиация

все еще мало принималась в расчет, но там было около сотни немецких истребителей и сотня бомбардировщиков и пикирующих бомбардировщиков. 2 апреля генерал Уэйвел доложил, что передовые части в Киренаике атакуются немецкой колониальной бронетанковой дивизией. «Вчера было уничтожено несколько передовых постов и мы понесли потери, — пока еще не серьезные; но техническое состояние бронетанковой бригады очень беспокоит Нима; многие машины ломаются. Поскольку в течение по крайней мере 3-4 недель я не в состоянии выделить других танковых частей, я предупредил его, чтобы он сохранил три бригады даже ценой отступления от Бенгази».

Я все еще находился под впечатлением, что противник располагает ограниченными потенциальными возможностями, — впечатлением, вынесенным из предыдущих донесений Уэйвела.

«Премьер-министр — генералу Уэйвелу. 2 апреля 41 года

Представляется крайне желательным остановить немецкое наступление на Киренаику. Каждый отпор немцам будет иметь далеко идущие последствия в смысле нашего престижа. Для целей маневрирования можно отдать часть территории, но серьезное отступление от Бенгази произведет тяжелое впечатление. Я не могу понять, каким образом у противника могли оказаться значительные силы у конца этого длинного безводного берегового шоссе, и я не чувствую, что за его атакой на Киренаику скрывается сколько-нибудь значительный потенциал. Если бы Вы смогли уничтожить эту мелочь, Вы бы могли выиграть во времени и обеспечить значительное облегчение положения. Если им удастся пробраться вперед, они постепенно разрушат весь эффект Ваших побед. Нет ли у Вас человека типа О'Коннора или Крига, чтобы справиться с этой пограничной проблемой?»

2 апреля вспомогательная группа нашей 2-й бронетанковой дивизии была выбита из Аждедабии пятьюдесятью вражескими танками и отступила в район Антелата, в 35 милях к северо-востоку. Дивизии было приказано отходить к Бенгази. Наши танковые части были дезорганизованы немецкой атакой и понесли серьезные потери. Сообщение кончалось так:

«Даны распоряжения о разрушении сооружений в Бенгази.» 3-го числа на фронт прилетел генерал Уэйвел и, по возвращении, сообщил, что значительная часть нашей бронетанковой бригады была смята и дезорганизована превосходящими немецкими танковыми силами. Это означало, что левый фланг 9-й австралийской дивизии к востоку и северо-востоку от Бенгази оставался обнаженным. «Отступление ее может стать необходимостью». В виду наличия в Ливии значительных сил противника, сообщал он, 7-я австралийская дивизия не может быть отправлена в Грецию, а должна быть вместо того послана в Западную пустыню. 6-я британская дивизия, все еще не укомплектованная, должна стать резервом. «Это будет означать откладывание захвата Родоса». Таким образом, в результате одного единственного удара, почти за один день, развалился наш фронт в пустыне, от сохранения которого зависели все наши решения, а экспедиционный корпус, предназначавшийся для Греции, и без того небольшой, значительно уменьшался в размерах. Захват Родоса, составлявший существенную часть наших воздушных операций в Эгейском море, становился невозможным.

Было приказано эвакуировать Бенгази. Вспомогательная группа была послана на север для прикрытия начавшегося 4-го апреля отступления 9-й австралийской бригады. В то же самое время 3-я бронетанковая бригада должна была двинуться к Мечили, чтобы предупредить всякую попытку противника помешать этому отступлению. Для подкрепления этих сил из Тобрука были направлены два полка индийской моторизованной кавалерийской бригады.

**

*

Я был встревожен этими новостями и неожиданно складывающимся положением, и в тот же день телеграфировал все еще находившемуся в Афинах Идену:

«Премьер-министр — мистеру Идену. 3 апреля 41 года

1. Эвакуация Бенгази представляется серьезной, поскольку закрепление немцев на прилегающих аэродромах может лишить нас возможности пользования Тобрукком. Выясните, какие имеются стратегические и тактические планы для разгрома противника. Сообщите мне, до какого пункта приказано отступать. Как далеко предполагается отвести 9-ю австралийскую дивизию? Помните, что в телеграмме от 2 марта Уэйвел привел много неоспоримых соображений, дающих основание быть уверенным в прочности нашего западного фланга.

2. Значительно важнее потери территории является мысль, что мы не в состоянии стать лицом к лицу с немцами, и что одного их появления достаточно, чтобы мы откатились назад на десятки миль. Это может произвести крайне тягостное впечатление на Балканах и в Турции. Прошу Вас отправиться в Каир и заняться этим вопросом. Рано или поздно, но нам придется драться с гуннами. Постарайтесь выработать лучшие планы для маневрирования, но при всех обстоятельствах — деритесь. Нельзя ли что-нибудь сделать для того, чтобы перерезать береговую дорогу морским десантом позади противника, даже если это означало бы откладывание операций на Родосе?»

Из Каира Иден отвечал:

«Мы с Диллом благополучно прибыли сегодня вечером и имели обстоятельные разговоры с Уэйвелом и Теддером; Лонгмор находится в Судане.

Мы пришли к общему заключению, что итальянско-немецкое наступление в Киренаике является первостепенной диверсией, хорошо согласованной с предстоящим немецким наступлением на Балканах. Это заключение ни в коей мере не уменьшает серьезности косвенной угрозы Египту, ибо очевидно, что противник постарается использовать все свои преимущества. К несчастью, его первые шаги достигли большего успеха, чем ожидалось, и он развивает свой первоначальный успех...»

**
*

Уэйвел отправился на фронт в пустыне с намерением поручить командование им О'Коннору. Этот офицер, в то время больной, доказывал Главнокомандующему, что было бы лучше, если бы он не принимал

фактического командования от Нима в разгар сражения, но чтобы находился под руками, готовый помочь своим знанием местных условий. Уэйвел согласился. Эта договоренность не долго оставалась в силе. Ночью на 6-е отступление из Бенгази шло полным ходом. 9-я австралийская дивизия отходила по береговому шоссе на восток и для того, чтобы объехать поток грузовиков, генерал Ним взял генерала О'Коннора в свой автомобиль и без всякого эскорта отправился в объезд по параллельной дороге. В темноте они были внезапно остановлены и увидели направленные на них дула немецких пистолетов. Им не оставалось ничего, как сдаться в плен. Потеря этих двух доблестных генерал-лейтенантов, — Нима, кавалера Креста Виктории, и О'Коннора, нашего самого опытного и наиболее отличившегося командира операций в пустыне, была очень тяжела.

6 апреля, после полудня, на конференции в Каире, на которой присутствовал Уэйвел, Иден, Дилл, Лонгмор и Каннингхэм, был обсужден вопрос, где остановить отступление. Уэйвел решил удерживать Тобрук, если удастся, и с обычной своей подвижностью полетел туда утром 8-го, с австралийским генералом Лавераком, которого временно назначил командующим. Иден и Дилл отправились в путь домой и Военный Кабинет с нетерпением стал ожидать их возвращения со всей информацией, которую они собрали в Афинах и Каире.

Уэйвел доносил, что отвод 9-й австралийской дивизии, повидимому, происходил без помех, хотя в Барке пришлось оставить 2.400 итальянских военнопленных. Но позже, в тот же самый день он телеграфировал, что положение в Западной пустыне резко ухудшилось. Противник двинулся на Мечили дорогой через пустыню, а во 2-й бронетанковой дивизии были дальнейшие потери в машинах в результате механических поломок и бомбардировок с воздуха. Боевая ценность 3-й бронетанковой бригады была ничтожна.

Тем временем, я послал Уэйвелу следующую телеграмму:

7 апреля 41 года

«Вы, несомненно, должны быть в состоянии удержать Тобрук, с его постоянной линией укреплений, сооруженной итальянцами, по крайней мере до тех пор, пока противник не подтянет тяжелой артиллерии. Трудно верить, что ему удастся это сделать ранее нескольких недель. Если он решит обойти Тобрук и двигаться к Египту, ему придется сильно рисковать, учитывая, что мы можем посылать подкрепления морем и угрожать его коммуникациям. Поэтому Тобрук представляется местом, которое надо отстаивать до последнего, не думая об отступлении. Сообщите мне о своих намерениях».

8 апреля Уэйвел полетел в Тобрук и отдал приказ об обороне крепости. С наступлением ночи он вылетел в Каир. Мотор отказал и самолету пришлось снизиться в темноте. Когда пассажиры вышли из разбитого самолета, они не знали, куда идти. Главкомандующий решил сжечь все секретные бумаги. Через несколько часов они увидели огни автомашины. К счастью, это оказался британский патруль, приблизившийся к ним с автоматами наперевес. В течение шести часов штаб в Каире находился в состоянии тревоги — и не без оснований, — не имея сообщений о местопребывании Главкомандующего.

По возвращении в Каир, Главкомандующий прислал мне ответ. обстоятельно описав дислокацию войск, он сказал: «Хотя первый порыв противника повидимому выдохся, я не чувствую, что передышка будет долгой и всё еще нахожусь в тревоге. Тобрук представляет собой неважную оборонительную позицию; длинные коммуникации позади него вряд ли можно считать защищенными, и они плохо организованы».

Поскольку последняя фраза телеграммы говорила о сомнениях относительно Тобрука, я, в согласии с начальниками штабов, набросал следующее:

«Премьер-министр и начальники штабов — генералу Уэйвелу.
10 апреля 41 года

Мы ждем Вашей подробной оценки положения. Тем временем, Вам необходимо знать, как представляется проблема нам. Отсюда кажется немислимым, чтобы крепость Тобрук была оставлена без длительного сопротивления. Мы располагаем обеспеченным сообщением морским путем. Коммуникации противника растянуты и должны быть уязвимы, если только ему не будет дано время на свободе их наладить. Пока Тобрук удерживается и его гарнизон обладает хотя бы несколькими танками, способными делать вылазки против линий снабжения противника, Тобрук может осмелиться обойти только небольшая рейдовая часть. Если Вы покинете Тобрук и отступите на 260 миль назад к Мерса Матрух, не окажетесь ли вы лицом к лицу с той же самой проблемой? Мы уверены, что вам следует оказать сопротивление у Тобрука».

Но еще до окончания заседания мы узнали об окончательном решении Уэйвела — удерживать Тобрук.

«Я предлагаю, — писал он, — защищать Тобрук, разместить в районе Бардии-Соллума предельно подвижные силы для охраны коммуникаций, и действовать против фланга и тыла противника, атакующего Тобрук, одновременно восстанавливая старый план обороны в районе Мерса Матрух. Будет трудной задачей распределить наши силы так, чтобы выиграть время, не рискуя поражением. Мои ресурсы очень ограничены, особенно мало мобильных и бронетанковых войск, а также противотанковых и зенитных орудий. Время будет работать на противника».

Поэтому, наша телеграмма отправлена не была. Вместо нее:

«Премьер-министр — генералу Уэйвелу. 10 апреля 41 года

Мы горячо приветствуем Ваше решение удерживать Тобрук и сделаем все возможное, чтобы Вам помочь».

**

Отступление к Тобруку по береговому шоссе было проведено с успехом. Но на внутренних линиях только штаб 2-й бронетанковой дивизии добрался до Мечили

7-го апреля, потеряв всякий контакт с частями дивизии. Накануне, 6-го, этот штаб и два индийских моторизованных полка были окружены. Атаки были отбиты и два подписанных Роммелем ультиматума с требованием сдачи были отвергнуты. Часть солдат пробилась сквозь окружение, приведя с собой сотню немецких пленных, но большинство было загнано назад в лагерь и там сложило оружие. Пропавшая 3-я бронетанковая бригада, в которой теперь оставалась всего дюжина танков, двинулась на Дерну, повидимому, из-за недостатка горючего, около этого места попала в ловушку в ночь на 6-е и была уничтожена. В течение всех этих операций немецкой авиации принадлежало абсолютное господство в воздухе, — что в немалой степени обеспечило успех противника. В ночь на 8-е австралийцы достигли Тобрука, который к тому времени был уже подкреплен доставленной из Египта морем бригадой 7-й австралийской дивизии. Неприятель, передовые соединения которого включали части 5-й (легкой) танковой дивизии, одну итальянскую бронетанковую и одну пехотную дивизии, 12 апреля взял Бардию, но не предпринял никакой попытки прорваться в Египет через пограничную линию обороны.

Противник быстро обошел Тобрук и двинулся по направлению к Бардии и Соллуму, с тяжелыми бронемашинами и моторизованной пехотой. Другие части атаковали укрепления Тобрука. Гарнизон, состоявший из 9-й австралийской дивизии и небольших танковых сил и 7-й австралийской дивизии, отбил два штурма, уничтожив значительное число вражеских танков. В виду изменившегося положения и потери генералов, Уэйвел должен был реорганизовать систему командования следующим образом: крепость Тобрук — генерал Моршед; Западная пустыня — генерал Бересфорд-Пейрс; войска в Египте — генерал Маршалл-Корнуолл; Палестина — генерал Гудвин-Остин.

«Если у меня будет время, — заявил Главнокомандующий, — наладить эту организацию, мы вернемся к положе-

нию, похожему на то, что было прошлой осенью, с дополнением Тобрука. Но нам придется много труднее на суше и на этот раз дело для нас не обойдется мало эффективными итальянскими воздушными налетами, типа прошлых годов. Я не надеюсь облегчить положение Тобрука по крайней мере в течение еще нескольких месяцев... Поведение Египта очевидно будет для нас источником большой тревоги. Ближайшие месяцы будут очень трудными, независимо от того, что случится в Греции».

**
*

«Бывший моряк — президенту Рузвельту. 13 апреля 41 года

Само собой разумеется, что мы будем всеми силами вести борьбу за долину Нила. Никакое иное решение физически невозможно. Мы имеем там, или на пути туда, полмиллиона человек и горы снаряжения. Всякие разговоры о необходимости уменьшить потери исключаются. Тобрук должен удерживаться не как оборонительная позиция, но как предместное укрепление во фланге любого серьезного наступления на Египет, в обход его. Наша авиация и флот должны перерезать или затруднить вражеские коммуникации через Центральное Средиземноморье. Нам придется бороться тяжело, и, во всяком случае, пройдет некоторое время, пока Тобрук падет. Трудности противника в передвижении по суше, на расстояние в 800 миль, отодвигают возможность наступления большими силами на несколько месяцев. Если даже Тобрук придется эвакуировать морем, на котором мы господствуем, мы располагаем другими сильными оборонительными позициями, уже созданными. Я лично чувствую, что создавшееся положение дает нам основания на некоторые надежды. Дилл и Иден, только что вернувшиеся, соглашаются с этим».

Из Тобрука, где дерзкий и настойчивый противник натолкнулся на первый решительный отпор, теперь пришли добрые вести.

«Генерал Уэйвел — военному министерству.

14 апреля 41 года

Ливия. Военнопленные, в числе 200-300, захваченные у Тобрука утром 14-го, заявляют, что они понесли тяжелые потери в результате нашего артиллерийского огня и что в армии нехватает воды и продовольствия. Солдаты плакали,

когда атаки их были отбиты, и их дух, несомненно, не на высоте положения».

Может быть, они плакали оттого, что дух их был так высок раньше и надежды столь велики!

«Премьер-министр — генералу Уэйвелу. 14 апреля 41 года

Передайте сердечные поздравления Военного Кабинета всем участвующим в успешном сражении. Bravo, Тобрук! Мы полагаем, что крайне важно, чтобы Тобрук рассматривался, как порт, откуда будут производиться вылазки, а не как какая-нибудь обуза. Не могли ли бы Вы найти хорошие войска, лишённые транспортных средств, которые могли бы удерживать оборонительный периметр, освободив тем самым одну, если не обе, австралийские бригадные группы для использования в виде общего резерва крепости и потенциальной ударной силы?»

**
*

Рассмотрев все создавшееся положение, когда временная стабилизация на египетской границе и у Тобрука казалась достигнутой, я направил начальникам штабов следующее:

ДИРЕКТИВА ПРЕМЬЕР-МИНИСТРА И МИНИСТРА ОБОРОНЫ

Война на Средиземноморском театре

14 апреля 41 года

«1. Если немцы могут продолжать питать свои силы для вторжения в Киренаику и Египет через порт Триполи и вдоль берегового шоссе, они очевидно смогут выставить против нас превосходящие бронетанковые силы, что приведет к последствиям самого серьезного свойства. Если, с другой стороны, их коммуникации между Италией и Сицилией, и Триполи, будут перерезаны, а проходящие вдоль побережья между Триполи и Агейлой будут постоянно тревожиться, я не вижу, почему бы им самим не понести полного поражения.

2. Главной задачей британского Средиземноморского флота под командованием адмирала Каннингхэма становится прекращение всякого морского сообщения между Италией и Африкой посредством предельного использования надводных судов, поддержанных, как только возможно, самолетами и подводными лодками. Для исполнения этой важнейшей за-

дачи, в случае нужды, придется идти на большие потери в линкорах, крейсерах и миноносцах. Порт Триполи должен быть выведен из строя повторными бомбардировками, минированием и блокированием. Вражеские конвои, идущие из Африки, должны атаковаться нашими крейсерами, миноносцами и подводными лодками, при поддержке морской авиации и Королевских военно-воздушных сил. Прохождение каждого конвоя должно рассматриваться, как серьезная неудача нашего флота. Прекращение всякого движения неприятеля по морю является делом чести Королевского флота.

3. Флот адмирала Каннингхэма, для указанных выше целей, должен быть укреплен до нужных пределов. Особенно подходящими, в условиях атак немецких пикирующих бомбардировщиков, являются «Нельсон» и «Родней» со своими тяжелыми бронированными палубами; таких немецких атак не следует чрезмерно опасаться. Другие подкрепления крейсерами, минными заградителями и миноносцами, должны быть посланы с запада, как только позволит обстановка. Надо изучить вопрос об использовании «Центуриона» для затопления в целях блокирования, помня, что за эффективное блокирование гавани Триполи стоит заплатить одним линкором.

4. Когда флот адмирала Каннингхэма будет усилен, он должен будет быть в состоянии сформировать две эскадрильи бомбардировщиков, которые смогут поочередно бомбить порт Триполи, особенно, когда будет известно, что в гавани находятся пароходы или конвои.

5. Для того, чтобы контролировать морские коммуникации по Средиземному морю, необходимо базировать на Мальту достаточные морские силы, которым надо обеспечить прикрытие авиацией; на острове должны находиться самолеты последних и лучших моделей, и в таком количестве, какое только могут вместить мальтийские аэродромы. Задача прикрытия истребителями мальтийской морской базы должна иметь приоритет над использованием островных аэродромов бомбардировщиками, оперирующими против Триполи.

6. Нужно сделать все возможное, чтобы использовать в обороне Мальты ракетные снаряды различных моделей, особенно воздушные мины, из минометов улучшенного флотского образца.

7. Следующим по важности, после порта Триполи, является 400-мильное береговое шоссе между Триполи и Агейлой. Это шоссе должно быть подвергнуто непрерывным на-

падениям со стороны небольших десантов, высаживаемых с судов Глена и других. Для этой же цели надо широко использовать «коммандос» и другие силы, собранные в Египте. Должна быть изучена возможность захвата с моря определенных пунктов; избрать наиболее подходящие из них в качестве немедленных объектов. Здесь опять приходится идти на потери, но в этого рода операциях можно использовать небольшие силы, забирая их назад, когда возможно, через короткое время. Даже небольшое число легких или средних танков, высаженных на берег, могут быстро причинить транспорту противника потери, далеко превосходящие их собственную ценность. Надо испытать все возможные методы для причинения противнику максимального беспокойства на этом участке, не считаясь с неизбежными потерями.

8. Все указанное выше является делом крайней срочности, потому что с течением времени противник будет становиться все сильнее в воздухе, особенно, если — как приходится ожидать — его нападение на Грецию и Югославию пойдет с успехом. Поэтому адмирал Каннингхэм не должен дожидаться прибытия подкреплений линкорами; использованию десантных судов не должны мешать планы высадки на Родосе.

9. Решено, что Тобрук должен защищаться всеми силами. Удержание Тобрука должно рассматриваться не как оборонительная операция, но как сохранение позиции, откуда можно будет предпринимать вылазки против коммуникаций противника. Тобрук должен быть подкреплён пехотой, бронемашинами и танками, при посредстве которых можно было бы постоянно проводить энергичные рейды на флангах и в тылу неприятеля. Часть оборонительного периметра может защищаться войсками, лишенными своего транспорта, что должно помочь организации подвижной силы как для крепостного резерва, так и для ударных отрядов, действующих против неприятеля. Было бы большим достижением для нас, если бы противник предпринял нечто вроде осады Тобрука и оказался бы вынужденным доставить и снабжать для этой цели тяжелую артиллерию.

10. Главное, генералу Уэйвелу нужно добиться качественного превосходства над противником и заняться истреблением его небольших рейдовых отрядов, — вместо того, чтобы подвергаться постоянно преследованию и беспокойству с их стороны. Надо при каждом случае атаковать неприятельские патрули и необходимо, чтобы наши собственные действовали смело. Небольшие отряды в броневтомобилях или на мотоциклетах, или, иной раз, пехотные, не дол-

жны останавливаться перед нападениями на отдельные немецкие танки, используя ручные бомбы и гранаты, как это планировалось для обороны Англии. Очень важно завязывать даже небольшие схватки с противником, хотя бы для того, чтобы вынудить его расходовать боеприпасы, — пополнение которых для него должно быть трудной задачей.

11. Нет необходимости здесь указывать на задачи нашей авиации в операциях против коммуникаций противника: они очевидны».

Все это было легче написать, чем исполнить.

**
**

Я продолжал держать президента в курсе дел:

«Бывший моряк — президенту Рузвельту. 16 апреля 41 года

Я не могу сказать, что произойдет в Греции, и мы никогда не недооценивали колоссальной мощи германской военной машины на европейском континенте.

Я лично не очень тревожусь положением в Ливии и Египте. По нашим данным, немцы имеют там одну колониальную бронетанковую дивизию и, может быть, еще одну обыкновенную, состоящую, скажем, из 600-650 танков, из которых многие уже либо разбиты, либо вышли из строя в результате поломок. В Киренаике пока нет немецкой пехоты, за исключением нескольких батальонов, входящих в состав бронетанковых дивизий. Трудности в снабжении горючим, водой, продовольствием и амуницией должны быть велики, и от пленных мы знаем о том напряжении, в условиях которого действуют эти дерзкие части. Мы, естественно, стараемся ввести в строй наши бронетанковые части, в большой степени находившиеся во время атаки на отдыхе и ремонте, и мы посылаем в Египет подкрепления со всех концов Среднего Востока, где у нас имеется около полумиллиона человек. Тобрук я рассматриваю как неопеченное предместное укрепление, которое может быть использовано для вылазок. В настоящий момент мы не чувствуем, что противник превосходит нас в воздухе, и мы все время становимся сильнее. Вся мощь значительно усиливаемого Средиземноморского флота будет использована для того, чтобы перерезать морские и береговые коммуникации противника. Конечно, помимо немцев там имеются итальянские части, и мы полагаем, что немцы сейчас направляют, или ста-

раются направить туда еще одну бронетанковую дивизию из Сицилии.

Мне представляется важным отпор, оказанный немцам в их атаках на Тобрук 14-го-15-го, так как в этом маленьком, но ожесточенном сражении, в котором противник потерял пленными и убитыми несколько сот солдат, а также танки и самолеты, — в количествах далеко превышающих наши потери, — немцы отведали вкус поражения и сейчас действуют с минимальным риском. Тем временем, значительным успехом отмечаются наши усилия прервать неприятельские линии снабжения в Центральном Средиземноморье. Сегодня рано утром, четыре миноносца с Мальты захватили немецко-итальянский конвой, груженный амуницией и грузовиками и эскортировавший итальянскими миноносцами. Весь конвой, включая эскорт, был потоплен. В сражении мы потеряли один миноносец. В настоящее время мы держим размеры наших сил в секрете».

**
*

Несмотря на всё, разгром нашего фронта в пустыне, когда мы уже целиком втянулись в греческую авантюру, был катастрофой первой величины. В течение некоторого времени я был совершенно озадачен, не зная, что послужило ее причиной, и как только наступило временное затишье, я почувствовал необходимость попросить генерала Уэйвела объяснить мне случившееся. Я послал ему запрос лишь 24-го.

«Мы всё еще ожидаем сообщений о действиях у Агейлы и Мечили, приведших к потере 3-й бронетанковой бригады и лучшей части бригады моторизованной кавалерии. Очевидно, это было тяжелым поражением, и для того, чтобы мы оценили Ваши трудности, как и наши собственные, — нам следует знать, что именно произошло, и почему. Превосходил ли нас противник численно, своей маневренностью или боеспособностью, или же была допущена какая-то ошибка, — вроде, как полагают, уничтожения складов горючего? Я уверен, что рассказы уцелевших очевидцев должны дать возможность восстановить картину этого ключевого сражения. Я не могу Вам помочь, если Вы мне не расскажете»...

Уэйвел ответил 25-го. Он указал, что практически все командующие офицеры, участвовавшие в тех событиях, погибли, и, не имея отчета об их действиях и о мотивах, которыми они руководствовались, надо подходить к делу осторожно, избегая необоснованного осуждения. Характерно, что он взял ответственность на себя. В тот же день был получен его официальный рапорт. В нем он говорил, что ему было известно об отсутствии опыта операций в пустыне в штабах 2-й бронетанковой дивизии и 3-й бригады. Он надеялся, что у них будет по крайней мере месяц, чтобы ближе познакомиться с искусством ведения войны в пустыне в небольших схватках с неприятелем вдоль фронта, прежде чем начнется серьезное наступление, и что за это время они освоятся с ним. Фактически, атака началась даже прежде, чем они заняли позиции, и по крайней мере на две недели раньше, чем считал возможным его штаб, хотя и в размерах которые ожидалось. Он ожидал ограниченного продвижения до Аждедабии, и документы и заявления пленных, уже тогда захваченных, говорят, что таково и было первоначальное намерение неприятеля. Последовавшее использование им первоначального успеха, как мы теперь знаем, было для Уэйвела полнейшим сюрпризом (теперь мы также знаем, что меньшим сюрпризом это было и для начальников Роммеля. Примечание автора), и было оно возможно только вследствие исчезновения в самом начале 3-й бронетанковой бригады, как боевой единицы. Имелись убедительные данные, доказывающие, что продвижение противника от Аждедабии было наспех импровизировано в восьми маленьких колоннах, состоявших из немецких и итальянских частей, ряд которых в походе оказался без нормального снабжения и должен был снабжаться самолетами.

Наша 3-я бронетанковая бригада была наскоро сколоченным соединением, состоявшим из одного полка тяжелых рейдовых танков, находившихся в плохом

техническом состоянии; одного легкого танкового полка и еще одного, вооруженного захваченными итальянскими средними танками. В виду общего состояния танков к концу кампании в Киренаике, это было лучшим, что Уэйвел мог создать, — в условиях, когда надо было посылать какие-то танковые части в Грецию, для сопровождения отправлявшихся туда наших войск. Если бы бригада была укомплектована и имела больше времени организовать в качестве боевого соединения, она должна была бы быть в состоянии справиться с противником, если бы тот наступал с ожидавшимися силами.

Уэйвел сообщил следующее:

О плохом техническом состоянии тяжелого танкового полка, на который мы, главным образом, рассчитывали, мне стало известно перед самой немецкой атакой. Часть этих танков вышла из строя, еще не добравшись до фронта, а другие — в самом начале сражения. То же, повидимому, случилось с другим полком тяжелых танков 2-й бронетанковой дивизии, который был отправлен в Грецию. Наши легкие танки были бессильны против немецких танков, хорошо вооруженных орудиями. Полк, имевший на вооружении захваченные итальянские танки, не имел времени к ним привыкнуть.

Бронетанковая дивизия имела инструкции, в случае атаки превосходящими силами, постепенно отходить, с тем, чтобы сохранять свой состав до того, как трудности в снабжении приведут к ослаблению противника и дадут возможность для контратаки. Таковы были мои инструкции.

Как оказалось, такая политика была ошибочна. Немедленный контрудар мог, по крайней мере, причинить противнику серьезные потери и значительно его задержать. Он мог даже совсем его остановить. На деле же 3-я бронетанковая бригада практически растаяла из-за технических и административных неполадок во время отступления, и почти без боя, в то вре-

мя как неопытный штаб 2-й бронетанковой дивизии, повидимому, потерял всякий контроль над войсками. Частично, это было результатом малоопытности связистов...

Когда я посетил фронт на второй день сражения, я почувствовал, что имеется нужда в командире с опытом войны в пустыне и телеграфировал О'Коннору, чтобы он пришел на помощь Ниму. Но оба этих генерала были захвачены в плен во время отступления патрулем противника, принадлежавшим к колонне, проникнувшей до Дерны.

Таковы общие очертания катастрофического по своим последствиям эпизода, за который я беру на себя ответственность. Ясно, что были сделаны ошибки в штабах 2-й бронетанковой дивизии и 3-й бронетанковой бригады во время отступления, но я надеюсь, что суждение относительно их будет отложено до того времени, когда ответственные лица смогут дать полный отчет и представить объяснения о своих действиях. Их трудности были значительны.

Боевой дух войск, даже в отступлении и общей дезорганизации, по всем признакам оставался на высоте, и было много примеров рассчитанных и решительных действий.

Я ответил:

«Премьер-министр — генералу Уэйвелу. 28 апреля 41 года

Весьма благодарен за Ваше описание случившегося на западной границе. Повидимому, нас просто постигла неудача. Я надеюсь, что в дальнейшем мы возьмем свое. С лучшими пожеланиями...»

12.

ГРЕЧЕСКАЯ КАМПАНИЯ

К концу марта было очевидно уже, что предстоит большое движение итальянского флота, возможно к Эгейскому морю. Адмирал Каннингхэм решил временно изменить маршрут наших конвоев и сам отплыл из Александрии с наступлением темноты, 27 марта, на «Уорспайте», с «Вельянтом» и «Бархэмом», авианосцем «Формидаблем» и девятью миноносцами. Легкие силы, состоявшие из четырех крейсеров и четырех миноносцев, стоявшие в Крите, под командованием вице-адмирала Придхэм-Виппеля, должны были присоединиться на следующий день к Главнокомандующему к югу от острова. На рассвете 28-го самолет с «Формидабля» сообщил о присутствии четырех вражеских крейсеров и шести миноносцев, идущих в юго-восточном направлении. В 7.45 утра эти же суда были замечены с флагманского крейсера «Орион». Итальянская эскадра включала три крейсера, вооруженные восьмидюймовыми орудиями, тогда как все английские суда имели шестидюймовые. Но через полчаса после начала сражения с неопределенным результатом неприятель начал отходить и британские крейсера двинулись его преследовать. Двумя часами позднее «Орион» заметил неприятельский линкор «Витторио Венето», открывший по нему огонь с дистанции в 16 миль. Роли снова переменялись, и «Орион», с остальными крейсерами, отступил в направлении британского линейного флота, приближавшегося на всех парах, в семидесяти милях расстояния. На сцене появились самолеты

морской авиации с «Формидабля» и атаковали итальянский линкор, который немедленно взял курс на северо-запад.

Тем временем наша воздушная разведка заметила другую вражескую эскадру из пяти крейсеров и пяти миноносцев, примерно в ста милях к северу от приближавшегося британского флота. В результате последовавших воздушных атак с «Формидабля», а также с береговых баз в Греции и на Крите, «Витторио Венето» был поврежден и не мог развить скорости больше 15 узлов. К вечеру третий налет установил, что все неприятельские корабли сгруппировались для того, чтобы защитить поврежденный линкор своими зенитными батареями. Наши самолеты не пытались прорваться через эту завесу, но сбросили бомбы на тяжелый крейсер «Пола», который, как было замечено, вышел из линии и остановился. Поскольку наступила темнота, адмирал Каннингхэм решил предпринять атаку миноносцами, а также рискнуть ввести в ночное сражение свой линейный флот, в надежде уничтожить поврежденные линкор и крейсер, прежде чем противник сможет обеспечить их прикрытием базирующихся на суше самолетов. Следуя во мраке, он неожиданно напал на два итальянских крейсера, вооруженных восьмидюймовыми орудиями — «Фиуме» и «Зару», — шедших на помощь «Пола». На близкой дистанции «Фиуме» был немедленно потоплен залпами бортовых 15-ти дюймовых орудий с «Уорспайта» и «Вельянта». «Зара», обстреливаемая всеми тремя линкорами, вскоре превратилась в пылающую развалину.

Затем, чтобы не спутать своих с чужими, адмирал Каннингхэм отвел свой флот и оставил миноносцы разделяться с поврежденным кораблем и двумя сопровождавшими его миноносцами. Они также обнаружили и потопили бессильный «Пола». В этой удачной ночной схватке британский флот не понес никаких потерь, несмотря на весь риск. На утро, поскольку наши самолеты не смогли обнаружить «Витторио

Венето», флот вернулся в Александрию. Благодаря этой своевременной и желанной победе у мыса Матапан, в это критическое время никто не мог более бросить вызов британскому морскому господству в восточной части Средиземного моря.

**
*

Экспедиционный корпус в Греции, в порядке погрузки на суда, состоял из британской 1-й бронетанковой бригады, новозеландской дивизии и 6-й австралийской дивизии. Они были полностью экипированы за счет других соединений, находившихся на Среднем Востоке. За ними должны были последовать Польская бригада и 7-я австралийская дивизия. Движение началось 5 марта. План сводился к удержанию линии Алиахмона, идущей от устья реки этого имени, через Верию и Эдессу, к югославской границе. Наши силы должны были присоединиться к находившимся на этом фронте грекам, — 12-й и 20-й дивизиям, состоявшим каждая из шести батальонов и 3-4 батарей, 19-й (моторизованной) дивизии, малочисленной и слабо подготовленной, и шести батальонам из Фракии. Вся эта армия, номинально состоявшая из семи дивизий, находилась под командованием генерала Вильсона.

Греческие войска, в действительности, были много слабее, чем те пять хороших дивизий, которые были обещаны генералом Папагосом (позднее заявившим, что его первоначальная договоренность относительно удержания линии Алиахмона была поставлена в зависимость от выяснения положения с Югославией. Примечание автора). Большая часть греческой армии, около 15 дивизий, находилась в Албании, у Берата и Валоны, которые они не были в состоянии захватить, но которые отбросили итальянское наступление 9 марта. Остальные три дивизии и пограничные греческие войска находились в Македонии, откуда Папагос отказался их отводить и где, после четырехдневно-

го сражения, последовавшего сразу вслед за немецкой атакой, они перестали существовать как военная сила. Присоединившаяся к ним 19-я (моторизованная) дивизия была также разгромлена.

Наша авиация в Греции в марте насчитывала только семь эскадрилий (80 действующих самолетов) и должна была оперировать в тяжелых условиях из-за недостатка посадочных площадок и плохого состояния связи. Несмотря на посланные в апреле небольшие подкрепления, противник значительно превосходил нас в воздухе. Две наших эскадрильи оперировали на албанском фронте. Остающиеся пять, поддержанные из Египта двумя эскадрилиями Веллингтонов в ночных операциях, должны были обеспечить все наши остальные потребности. Против них действовало свыше восьмисот немецких самолетов.

Нападение на Южную Югославию и Грецию было поручено 12-й немецкой армии, состоявшей из 15 дивизий, в том числе четырех бронетанковых. Из них пять, в том числе три бронетанковых, приняло участие в движении на юг, на Афины. Слабость альянсонской позиции находилась на ее левом фланге, который можно было опрокинуть немецким продвижением через Южную Югославию. С югославским Генеральным штабом имелся лишь ограниченный контакт, и ни грекам, ни нам не были известны ни оборонительные планы югославов, ни степень готовности их армии. Рассчитывалось, однако, что трудные условия местности, где приходилось продвигаться немцам, по крайней мере позволят югославам значительно задержать их. Оказалось, что эти надежды были необоснованы. Генерал Папагос полагал, что отвод войск из Албании для предотвращения этого обходного движения, был неосуществимой операцией. Это не только отразилось бы отрицательно на боевом духе войск, но и само такое передвижение перед лицом противника и в условиях плохого состояния транспорта и путей сообщения, было невозможным. Несомненно и то, что Папа-

гос слишком задержал свое решение. Именно в этой обстановке достигла передовых позиций 27 марта наша 1-я танковая бригада; несколькими днями позже к ней присоединилась новозеландская дивизия.

**
*

Германские армии вторглись в Грецию и Югославию рано утром 6 апреля. В то же время, на Пирей, где разгружался наш экспедиционный корпус, были проведены интенсивные воздушные налеты. В ту ночь порт был почти полностью разрушен взрывом стоявшего у причала британского парохода «Клан Фрезер», с 200 тонн тринитротолуола. Это несчастье заставило переключить поток снабжения на другие, меньшие порты. Только эта атака стоила нам и грекам одиннадцати судов, общим водоизмещением в 43.000 тонн.

С того времени снабжение союзных армий морем продолжалось под все усиливающимися воздушными атаками противника, которым мы не могли противопоставить ничего эффективного. Ключом к морской проблеме было преодоление авиационных баз противника на Родосе, но для этого не было нужных сил; тем временем, большие потери в судоходстве были неизбежны. Хорошо было хотя бы то, что недавнее сражение у Матапана, как указывалось в донесении адмирала Каннингхэма, дало урок итальянскому флоту и заставило его воздерживаться от операций до конца года. Его активное вмешательство в этот период сделало бы задачу нашего флота в Греции невозможной.

Одновременно со зверской бомбардировкой Белграда стоявшие наготове вдоль границ немецкие армии вторглись в Югославию с нескольких направлений. Югославский Генеральный штаб не попытался нанести единственный возможный сильный удар — по итальянскому тылу. Он не считал себя вправе покинуть на произвол судьбы Хорватию и Словению и был поэтому вынужден защищать всю пограничную ли-

нию. Четыре корпуса югославской армии на севере были быстро отброшены вглубь страны германскими танковыми колоннами, поддержанными перешедшими Дунай венгерскими частями, а также немецко-итальянскими силами, наступавшими на Загреб. Таким образом, главные югославские силы были в расстройстве отброшены на юг, и 13 апреля немецкие войска вошли в Белград. Тем временем, 12-я немецкая армия генерала Листа, собранная в Болгарии, двинулась в Сербию и Македонию. 10-го она вошла в Монастырь и Яннину, тем самым исключив возможность контакта югославы и греков и разбив югославские силы на юге.

**
**

Перед лицом развала югославского сопротивления, мистер Кэмпбелл, британский посланник в Белграде, оставил столицу вместе с гарнизоном. Он запросил инструкций, и я ответил ему следующим:

«Премьер-министр — британскому посланнику в Югославии.
13 апреля 41 года

1. Ни при каких обстоятельствах посылка британских судов, или британских или американских пароходов и транспортов в Адриатическое море к северу от Валоны, не будет возможна. Причиной этого является положение в воздухе, — не имевшее значения в прошлую войну. Эти корабли будут только потоплены, от чего никому не станет легче. Вся авиация, которую мы могли выделить на югославский театр, уже находится в распоряжении югославского Генерального штаба и маршала авиации Д'Альбиака. Сейчас ничего больше у нас нет. Вы должны помнить, что югославы не дали нам никакой возможности им помочь и отказались выработать общий план; однако, упреки бесполезны и Вы должны сами судить, какие именно из этих плохих вестей передать югославам.

2. Мы не видим, для чего надо королю и правительству покидать страну, которая обширна, покрыта горами и полна вооруженных людей. Король и его министры должны обязательно сыграть свою роль в этой войне. Несомненно, германские танки могут двигаться вдоль дорог, но чтобы уничтожить сербские армии, им надо будет ввести в страну свою

пехоту. Это даст возможность истреблять немцев. Король и его министры обязаны принять в этом участие. Однако, если он и немногие из его приближенных будут вынуждены покинуть страну, в любой момент, если не окажется в нашем распоряжении самолетов, в Котор, или другое место поблизости, за ними будет послана британская подводная лодка.

3. Помимо успешной обороны горных районов, единственный путь, которым часть сербской армии может добраться до баз нашего снабжения по суше, — это посредством установления контакта с греками в Албании и через Монастырь. Тогда, поддержанные нами, они бы смогли принять участие в обороне Греции; если же последует поражение, будут приложены все усилия для эвакуации как можно большего числа бойцов на острова или в Египет.

4. Продолжайте делать все возможное, чтобы поддерживать на высоте боевой дух югославского правительства и армии, напоминая им, как изменялось положение на фронтах в Сербии в прошлую войну.

Но время для югославских партизан еще не пришло. 17 апреля Югославия капитулировала. (Примечание автора: Король Петр был эвакуирован из Котора на летающей лодке Сандерлэнд. Рональд Кэмпбелл сам пробрался на адриатическое побережье. 18 апреля он и его сотрудники попали в руки итальянцев. Была сделана попытка их спасти и неделей позже в Котор была послана британская подводная лодка «Риджент», обнаружившая, что там уже появились итальянцы. Пока британский офицер вел с итальянцами переговоры об освобождении английских дипломатов, итальянский офицер был взят на борт в качестве заложника. Тем временем, появились три Штукаса, обстрелявшие «Риджент» и сбросившие на него бомбы, причем был ранен капитан и члены экипажа. Подводная лодка должна была уйти в море под огнем береговых батарей, пробираясь через минные поля. Британские дипломаты были переведены в Италию и там интернированы. В июне, после переговоров с итальянским правительством, их репатриировали в Англию, в согласии с международным правом.)

**
**

Эта внезапная катастрофа разрушила основные надежды греков. Это было еще одним примером немецкой тактики «по одному за раз». Мы сделали все возможное, чтобы добиться согласованных действий, но — не по своей вине — этого не добились. Перед нами стояла мрачная перспектива.

В момент немецкого вторжения в Грецию, 1-я британская бронетанковая бригада находилась на выдвинутых позициях вдоль реки Вардар. Новозеландская дивизия расположилась вдоль Алиахмона. Слева от них находилась 12-я и 22-я греческие дивизии. Уже прибывали передовые части 6-й австралийской дивизии. К 8 апреля было ясно, что югославское сопротивление на юге разваливается и что левый фланг алиахмонской позиции скоро будет под угрозой. С учетом этого, австралийская бригадная группа, к которой позднее присоединилась 1-я бронетанковая бригада, была расположена таким образом, чтобы блокировать подступы со стороны Монастыря. Наступление противника было задержано подрывниками и несколькими успешными бомбежками Королевских военно-воздушных сил, но, тем не менее, 10 апреля началась атака на наш фланг. Успех ее был задержан в процессе ожесточенной двухдневной борьбы, в условиях скверной погоды.

Далее на запад имелась одна-единственная греческая кавалерийская дивизия, поддерживавшая связь с албанским фронтом, и генерал Вильсон решил, что слабый левый фланг необходимо оттянуть на Козани и Гравену. Это движение было закончено 13 апреля, но в процессе его начали распадаться 12-я и 20-я греческие дивизии, после того уже не игравшие активной роли. Наш экспедиционный корпус был теперь в одиночестве. К 14 апреля для охраны важного горного прохода к северу от горы Олимп была также отведена назад новозеландская дивизия. Одна из ее бригад прикрывала главное шоссе на Лариссу. Сильные атаки противника не имели успеха, но Вильсон, под все

той же угрозой левому флангу, решил отступить к Фермопилам. Папагос одобрил это движение; к этому времени он уже рекомендовал британскую эвакуацию Греции.

«Премьер-министр — генералу Вильсону. Афины.

13 апреля 41 года

Я рад видеть, что передвижение 20-й греческой и кавалерийской дивизий закрывает разрыв между Западной греческой армией и Вашей армией. Совершенно очевидно, что продвижение немцев на юг сквозь этот разрыв не только опрокинуло бы позицию у Алиахмона, но содействовало бы решающему окружению всей греческой армии в Албании. Я не в состоянии понять, почему Западная греческая армия не проводит отступления назад в Грецию. Начальник Имперского генерального штаба указывает, что он много раз поднимал этот вопрос, но без всякого успеха. Шлю Вам всяческие добрые пожелания в этот памятный час.

Я также рад слышать, что в настоящее время король не покидает Греции. У него имеется великолепная возможность запечатлеть свое имя в истории. Если, однако, он, или какая-либо часть греческой армии будут вынуждены покинуть Грецию, на Кипре для них надо будет создать все возможности и мы должны будем постараться сделать всё от нас зависящее, чтобы их туда доставить. Было бы также крайне благотворным укрепление греческими силами гарнизона Крита, учитывая, что этот остров может снабжаться морем.

Последующие дни были решающими. Уэйвел телеграфировал 16-го, что у генерала Вильсона был разговор с Папагосом, который описал тяжелое положение греческой армии, находившейся под сильным давлением благодаря воздушным атакам, приводившим также в расстройство аппарат управления. Он согласился на отход к Фермопилам, первые шаги в направлении которого уже делались. Папагос также повторил, что нам следует снова погрузить на суда британские части и, тем самым, спасти Грецию от полного разрушения. Вильсон полагал, что эвакуация должна начаться одновременно с занятием новых позиций. Инструкции Уэйвела гласили, что Вильсон должен продолжать борьбу совместно с греками так долго, как только они оказываются способны к сопротивле-

нию, но вопрос об отходе и эвакуации оставлял на его усмотрение. Всем кораблям, находившимся на пути в Грецию, был дан приказ поворачивать обратно; была отменена погрузка других, а уже погруженные должны были разгрузиться. Уэйвел полагал, что необходимо заручиться формальной просьбой греков об эвакуации британских сил, еще до ее начала. Он также полагал, что Крит будет удерживаться.

На эти печальные, но не неожиданные сообщения, я ответил немедленно.

«Премьер-министр — генералу Уэйвелу. 17 апреля 41 года

От Вас нет никаких известий о положении дел на имперском фронте в Греции.

1. Мы не можем оставаться в Греции против желания греческого главнокомандующего и своим пребыванием там ставить всю страну под угрозу полнейшего разрушения. Вильсон или Палерет должны заручиться согласием греческого правительства на просьбу Папагоса. Немедленно вслед за этим надо приступить к эвакуации, не подвергая, однако, опасности операции по отходу к Фермопилам, совместно с греческой армией. Естественно, Вам надо попытаться спасти как можно больше материальной части.

2. Крит должен быть удержан достаточными силами и Вы предусмотрите это при распределении своих ресурсов. Существенно, чтобы на Крите закрепились лучшие части греческой армии, вместе с королем и правительством. Мы должны всеми средствами помочь обороне Крита.

17-го генерал Вильсон приехал из Фив в королевский дворец в Татой и там встретился с королем, генералом Папагосом и нашим послом. Было решено, что отступление на Фермопилы оставалось единственным возможным планом. Генерал Вильсон был уверен, что эту линию удастся удерживать еще в течение некоторого времени. Главной темой совещания были метод и порядок эвакуации. Греческое правительство решило оставаться по крайней мере еще на неделю.

Греческий премьер-министр Коризис уже упоминался ранее. Он был назначен после смерти Метаксаса и у него не было никаких данных для занятия такого

положения, если не считать безупречной личной жизни и ясных, решительных убеждений. Он не мог пережить видимой гибели своей страны или нести дальше ответственность за события. Подобно графу Телеки в Венгрии, он решился искупить случившееся несчастье своей жизнью. 18-го он покончил с собой. Имя его заслуживает быть отмеченным в истории.

**
*

В этой судорожной обстановке было необходимым, в пределах возможного, определить очередность и значительность мероприятий. Маршал авиации Лонгмор запросил инструкций относительно использования его перенапряженных авиационных ресурсов. Я направил директиву начальникам штабов, которую они полностью утвердили и послали командирам на Среднем Востоке.

«Начальники штабов — Главнокомандующим.

18 апреля 41 года

Премьер-министром и министром обороны выпущена следующая директива:

1. Невозможно точно определить последовательность и приоритет мероприятий, из которых ни одно нельзя игнорировать, но руководствоваться надо следующим. Извлечение из Греции новозеландских, австралийских и британских войск, затрагивает интересы всей Империи.

2. Надо добиться возможности использовать снабжающие Тобрук суда, до или после эвакуации, учитывая, что в Тобруке уже имеются двухмесячные запасы.

3. Силы должны быть распределены между прикрытием эвакуации и поддержкой операций в Ливии. В случае, если возникнет конфликт интересов, приоритет должен принадлежать победе в Ливии.

4. В настоящий момент не тревожьтесь об Ираке. Дела там, повидимому, идут гладко.

5. На первых порах Крит будет сортировочным пунктом для всего, что доберется туда из Греции. Полная его оборона должна быть организована позднее. Тем временем, находящиеся там силы должны искать спасения от бом-

бардировок в распылении и использовать штыки против возможных парашютистов и иных вторженцев.

6. Исходя из вышеизложенного, победа в Ливии стоит на первом месте, эвакуация из Греции — на втором. Снабжение Тобрука, если от этого не зависит исход ливийских операций, может регулироваться по усмотрению. Ирак надо игнорировать, а заботы о Крите — отложить на будущее».

**
*

Отступление к Фермопилам было трудным маневром, поскольку в то время, как противник задерживался в ущелье Темпе, на олимпийском перевале и в других пунктах, все наши войска должны были пройти через узкий проход у Лариссы. Вильсон ожидал самой большой опасности на своем западном фланге, и для того, чтобы противостоять ей, расположил у Калабаки бригадную группу. Но кризис пришел с востока, в ущелье Темпе и на олимпийском перевале. Этот последний ожесточенно оборонялся в течение необходимых трех дней 5-й новозеландской бригадой. Ущелье Темпе было еще более важным, так как для немцев оно являлось кратчайшим путем к Лариссе. Сперва оно оборонялось только 21-м новозеландским батальоном, позднее пришло подкрепление в виде австралийской бригады. Эти позиции были также удержаны в течение трех дней, необходимых для прохода всех наших войск через Лариссу.

До 13 апреля плохая погода мешала полному использованию неприятельской авиации, в десять раз превышавшей наши силы, но на рассвете 15-го, в атаке на аэропорт в Лариссе были уничтожены многие из имевшихся еще у нас самолетов. Остальным было приказано перебраться в Афины, так как в промежутке не было никаких посадочных площадок. 16-го и 17-го погода опять была плоха, но затем прояснилось и германская авиация начала оперировать с полной силой, постоянно атакуя поток войск, отходивших на Фермопилы. Атаки эти не сходили безнаказанно; в рей-

де на Афины было сбито 22 неприятельских самолета, ценой потери пяти Ураганов.

Эти искусные и упорные арьергардные бои задержали стремительность немецкого наступления на всех направлениях и причинили немцам тяжелые потери. К 20 апреля было закончено занятие позиций у Фермопил, достаточно сильных с фронта, но требовавших крайнего напряжения наших сил для охраны береговой дороги от возможного удара со стороны Эвбеи и, главное, для предупреждения движения противника на Дельфы. Но немцы развивали успех медленно и фермопильская позиция так и не подверглась серьезному испытанию. В тот же день капитулировали греческие армии на албанском фронте.

Я однако не терял надежды на окончательное закрепление у Фермопил. Многие столетия ушли в прошлое. Почему бы не повториться еще одному бессмертному военному подвигу?

«Премьер-министр — министру иностранных дел.

20 апреля 41 года

Я все больше склоняюсь к мнению, что если находящиеся на месте генералы считают возможным удерживать Фермопилы в течение недели или двух и одновременно поддерживать греческую армию в боевом состоянии, нам следует на это пойти, если согласятся доминионы. Я не думаю, что трудности эвакуации увеличатся от того, что враг понесет тяжелые потери. С другой стороны, каждый день задержки в Греции германской авиации дает возможность стабилизироваться положению там и может позволить нам доставить в Тобрук некоторое количество дополнительных танков. Если это будет благополучно достигнуто и позиция Тобрука укрепитя, мы сможем даже оказать дополнительную поддержку из Египта. Мне крайне не хотелось бы видеть нас покидающими Грецию и если бы дело тут шло только о британских войсках и решалось бы только в военном плане, я бы рекомендовал Вильсону продолжать борьбу, — если он считает сопротивление возможным. Во всяком случае, прежде чем мы решим эвакуироваться, мы должны послезавтра, на заседании кабинета, поставить откровенно вопрос перед доминионами. Я, конечно, не знаю состояния, в котором отступающие войска доберутся до новой ключевой позиции».

21-го генерал Уэйвел запросил короля о состоянии греческой армии и о том, может ли она оказать немедленную и эффективную помощь на левом фланге фермопильской позиции. Его величество ответил, что недостаток времени исключает возможность каким-либо организованным греческим частям поддерживать англичан на левом фланге до атаки его противником. Генерал Уэйвел ответил на это, что в таком случае его долгом является принятие немедленных мер для обратной погрузки на суда той части его армии, какую он сможет вывезти из Греции. Король полностью согласился, повидимому, готовый к этому. С глубоким сожалением он говорил о том, что оказался косвенной причиной такого положения британских сил. Генерал Уэйвел затем убедил его величество в необходимости сохранения абсолютной тайны и указал на меры, которые надо было предпринять для осуществления эвакуации: чтобы порядок поддерживался в Афинах, чтобы отъезд короля и правительства на Крит откладывался бы до последнего момента, чтобы греческая армия в Эпире держалась крепко и не допустила бы продвижения противника с запада вдоль северных берегов Коринфского залива. Король обещал оказать посильную помощь. Но все было напрасно. 24 апреля Греция окончательно капитулировала перед превосходящей мощью Германии.

**

*

Теперь мы опять стояли лицом к лицу с одной из тех морских эвакуаций, которые мы уже перенесли в 1940 году. Организованный вывоз из Греции более 50.000 человек в создавшихся условиях казался почти невозможной задачей. Однако, это было осуществлено Королевским флотом, под руководством вице-адмирала Придхэма-Виппеля на море и контр-адмирала Бэйли-Громана с главным штабом армии на суше. В Дюнкерке мы, в общем, располагали господством

в воздухе. В Греции немцам принадлежал полный и неоспоримый контроль в воздухе и они могли проводить почти непрерывные атаки на порты и на отступающую армию. Было очевидно, что погрузка могла происходить только ночью и, более того, что в дневное время надо было избегать присутствия войск вблизи берегов. Это было повторение Намзоса в Норвегии, вдесятеро больших размеров.

На выполнение этой задачи адмирал Каннингхэм бросил все свои легкие силы, включая шесть крейсеров и 19 миноносцев. Работа по спасению началась в ночь на 24-е, в маленьких портах и на пляжах Южной Греции, силами этих кораблей, вместе с одиннадцатью транспортными пароходами и десантными судами.

Работа продолжалась в течение пяти последовательных ночей. 26-го, противник парашютной атакой захватил ключевой мост через Коринфский канал, после чего германские войска хлынули в Пелопонес, преследуя наших солдат, стремившихся достичь южного берега. За эти две ночи, 24-го и 25-го, было вывезено 17.000 человек, с потерей двух транспортов. В следующую ночь еще 19.500 было вывезено с пяти погрузочных стоянок. У Науплиона произошла катастрофа. В смелой, но необдуманной попытке погрузить как можно больше людей, транспорт «Слават» задержался на якоре. Вскоре после рассвета, когда он забирал последних людей, его атаковали и потопили пикирующие бомбардировщики. Миноносцы «Диамонд» и «Райнек», спасшие большинство из 700 человек, находившихся на борту, были в свою очередь потоплены несколькими часами позднее. Со всех трех кораблей спаслось только пятьдесят человек.

28-го и 29-го, два крейсера и шесть миноносцев попытались спасти 8000 солдат и 1400 югославских беженцев с пляжей у Каламаты. Посланный вперед миноносец нашел, что охваченный пожарами город уже находится в руках противника, и от операции пришлось отказаться. Хотя немцы были контратакой

выбиты из города, только 450 человек было спасено с берега четырьмя миноносцами, использовавшими свои собственные шлюпки. В ту же ночь «Аякс» и три миноносца взяли 4300 человек в Монемазии.

Этим закончилась главная эвакуация. В течение двух следующих дней небольшие отдельные группы подбирались на разных островах или с лодок, ушедших в море, а 1400 офицеров и солдат, которым греки помогли в минуту смертельной опасности, добрались до Египта в последующие месяцы своими силами.

**
**

Приводимая ниже таблица дает окончательные цифры эвакуации армии:

Войска	В Греции, в момент атаки	Эвакуировано на Крит	Эвак. на Крит и позднее в Египет	Прямо в Египет (включая раненых)
Великобритании	19206	5299	3200	4101
Австралии	17125	6451	2500	5206
Новой Зеландии	16720	7100	1300	6054
Всего	53051	18850	7000	15361

Потери же составили:

Войска	Потери	от итога в % %
Великобритании	6606	55,8
Австралии	2968	25,1
Новой Зеландии	2266	19,1
Всего	11840	100,0

Всего было благополучно вывезено 50.662 человека, включая персонал Королевских военно-воздушных сил и несколько тысяч киприян, палестинцев,

греков и югославов. Эта цифра представляет около 80% того, что было первоначально послано в Грецию. Подобные результаты были возможны только благодаря решительности и искусству моряков военного и торгового флота, ни разу не поколебавшихся перед лицом самых беспощадных попыток врага помешать их работе. С 21 апреля и до конца эвакуации, в результате воздушных атак, было потеряно 26 кораблей. Из них двадцать один были греческие, в том числе пять госпитальных. Остальные были британские и голландские. Королевский военно-воздушный флот и контингент морской авиации с Крита сделали все от них зависящее, чтобы облегчить положение, но они были подавлены численностью противника. Тем не менее, начиная с ноября, немногие посланные в Грецию эскадрильи сослужили отличную службу. Был сбит 231 самолет противника, сброшено 500 тонн бомб. Наши собственные потери, составившие 209 машин, в том числе 72 — в бою, были тяжелы, но действия наших летчиков — достойны восхищения.

Небольшой, но эффективный греческий флот теперь перешел под британский контроль. Один крейсер, шесть современных миноносцев и пять подводных лодок благополучно прибыли в Александрию 25 апреля. С того времени греческий флот сражался с отличием во многих битвах на Средиземном море.

**
*

Если из этого трагического повествования у читателя возникнет впечатление, что имперские и британские вооруженные силы не получили эффективной военной помощи со стороны греческих союзников, ему надо будет вспомнить, что эти три недели апрельских сражений против превосходящих сил противника, для греков были кульминационным пунктом тяжелой пятимесячной борьбы против Италии, в которой были истрачены почти все жизненные ресурсы

страны. Атакованные без предупреждения в октябре противником, бывшим вдвое многочисленнее, они выбили его из Греции и затем, в контрнаступлении, прошли еще 40 миль вглубь Албании. В течение всей холодной зимы, в горах, они сражались с многочисленным и лучше экипированным противником. У греческой армии на северо-западе не было ни транспорта, ни пригодных путей сообщения для быстрого маневра в последний момент, чтобы встретить новую сильнейшую немецкую атаку на их фланг и тыл. Ее силы были уже напряжены до предела в долгой и доблестной защите родины.

Никаких упреков не было. Дружелюбие греков и помощь, с такой преданностью оказанная нашим войскам, благородно проявлялись до самого конца. Население Афин и других пунктов, откуда производилась эвакуация, казалось, было больше озабочено спасением своих незадачливых спасителей, чем своей собственной судьбой. Военная честь греков сохранилась неомраченной.

**
*

Я изложил здесь выдающиеся факты нашей греческой эпопеи. Задним числом всегда легче судить, какую позицию следовало бы занять в то время. В своем изложении я привел события так, как они происходили, и описал те действия, которые были предприняты. Позже о них можно было судить в свете определившихся последствий; и, наконец, когда мы все сойдем со сцены, история произнесет свой хладнокровный, беспристрастный и пока неведомый приговор.

Нет никаких сомнений, что преступление Муссолини и Гитлера, захвативших Грецию, и наша попытка противостоять тирании и спасти что возможно из их лап, вызвали глубокое сочувствие среди населения Соединенных Штатов и, главное, в сердце великого

человека, стоявшего во главе Америки. В тот момент у меня произошел трогательный обмен телеграммами с президентом.

«...Мои мысли, — писал он — относительно Восточного Средиземноморья — таковы:

В Греции вы провели не только героическую, но и полезную работу, и территориальные потери более чем возмещены возникшей необходимостью колоссального сосредоточения немецких сил, приведшего к колоссальным немецким потерям людьми и снаряжением.

Послав в Грецию все, что вы только могли, вы провели совершенно оправданную операцию, подобные которой вы будете продолжать вести в других частях Восточного Средиземноморья, включая Северную Африку и Ближний Восток. Более того, если станут неизбежными дальнейшие отступления, они станут частью плана, который, в данной стадии войны, приведет к сокращению британских коммуникаций, страшно удлинит немецкие и итальянские, и вынудит противника расходовать еще большие людские и материальные ресурсы. Я удовлетворен тем, что и здесь, и в Англии, общественное мнение постепенно начинает понимать, что даже если вам придется отступить дальше на этом театре, вы все равно не допустите ни большой катастрофы, ни капитуляции, и что в конечном счете, к победе приведет морское господство в Индийском и Атлантическом океанах.

Мой ответ может показаться менее отзывчивым, чем заслуживало это благородное послание. Я был настолько озабочен происходившими тяжелыми событиями, и настолько чувствовал настроения в Соединенных Штатах, что постарался заглянуть в будущее и красить, с его помощью, сегодняшнее.

«Бывший моряк — президенту Рузвельту. 4 мая 41 года

Ваше дружеское послание дает мне уверенность, что никакие временные неудачи, как бы серьезны они ни были, не могут ослабить Вашей решимости поддерживать нас до тех пор, пока мы не добьемся конечной победы...

Но нельзя быть слишком уверенными в том, что последствия потери Египта и Среднего Востока не будут тяжелыми. Такая потеря серьезно увеличит опасности в Атлантическом и Тихом океанах и надолго затянет войну, со всеми страданиями и военным риском, с этим связанными. Мы будем продолжать войну, что бы ни случилось, но, по-

жалуиста, помните, что позиция Испании, Виши, Турции и Японии может в конечном счете быть предопределена исходом борьбы именно на этом театре войны. Я не могу согласиться с точкой зрения, что потеря Египта и Среднего Востока явится прологом к успешному ведению войны на океанах. Если вся Европа, большая часть Азии и Африки, станут, в результате ли завоевания или вынужденных соглашений, частью системы Оси, война Британских островов, Соединенных Штатов, Канады и Австралии против этого могущественного сосредоточения сил, будет тяжелой, долгой и мрачной борьбой. Поэтому, если в настоящее или ближайшее время Вы не сможете занять более определенной позиции, обстановка обещает измениться в большой степени, и не в нашу пользу. Я уверен, что Вы поймете меня правильно, если я выскажусь откровенно. Единственным решающим противовесом растущему пессимизму в Турции, на Ближнем Востоке и в Испании, который я сейчас вижу, является немедленное присоединение к нам Соединенных Штатов в качестве воюющей стороны. Если бы это было возможно, я не сомневался бы, что мы справимся с положением на Средиземном море до того момента, пока не скажутся результаты присылки американского снаряжения.

Мы решились бороться за Египет до последнего, включая сюда передовые позиции в Тобруке и на Крите. Ради этого мы идем на значительный риск и я лично думаю, что мы выиграем, несмотря на все трудности в присылке подкреплений танками и самолетами. Но я умоляю Вас, мистер президент, не недооценивать всей тяжести последствий катастрофы на Среднем Востоке. В этой войне каждая позиция важна для победы, — и сколько еще мы их можем терять?

В отношении Виши, мы будем рады, если Вы возьмете инициативу и постараетесь извлечь из них максимум угрозам и обещаниями. Только Вы можете предупредить появление немцев в Марокко. Если они там закрепятся, дальнейшее их продвижение может не обязательно идти по суше; они скоро доставят в Дакар парашютистов.

С волнением я жду нового Вашего обращения по радио, которое Вы планируете. Оно может оказаться важнейшим поворотным пунктом.

Благодарю Вас за всю помощь в судоходстве и за танкеры, которыми мы обязаны Вашей энергии, и за всю Вашу щедрую и смелую поддержку и нас, и нашего общего дела».

В своем обращении по радио накануне вечером я попытался не только выразить чувства англо-саксонского мира, но и указать на доминирующие факторы, от которых зависела наша судьба.

«В то время, как мы с понятным чувством огорчения и тревоги наблюдаем многое из того, что уже происходит в Европе и в Африке и еще может произойти в Азии, мы не должны утрачивать чувство пропорции и тем самым позволить себя обескуражить или запугать. Глядя трезвыми глазами на трудности, лежащие впереди, мы можем почерпнуть новую уверенность из воспоминаний о трудностях уже преодоленных. Что бы ни происходило сейчас, это несравнимо с теми опасностями, через которые мы прошли в минувшем году. Что бы ни происходило до сих пор на востоке, оно несравнимо с тем, что происходит на западе.

Выступая перед вами в прошлый раз, я приводил строчки из Лонгфелло, которые президент Рузвельт собственноручно переписал для меня. Я бы хотел привести другие строчки, хотя и менее известные, но вполне применимые и отвечающие нашим сегодняшним судьбам; я верю, что так они и будут восприняты везде, где говорят на английском языке или где развевается флаг свободы.

Здесь волны мечутся со стоном
И рассыпаются средь скал,
А сзади катит неуклонно
Могучий, молчаливый вал.

Не только дальше на востоке
С приходом дня приходит свет;
Пусть солнца путь длинен и долог, —
Взгляни на запад, там — рассвет!»

(Примечание: стихотворение взято из письма Артура Хью Клоу, адресованного Вильяму Аллингхэму и датированного 13 октября 1849 года, позже подаренного мистеру Черчиллю Чарльзом Скрибнером в июне 1941 года).

13.

ТРИПОЛИ И «ТИГР»

Катастрофа на нашем фронте в пустыне вызвала в Африке последствия, которые уже были описаны. Она также означала невозможность взятия Родоса, что поставило под угрозу наши коммуникации с Грецией. Она нанесла удар этой и без того рискованной операции, хотя мы потерпели бы там поражение, даже если бы этой катастрофы не произошло. К нашему повествованию теперь надо добавить рассказ о том, что произошло в песках пустыни, и об одновременных событиях на море. Легко видеть, к какому напряжению нашего Восточно-средиземноморского флота привела греческая экспедиция. Но это была лишь одна из многих операций того хаотического времени. Еще 10 апреля адмирал Каннингхэм почувствовал, насколько повлиял на его операции внезапный прыжок вперед победоносных армий Роммеля. Он предупредил нас, что

«если немцы получат в течение следующего месяца достаточные силы, они, вероятно, смогут захватить территорию по крайней мере до Мерса Матрух и, если это случится, сомнительной станет возможность дальнейшего использования флотом александрийской гавани, которая превратится в объект налетов бомбардировщиков, сопровождаемых истребителями. Если мы не разрушим Триполи, у немцев будут благоприятные перспективы разрушить Александрию. Я не считаю возможным разрушение Триполи при посредстве бомбардировок с моря. Это не только вопрос риска для нашего линейного флота, но такое предприятие должно быть оправдано долговременными результатами. Решение, я думаю, лежит в непрерывных бомбежках с возду-

ха. Я поэтому считаю важным, чтобы в Египет немедленно были посланы самолеты дальнего действия, — каковы бы ни были трудности. Все это может быть вопрос немногих дней, и результаты покажут, сможем ли мы и дальше удерживать Восточное Средиземноморье. Я еще раз подчеркиваю значение вопроса времени».

Увы, не могло быть и речи о создании в Египте, за короткий срок, базы для бомбардировочной авиации, которая могла бы достичь сколько-нибудь заметных успехов в бомбардировках Триполи. Обстрел с моря, помимо того, что он был много более эффективным и экономным, оставался единственным средством в нашем распоряжении и я считал, что этим путем, несмотря на всю свою нагрузку в проведении греческой кампании, наш флот может внести ценный вклад в дело обороны Египта.

**
*

Необходимость нанести удар Триполи привела к бурному спору между Адмиралтейством и адмиралом Каннингхэмом, в котором Первый морской лорд, сознавая важность американской помощи, поставил Главнокомандующего в Средиземном море перед задачей подвергнуть опасности свой флот бомбардировкой наиболее важного участка. Этот инцидент был довольно необычен в нашей морской истории.

«Адмиралтейство — Главнокомандующему в Средиземном море. 15 апреля 41 года

Очевидно, что для стабилизации положения на Среднем Востоке необходимы драконовские меры. После тщательного изучения, мы пришли к заключению, что одни только налеты авиации будут недостаточными для прекращения потока подкреплений, поступающих в Ливию главным образом через Триполи.

Поэтому является существенным предпринять в Триполи что-то такое, что сможет сразу и резко прервать коммуникации противника, и на длительное время. Мы придерживаемся мнения, что интенсивное минирование гавани и подступов к ней будет иметь значительный эффект, но мы

не можем дожидаться, пока скажутся результаты этого. Поэтому важно, в ближайшее же время, предпринять иные меры.

Имеется две альтернативы:

- а) бомбардировка гавани с моря,
- б) попытка ее блокировать.

Лорды Адмиралтейства согласны с Вами, что результаты бомбардировки будут неопределенными и что не придется ожидать, что они приведут к сильному, хотя бы временному, сокращению потока подкреплений. Поэтому решено, что надо предпринять попытку провести одновременно и бомбардировку, и блокирование гавани, — последнее, — специально предназначенными для этого судами, как можно ближе к входу в порт.

Тщательно взвесив имеющиеся типы судов, мы решили, что «Бархэм», и крейсер класса «С», должны быть использованы для этой цели.

Несомненно, что такое использование «Бархэма» наполнит Вас глубокой горечью, но мы считаем, что много предпочтительнее пожертвовать одним судном целиком, с надеждой достичь чего-то ценного, чем рисковать повреждением нескольких судов при перестрелке, результат которой может оказаться разочаровывающим».

Этот приказ имел целью указать доблестному Каннингхэму на истинный размах событий, как они были видны из Уайтхолла, и на необходимость, при создавшемся критическом положении, идти на огромный риск. Адмирал Каннингхэм самым бурным образом протестовал против рекомендации пожертвовать первоклассным линкором типа «Бархэм».

«Главнокомандующий на Средиземном море — Адмиралтейству.

15 апреля 41 года

Я полностью отдаю себе отчет, что лорды Адмиралтейства и правительство Его Величества тщательно взвесили все факторы, прежде чем прийти к решению провести эту жертвенную операцию, но я смею доложить, что такая цена будет оправдана если, во-первых, имеются реальные шансы на успех, и, во-вторых, если успех этот будет настоящим. Я считаю, что ни на то, ни на другое, надеяться нельзя. Мне представляется сомнительным, что есть хотя бы один шанс из десяти поставить большой корабль в нужное для затопления положение.

Если бы мы даже успели в этом, мы потеряли бы перво-классное боевое судно, дав тем самым неоценимый стимул к поднятию духа в итальянском флоте, и, одновременно, показав врагу, в какой степени безнадежным ми считаем положение в Киренаике.

Если из этой операции ничего не выйдет, или если успех будет лишь частичным, эти аспекты приобретут еще большее значение. Более того, мы будем вынуждены заменить этот корабль другим, изъяв его из Битвы за Атлантику.

Лучше, на что мы можем надеяться, идя на это, это сделать невозможным пользование гаванью, но разгрузка судов все еще будет возможна, и, если потребуется, французские порты смогут использоваться полностью.

При этом я не принимаю в расчет неизбежную потерю около тысячи офицеров и моряков с обоих судов, безрас-судно отправленных на эту операцию, не зная, на что они идут; я не вижу, каким образом их можно было бы спасти. (Судно, которое приносится в жертву в подобных случаях, требует лишь минимального экипажа. Примечание автора).

Вместо того, чтобы посылать «Бархэм» без поддержки и с такими малыми шансами на успех, я предпочел бы атаковать всем линейным флотом, идя на весь риск.

По вышеприведенным причинам я счел возможным поставить под вопрос решение лордов Адмиралтейства, и искренне прошу пересмотреть приказ в свете моих замечаний».

Не без чувства облегчения мы получили известие, что флот будет бомбардировать Триполи, и Адмиралтейство поспешило изъявить свое согласие и разделить, несмотря на все разделявшее нас расстояние, тяжесть ответственности. Днем 21 апреля Каннингхэм появился в виду Триполи с линкорами «Уорспайт», «Бархэм» и «Вельянт», крейсером «Глочестер» и миноносцами, и подверг город сорокаминутной бомбардировке. Ко всеобщему удивлению, была достигнута полная внезапность; береговые батареи не отвечали в течение двадцати минут, и в небе не появился ни один самолет. Стоявшим в гавани судам были нанесены большие повреждения, — равно как и причалам и портовым сооружениям. В складе горючего и окружаю-

щих зданиях начались большие пожары. Британский флот отошел в море без потерь.

«Триполи, — доносил адмирал Каннингхэм, — был подвергнут бомбардировке в течение 42 минут, в пять часов дня, сегодня, в понедельник, с дистанции от 11 до 14 тысяч ярдов. К моему удивлению, была достигнута внезапность операции, может быть, благодаря занятости германской авиации в других местах... Мои замечания в связи с этой бомбардировкой будут сообщены дополнительно».

За этой телеграммой последовала другая, в которой Главнокомандующий высказал свои мысли.

«Главнокомандующий на Средиземном море — Адмиралтейству. 23 апреля 41 года

Наши нынешние обязательства превышают наши реальные возможности.

Я хочу пояснить, что я попрежнему возражаю против этой политики — бомбардировки Триполи Средиземноморским флотом. Один раз это нам сошло с рук, но лишь потому, что немецкие самолеты были заняты в других местах. Это дало нам преимущество внезапности. От всего Средиземноморского флота потребовалось пять дней, чтобы достичь того, что одна эскадрилья тяжелых бомбардировщиков, оперирующая из Египта, могла бы выполнить в течение нескольких часов. В этой операции флот шел на значительный и, на мой взгляд, неоправданный риск, — и шел на него в ущерб всем нашим другим обязанностям, и в то время, когда исполнение их было крайне необходимо...

Я не вижу, как можно перевести из Атлантического флота в Средиземноморский «Нельсон» и «Родней». Мне все это представляется таким образом, что министерство авиации пытается переложить ответственность на плечи флота и не помогает нам здесь так, как следует».

По моему мнению, этот эпизод отражает высокие качества обоих адмиралов и иллюстрирует — для будущих военно-морских историков — необычайно напряженную обстановку, в которой мы должны были действовать в это критическое время. Вполне могло случиться, что Адмиралтейство, с моего полного согласия, заставило бы своего Главнокомандующего

пойти на неоправданный риск; тот факт, что рейд на Триполи прошел без потерь, не является доказательством, что оно было право в первоначальном решении. С другой стороны, только мы, в Лондоне, могли измерить истинную пропорцию мировых событий, и мы же несли конечную ответственность. Оставаясь совершенно убежденным в правильности действий Первого морского лорда, я счел необходимым дать Главнокомандующему подробные объяснения и обрисовать более широкую перспективу, чем та, которая открывалась ему в Александрии.

«Премьер-министр — Главнокомандующему на Средиземном море. 2 апреля 41 года

1. Никакое отклонение от принципа, что главной обязанностью Средиземноморского флота является разрыв всех коммуникаций между Италией и Африкой, не допустимо.

2. Я сожалею, что вызванный налетом авиации дым затруднил Ваш обстрел Триполи. Мы должны были это предвидеть, но нет смысла жаловаться, так как достигнутые результаты были значительны, и достигнуты они были без потерь в людях и судах. Лично я не удивлен этим иммунитетом, и тот факт, что главные батареи на важнейшей неприятельской базе в Африке, хотя и под немецким контролем, не начали стрелять в течение двадцати минут, показывает, что враг не может быть наготове одновременно всюду. Полагаю, что у Вас нет сомнений, что план заблокировать гавань в этих условиях был бы осуществлен.

3. Относительно поддержки со стороны авиации: Вам надо заручиться точной информацией, без которой невозможно судить о чем-либо. Начальник штаба авиации мне сообщает, что тот же вес бомб, которые были выпущены вами при обстреле Триполи за 42 минуты, то есть 530 тонн, потребовал бы:

— от одной эскадрильи Веллингтонов с Мальты — 10,5 недель, или

— от одной эскадрильи Стирлингов из Египта — около 30 недель.

4. Главная диспозиция сил между различными театрами войны решается Комитетом обороны, который возглавляю я, а не министерством авиации, исполняющим наши решения. С самого ноября месяца всеми возможными путями я

старался переправить самолеты на Средний Восток. Мы шли на большой риск и на жертвы, особенно в случае, когда две трети эскадрильи истребителей затонули при попытке долететь до Мальты и когда «Фюриуз» был снят с операций в Атлантическом океане, чтобы сделать три рейса в Такоради. Я прилагаю здесь постоянно все свои усилия, чтобы поддерживать Вас всеми возможными средствами и приветствую все Ваши повторные достижения; но я искренне надеюсь, что Вы также поверите, что здесь, в центре, мы стараемся выносить разумные и смелые решения, несмотря на все наши трудности...

5. Вы удивляетесь, как я мог высказаться за перевод из Атлантического океана в Средиземное море «Нельсона» и «Роднея». Я полагаю, что они подходят для операций там, так как вооружены тяжелой палубной броней, защищающей их от атак пикирующих бомбардировщиков. Можно ли будет обойтись без них в Атлантике, покажет обстановка. Об этом, учитывая Ваш высокий пост, я Вас сейчас информирую. В течение долгого времени я поддерживаю постоянную связь с президентом Рузвельтом. Он распорядился принять от нас большую часть патрулирования к западу от 26-го меридиана. Весь американский атлантический флот, с многочисленными летающими лодками, вступил в действие, в первой фазе этого плана, в полночь 24 апреля. Корабли Соединенных Штатов будут крейсировать вдоль наших торговых путей, или, как они их называют, «троп», следить за всеми рейдерами и подводными лодками и сообщать об их местоположении всему миру по радио каждые четыре часа, или даже чаще, если потребуется. Желательно, чтобы это не было объявлено внезапно, но стало бы известным постепенно, по мере развития операций. Поэтому сообщаю об этом Вам под большим секретом. Облегчение и преимущества, которые получает при этом Адмиралтейство, колоссальны и, естественно, можно ожидать даже более решающих событий. Поэтому, в данный момент Вам не следует слишком сокрушаться относительно Атлантики, а лучше посвятить свои ресурсы, которые мы увеличиваем во многих отношениях, разрыву неприятельских коммуникаций с Африкой, — с Триполи или Киренаикой, безразлично. От этого зависит исход Битвы за Египет.

8. Я вошел в эти обстоятельные объяснения, руководясь чувствами восхищения Вашими успехами, сознанием многих Ваших забот, моим сочувствием Вам от сознания всех опасностей, которым подвергается флот, а также из-за важности обязанностей, Вами выполняемых».

**
*

Моей высшей целью продолжала оставаться победа в Западной пустыне раньше, чем армия Роммеля станет слишком сильной и его достигнет новая бронетанковая дивизия в полном составе. Во всяком случае, это спасло бы наши позиции в Египте от полной катастрофы. Поэтому я должен рассказать один эпизод, когда я взял на себя несколько необычную ответственность. В результате катастрофы на фронте в пустыне, Уэйвел почти полностью лишился своих танков. Воскресенье 20 апреля я проводил в Дичли и работал лежа в постели, когда получил телеграмму от генерала Уэйвела, адресованную начальнику Имперского генерального штаба, описывавшую всю тяжесть положения. Он писал:

«Хотя положение в Киренаике улучшилось, виды на будущее будут еще некоторое время вызывать тревогу из-за недостатка у меня танков, особенно тяжелых. Как Вы себе представляете, исход войны в пустыне в большой степени зависит от танков... У противника на фронте в Киренаике имеется вероятно 150 танков минимум, из которых половина — средние. Большинство их сейчас сосредоточены в районе Бардия-Соллум и если противник организует как следует свое снабжение, он может подготовить дальнейшее наступление. У меня в Тобруке имеется лишь одно слабое смешанное соединение из тяжелых и легких танков и танкеток, и в районе Мерса Матрух — еще эскадрон тяжелых... Самое большее, на что я могу надеяться, это иметь к концу месяца для обороны Мерса Матрух один тяжелый танковый полк, минус один эскадрон, и один полк танкеток, — опять же минус один эскадрон. В течение мая я могу получить из ремонта еще 30-40 тяжелых танков для создания еще одного слабого соединения, и немного танкеток, которые, вероятно, будут использованы для защиты Александрии против возможных рейдов противника. Я не могу рассчитывать на получение назад танков из Греции, и на ближайшее время в виду больше ничего нет»...

Дальше, он добавлял:

«Я только что получил тревожные сообщения. Я ожидал, что вторая немецкая колониальная дивизия, разгру-

жившаяся в Триполи в начале месяца, появится на фронте к концу апреля. Но некоторые соединения уже опознаны. Мне только что сообщили, что по последним указаниям это не колониальная, а танковая дивизия. Если это так, положение становится действительно серьезным, поскольку бронетанковая дивизия насчитывает свыше 400 танков, из которых 138 — средних. Если неприятель сможет наладить ее снабжение, задержать его будет нелегко. Когда я разберусь в новостях, я телеграфирую еще раз».

В отдельной телеграмме, отправленной в тот же день, генерал Уэйвел подробно описывает состояние и расположение своих танков. Он пишет:

«Можно видеть, что только два полка тяжелых танков могут быть в Египте к концу мая, — и никаких резервов для пополнения потерь, — в то время как тут имеется превосходно тренированный персонал на целых шесть танковых полков. Я считаю доставку танков крайне важной задачей, в дополнение к пехотным танкам, не обладающим нужными скоростью и радиусом действий для операций в пустыне. Прошу начальника Имперского генерального штаба оказать личное содействие».

Читая эти тревожные сообщения, я решил не считаться больше с колебаниями Адмиралтейства, но послать конвоем сквозь Средиземное море прямо в Александрию все танки, в которых нуждался генерал Уэйвел. Под руками имелся конвой, груженный значительным числом танков, собирающийся выходить в море, и идти в обход мыса Доброй Надежды. Я решил, что быстроходные, груженные танками суда этого конвоя должны свернуть у Гибралтара и сократить путь, тем самым сберегая почти сорок дней. Находившийся неподалеку генерал Исмэй пришел ко мне около полудня. Я написал для него следующий личный меморандум, для передачи начальникам штабов, попросив немедленно отправиться в Лондон и дать там понять, что я придаю колоссальное значение этому шагу.

«Премьер-министр — генералу Исмэю, для начальников штабов. 20 апреля 41 года

1. Ознакомьтесь с последними телеграммами генерала Уэйвела. Судьбы войны на Среднем Востоке, потеря Суэцкого канала, крушение надежд и растерянность среди огромной массы войск, которые мы собрали в Египте, исчезновение всех перспектив связи с американцами через Красное море, — всё сейчас может зависеть от нескольких сот танков. Если только возможно, они должны быть доставлены любой ценой.

2. Завтра в полдень, 21-го, я буду председательствовать на заседании начальников штабов и оборонных министерств, и на этом заседании нужно будет собрать всю информацию и принять решение.

3. Единственный путь, которым можно достичь этой важнейшей цели, это посылка быстроходных транспортов из конвоя В. С. 7 через Средиземное море. Из телеграммы генерала Уэйвела видно, что нужда имеется в машинах, а не в людях. Приходится идти на риск потери всех или части танков. Если даже половина доберется до места, положение сможет установиться. Пять транспортных судов повезут 250 танков, из которых все, кроме четырнадцати, типа «И». Надо приложить все усилия для увеличения в этом транспорте числа рейдовых тяжелых танков. Мне говорят, что ценой задержки на сутки можно будет погрузить их штук двадцать, и таким образом конвой сможет отплыть утром 23-го.

4. Экипажи отправятся в обход мыса Доброй Надежды, если начальник Имперского генерального штаба не даст иных указаний.

5. Я просил министерство судоходства к указанному числу найти еще два моторных транспорта равной скорости, забыв о других нуждах. Если они будут найдены, из лучшей бронетанковой дивизии в Англии надо будет забрать дополнительно 100 тяжелых танков, считая, что они пригодны для войны в тропиках, если их снабдят специальными для пустыни необходимыми приспособлениями.

6. Адмиралтейство и министерство авиации рассмотрят и сегодня же подготовят план прохода этого жизненно-важного конвоя через Средиземное море. Мы, естественно, должны принять риск и не ожидать никаких гарантий. Однако, к тому времени Мальта будет укреплена. Миноносцы Маунтбаттена и другие морские подкрепления должны будут уже достичь цели (если нет, они придут с этим конвоем). У вражеских пикирующих бомбардировщиков име-

ется много других объектов, и они не будут знать, что именно везет конвой.

7. Очень важна быстрота. Надо избежать задержки даже на один день. Сообщите мне возможное расписание, учитывая, что при скорости в 16 узлов расстояние может быть покрыто всего лишь за восемь дней, скажем — десять, со дня отплытия, т. е. 23 апреля. Это даст генералу Уэйвелу в первой же неделе мая эффективную поддержку. Крайне важна тайна всего предприятия и ни один человек за пределами высшего командования не должен знать о намерении свернуть у Гибралтара. Все на борту конвоя должны думать, что они едут вокруг мыса Доброй Надежды».

К моменту прибытия Исмэя в Лондон начальники штаба были в сборе и до поздней ночи они обсуждали мою записку. Первая их реакция была неблагоприятна. Шансы на проход транспортов в целости через центральный бассейн Средиземного моря считались невеликими, так как днем, перед проходом через Мальтийский пролив, и на утро, после прохода Мальты, они будут мишенью для атаки пикирующих бомбардировщиков, — и за пределами радиуса наших, базирующихся на суше истребителей. Была также высказана точка зрения, что у нас крайне мало танков в Англии, и что если мы потеряем многие из них теперь в Африке, последуют новые требования пополнений, — и дальнейшее отвлечение их из армии метрополии.

Однако, когда на следующий день собрался Комитет обороны, к моему глубокому удовлетворению, адмирал Паунд присоединился ко мне и согласился провести конвой через Средиземное море. Начальник штаба авиации, маршал Портал, сказал, что он попытается организовать прикрытие с Мальты дополнительной эскадрильей Бофайтеров. Тогда я попросил Комитет рассмотреть вопрос о посылке с этим конвоем дополнительных ста танков. Я был готов пойти на двухдневную задержку отплытия. Генерал Дилл высказался против посылки дополнительных танков, в виду недостатка их для нужд обороны Англии. Учи-

тывая, что десять месяцев назад, когда мы посылали половину того немногого, что у нас было, вокруг мыса Доброй Надежды на Средний Восток, он на это согласился, я не мог признать убедительными его возражения на этот раз. Как знает читатель, в апреле 1941 года я не считал вторжение серьезной угрозой, поскольку против него была проведена серьезная подготовка. Теперь мы знаем, что такой взгляд был правильным. Было договорено, что эта операция, которую я назвал «Тигр», должна быть проведена и что к конвою будет добавлено шестое судно, с 67 тяжелыми рейдовыми танками. Однако, несмотря на все усилия, оно не смогло быть погружено во-время, и конвой вышел в море без него.

**
*

Я поспешил сообщить Уэйвелу хорошие вести.

«Премьер-министр — генералу Уэйвелу

22 апреля 41 года.

1. В последние дни я проделал для Вас большую работу и уверен, что Вы будете рады узнать, что мы посылаем 307 наших лучших танков через Средиземное море, надеясь, что они доберутся до Вас около 10 мая. Из них 99 тяжелых рейдовых, типа IV и V, с нужными запасными частями для последнего, и 180 танков типа «И».

2. В своей телеграмме от 18 апреля Вы сообщаете, что имеете подготовленные экипажи для шести полков. Поэтому кратчайшим путем мы посылаем Вам только машины. Люди поедут в объезд мыса Доброй Надежды, как предусматривалось раньше, с небольшими изменениями.

3. Обычным путем Вы получите а) все подробности относительно посылаемых танков и запасных частей, соответствующих тому, что у Вас уже есть, и — б) указания относительно разных приспособлений, необходимых для использования танков в условиях пустыни. Я надеюсь, что Вы немедленно приступите к проведению всех подготовительных мероприятий, с таким расчетом, чтобы можно было достичь настоящей эволюции в положении и чтобы славная 7-я бронетанковая дивизия, отсутствие которой на фронте было для нас такой неожиданностью, могла бы

возобновить под командованием Крига свою славную карьеру.

4. По получении детальной информации Вам нужно будет сообщить нам свой план о введении в действие этих танков в ближайшее же время. Если Вы получите их, несмотря на все опасности переезда — гарантий тут, естественно, никаких быть не может — Вы окажетесь полностью снаряженным, и к концу июня в Киренаике не должно оставаться ни одного немца.

5. Подготавливая использование этих машин, Вам следует делать вид, будто они идут вокруг мыса Доброй Надежды. Сохранение тайны совершенно необходимо и об этом предприятия знают очень немногие. Тем самым Вы достигнете эффекта внезапности. Примите мои лучшие пожелания».

**
*

Пока проводились все эти операции, нас не оставляла мысль о Тобруке. 24-го генерал Уэйвел сообщил о серьезном положении с истребителями. Все Ураганы в Греции были потеряны, а в недавних воздушных налетах на Тобрук была уничтожена большая часть истребителей, там находившихся. Маршал авиации Лонгмор полагал, что дальнейшие попытки держать эскадрилью истребителей в Тобруке будут иметь результатом большие и неоправданные потери. Таким образом, пока не будет восстановлена значительная сила нашей авиации, противник будет иметь полный контроль в воздухе над Тобруком. Однако, сегодня утром гарнизон отбил атаку противника, причинив ему большие потери убитыми и ранеными и взяв в плен 150 человек.

В тот период у нас было много тревог и немало пессимизма. Я не мог удержаться, чтобы не высказать свои мысли.

«Премьер-министр — начальнику Имперского генерального штаба. 22 апреля 41 года.

Нам нельзя забывать, что осажденные в 4-5 раз сильнее осаждающих. Нет никаких возражений, чтобы непри-

телю давалась возможность чувствовать себя вполне удобно, но нам надо быть осторожными и не допустить, чтобы нас держали в окружении еще меньшие силы, и потерять в то же самое время способность действовать против неприятельских коммуникаций. 25.000 человек при 100 орудиях, с обильными запасами всего, должны суметь удержать сильно укрепленную зону, действуя против 4500 человек, у конца 700-мильного пути, даже если все эти люди — немцы; в данном случае — часть из них — итальянцы. Я привел цифры, сообщенные мне военным министерством. Мы не можем соглашаться на слишком низкий стандарт, в сравнении с врагом».

**
*

Вскоре генерал Уэйвел прислал нам тревожные сообщения о приближении подкреплений для Роммеля. Разгрузка 15-й германской бронетанковой дивизии — за исключением потерянного при пересечении Средиземного моря — будет закончена 21 апреля. Несколько соединений уже замечено перед Тобруком и в районе Капуццо. Военнопленные показывают, что дивизии все еще недостает грузового транспорта. По нашим наблюдениям прибывающих в Триполи судов, потребуется всего 21 судно, средней грузоподъемностью в 5-6 тысяч тонн, чтобы закончить переброску дивизии полностью. Вопрос ее поддержания на востоке зависел от использования Бенгази и других небольших портов Киренаики. Были признаки того, что Бенгази используется регулярно. Потребуется по крайней мере пятнадцать дней, чтобы подтянуть снабжение. Из этого расчета, 15-я бронетанковая дивизия, 5-я легкая моторизованная, а также дивизии Ариете и Тренто смогут двинуться вперед после середины июня — а не в начале июля, — ускорение на две недели против предыдущих расчетов.

Уэйвел добавлял, что вынужден признаться в том, что немцы в прошлом настолько опрокидывали все расчеты, что вовсе не уверен в правильности своих нынешних. Например, они вчера вечером начали на-

ступление в районе Соллума, которое было бы не оправданным, если бы соответствовали действительности наши данные о состоянии их снабжения.

Для нас, в Англии, казалось ненормальным положение, что Бенгази, который мы не сумели превратить в пригодную базу, играл столь важную роль теперь, попав в немецкие руки.

**
*

В течение последующих двух недель мое внимание и беспокойство были прикованы к судьбе операции «Тигр». Я отнюдь не недооценивал риска, на который согласился пойти Первый морской лорд, и я знал, что в Адмиралтействе имелись большие сомнения. Конвой, состоявший из 15 пароходов, сопровождаемый «эскадрой Эйч» адмирала Соммервиля («Реноун», «Малайя», «Арк Ройал» и «Шеффилд») прошел Гибралтар 6 мая. С ним также шли пополнения для средиземноморского флота, состоявшие из «Квин Елизабет» и крейсеров «Наяда» и «Фиджи». Воздушные атаки 8 мая были отбиты без потерь, и было сбито семь самолетов противника. Ночью, однако, приближаясь к Проливам, два транспорта конвоя наскочили на мины. Один, «Эмпайр Сонг», загорелся и затонул после взрыва. Другой, «Нью-Зиланд Стар», смог продолжать путешествие. По достижении канала Скерки адмирал Соммервиль покинул конвой и повернул назад к Гибралтару, оставив шесть миноносцев и крейсер «Глочестер» для усиления эскорта. После полудня 9-го адмирал Каннингхэм, воспользовавшись возможностью провести другой конвой на Мальту, встретил «Тигр» со своим флотом в пятидесяти милях к югу от Мальты. Все его силы затем направилась в Александрию, добравшись туда без дальнейших потерь или повреждений. Во время этой операции была также использована возможность провести две ночных бомбардировки Бенгази легкими силами флота, 7 и 10 мая.

Я был счастлив узнать, что конвой, на который были возложены все мои надежды, благополучно прошел Проливы и теперь защищен всей мощью усиленного Средиземноморского флота. В то время, когда вся эта операция висела в воздухе, мои мысли обратились к Криту, на который мы ожидали сильной парашютной атаки немцев. Мне казалось, что если немцы смогут захватить и использовать аэродромы острова, они смогут послать туда неограниченное количество подкреплений; для предупреждения этого, даже дюжина танков типа «И» могла бы сыграть решающую роль. Поэтому я попросил начальников штабов рассмотреть вопрос о направлении одного из судов из «Тигра» на Крит и разгрузить там по пути несколько танков. Мои опытные коллеги, соглашаясь, что для этой цели танки будут очень ценны, считали ненужным подвергать опасности остальную драгоценный груз судна подобной операцией. Соответственно, 9 мая, я им рекомендовал, что если они считали «слишком опасным направить «Клан Ламонт» в Суду, его — или другой пароход — следует погрузить двенадцатью танками, немедленно после разгрузки в Александрии». Были посланы соответствующие распоряжения. 10 мая Уэйвел ответил, что он «уже организовал отправку на Крит шести танков типа «И» и 15 танкеток», и что «если все пойдет хорошо, они придут туда в ближайшие дни».

* *
*

Естественно, что мне захотелось повторить блестящий успех «Тигра». Я, может быть, не представлял себе, какое напряжение такая экспедиция означает для всех участвующих, хотя я ясно взял на себя главную ответственность. Я полагал, что действительность, наконец, оправдала мое суждение об опасностях на Средиземном море. Мои друзья из Адмиралтейства, с другой стороны, заявляли, что нам просто

повезло и помогла погода, — что может не повториться более. Очевидно, что Адмиралтейство не хотело быть вовлеченным в серию таких опасных операций, и я натолкнулся на серьезное сопротивление. Мне не следовало отказываться от получения соответствующего решения Кабинета, но препятствием оказался сам генерал Уэйвел, который не только не нажимал, но даже принял сторону моих оппонентов. Это лишило меня почвы под ногами. Поэтому пятьдесят тяжелых рейдовых танков и пятьдесят танкеток были отправлены следующим конвоем вокруг мыса Доброй Надежды, добравшимся до Суэца лишь 15 июля.

До того времени произошло много событий. Не все, однако, шло плохо.

14.

ВОССТАНИЕ В ИРАКЕ

Англо-иракский договор 1930 года предусматривал наше право держать авиационные базы в Басре и Хаббании в мирное время, а также право перевозить через страну, транзитом, военные части и снаряжение в любое время. Договор также предусматривал, что, в случае войны, в наше распоряжение должны быть предоставлены всевозможные ресурсы страны, включая пользование железными дорогами, реками, портами и аэродромами, для перевозок наших вооруженных сил. Когда началась война, Ирак порвал дипломатические отношения с Германией, но войны ей не объявил; когда же в войну вступила Италия, Ирак даже не прервал с ней отношений. Таким образом, итальянская миссия в Багдаде стала главным центром пропаганды держав Оси и местом, откуда раздувались антибританские настроения. В этом итальянцам помогал Иерусалимский муфтий, бежавший из Палестины незадолго до начала войны и позднее получивший в Багдаде убежище.

С крушением Франции и прибытием в Сирию германо-итальянской Комиссии по перемирию, британский престиж упал очень низко и создавшееся положение вызывало в нас глубокую тревогу. Но, занятые в других местах, мы не могли даже рассматривать возможности военных действий и должны были добиваться наших целей иными средствами. В марте 1941 года дела изменились к худшему. Рашид Али, сотрудничавший с немцами, стал премьер-министром и с тремя другими выдающимися иракскими офицерами

устроил заговор, получивший известность под названием «Золотой квадрат». В конце марта пробританский регент, эмир Абдул-Ила, должен был бежать из Багдада.

Так как становилось более чем когда-либо важным сохранить Басру, главный порт на Персидском заливе, я написал государственному секретарю по делам Индии следующее:

8 апреля 41 года.

«Некоторое время назад Вы упомянули, что для Среднего Востока возможно выделить еще одну дивизию пограничных войск. Положение в Ираке ухудшилось. Необходимость удержания Басры обуславливается тем, что американцы проявляют все больше интереса к созданию там базы для сборки самолетов, куда бы они непосредственно могли бы доставлять части. В виду несомненной тенденции к передвижению войны на восток, этот план представляется весьма важным.

Я одновременно сообщаю начальникам штабов, что Вы изучаете положение. По мнению генерала Окинлека, так же возможно добыть дополнительные силы.»

В тот же день мистер Эмери послал в этом смысле телеграмму вице-королю, а лорд Линлитгоу и главнокомандующий, генерал Окинлек, немедленно предложили направить в Басру пехотную бригаду и полк полевой артиллерии, уже почти законченные погрузкой для отправки в Малайю. За ними, как можно скорее, должны были последовать другие войска. Бригадная группа без всяких препятствий выгрузилась в Басре 18 апреля, действуя под прикрытием британского парашютного батальона, приземлившегося накануне у Шаибы. Правительству Индии была направлена просьба как можно скорее прислать еще две бригады, также из числа предназначавшихся для Малайи.

«Премьер-министр — генералу Исмэю, для Комитета начальников штабов и всех, к кому это относится.

20 апреля 41 года.

Войска в Басру должны быть посланы как можно скорее, — по меньшей мере обещанные раньше три бригады.»

И еще:

«Премьер-министр — министру иностранных дел.

20 апреля 41 года.

Сэру Кинхэну Корнуэльсу, послу в Багдаде, надо пояснить, что главной задачей посылаемых в Ирак войск является охрана организуемой в Басре большой базы для сборки самолетов, и что возможные события в остальной части страны, за исключением Хаббании, в настоящее время рассматриваются, как второстепенные. Для высадки войск и предотвращения кровопролития, мы используем предоставленные нам по договору права, но если потребует обстановка, не остановимся перед применением силы. Поэтому наша позиция в Басре обеспечивается не только договором, но и новой военной обстановкой. Мы не можем брать на себя обязательства послать наши войска в Багдад или направить их далее в Палестину; мы не можем признавать права требовать чего-либо в этом роде за правительством, являющимся узурпатором, захватившим власть в результате переворота; не может требовать этого также страна, которая в течение столь долгого времени нарушала дух договора. Однако, сэру Кинхэну Корнуэльсу нет необходимости входить в объяснения».

Соответственно, когда наш посол сообщил Рашиду Али, что 30-го в Басру придут новые транспорты, тот заявил, что не может дать разрешения на высадку свежих войск, пока оттуда не выйдут уже находящиеся там войска. Генералу Окинлеку было указано производить высадку, не обращая внимания ни на что, и Рашид Али, рассчитывавший на поддержку немецкой авиации и даже немецких парашютистов, был вынужден приступить к действиям.

Его первым враждебным актом было угрожающее движение по направлению к Хаббании, нашей базе по тренировке летчиков в иракской пустыне. 29 апреля из Багдада в Хаббанию было перевезено самолетами 230 англичанок с детьми. Все военное поселение состояло из 2200 солдат и офицеров, а число гражданских лиц превышало 9.000. Таким образом, лётная школа становилась важным пунктом. Вице-маршал авиации Сمارт, командовавший там, принял

смелые и своевременные меры предосторожности против надвигающегося кризиса. Ранее, в летной школе были только устарелые модели самолетов, или тренировочные, но из Египта были доставлены несколько Гладиаторов, и 82 разнородных самолета были сорганизованы в четыре эскадрильи. 29-го прибыл из Индии, доставленный самолетами, британский батальон. Наземная линия обороны, длиной в семь миль, с единственным проволочным ограждением, была очень слаба. 30-го, в расстоянии одной мили, на плоскогорьи, возвышавшемся над аэродромом и лагерем, появились иракские войска, прибывшие из Багдада. Вскоре к ним подошли подкрепления, и иракские силы достигли, примерно, 9 тысяч человек, при пятидесяти орудиях. Следующие два дня прошли в бесплодных переговорах, и на рассвете 2 мая началось сражение.

**

*

Как только определилась эта новая опасность, генерал Уэйвел дал ясно понять свое нежелание брать на себя дополнительную нагрузку. Он заявил, что он подготовится и сделает все от него зависящее для создания впечатления, что значительные силы готовятся выступить из Палестины, — что могло произвести некоторое впечатление на иракское правительство. То, что он мог выделить на самом деле, по его мнению, оказалось бы недостаточным и запоздалым. Потребуется по крайней мере неделя, прежде чем он сможет приступить к делу; движение сил из Палестины ослабит ее в опасной степени, а возбуждение от восстания уже распространялось. «Я много раз вас предупреждал, — писал он, — что из Палестины Ираку не может быть оказано в настоящих условиях никакой помощи, и рекомендовал избегать каких-либо обязательств в связи с Ираком... Мои силы повсюду растянуты до предела и я просто не

могу позволить себе рискнуть частью их для операции, не обещающей никаких результатов».

В равной степени были напряжены наши ресурсы в Сирии. Главнокомандующие на Среднем Востоке указывали, что максимум, что можно было выделить для Сирии до окончания снаряжения австралийцев, была одна бригада моторизованной кавалерии, один артиллерийский полк и один пехотный батальон, — при условии, что ничего не будет предприниматься в Ираке. Эти силы не должны были направляться против немцев, которых может перебросить туда германское командование, а также использоваться в случае активного сопротивления Вишійского правительства. Если будет решено двигаться в Сирию, было бы, несомненно, лучше использовать там британские войска, но не Свободных Французов, чье вмешательство вызовет ожесточенное сопротивление противника.

4 мая мы сообщили генералу Уэйвелу наши решения относительно Ирака.

«Действия в Ираке были неизбежны. Мы должны были создать в Басре базу и установить свой контроль в порту для охраны, в случае необходимости, персидской нефти.

В результате немецкого превосходства в воздухе в районе Эгейского моря приобретает большое значение связь с Ираком через Турцию... Если бы мы не послали войск в Басру, нынешнее положение у Хаббании все равно могло бы возникнуть при немецком подстрекательстве, и нам так или иначе пришлось бы считаться с необходимостью высадки в Басре позднее, преодолевая сопротивление, вместо того чтобы обеспечить предместное укрепление там теперь, без такого сопротивления... Не может быть и речи о принятии турецкого предложения о посредничестве, так как мы не можем идти ни на какие уступки. На первом месте остается безопасность Египта. Но важно сделать всё от нас зависящее для спасения Хаббании и обеспечения контроля над связью со Средиземным морем».

Генерал Окинлек продолжал предлагать подкрепления, до пяти пехотных бригад, плюс вспомогательные части — к 10 июня, если будут предоставле-

ны транспорты. Мы были благодарны за его желание прийти на помощь. Генерал Уэйвел подчинился протесту. 5 числа он заявил, что наше послание «мало учитывает действительность», что мы «должны считаться с фактами». Он сомневался, что собираемые им силы будут достаточны для освобождения Хаббании, или что Хаббания сможет продержаться до их прибытия, 12-го. «Я считаю своим долгом предупредить вас самым серьезным образом, — говорил он, — что я рассматриваю затягивание борьбы в Ираке как большую опасность для обороны Палестины и Египта. Политические последствия будут неисчислимыми и могут привести к тому, что я старался избежать в течение почти двух лет, а именно к серьезным внутренним волнениям на наших базах. Поэтому, я убедительно советую вам — как можно скорее начать переговоры и до чего-нибудь договориться».

Меня это не удовлетворило.

«Премьер-министр — генералу Исмэю, для Комитета начальников штабов. 8 мая 41 года.

Необходимо немедленно рассмотреть телеграммы генералов Уэйвела и Окинлека, и доложить мне сегодня до завтрака, в Палате общин.

Требуют внимания следующие пункты:

1. Почему упомянутая, кажущаяся значительной, сила, должна считаться недостаточной для того, чтобы справиться с иракской армией? Что вы на это скажете? Смешно держать в Палестине все это время кавалерийскую дивизию, не имея даже в зародыше организованной подвижной колонны!

2. Почему войска в Хаббании должны сдать до 12-го? По имеющимся пока что сообщениям, потери были минимальными. Их пехота предприняла вчера вечером успешную вылазку и нам сообщают, что обстрел противника прекращается как только появляются наши самолеты. Авиация должна сделать бльшее усилие, чтобы помочь и подбодрить Хаббанию. Наверняка можно послать туда подкрепления пехотой из Египта. Командующему офицеру должно быть строжайшим образом приказано удерживать позиции.

Как можно «лгговориться», как рекомендует Уэйвел? Предположим, что подстрекаемое немцами иракское правительство будет настаивать на нашей эвакуации Басры, или на передвижении наших войск, маленькими отрядами, в Палестину, — зависящими от их милости. По мнению старшего флотского офицера в Басре, капитуляция там означает катастрофу. Таково же мнение правительства Индии. Меня тревожит поведение Уэйвела. Кажется, что он в такой же мере поражен случившимся на его восточном фланге, как это было на западном, и несмотря на огромное количество солдат в своем распоряжении и подходы из Англии большие конвои, он, повидимому, не хочет расстаться даже с ротами и батальонами. Он производит на меня впечатление усталого человека.

Предложения Главнокомандующего в Индии о присылке подкреплений в Басру, по моему мнению, заслуживают внимания».

**
*

Поддержанный начальниками штабов, я поднял этот вопрос перед Комитетом обороны, когда тот собрался в полдень. Настроение было решительным. Были посланы следующие распоряжения:

«Начальники штабов — генералу Уэйвелу и всем, к кому это относится.
6 мая 41 года.

Ваша вчерашняя телеграмма была рассмотрена Комитетом обороны. Какая-либо договоренность в мирном порядке невозможна, кроме как за счет отступления иракского правительства со своих нынешних позиций и твердых гарантий против будущих планов держав Оси в Ираке. Действительность такова, что в течение всего времени Рашид Али действовал в полном согласии с немцами и только дождался их поддержки для того, чтобы раскрыть карты. Наше прибытие в Басру вынудило его выступить лишь наполовину подготовленным. Это дает исключительную возможность восстановить положение решительными мерами, если в них не будет задержки.

Поэтому, начальники штабов сообщили Комитету обороны, что они готовы взять на себя ответственность за посылку в кратчайший срок экспедиции, состав которой уточнен в Вашей телеграмме. Комитет обороны предлагает известить вице-маршала авиации Смарта, что ему бу-

дет оказана помощь и что тем временем его долгом является оборона Хаббани до последнего. При условии обеспечения безопасности Египта, операциям в Ираке должна быть оказана максимальная поддержка».

**
*

Тем временем в Хаббани эскадрильи лётной школы, совместно с бомбардировщиками Веллингтон из Шаибы на Персидском заливе, атаковали иракские войска на плоскогорья. Те отвечали обстрелом военного поселка и бомбежками и стрельбой своих самолетов. В тот день было убито или ранено более сорока наших людей и уничтожено или повреждено двадцать два самолета. Несмотря на трудность взлета под артиллерийским огнем с близкой дистанции, наши летчики продолжали свои атаки. Штурм пехотой не был предпринят и постепенно удалось сладить с неприятельскими батареями. Выяснилось, что артиллерийская прислуга не выдерживала на своих местах под воздушной атакой и бежала даже при первом появлении самолетов над головой. Их нервозность была полностью использована и, начиная со второго дня, оказалось возможным обратить значительную долю наших сил против иракской авиации и ее баз. В ночь на 3 и 4 мая патрули из Хаббани провели рейды против неприятельских линий, и к 5-му, после четырех дней атак со стороны Королевских военно-воздушных сил, противник был сыт по горло. В ту же ночь он отошел с плоскогорья. Последовала погоня и в результате успешных действий было взято 400 военнопленных, дюжина орудий, 60 пулеметов и 10 бронированных автомобилей. Шедшая на подмогу из Фаллуджи колонна была захвачена в пути и разгромлена сорока нашими самолетами, направленными для этой цели из Хаббани. Таким образом, к 7 мая осада Хаббани закончилась. Защитники получили из Египта подкрепление истребителями; все

женщины и дети были вывезены на самолетах в Басру; иракская авиация из, примерно, шестидесяти самолетов была в основном уничтожена. Эти добрые вести дошли на нас с задержкой и по частям.

«Премьер-министр — вице-маршалу авиации Смарту.

7 мая 41 года.

Ваша блестящая, энергичная операция в большой мере восстановила положение. Мы все следим за Вашей борьбой. Будет послана вся возможная помощь. Держитесь».

**
*

«Премьер-министр — генералу Уэйвелу.

7 мая 41 года.

Повидимому, положение у Хаббании много улучшилось и смелая операция против иракцев может помочь подавить восстание до прибытия немцев. Они, конечно, могут прилететь в Ирак прямо на своих больших бомбардировщиках, но они не смогут оперировать там в течение долгого времени. Мы должны предупредить эффект от их прибытия ошеломляющим ударом. Я полагаю, что если в Рутбе и Хаббании всё в порядке, наша колонна может занять Багдад или использовать успех до конца другим путем. Вам посылаются другие телеграммы по поводу подания племен и политики правительства».

Генерал Уэйвел ответил начальникам штабов непосредственно:

«Я думаю, вам необходимо отдать себе отчет в ограниченных возможностях для военных действий в Ираке в течение следующих нескольких месяцев, — если не изменится политическое положение. Силы из Индии могут держать Басру, но, по моему мнению, не в состоянии наступать на север, без гарантированной поддержки местного населения и кочевых племен. Войска из Палестины могут установить связь с Хаббанией и удерживать подступы к Багдаду для предупреждения нового наступления на Хаббанию, но они не могут входить в Багдад, если будет оказано сопротивление, или удерживаться там... Поэтому, для избежания связанности сил в этой второстепенной области, я продолжаю рекомендовать искать политическое разрешение проблемы всеми доступными средствами».

Хотя я отдавал себе отчет в его трудностях и заботах, и преданности, я продолжал сильный нажим.

«Премьер-министр — генералу Уэйвелу.

9 мая 41 года.

1. Комитет обороны рассмотрел Вашу телеграмму от 8 мая по поводу Ирака. По нашим сведениям, Рашид Али и его сторонники находятся в безвыходном положении. Верно это, или нет, но Вам надо повести против них энергичную борьбу. Подготовленная в Палестине подвижная колонна должна как можно скорее выступить и атаковать врага, у Рутбы или Хаббании. Присоединившись к силам Хаббании, надо будет полностью использовать ситуацию, не останавливаясь перед вступлением в Багдад даже с малыми силами, идя на такой же риск, на который обычно идут немцы — и побеждают.

2. Не может быть и вопроса о переговорах с Рашид Али, если только он не примет немедленно условий, изложенных в телеграмме Комитета начальников штабов. Подобные переговоры поведут только к оттяжке, и дадут время прибыть германской авиации. Мы не считаем, что наземные войска, которые Вы направите в Ирак, ослабят Ваши позиции в Западной пустыне. Наша авиация должна сделать все от нее зависящее для прикрытия операций в Ираке».

Я пытался убедить генерала Уэйвела, что мы не имели в виду никакой значительной кампании, стараясь только справиться с насущными проблемами.

«Вам нет необходимости тревожиться о далеком будущем в Ираке. Вашей непосредственной задачей является образование в Багдаде дружественного правительства и энергичный разгром сил Рашид Али. В настоящее время мы не хотим втягиваться в сколько-нибудь значительное наступление вверх по реке из Басры, или предпринимать оккупацию Киркука и Мосула. Мы не ищем изменения в независимом положении Ирака и по этому поводу даны указания, в полном соответствии с Вашими взглядами. Что важно, — это действия, именно, быстрое продвижение войск, с целью установить действенный контакт между Багдадом и Палестиной. Каждый день на счету, ибо немцы могут быть не за горами. Мы рассчитывали, что колонна будет готова к выступлению 10-го и доберется до Хаббании 12-го, — имея в виду, что Хаббания продержит-

ся, что и случилось. Мы надеемся, что это расписание будет выдержано и что Вы сделаете все, что в Ваших силах, для ускорения движения».

Уэйвел смело откликнулся на наши совместные призывы. «Не дожидаясь «Тигра», — сообщал он 13-го, — я приказал направить Готту все наличные танки, с приказом атаковать противника в районе Содлума... Если дела пойдут хорошо в Западной пустыне, я постараюсь направить в Палестину дополнительные силы для действий против Ирака... Мы постараемся быстро ликвидировать это неприятное предприятие... Я стараюсь сделать все от меня зависящее для укрепления Крита против неизбежного нападения. Сегодня днем я обсудил с Карту положение в Сирии».

**
*

К этому времени «Тигр» начал благополучно прибывать в Александрию и я продолжал надеяться на добрые результаты в Крите, в Западной пустыне и в Сирии. Судьбе этих взаимосвязанных операций суждено было быть различной.

«Премьер-министр — генералу Окинлеку.

14 мая 41 года.

1. Я очень рад, что Вы встретитесь в Басре с Уэйвелом. Он Вам расскажет о «Тигре» и «Скорчере» (оборона Крита). Победа в Ливии позволит сделать переоценку ценностей в Ираке как у немцев, так и у самих иракцев.

2. Мы чрезвычайно признательны Вам за Ваши энергичные усилия в районе Басры. Чем сильнее будут собраны там войска, тем лучше. Но мы пока не чувствуем еще себя в состоянии предпринять какое-либо наступление (кроме как небольшими отрядами, когда дела идут хорошо) к северу, по направлению к Багдаду, и — еще менее — оккупировать Киркук и Мосул. Об этом не приходится думать, пока не станут очевидными результаты «Тигра» и «Скорчера». Поэтому, в настоящий момент, мы вынуждены ограничиться попыткой добиться создания в Багдаде дружественного правительства и расширения пред-

мостного укрепления у Басры. Еще менее того можем мы пытаться установить сейчас контроль над Сирией, хотя Свободным Французам может быть позволено добиться там чего-либо. Главной задачей остается поражение немцев в Ливии и пока это не осуществлено, нельзя заглядывать в будущее. После того все станет легче».

**
*

Будет лучше закончить иракскую историю до рассказа о более кровавых событиях, обрушившихся на нас на Крите.

Авангард моторизованной бригадной группы из Палестины прибыл в Хаббанию 18 мая, с тем, чтобы возобновить наступление на противника, теперь удерживавшего мост через Евфрат у Фаллуджи. К тому времени нашим противником были уже не одни иракцы. 13 мая на Мосульских нефтепромыслах обожглись немецкие самолеты, и с того момента главной задачей нашей авиации стало атаковать их и не допускать их снабжения по железной дороге из Сирии. 19 мая произошла атака на Фаллуджу передовыми частями наших сил и наземными войсками из гарнизона в Хаббании. Наводнение не позволило приблизиться к вражеским позициям непосредственно с запада и поэтому пришлось послать небольшие колонны через понтонный мост вверх от города, чтобы перерезать пути отступления для защитников; другая группа была выброшена с парашютами, для блокирования дороги на Багдад. Ожидалось, что эта акция, наряду с воздушной бомбардировкой, заставит противника, силы которого насчитывали около одной бригады, либо сдаться, либо рассеяться. Но к концу все же потребовалась наземная атака. Небольшая часть на западном берегу, задачей которой было не допустить ружейным огнем разрушения важного моста, получила приказ его захватить, — что и было сделано без всяких потерь. Противник сдал-

ся. Было взято 300 пленных. Контратака тремя днями позже была отбита.

Несколько дней было затрачено на подготовку окончательного наступления на Багдад, в течение которого наши действия против германской авиации на северных нефтепромыслах Ирака в конце концов привели к ее параличу. Позднее появилась итальянская эскадрилья истребителей, но достичь ничего не смогла. Немецкий офицер, сын фельдмаршала Бломберга, на которого была возложена координация немецко-итальянской авиации действий с иракскими силами, спустился в Багдаде с пулей в голове, — результат неосторожной стрельбы собственных союзников. Его заменил генерал Фельми, которому хотя и больше везло при посадках, все же не удалось достичь ничего существенного. Данные ему Гитлером инструкции были датированы 23 мая, — когда для держав Оси уже исчезли все возможности эффективной интервенции.

ДИРЕКТИВА ГИТЛЕРА № 30. СРЕДНИЙ ВОСТОК.

«Полевой Главный штаб, 23 мая 41 года.

Арабское освободительное движение является нашим естественным союзником на Среднем Востоке в борьбе против англичан. В этой связи приобретает особое значение поднятие восстания в Ираке. Такое восстание должно распространиться за пределы Ирака, укрепить враждебные англичанам силы на Среднем Востоке, прервать британские коммуникации и связать как британские войска, так и судовой тоннаж, в ущерб другим военным театрам. По этим соображениям я решил ускорить развитие операций на Среднем Востоке, посредством оказания помощи Ираку. То, каким путем позднее станет возможным окончательно разрушить английские позиции между Средиземным морем и Персидским заливом, в комбинации с наступлением против Суэцкого канала, сейчас пока известно только всемогущим Богам»...

Наступление на Багдад началось в ночь на 27 мая и развивалось медленно, задержанное широкими разливами и взорванными мостами через многочи-

сленные ирригационные каналы. Однако, 30 мая наши передовые части достигли пригородов Багдада. Хотя они были немногочисленны, а в городе имелась иракская дивизия, их присутствие было уже чересчур для Рашида Али и его коллег, в тот же день бежавших в Персию в сопровождении германского и итальянского посланников и бывшего Иерусалимского муфтия. На следующий день, 31-го, было подписано перемирие, регент Ирака был восстановлен в своих правах, и было создано новое правительство. Вскоре мы оккупировали, наземными частями и авиацией, все важнейшие пункты в стране.

Таким образом, хотя и в самый последний момент, но немецкий план поднятия восстания в Ираке и захвата страны ценой небольших усилий, был разрушен. Высадка индийской бригады в Басре 18 апреля была своевременной. Она вынудила Рашида Али пойти на преждевременные действия. Несмотря на это нашим скромным силам пришлось торопиться. Главным фактором нашего успеха была вдохновенная защита Хаббании. Конечно, немцы имели в своем распоряжении парашютные войска, которые в тот момент могли добыть для них Сирию, Ирак и Персию, с их драгоценными нефтяными промыслами. Рука Гитлера могла вытянуться далеко в направлении Индии и оттуда начать помахивать Японии. Он, однако, как мы это вскоре увидим, решил использовать свои главные парашютные силы в другом направлении. Мы часто слышим, как военные эксперты защищают доктрину, диктующую концентрацию сил на основном театре. В этом много верного. Но в войне этот принцип, подобно многим другим, изменяется под влиянием внешних обстоятельств; иначе стратегия была бы слишком легким делом. Она перестала бы быть искусством и стала бы чем-то механическим; она стала бы зависеть от каких-то правил, а не от обоснованных и удачных суждений в обстановке все время изменяющегося положения. Несомненно, что Гитлер

отбросил возможность приобретения ценного приза на Среднем Востоке ценой небольших затрат. Несмотря на то, что мы в Англии находились в крайне стесненных обстоятельствах, мы сумели, со скудными средствами, предотвратить тяжелое и далеко идущее поражение.

Необходимо помнить, что восстание в Ираке было лишь маленьким участком обширного средневосточного театра, где грозные проблемы одновременно навалились со всех сторон на генерала Уэйвела. Среди них были надвигающаяся атака немцев на Крит, наши планы наступления на Роммеля в Западной пустыне, кампании в Абиссинии и Эритрее и острая необходимость задержать немцев в Сирии. Таким же самым образом, весь средиземноморский театр, как он представлялся из Лондона, был лишь второстепенной частью всей мировой проблемы, в которой главная роль принадлежала угрозе вторжения в Англию, подводной войне и поведению Японии. Только сила и сплоченность Военного Кабинета, взаимное уважение и гармоничность взглядов политических и военных руководителей, а также бесперебойная работа всей нашей военной машины, — дали нам возможность преодолеть, хотя и не без тяжких потерь, все эти испытания и опасности.

Читатель обратил внимание на напряжение, возникшее между Британским Военным Кабинетом и начальниками штабов с одной стороны, и отягченными заботами, но доблестно борющимся Главкомандующим в Каире, с другой. Власть Англии, во главе которой находился я, заставила командира на месте изменить свои решения. Мы взяли дело из его рук и приняли на себя всю ответственность, приказав оказать помощь Хаббани и, отвергнув все рекомендации, вступить в переговоры с Рашидом Али или принять посредничество Турции, которое предлагалось. Хотя никто не был больше удовлетворен ре-

зультатами, чем сам генерал Уэйвел, этот эпизод не мог пройти бесследно, не отразившись и на его, и на наших мнениях. В то же самое время проявленная генералом Окинлеком готовность немедленно прислать в Басру, по первой нашей просьбе — и с сердечного согласия вице-короля — индийскую дивизию, а также последующие подкрепления, создали у нас впечатление, что это — человек со свежими взглядами и неудержимой личной энергии. Во что вылились эти впечатления, станет известным из дальнейшего рассказа.

15.

КРИТ. СОБЫТИЯ НАДВИГАЮТСЯ

Стратегическая важность Крита во всех наших средиземноморских делах уже стала ясной из рассказанного ранее. Британские военные корабли, базирующиеся на Судский залив, или забирающие там горючее, могли оказать необходимую защиту Мальте. Если бы наша база на Крите была бы хорошо защищена против воздушного нападения, в действие вошли бы наши превосходящие морские силы, исключавшие возможность какой-либо попытки десанта с моря. Но всего лишь в ста милях, на Родосе, находилась итальянская крепость, с ее обширными аэродромами и хорошо расположенными и организованными наземными сооружениями. Захват и оккупация Родоса были нашей целью с самого начала года, и из Англии, для Родоса или для Судского залива, — в зависимости от обстоятельств, — была направлена Организация по подвижной обороне морских баз, состоявшая из 5.300 великолепно тренированных и сплоченных между собой людей. Помимо этого, также прибыло специальное соединение «коммандос», силой в две тысячи, под командованием полковника Лейкока, проделав путешествие вокруг мыса Доброй Надежды. Вместе с 6-й британской дивизией, сформировавшейся в Египте, это составило бы силу, способную взять штурмом Родос. Под давлением событий мы вынуждены были отложить эту операцию, а, тем временем, Крит становился крайне уязвимым, особенно если бы на Родос прибыли соединения немецкой авиации.

Вместо того, чтобы помочь захватить Родос или принять на себя дело обороны Судского залива, Организация по подвижной обороне морских баз была задержана в Александрии.

На самом Крите все шло не гладко. Читатель помнит о моих повторных напоминаниях о необходимости укрепления Судского залива. Я даже употреблял выражение «Второе Скапа-Флоу». Остров находился в наших руках более шести месяцев, но всё, что удалось сделать, это оборудовать порт более мощным соединением зенитных орудий, взятых туда за счет других, более неотложных потребностей. Средневосточное командование не смогло найти рабочих рук для расширения аэродромов. Пока Греция все еще оставалась в союзных руках, не могло быть и речи о посылке на Крит многочисленного гарнизона или о базировании на него сильных авиационных соединений. Но всё должно было быть готово к получению подкреплений, если таковые явятся, и если нужда в них станет очевидной. Однако, не было ни плана, ни какой-либо поспешности. В течение шести месяцев на Крите последовательно сменилось шесть командующих. Средневосточное командование могло бы более тщательно изучить, при каких условиях Крит мог защищаться против нападения с моря или с воздуха. Не была предусмотрена необходимость устройства, если не гавани, то по крайней мере места для выгрузки на южной стороне острова, у Сфакии или Тимбаки, и проведения оттуда дороги к Судскому заливу; равным образом не были построены аэродромы на Западном Крите, на которые могла бы поступать помощь из Египта. Ответственность за недостаточное изучение проблемы и за неудовлетворительное выполнение данных указаний должна быть разделена между Каиром и Уайтхоллом.

Только после катастроф, случившихся в Киренаике, на Крите и в Западной пустыне, я понял, на-

сколько была перегружена и недостаточно снабжена организация генерала Уэйвела. Уэйвел старался сделать максимум, бывший в его силах, но машина, находившаяся в его распоряжении, была слишком слаба, чтобы дать ему возможность справиться с огромной массой дел, сопровождавших одновременное проведение пяти кампаний.

**
*

С германским завоеванием Греции Крит стал последним убежищем для греческого короля и его правительства, а также важным распределительным пунктом для эвакуированных войск всякого рода. Мы могли не сомневаться, что немцы с жадностью смотрели на Крит. Нам он казался важнейшим переходным пунктом как по отношению к Мальте, так и к Египту. Даже в том столпотворении, которое явилось результатом нашего разгрома в Греции, между руководителями — и в Англии, и на месте — не было разногласий относительно необходимости удержания Крита. «Я исхожу из того, — телеграфировал Уэйвел 16 апреля, — что Крит мы будем держать». И на следующий день: «мы принимаем меры к эвакуации Греции и к обороне Крита».

**
*

В течение долгого времени нам было известно, какие усилия прилагал Геринг для создания мощных парашютных соединений, способных провести парашютную операцию большого масштаба. Это увлекало и пылкую, преданную нацистскую молодежь в Германии. Германская парашютная дивизия была той отборной частью, которая играла немалую роль в наших размышлениях над обороной Англии против вторжения. Все такие планы, для своего выполнения, требуют, однако, хотя бы временного господства в

воздухе в дневное время, — чего немцы не могли обрести над Англией. На Крите положение было иным. И на Балканах, и в районе Эгейского моря значительное и, повидимому, долговременное превосходство в воздухе, — было главным оружием в руках противника.

Никогда еще за все время войны наша разведка не была так правильно и точно информирована. В суматохе, последовавшей вслед за ликованиями по поводу взятия Афин, немецкие штабы обращали меньше внимания на сохранение военной тайны, а наши агенты в Греции были деятельными и смелыми. В последнюю неделю апреля мы добыли из заслуживающих доверия источников обстоятельную информацию относительно следующего немецкого удара. Передвижение и возбуждение, охватившее германский 11-й воздушный корпус, а также лихорадочная мобилизация маленьких судов в греческих портах, не могли скрыться от внимательных глаз и ушей. Все указывало на предстоящее нападение на Крит как с моря, так и с воздуха. Ни в какой другой операции я до того времени не затрачивал столько усилий для изучения и оценки всей информации, не старался так дать понять главнокомандующим истинный размах предстоящего нападения и проследить, чтобы у генерала на месте была ясная картина положения.

Наш Объединенный разведочный комитет в Лондоне 28 апреля провел оценку и характер вражеских планов против Крита, и пришел к заключению, что неизбежно произойдет одновременная парашютная и морская атака. Разведка полагала, что противник сможет сосредоточить на Балканах — для всех целей — 315 бомбардировщиков дальнего действия, 60 двухмоторных истребителей, 240 пикирующих бомбардировщиков и 270 одномоторных истребителей; что он сможет сбросить от трех до четырех тысяч пара-

шютистов в первый же налет, и что он сможет провести два-три рейса в день с Греции и три-четыре — с Родоса, причем всё — в сопровождении истребителей. Прибытию парашютных и морских десантов будут предшествовать сильные бомбардировки и для нападения не будет недостатка в судах или войсках.

Это было немедленно передано по телеграфу в Главный штаб в Каире и я подчеркнул важность этой информации, в тот же день, в личном послании к генералу Уэйвелу.

«Премьер-министр — генералу Уэйвелу.

28 апреля 41 года.

Из имеющейся в нашем распоряжении информации вытекает, что в ближайшее время будет проведена сильная операция по высадке немецких парашютистов на Крит. Сообщите, какими силами Вы располагаете на острове и каковы Ваши планы. Должна представиться отличная возможность истребить парашютные войска противника. Остров должен обороняться энергично».

Хотя генерал Уэйвел сперва не полностью разделял наш взгляд, что Крит является объектом нападения противника, и полагал, что немцы в состоянии нарочно распускать слухи для прикрытия своих подлинных планов, он принял меры немедленно, со своей обычной энергией и подвижностью, и вылетел на остров. Его ответы освещают положение.

«Генерал Уэйвел — премьер-министру и Комитету начальников штабов.

29 апреля 41 года.

1. 18 апреля Крит был предупрежден о возможности нападения с воздуха. Помимо первоначального постоянного гарнизона из трех пехотных батальонов, двух тяжелых и трех легких зенитных батарей и артиллерии береговой обороны, на Крите сейчас находится 30.000 человек, эвакуированных из Греции. Они организуются для обороны важнейших точек на острове: Судского залива, Канеи, Ретимо и Гераклиона. По имеющимся данным, дух стоит высоко. Вооружение состоит главным образом из винтовок, с небольшой долей пулеметов. Дополнительно, для обороны аэродромов и охраны военнопленных организованы части из греческих новобранцев.

2. Организация по подвижной защите морских баз должна прибыть на остров в течение первых двух недель мая.

3. Полагаю посетить Крит завтра, и по возвращении доложу.

4. Возможно, что план атаки Крита является лишь прикрытием для нападения на Сирию или Кипр и что настоящий план даже собственным войскам противника будет раскрыт только в последний момент. Это будет находиться в соответствии с немецкими обычаями».

Я рекомендовал Имперскому генеральному штабу поручить командование на Крите генералу Фрейбергу, на что Уэйвел немедленно согласился. Мы были друзьями с Бернардом Фрейбергом в течение многих лет. Когда в качестве молодого добровольца с Новой Зеландии в Первую мировую войну он, преодолев многие трудности, был представлен мне в Англии при встрече в Адмиралтействе в сентябре 1941 года, я попросил, чтобы его произвели в офицеры. В то время я был занят формированием Королевской морской дивизии и вскоре был в состоянии дать соответствующую рекомендацию. Через несколько дней он стал младшим лейтенантом в батальоне «Худ». Здесь не место описывать всю цепь героических поступков и подвигов, благодаря которым он, за четыре года фронтовой войны, дошел до поста командующего бригадой и, во время кризиса, вызванного германским наступлением летом 1918 года, был поставлен во главе войск, составлявших почти корпус, удерживавших прорыв на фронте у Балеяля. Крест Виктории и орден «За отличную службу» — отметили его замечательную службу.

Подобно своему единственному сопернику, Картону Де Виару, Фрейберг заслуживал звания «Саламандры», которым я их «наградил». Оба чувствовали себя в огне, как рыба в воде, и, когда очутились под градом пуль, не пострадали ни физически, ни морально.

Однажды, в двадцатые годы, когда я гостил у Бернарда Фрейберга в деревне, я попросил

его показать мне свои раны. Он разделся, и я насчитал двадцать семь отдельных шрамов и глубоких порезов. К ним, во Вторую мировую войну, прибавилось еще три. Но, конечно, как он пояснил: «Вы почти всегда получаете два шрама от одной пули или осколка, потому что в большинстве случаев, раз войдя в тело, они должны оттуда выйти». В начале новой войны ни один человек не мог быть лучше его на посту командира новозеландской дивизии, — и он немедленно получил это назначение. В сентябре 1940 года мне приходила мысль поручить ему гораздо более ответственное задание. Теперь, наконец, он получил командный пост. Такой человек, как Фрейберг, будет драться за своего короля и родину с непобедимой энергией в любом месте, куда его пошлют, и с теми силами, которые ему будут даны начальством, и он обладает свойством передавать свою непобедимую твердость всем, его окружающим.

В Англии мы делали все возможное, чтобы помочь нашим командирам и войскам, находившимся под сильным давлением противника.

«Премьер-министр — адмиралу Каннингхэму.

1 мая 41 года.

1. Мы прилагаем максимальные усилия, чтобы подкрепить Вас авиацией. Решено как можно скорее повторить, во много больших размерах, недавние операции по переброске подкреплений. «Арк Ройал», «Аргус», «Фюриуз» и «Викториуз» будут использованы для перевозки 140 дополнительных Ураганов, равно как и 18 Фульмаров, вместе с летчиками. Мы надеемся, что 64 Урагана и 9 Фульмаров придут на Средний Восток к 25 мая. Тем временем, 25 летчиков-истребителей выедут 23 мая на Такоради для ускорения перебросок Ураганов и Томогауков. Возможности пути на Египет через Такоради, облегченные указанным использованием авианосцев, будут использованы для усиления потока Томогауков и Ураганов. В то же самое время будет отправлена крупнейшая партия Блехеймов. Позднее я сообщу Вам дополнительно относительно подкреплений бомбардировщиками.

2. Я также поздравляю Вас с тем блестящим и очень успешным методом, при помощи которого флот снова помог армии и спас четыре пятых всего экспедиционного корпуса.

3. Сейчас нужно энергично бороться за Крит, который, повидимому, вскоре подвергнется тяжелой атаке, а также за Мальту, нужную в качестве базы для морских операций против вражеских коммуникаций с Ливией. Все улучшающаяся позиция Соединенных Штатов и их морское сотрудничество оправдывают связанные с этим опасности. Ваши планы для «Тигра» превосходны и имеют отличные шансы на успех.

4. Но, главное, мы надеемся, что Вы отрежете снабжение противника по морю от портов Киренаики и хорошо зададите им. Каждый раз, когда мы здесь узнаем о прибытии одного за другим пароходов с драгоценным авиационным бензином, мы бываем глубоко огорчены. Эта величайшая борьба за Египет является тем, что герцог Веллингтон называл «делом с неопределенным исходом», но если мы сможем подкрепить Вас и Уэйвела, как это намечено в операциях «Тигр» и «Ягуар» (авиационные подкрепления), и Вы сумеете ускорить их использование по прибытии, наши внушительные средневосточные армии скоро покажут свое превосходство. Примите мои лучшие пожелания».

**
*

У Фрейберга и Уэйвела не было никаких иллюзий.

«Генерал Фрейберг — генералу Уэйвелу.

1 мая 41 года.

Силы, находящиеся в моем распоряжении, совершенно недостаточны для отражения ожидающегося нападения. Если не будет усилена авиация и военно-морские силы для отражения нападения с моря, я не могу надеяться удерживаться только с одними наземными войсками, которые, в результате операций в Греции, сейчас лишены какой-либо артиллерии, саперного снаряжения, и обладают недостаточным транспортом и запасами снаряжения и амуниции. Войска здесь могут и хотят сражаться, но без сильной поддержки со стороны флота и авиации просто не могут надеяться отбить вторжение. Если, по каким-либо причинам,

этой поддержки нельзя обеспечить немедленно, я рекомендую пересмотреть все решение об удержании Крита. Я чувствую, что, по условиям моего положения, я обязан информировать о нем новозеландское правительство, поскольку здесь сейчас находится большая часть моей дивизии».

Он также сообщал своему правительству:

1 мая 41 года.

«Я чувствую, что моим долгом является доложить о военном положении на Крите. В Лондоне принято решение, что Крит надо удерживать любой ценой. От военного министерства я получил оценку сил противника, которые, как предполагается, примут участие в нападении. По моему мнению, Крит можно удерживать лишь при условии полной поддержки со стороны флота и авиации. Нет никаких признаков присутствия морских сил, способных обеспечить нас против вторжения с моря, и воздушные силы на острове состоят из шести Ураганов и семнадцати устаревших самолетов других типов. Войска могут и будут драться, но, в результате греческой кампании, лишены всякой артиллерии и саперного оборудования, имеют недостаточные перевозочные средства и военные запасы снаряжения и амуниции. Доношу правительству о тяжелом положении, в которое вовлечена основная часть новозеландской дивизии, и хотел бы рекомендовать оказать давление на Лондон, чтобы или добиться снабжения нас достаточными средствами для обороны острова, или пересмотреть решение об удержании острова. Я, конечно, сделал соответствующие представления главнокомандующему на Среднем Востоке».

«Генерал Уэйвел — начальнику Имперского генерального штаба.

2 мая 41 года

1. Оборона Крита будет представлять трудную задачу для наших вооруженных сил, главным образом по причине превосходства противника в воздухе. Местонахождение портов и аэродромов в северной части острова вынуждает идти на большие опасности наши суда и самолеты. Единственная хорошая дорога на острове (да и та не слишком хороша) идет с запада на восток, вдоль северного берега, и также открыта для атак противника.

2. К северу и к югу от портов на южном берегу нет никаких пригодных дорог, хотя, если время позволит, их

можно будет построить. На острове остро ощущается недостаток в транспорте.

3. Продовольствие для гражданского населения приходится ввозить в значительных количествах. Если города подвергнутся тяжелой бомбардировке и мы не сможем обеспечить их прикрытия истребителями, мы можем стать лицом к лицу с политическими осложнениями.

4. Для эффективной охраны острова требуется по крайней мере три бригадных группы и значительное число зенитных частей. Нынешний гарнизон состоит из трех британских регулярных батальонов, шести новозеландских, одного австралийского и двух сводных батальонов, состоящих из частей эвакуированных из Греции. Части, прибывшие из Греции, неукомплектованы численно и плохо снаряжены. Нет артиллерии. Противовоздушная оборона недостаточна, но сейчас улучшается.

5. Что касается авиации, на острове в настоящее время нет современных самолетов.

6. Греческие части в настоящее время не подготовлены и не имеют оружия.

7. Мы стараемся справиться с трудностями и это нам удастся, если будет достаточно времени, но противовоздушная оборона навсегда останется тяжелой проблемой».

Правительство Новой Зеландии, естественно, тревожилось о судьбе своей дивизии. Я объяснил положение мистеру Фрезеру, новозеландскому премьер-министру, который только что прибыл в Каир по пути в Англию.

«Премьер-министр — премьер-министру Новой Зеландии.

3 мая 41 года

1. Я весьма рад тому, что при всех крайних трудностях эвакуации, новозеландская дивизия, после блестящей борьбы в Греции, в таком порядке прибыла на Крит. Естественно, будут приняты все меры к тому, чтобы вооружить ее, в особенности артиллерией, которой в достаточном количестве располагает генерал Уэйвел, и которая туда уже направляется. Успешная оборона Крита является одним из важнейших фактов в обороне Египта. Я очень рад, что генерал Уэйвел принял мой совет — назначить генерала Фрейберга командующим всем островом. Вы можете быть уверены, что мы поддержим его всеми доступными средствами.

2. Наша информация указывает на предстоящую в ближайшее время парашютную атаку противника, вместе с возможной ее комбинацией с морским десантом. Флот, несомненно, сделает все от него зависящее для предотвращения последнего, и маловероятно, чтобы его удалось провести в широких размерах. Поскольку речь идет о парашютном десанте, новозеландцы должны быть довольны, так как это даст им возможность схватиться с противником вплотную, лицом к лицу, когда у него не будет преимуществ обладания танками и артиллерией, — на которые он в такой степени полагается. Если неприятель высадится на Крите, это будет началом, а не концом сражения, — и конфуза для немцев. Остров этот горист и покрыт лесами, что означает особые преимущества для Ваших войск. Нам легче посылать туда подкрепления, чем неприятелю, и сейчас там уже находится 30.000 человек.

3. Может, однако, случиться, что противник намеревается провести на Крите маневр только для отвлечения нашего внимания, и на самом деле будет стараться пойти дальше на восток. Мы должны считаться со всеми возможностями, когда дислоцируем свои скудные и перегруженные авиационные соединения. Почему они находятся в таком состоянии? Не потому, что мы не обладаем здесь все возрастающими ресурсами и резервами, и не потому, что мы не сделали всего, что в человеческих силах, для укрепления нашей авиации на Среднем Востоке. Это происходит из-за физических трудностей в доставке самолетов и обслуживающего персонала в нужные места теми путями и средствами, которые имеются в нашем распоряжении. Вы можете быть уверены, что мы сделаем все возможное для подкрепления авиации на Среднем Востоке и именно сейчас мы идем на далеководущие, но опасные средства. Распределение сил, для удовлетворения разнообразных нужд в авиации на Востоке, должно быть оставлено в руках главнокомандующих. Я не теряю надежды, что через месяц, или около того, дела на Среднем Востоке пойдут лучше.

4. Здесь все восхищены стоицизмом и выдержкой новозеландцев, которые вынесли ужасающее напряжение эвакуации. Ее успешное окончание, после нанесения противнику таких потерь и уплаты нашего долга чести Греции, являются невыразимым облегчением для Империи».

Фрейберг оставался неустрашимым. На самом деле он не верил, что размах воздушной атаки будет таким огромным. Он страшился мощной организо-

ванной высадки с моря. Мы же надеялись, что ее можно будет предупредить силами флота, несмотря на слабость в воздухе.

«Генерал Фрейберг — премьер-министру, в Англии.

5 мая 41 года

Я не могу понять нынешней нервозности. Я несколько не тревожусь из-за перспективы парашютной атаки, сделал свои распоряжения и чувствую, что смогу справиться с ней силами, имеющимися в моем распоряжении. Комбинация воздушного и морского десантов, — дело другого рода. Если это случится до того, как я получу орудия и транспорт, положение будет трудным. Даже в этом случае, при условии поддержки флота, я верю, что все будет в порядке.

Когда мы получим транспорт и снаряжение и несколько дополнительных истребителей, Крит можно будет удерживать. Тем временем, здесь будет период, в течение которого мы будем уязвимы.

Все находятся в отличном состоянии и горят желанием возобновить борьбу с противником, которого немало поколотили в Греции.

Все новозеландцы приходят в справедливое негодование, что ни Би-Би-Си, ни пресса не отдают им должного в отчетах о той доблестной и важной роли, которую они сыграли в арьергардных боях в Греции.

Я немедленно сделал, что было в моих силах, чтобы исправить несправедливость, от которой страдали новозеландцы.

«Премьер-министр — генералу Уэйвелу. 7 мая 41 года

Если Вы согласны, передайте генералу Фрейбергу следующее:

Каждый человек в Великобритании с благодарностью и восхищением следил за славными делами новозеландской дивизии на бессмертных полях сражения в Греции. Только постепенно мы узнавали и узнаем всю историю, и чем больше поступает отчетов, тем больше мы сознаем, какую важную роль они сыграли в исполнении почетной задачи и благородного дела. По всей Империи и во всех странах, где говорят по-английски, раздаются приветствия по адресу Новой Зеландии. Наши мысли теперь находятся с ними. Да благословит Бог всех вас».

География Крита в самом деле делала трудной задачу обороны острова. Там была одна единственная дорога, проходившая вдоль северного берега, с которой были связаны все уязвимые точки острова. Каждая из них должна была быть в состоянии держаться самостоятельно. Там не могло быть какого-либо центрального резерва, который мог бы свободно продвигаться к угрожаемой точке, если эта дорога оказалась бы перерезанной неприятелем. Проселочные дороги, негодные для автомашин, — было все, что соединяло север с югом, из Сфакии и Тимбаки. По мере того, как надвигающаяся опасность начинала доминировать над умами тех, кто руководил обороной, предпринимались большие усилия доставить туда оружие, в особенности артиллерию, но все было слишком поздно. Во второй неделе мая германская авиация, базировавшаяся на Грецию и острова в Эгейском море, по существу установила в дневное время блокаду Крита и стала наносить нам потери, особенно на северной стороне, — единственной, где находились гавани. Из 27.000 тонн амуниции, посланных за первые три недели мая на Крит, могло быть выгружено менее 3.000, а остальное должно было вернуться назад, с потерей других 3.000 тонн. Противовоздушная оборона состояла из 16 тяжелых зенитных орудий (3,7 дюйма, подвижных), 36 легких (Бофоров) и 24 прожекторов. Там имелось только девять, частично изношенных, пехотных танков, распределенных между аэродромами, и шестнадцать легких танков. 9 мая прибыла часть организации по подвижной защите морских баз, с одной тяжелой и одной легкой зенитными батареями, которые были использованы для лучшей обороны Судского залива. Всего на Крите было высажено около 2.000 человек из этой организации, но свыше 3.000 были задержаны в Египте, хотя их и можно было перевезти на Крит. Шесть тысяч итальянских военнопленных были дополнительной нагрузкой для защитников острова.

Наши силы были распределены с таким расчетом, чтобы защитить точки, где могла произойти высадка. У Гераклиона было два британских и три греческих батальона; у Ретимо — 19-я австралийская бригада и шесть греческих батальонов; около Суды — два австралийских и два греческих; у Малеме — новозеландская бригада около аэродрома и вторая, вспомогательная, далее к востоку. К этим гарнизонам было добавлено несколько групп стрелков, состоящих из временных соединений, эвакуированных из Греции. Греческие батальоны были малочисленны, вооружены очень смешанным ассортиментом винтовок и небольшим количеством патронов. Общее число имперских войск, принимавших участие в обороне, достигало 28.600.

Но, несомненно, только наша слабость в воздухе сделала возможной германскую атаку. Силы Королевского военно-воздушного флота в начале мая насчитывали там 12 Блехеймов, 6 Ураганов, 12 Гладиаторов и шесть Фульмаров и Брустеров из морской авиации, из которых только половина была способна летать. Самолеты были распределены между посадочной площадкой у Ретимо и аэродромом в Малеме, — только для истребителей, и аэродромом в Гераклионе, способным принимать все типы самолетов. Это было пустяками в сравнении с превосходящими силами, готовыми обрушиться на остров. Наша слабость в воздухе была хорошо известна всем заинтересованным, и 19 мая, накануне атаки, все остающиеся самолеты были эвакуированы в Египет. Военному Кабинету, начальникам штабов и Главнокомандующим на Среднем Востоке было известно, что выбор лежал между борьбой в условиях этого ужасающего неравенства — и поспешной эвакуацией острова, что могло быть возможно в первые дни мая. Но между нами не было расхождений относительно необходимости встретить атаку, и когда мы оглядываемся назад на те дни, — в свете всего, что стало нам

известно позднее, мы видим как, несмотря на все недостатки, мы почти выиграли сражение, достигнув в своем поражении далеко идущих результатов, — мы должны удовлетвориться риском, на который пошли, и ценой, которую заплатили.

**

Сейчас мы можем остановиться на германском плане нападения, ставшем нам известным уже после войны. Атака была поручена 11-му воздушному корпусу, состоявшему из 7-й авиационной дивизии и 5-й горной, с 6-й горной дивизией, остававшейся в резерве. Почти шестнадцать тысяч человек, в большинстве своем парашютистов, должны были высадиться с воздуха, и еще семь тысяч — с моря. Дополнительная поддержка в воздухе должна была быть оказана 8-м воздушным корпусом. Немцы располагали 280 бомбардировщиками, 150 пикирующими бомбардировщиками, 180 истребителями, 40 разведочными самолетами, 100 планерами и 530 транспортными самолетами, всего — 1.280.

Морской десант и доставка значительного количества снаряжения должны были быть проведены силами двух организованных конвоев из греческих шхун. У них не было никакой защиты, кроме авиации. В свое время мы увидим, что с ними случилось.

Атака планировалась в трех районах: на востоке — у Гераклиона, в центре — у Ретимо, Суды и Канеи и, конечно, самое главное, на западе — у Малеме. Непосредственная подготовка для атаки должна была состоять из часовой концентрированной бомбардировки наземных частей и зенитных установок, бомбами до 1.000 фунтов весом. За этим должно было последовать появление передовых войск на парашютах или планерах. Далее должны были прибыть подкрепления на транспортных самолетах. Непременной частью всего плана был захват аэродрома в Малеме.

Простые посадки парашютных частей где-нибудь в нескольких милях расстояния не дали бы возможности транспортным самолетам высаживать 6-ю горную дивизию, группами по сорок и пятьдесят человек, и затем возвращаться за следующими. Немцы должны были овладеть аэродромом острова, и не только для нужд посадки, но и для взлетов. Только путем повторных полетов они могли доставить войска в количестве, необходимом для осуществления всей операции.

**
*

Для Крита мы приняли шифр «Колорадо», а для германского нападения, каким мы его себе представляли — шифр «Скорчер».

Проходили напряженные дни. Облегчение приносили только другие заботы и хлопоты. Роковой час приближался.

«Премьер-министр — генералу Уэйвелу. 12 мая 41 года

Не думаете ли Вы, что хотя бы еще дюжина танков типа «И», с искусным персоналом, должна быть отправлена для действий против «Скорчера?»»

«Премьер-министр — генералу Уэйвелу. 14 мая 41 года

Все, имеющиеся у меня сведения, указывают на то, что «Скорчер» произойдет в любой день после 17-го. По всем признакам проведен он будет с большой тщательностью. Я надеюсь, что у Вас достаточно сил для «Колорадо», и что на месте имеется достаточное количество орудий, пулеметов и бронемашин. Вполне может случиться, что в таком большом и сложном плане противнику придется отодвинуть решающий час. Это может дать возможность прибыть во-время находящимся сейчас в пути подкреплениям; во всяком случае, они будут там ко второму туру, если врагу удастся закрепиться на острове. Я особенно приветствовал бы возможность для наших первоклассных войск схватиться лицом к лицу с противником в условиях, когда он лишен своих обычных технических преимуществ и где мы, несомненно, можем оказать поддержку с большей

легкостью, чем он. Я полагаю, что адмирал согласен с Вами в этом деле во всех деталях, и что Вы согласовали с Теддером наилучший план для борьбы в воздухе, с учетом остальных потребностей. Примите мои лучшие пожелания.»

Даже в эти моменты Уэйвела не покидало чувство юмора.

«Премьер-министр — генералу Уэйвелу. 15 мая 41 года

Я нахожусь под все усиливающимся впечатлением от размеров атаки, готовящейся обрушиться на «Колорадо». Надеюсь, что туда посланы все возможные подкрепления.»

«Генерал Уэйвел — премьер-министру. 15 мая 1941 года

1. Сделано все возможное для снаряжения «Колорадо» для борьбы против саранчи. Последние подкрепления включают шесть танков типа «И», восемнадцать зенитных орудий, семнадцать полевых, и один батальон. Я подготавливаю небольшую экспедицию, из одного-двух батальонов, с несколькими танками, для высадки на южном берегу острова, в качестве резерва. Предлагаю также держать, в качестве возможного резерва, Польскую бригаду. Но проблема высадки подкреплений остается трудной.

2. 12-го я обсудил «Колорадо» с Каннингхэмом и Теддером, за чем последовало объединенное совещание штабов. Мы согласовали планы, как это только возможно.

3. «Колорадо» является не легкой операцией, но германские «блицы» иногда наталкиваются на задержки. У нас имеются закаленные войска, искусные в борьбе и готовые к ней, под командованием решительного офицера, и я надеюсь, что противник обожжется на своем «Скорчере».

«Генерал Уэйвел — премьер-министру. 16 мая 41 года

От Фрейберга только что получил следующее:

«Закончил план обороны Крита и только что вернулся из объезда оборонительных позиций. В результате поездки я чувствую себя много увереннее. Повсюду войска находятся в отличном состоянии и дух их бодр. Все оборонительные позиции расширены и, где только можно, окружены колючей проволокой. Установлено 46 орудий, с достаточным количеством снарядов. На каждом аэродроме имеется по два пехотных танка. Продолжают разгружаться транспортные и грузовые пароходы. Прибыл 2-й батальон Лестеров, который укрепит Гераклион еще более. Я не хочу

быть слишком уверенным в себе, но чувствую, что мы, по крайней мере, проведем сражение с честью. Я верю, что с помощью Королевского флота, Крит будет удержан».

«Премьер-министр — главнокомандующему на Средиземном море. 18 мая 41 года

Наш успех в «Скорчере», несомненно, отразится на всем международном положении. Да благословит Вас Бог в этой достопамятной и судьбоносной операции, отзвуки которой дойдут до всех театров войны».

«Премьер-министр — генералу Фрейбергу.

18 мая 41 года

Мы рады были услышать о мерах, проведенных Вами и о прибытии подкреплений. В эти судьбоносные дни все наши мысли находятся с Вами. Мы уверены, что Вы, и Ваши brave войска свершат дело, слава которого не померкнет. Королевский флот сделает все, что будет возможно. Победа на Вашем участке сильнейшим образом отразится на положении во всем мире».

Я изложил общее положение Смэтсу, с которым поддерживал постоянный контакт.

«Премьер-министр — генералу Смэтсу.

16 мая 41 года

Как обычно, я соглашаюсь с Вашей оценкой военного положения.

1. Недавно я принял меры усиления ресурсов Уэйвела там, где он был слабее всего, и я надеюсь, что мы с успехом проведем тяжелые наступательные бои в Западной пустыне в течение ближайших же нескольких недель. Мы также с часу на час ожидаем сильной немецкой атаки на Крит, и провели в связи с ней всю возможную подготовку. Если в этих двух операциях нам удастся добиться благоприятного исхода, наши задачи в Сирии и Ираке значительно упростятся. Мы также стараемся укрепить Средний Восток авиацией, используя для этого все доступные пути и средства. Я очень надеюсь на то, что этим летом мы выиграем кампанию в Восточном Средиземноморье и удержим долину Нила и Суэцкий канал. Президент Рузвельт прилагает все усилия посылки разного снаряжения к Суэцу. Южноафриканскую армию на средиземноморском побережье мы будем горячо приветствовать.

2. Положение в западной части Средиземного моря более сомнительно, но до сего времени Испания с успехом выдерживала германское давление. В нужный момент мы дадим знать Дарлану, что если вишийские самолеты станут бомбить Гибралтар, мы ответим не бомбежкой Франции, но этих самых вишийских вонючек, где бы они ни прятались. Мы не упускаем из виду возможности, что гибралтарская гавань окажется негодной для пользования и на этот случай провели лучшие из возможных подготовительные меры. Не исключено, что Соединенные Штаты будут более склонны втянуться в западноафриканские дела, особенно в Дакаре.

3. Наконец, Битва за Атлантику проходит довольно сносно. Вместо ожидавшегося в мае максимального успеха в блокаде Гитлером Англии, мы можем похвастаться, что эти недели были самыми лучшими для конвоев за много месяцев. В Атлантическом океане мы, несомненно, будем получать все больше помощи от американцев и я лично уверен, что еще до окончания года наше положение укрепитя во всех важнейших отношениях. Американцы прилагают огромные усилия для восстановления потерь в судоходстве 1942 года, и я чувствую, что с каждым днем они приближаются к великому решению. Однако, будет лучше не слишком на это рассчитывать.

4. Многое указывает на то, что Гитлер концентрирует силы против России. Беспреданное движение войск, танковых частей и авиации к северу от Балкан и к востоку от Франции и Германии, все усиливается. Я бы сам полагал, что для него лучше всего было атаковать Украину и Кавказ, чтобы обеспечить себя зерном и нефтью. Никто не может удержать его от этого, но мы надеемся основательно потрепать Фатерланд еще до того, как кончится этот год. Я уверен, что с Божьей помощью мы выйдем дух из нацистского режима.

5. Король сказал мне, что он пошлет Вам специальное послание к Вашему дню рождения 24 мая; поэтому я хочу пожелать Вам всего наилучшего уже теперь».

Таким образом, мы подошли к самому краю событий.

16.

КРИТ — СРАЖЕНИЕ

Во многих отношениях Битва за Крит в то время, когда она происходила, была единственной в своем роде. Ничего подобного никогда не было раньше. Это была первая значительная парашютная атака в истории войны. Германский воздушный корпус представлял собой сливки гитлеровского молодежного движения и был воплощением пылкого тевтонского духа мести за поражение 1918 года. В этих доблестных, отлично подготовленных и абсолютно преданных нацистских парашютных частях находился цвет Германии. Положить свои жизни на алтарь германской славы и германского владычества над миром, было их страстным стремлением. Им было предназначено встретиться с гордыми солдатами, многие из которых добровольно пришли с другого конца земли для того, чтобы бороться за родину и то, что они считали делом свободы. Об этом столкновении и будет рассказано в этой главе.

Немцы употребили всю силу, имевшуюся в их распоряжении. Сражение должно было быть колоссальным достижением Геринга. Собранные для него силы могли быть брошены против Англии в 1940 году, если была бы разбита британская авиация. Но этому не суждено было сбыться. Удар мог обрушиться на Мальту. Но это нас также миновало. Более семи месяцев ждал германский воздушный корпус, чтобы нанести свой удар и доказать свою ретивость. Теперь, наконец, Геринг мог дать ему долгожданный

сигнал к атаке. Когда началось сражение, мы не знали размера германских парашютных войск. 11-й воздушный корпус мог быть лишь одним из полудюжины таких соединений. Только много месяцев спустя мы узнали, что он был единственным. Он был, по существу, острием германского копья. И вот какова была история его триумфа и разгрома.

**
*

Сражение началось утром 20 мая; никогда раньше немцы не проводили более отчаянной и жестокой атаки. Их первой и главной целью был аэродром в Малеме. В течение часа окружающие позиции были подвергнуты сильнейшим бомбардировке и обстрелу, какие когда-либо имели место. Основная масса нашей зенитной артиллерии была выведена из строя почти немедленно. Еще до окончания бомбардировки планеры начали делать посадку к западу от аэродрома. В 8 часов утра, с высоты от 300 до 600 футов, были сброшены парашютисты в районе между Малеме и Канеей. Один немецкий полк из четырех батальонов — утром, и второй — после полудня были сброшены из бесконечного потока самолетов в небе, с полным игнорированием потерь в людях и машинах. Они были решительно встречены на аэродроме и около него батальоном 5-й новозеландской бригады, при поддержке остальной части бригады далее к востоку. Повсюду, где были замечены наши войска, они подвергались ужасающей бомбардировке, причем щедро использовались бомбы в 500 и даже 1.000 фунтов. В течение дня контратаки были невозможны. Контратака силами только двух танков типа «И» оказалась неудачной. Планеры или транспортные самолеты приземлялись или падали на берегу или в кустарниках охваченного пламенем аэродрома. В общей сложности вокруг и между Малеме и Канеей приземлилось в первый день свыше 5.000 немцев. Они

понесли жестокие потери от огня и рукопашных схваток с новозеландцами. В зоне нашей обороны почти все из спускавшихся парашютистов были убиты. К концу дня аэродром все еще находился в наших руках, но к вечеру, те немногие, кто остался в живых из батальона, должны были отойти к своим резервам. Посланные для подкрепления две роты пришли слишком поздно, чтобы контратаковать аэродром, все еще, однако, остававшийся под артиллерийским обстрелом.

Ретимо и Гераклион были подвергнуты в то утро тяжелой бомбардировке, за которой, после полудня, последовали парашютные десанты, первый из двух, второй — из четырех батальонов. Последовало ожесточенное сражение, но к наступлению ночи мы твердо удерживали оба аэродрома. У Ретимо и Гераклиона были сброшены также и менее крупные части, вызвавшие жестокие схватки и большие потери у немцев. Таким образом, итоги первого дня сражения были довольно удовлетворительны, кроме района Малеме, — но в каждом секторе теперь находились на свободе группы хорошо вооруженных людей. Сила атаки далеко превосходила ожидания британского командования, а ярость нашего сопротивления поразила противника.

Вот текст полученного нами сообщения:

«Генерал Фрейберг — генералу Уэйвелу.

10 ч. веч. 20 мая

Сегодняшний день был тяжелым; на нас противником было произведено сильнейшее давление. Мы все еще, я полагаю, удерживаем аэродромы в Ретимо, Гераклионе и Малеме, и два порта. Но дается это нам с огромными усилиями и было бы ошибочно, если бы я рисовал оптимистичную картину. Борьба была тяжелой и мы истребили значительное число немцев. Самым трудным остаются коммуникации. Размах воздушных атак на Канею был исключителен. Все понимают важность задачи и мы будем драться до конца».

Ожесточенное сражение продолжалось и на следующий день, когда появились транспортные самолеты. Хотя аэродром в Малеме оставался под нашим обстрелом с короткой дистанции артиллерией и мортирами, самолеты с войсками продолжали спускаться и на него, и на неровную почву к западу от него. Казалось, что германское Верховное командование было безразлично к потерям; по крайней мере сотня самолетов погибла в этом районе лишь в результате неудачных посадок. Тем не менее, накопление вражеских сил продолжалось. Наша контратака в ночь достигла границы аэродрома, но с наступлением дня снова появилась немецкая авиация и удерживать занятые позиции было невозможно.

На третий день Малеме стал, наконец, практически оперативным аэродромом для противника. Каждый час на него спускалось более двадцати самолетов с войсками. Еще более решающим был тот факт, что теперь они могли снова подниматься в воздух и отправляться за подкреплениями. Примерно подсчитано было, что за эти, и последующие дни, более шестисот транспортных самолетов либо благополучно село, либо свалилось, более или менее успешно, на этот аэродром. Под возрастающим нажимом этих сил пришлось отказаться от плана большой контратаки и 5-я новозеландская бригада постепенно отходила, пока не очутилась в расстоянии десяти миль от Малеме. В Канее и Суде не было никаких перемен, и положение у Ретимо было в наших руках. У Гераклиона противник высаживался с воздуха к западу от аэродрома и образовал эффективно обороняемое укрепление, где накапливались силы. После первоначальных атак 20 мая германское Верховное командование переключилось с Ретимо и Гераклиона и сконцентрировалось, главным образом, на районе Судского залива.

**
*

Когда воздушная разведка донесла о присутствии в Эгейском море шхун, адмирал Каннингхэм, 20 мая, направил к северо-западу от Крита легкие силы, состоявшие из крейсеров «Найад» и «Перт» и миноносцев «Кандахар», «Нубиан», «Кингстон» и «Джюно», под командованием контр-адмирала Кинга.

Мощная эскадра, под командованием контр-адмирала Роулингса, состоявшая из линкоров «Уорспайт» и «Вельянт», прикрываемых восьмью миноносцами, находилась к западу от Крита на случай ожидавшегося вмешательства итальянского флота. В течение 21-го наши корабли были подвергнуты сильным воздушным атакам. В миноносец «Джюно» попала бомба и он затонул в течение двух минут, с большими человеческими жертвами. Были также повреждены крейсера «Аякс» и «Орион», но они продолжали оставаться в строю.

В ту ночь наши усталые войска увидели, как горизонт ожил вспышками пламени и поняли, что Королевский флот действует. Первый немецкий конвой вышел в свою безнадежную экспедицию. После полудня было сообщено, что к Криту подходят группы небольших судов и адмирал Каннингхэм приказал своим легким силам идти в Эгейское море и не допустить высадки в темноте. В половине двенадцатого ночи, в восемнадцати милях от Канен, контр-адмирал Гленни, с крейсерами «Дидо», «Орион» и «Аякс» и четырьмя миноносцами, догнал немецкий конвой с войсками, состоявший, главным образом, из шхун, сопровождавшихся торпедными катерами. В течение двух с половиной часов британские суда охотились за своими жертвами, потопив не менее дюжины шхун и три парохода, все перегруженные немецкими солдатами. Предполагалось, что в ту ночь было потоплено не менее четырех тысяч человек.

Тем временем, контр-адмирал Кинг, с крейсерами «Найад», «Перт», «Калькутта» и «Карлайзль» и тремя миноносцами, проводил ночь на 22-е, патрулируя зону у Гераклиона, а с наступлением дня начал двигаться к северу. Была потоплена единственная шхуна, груженная солдатами противника, и к 10 часам утра эскадра подошла к острову Мелосу. Несколькими минутами позже были замечены к северу от острова неприятельский миноносец и пять небольших судов, против которых немедленно был открыт огонь. Затем был опознан еще один миноносец, скрытый дымовой завесой вместе с большим числом шхун. Мы перехватили, по существу, второй важный конвой, переполненный войсками. Наша разведка доложила об этом адмиралу Каннингхэму, но прошел час, прежде чем эта новость была подтверждена адмиралу Кингу. Его корабли находились под непрерывными воздушными атаками с самого наступления дня, и хотя до сего времени они не понесли никаких потерь, они уже ощущали недостаток в снарядах для зенитных орудий. Их общая скорость была также сокращена, так как «Карлайзль» не мог двигаться быстрее 21 узла. Контр-адмирал, не сознавая вполне, какой приз поджидал его в такой близости, почувствовал, что он не может идти далее к северу, подвергая опасности всю свою эскадру и приказал двигаться к западу. Как только сообщение об этом стало известно главнокомандующему, он послал следующий приказ:

«Оставайтесь на месте, сохраняя дистанцию, достаточную для обмена видимыми сигналами. Существенно, чтобы никакой морской десант противника не высадился на Крите».

Теперь было слишком поздно уничтожить конвой, повернувший назад и рассыпавшийся по всем направлениям среди многочисленных островов. Таким образом, по крайней мере тысячи немецких солдат избежали судьбы своих товарищей. Смелость германского командования, приказавшего идти в море этим,

практически беззащитным конвоям через воды, где оно не обладало нужным господством ни на море, ни в воздухе, является примером того, что могло бы случиться в гигантских масштабах в Северном море и Ламанше в сентябре 1940 года. Это показывает недооценку немцами значения морских сил, а также цены, которую им пришлось бы заплатить в человеческих жизнях за подобное невежество.

**
*

Отход контр-адмирала не спас его эскадру от воздушных атак. Он, возможно, понес такие же потери в своем отступлении, какие случились бы, если бы он предпринял атаку на конвой. В течение последовавших трех с половиной часов его корабли бомбились непрерывно. Его флагманский корабль, «Найад», и «Карлайзль», командир которого, капитан Хэмптон, был убит, были повреждены. В час пополудни они были встречены линкорами «Уорспайт» и «Вельянт», с крейсерами «Глостер» и «Фиджи» и семью миноносцами, под командованием контр-адмирала Роулингса, поспешившего на выручку через Ситерский пролив с запада. Почти в момент прибытия «Уорспайт» получил попадание бомбы, разрушившей его четырех-и-шестидюймовые батареи по правому борту и заставившей снизить скорость; поскольку противник так или иначе скрылся, соединенная британская эскадра направилась на юго-запад. Если не считать проявленного отсутствия гибкости в уничтожении, не считаясь с потерями десантного конвоя противника, адмирал Каннингхэм действительно бросил все силы на весы. Ясно, что в течение всех этих операций, он не колебался подвергать опасности не только свои ценнейшие суда, но и судьбу всего морского командования в Восточном Средиземноморье. Его поведение в этом эпизоде было высоко оценено Адмиралтейством. В этом трагическом сражении не

только германское командование делало высокие ставки. События этих сорока восьми часов достаточно убедили врага, и до того, как решилась судьба Крита, никаких попыток высадить на остров десант с моря более не предпринималось.

**
*

22 и 23 мая дорого обошлись флоту. Был потоплен миноносец «Грейхаунд» в эскадре адмирала Роулингса. Адмирал Кинг, старший офицер теперь соединенной эскадры, приказал двум другим миноносцам спасать тонущих, а крейсерам «Глостер» и «Фиджи» — защищать их против воздушной атаки, продолжавшейся во все возраставших масштабах. Это задержало весь флот и затянуло пребывание под неприятельскими бомбами. В 2.57 пополудни адмирал Кинг получил известие о нехватке амуниции для зенитных орудий и приказал двум крейсерам отходить по своему усмотрению. В 3.30 пришло сообщение, что «Глостер» и «Фиджи» приближаются к флоту большой скоростью и под тяжелыми атаками неприятельской авиации. Двадцатью минутами позже, «Глостер», в который попало несколько бомб, должен был полностью остановиться, охваченный пламенем, с совершенно исковерканной верхней палубой. «Фиджи» оставалось только покинуть этот корабль и, ощущая недостаток горючего, потеряв связь с главным флотом, он направился прямо к Александрии, сопровождаемый двумя миноносцами. Тремя часами позднее, выдержав почти двадцать атак бомбардировщиков и истратив почти все тяжелые зенитные снаряды, «Фиджи» стал жертвой Мессершмидта 109, подобравшегося невидимо, под прикрытием облаков. Произошел сильный взрыв. Несмотря на крен, корабль продолжал делать 17 узлов, пока не произошла новая атака, и в него не попало еще три бомбы. В 8.15 «Фиджи» перевернулся и затонул, но 523 че-

ловека из команды в 780 было подобрано из воды двумя миноносцами, вернувшимися к месту гибели суда с наступлением темноты.

**
*

Тем временем находившийся в двадцати милях к западу флот был подвергнут серии воздушных атак, во время которых понес легкое повреждение «Вельянт». В 4 часа пополудни капитан лорд Луис Маунтбаттан, находившийся на «Келли», с четырьмя другими миноносцами новейшего типа, которыми мы только что подкрепили Центральное Средиземноморье, прибыл с Мальты и присоединился к флоту. С наступлением темноты его миноносцы были направлены к «Глостеру» и «Фиджи», чтобы подобрать спасшихся. Но эту спасательную операцию Главнокомандующий отменил, чтобы обеспечить патрулирование северного побережья Крита в ночное время. Это тяжелое решение было правильным. В течение всей ночи 22-го миноносцы Маунтбаттена патрулировали воды в районе Канеи, в то время как капитан Мак на «Джервисе», с тремя другими судами, прочесывал подходы к Гераклиону. Одна шхуна, переполненная солдатами, стала жертвой «Келли», другая была подожжена, и к рассвету миноносцы отошли на юг.

Ночью адмирал Каннингхэм ознакомился с общим положением и узнал о гибели «Глостера» и «Фиджи». Из-за технической ошибки при расшифровке радиogramм в Александрии, он решил, что не только у крейсеров, но и у линкоров почти не осталось снарядов для зенитных орудий. Поэтому, в 4 часа утра, он приказал всем силам отойти на восток. На самом же деле у линкоров снарядов было достаточно и Каннингхэм позднее заявлял, что если бы он об этом знал, то не приказал бы отступать. Присутствие флота на следующее утро возможно пред-

отвратило бы другую катастрофу, о которой сейчас надо рассказать.

На рассвете 23-го «Келли» и «Кашмир» полным ходом обходили западный берег Крита. Выдержав два тяжелых налета, в 7.55 они были перехвачены соединением из двадцати четырех пикирующих бомбардировщиков. Оба судна были быстро потоплены, с потерей 210 человек. К счастью, неподалеку находился миноносец «Киплинг» и, несмотря на продолжающуюся бомбежку, спас из воды 279 офицеров и матросов, включая лорда Луиса Маунтбаттана, не понеся при этом никаких потерь. На следующее утро, в пятидесяти милях от Александрии, «Киплинг» должен был остановиться из-за отсутствия горючего, но был встречен другими судами и приведен в гавань на буксире.

Таким образом, в сражениях 22 и 23 мая флот потерял потопленными два крейсера и три миноносца; один линкор, «Уорспайт», был на долгое время выведен из строя, а «Вельянт» и многие другие — сильно повреждены. Тем не менее, морская охрана Крита продолжалась. Флот оказался на высоте положения. Ни один немец не высадился на Крите с моря до самого конца битвы за остров.

Главнокомандующий еще не знал, как обстоят дела. 23-го он телеграфировал, что

«Операции последних четырех дней были по существу состязанием между Средиземноморским флотом и германской авиацией... Я боюсь, что в береговой зоне нам придется признать свое поражение и тот факт, что потери слишком велики и не оправдывают попытки не допустить морского десанта на Крит. Это — грустное заключение, но ничего не поделаешь. Как я всегда опасался, господство противника в воздухе, против которого бессильна наша собственная авиация, в комбинации с необходимостью оперировать на небольшом пространстве и при нынешней по-

годе, приводят к чрезмерному неравенству сил. Мы можем предпринимать лишь внезапные операции, соблюдая крайнюю осмотрительность...»

Может быть, выход из строя «Формидабля» (авианосца) был к стати; иначе, я опасаясь, он был бы уже на дне моря».

На это Адмиралтейство ответило немедленно же, что если бы все сводилось к дуэли между Средиземноморским флотом и германской авиацией, то

«было бы, вероятно, необходимо пойти на рекомендованные Вами ограничения в движении флота. Однако, помимо всего, происходит битва за Крит. Если флот может предупредить прибытие морских десантов и снабжение противника, пока армия справляется с парашютистами, армия позже, возможно, окажется в состоянии противостоять и морским десантам. Поэтому, крайне важно не допустить, даже ценной дальнейших потерь во флоте, в течение следующих пары дней высадки на берегу морской экспедиции противника. Лорды Адмиралтейства оценивают все необычайные трудности, в которых приходится действовать флоту».

По мере того, как агония на Крите приближалась к своему кульминационному пункту, я телеграфировал президенту Рузвельту:

23 мая 41 года

«Сражение на Крите идет тяжелое, потому что, не обладая поблизости никакими аэродромами, мы не в состоянии ввести в дело авиацию, как для помощи наземным войскам, так и для охраны наших патрулирующих кораблей. Сегодня было потоплено два наших крейсера и два миноносца. Мы уничтожаем большое число первоклассных немецких солдат и потопили по крайней мере один конвой».

И — Уэйвелу:

«Сражение на Крите должно быть выиграно. Даже если неприятель сумеет хорошо закрепиться, борьбу на острове надо продолжать до бесконечности, тем самым связывая главные ударные силы противника. Это даст Вам, по крайней мере, возможность мобилизовать своих «Тигрят» и взять в свои руки положение в Западной пустыне. Это, также, означает оборону Кипра. Я надеюсь, что по ночам Вы максимально помогаете Криту. Нельзя ли послать туда

больше танков и с помощью их снова овладеть аэродромами? Усилия противника и потери в лучших его войсках должны быть тяжелыми, и он не может нести их до бесконечности. Передайте от меня следующее генералу Фрейбергу: «Весь мир следит за вашей доблестной борьбой, от исхода которой будут зависеть великие события».

Начальники штаба, в полном согласии, телеграфировали главнокомандующему:

24 мая 41 года

«Наши трудности на Крите велики, но из всей информации, которой мы располагаем, видно, что неприятелю не легче. Если мы продержимся, враг может выдохнуться. Нам представляется важным, чтобы как можно скорее туда были направлены предельно большие подкрепления, с помощью которых нужно истребить уже высадившегося противника, до получения им значительных подкреплений со своей стороны. Вы хорошо знаете все огромное значение этого сражения, и для достижения успеха нужно идти на большие опасности».

На телеграмму Адмиралтейства от 23-го адмирал Каннингхэм отвечал:

«Главнокомандующий на Средиземном море — Адмиралтейству.

26 мая 41 года

1. Лорды Адмиралтейства могут быть уверены, что решающим фактором в операциях на Эгейском море является не страх перед потерями, но необходимость избежать те из них, которые, не создавая нужных для нас преимуществ, выведут из строя наш флот. В настоящее время мне известно, что противнику еще не удалось доставить на Крит каких-либо подкреплений морем, — хотя я согласен, что это может вскоре случиться.

2. У нас уже есть достаточно опыта, чтобы судить, каких размеров могут быть потери. За три дня потоплено два крейсера и три миноносца, один линкор выведен из строя на несколько месяцев, и еще два крейсера и четыре миноносца получили значительные повреждения. Мы не можем позволять себе подобной роскоши — и сохранять господство в Восточном Средиземноморье.

3. Фактически, снабжение Крита морем еще не проводится противником, так как, несмотря на потопленные и отбитые конвои, обилие самолетов дает ему возможность свободно доставлять нужное по воздуху. Этот процесс

никак не может быть остановлен с нашей стороны, и вид непрерывной линии «Юнкерсов-52», летящих без всяких помех на Крит, является одним из факторов, которые могут повлиять на падение боевого духа среди защитников острова.

4. Я полагаю, что лордам Адмиралтейства должен быть ясен совокупный эффект недавних операций на людей. Легкие суда, офицеры, матросы и солдаты, а также и машины, приближаются к состоянию полного истощения. С начала операций в Греции в конце февраля, — они используются почти до пределов выносливости, и теперь, когда работы удвоилось, они стоят лицом к лицу с такой концентрацией воздушных сил противника, по сравнению с которой, я уверен, то, что было в Норвегии, может показаться детской игрой. Не рекомендуется переходить определенный лимит в отношении людей.

5. Я был в состоянии сделать больше, чем предполагалось. Каждую ночь миноносцы и крейсера прочесывают прибрежные воды к северу от Крита; мы провели бомбардировку Малеме, а сегодня утром атаковали Скарпанто. Милос также пользуется вниманием нашей подводной лодки... Однако, я до сих пор не получил подкреплений разведывательными самолетами, о которых я так настойчиво просил.

6. Я сию минуту получил известие, что бомбы попали в «Формидабль» и «Нубиан» и что они возвращаются в гавань. Подробности пока нет».

Перед этим решительным главнокомандующим лежали впереди еще более тяжелые испытания, в которых он показал себя на высоте.

**

Но поздно вечером, 26-го, Уэйвел получил плохие новости от Фрейберга, который писал:

«С сожалением должен сообщить, что, по моему мнению, границы возможного уже достигнуты войсками, находящимися под моим командованием в районе Судского залива. Независимо от того, к какому решению придут главнокомандующие с военной точки зрения, наше положение здесь безнадежно. Маленькие, плохо снаряженные и неспособные к быстрым передвижениям силы, подобные на-

шим, не в состоянии держаться против концентрированных бомбёжек, которым мы подвергаемся в течение последних семи дней. Я чувствую, что должен сказать Вам, что с административной точки зрения трудности полной эвакуации наших сил непреодолимы. При условии, что решение будет принято немедленно, некоторую часть войск можно будет погрузить на суда. Если мы сократим этот сектор, аналогичное сокращение у Ретимо и Гераклиона будут только вопросом времени. Войска, которыми мы располагаем, за исключением уэльского полка и «коммандос», непригодны более к наступательным действиям. Если Вы решите, с учетом всего положения на Среднем Востоке, что выигрыш времени важен, мы будем держаться. Я хотел бы обсудить, как это может быть достигнуто. Через сутки Судский залив может уже оказаться под обстрелом. Потери наши велики и мы уже лишились большинства наших стационарных орудий».

Я телеграфировал Фрейбергу:

27 мая 41 года

«Ваша славная оборона заслужила Вам восхищение во всем мире. Мы знаем, что врагу приходится тяжело. Вся помощь, какая только возможна, направляется».

«Премьер-министр — главнокомандующему на Среднем Востоке.

27 мая 41 года

Победа на Крите важна в качестве поворотного пункта войны. Бросайте на помощь всё, что можете».

**

Но в ту же ночь мы узнали, что все надежды на победу исчезли.

«Генерал Уэйвел — премьер-министру. 27 мая 41 года

1. Боюсь, что положение на Крите крайне серьезно. Фронт у Канеи прорван и оборона Судского залива продержится максимум сутки. Нет никакой возможности доставить подкрепления...

2. На самом острове, наши войска, большинство которых прошло через тяжелые испытания в Греции и побывало там под сильнейшей атакой неприятельской авиации, находятся в таких же и все ухудшающихся условиях. Подобная

бесперывная атака, которой не противостоит ничто, рано или поздно выбьет с позиций даже самые стойкие войска; и она делает невозможным управление ими.

3. Только что полученная от Фрейберга телеграмма указывает, что единственный шанс для спасения наших сил на Крите заключается в отходе к южному берегу, скрываясь в дневное время и двигаясь по ночам. Войска в Ретимо, по последним сообщениям, отрезаны и испытывают недостаток в снаряжении. Те, что у Гераклиона, повидимому, почти окружены.

4. Опасаюсь, что нам надо признать невозможность дальнейшего удержания Крита и необходимость отхода для войск. Выдержать всю тяжесть вражеских воздушных атак оказалось непосильной задачей. Они разворачиваются в беспрецедентных масштабах и, по независящих от нас обстоятельствам, противопоставить им мы ничего не можем».

**
*

На четвертый день борьбы на суше генерал Фрейберг образовал новую линию в секторе Малеме-Канеи. Благодаря свободному пользованию аэродромом, немецкие силы непрерывно возрастали. 26 мая был решающим днем. Под все усиливающимся напором в течение шести дней наши войска вынуждены были отступить в районе Канеи. В конце концов, они больше не могли держаться. Фронт был прорван в стороне, обращенной вглубь острова, и противник достиг Судского залива. Сообщение с главной квартирой Фрейберга было прервано и, в соответствии с данным им раньше указанием, начался отход на юг, через остров, по направлению к Сфакии. Поздно вечером было принято решение эвакуировать Крит. На тропе, ведущей через остров, получилась немалая неразбериха. К счастью, две группы «коммандос», в числе около 750 человек, под командованием полковника Лейкока, были высажены в Суде в ночь 26-го заградителем «Абдиель». Эти, сравнительно свежие войска, с остатками 5-й новозеландской бригады и 7-м и 8-м австралийским батальонами, провели успешные

арьергардные бои, давшие возможность почти всем уцелевшим нашим силам в секторе Суда-Канея-Мале-ме пробиться к южному берегу.

У Ретимо позиции удерживались прочно, хотя войска были полностью окружены с суши и запасы продовольствия и боеприпасов быстро сокращались. Они получали кое-что с моторных лодок, но приказ о прорыве на юг не мог быть им передан. Постепенно противник их сжал со всех сторон, и 30-го, израсходовав все запасы продовольствия, все оставшиеся в живых сдались, предварительно убив свыше 300 немцев. Около 140 человек смогли убежать поодиночке.

У Гераклиона немецкие силы к востоку от аэродрома возрастали с каждым днем. Гарнизон был подкреплен частями Аргайльского и Сатерлэндского полков, высадившимися в Тимбаки и пробившимися к своим. Теперь флот мог прийти к ним на выручку, — в последний момент.

**
*

Нам приходилось снова стоять перед лицом горькой и мрачной задачи эвакуации и неизбежными большими потерями. Крайне перенапряженным силам флота приходилось взять на себя задачу погрузки около двадцати двух тысяч человек, главным образом с открытого пляжа у Сфакии, и перевозки их, через триста пятьдесят миль морского пространства, над которым господствовала неприятельская авиация. С немногими самолетами, имевшими нужный радиус полета, Королевский военно-воздушный флот сделал из Египта все, что было возможно. Главной мишенью был находившийся в руках немцев аэродром в Мале-ме, на который был совершен ряд ночных и дневных налетов. В то время, как эти операции означали тяжелую нагрузку для летчиков, поневоле малые масштабы налетов не могли дать сколько-нибудь значительного эффекта. Маршал авиации Теддер обещал

обеспечить корабли хотя бы некоторым прикрытием истребителями, но это, предупреждал он, будет мало и не что-либо систематическое. Сфакия, маленькая деревушка на южном берегу, лежит у основания обрывистого берега, высотой в 500 футов, который пересекает обрывистая тропинка. Для войск было необходимо прятаться под скалой, пока не наступала их очередь для погрузки. Четыре миноносца, под командованием капитана Арлиса, прибыли в ночь 28-го и погрузили 700 человек; они же доставили продовольствие для собирающегося большого числа людей. На обратном пути было организовано прикрытие истребителями, и только один миноносец оказался немного поврежден. По крайней мере пятнадцать тысяч человек пряталось повсюду у Сфакии и аррьергард Фрейберга все время находился в действии.

Одновременную экспедицию адмирала Роулингса, отправившегося с крейсерами «Орион», «Аякс» и «Дидо» и шестью миноносцами на спасение гераклионского гарнизона, ожидала трагедия. Его силы попали под сильную воздушную атаку со Скарпанто, длившуюся с пяти часов до наступления темноты. Бомбы разорвались рядом с «Аяксом» и миноносцем «Империял», и «Аякс» должен был возвратиться. Прибыв в Гераклион до полуночи, миноносцы начали перевозить войска на крейсера, стоявшие на рейде. К 3.20 утра работа была выполнена. Было погружено 4.000 человек и корабли пустились в обратный путь. Получасом позже отказало рулевое управление на поврежденном «Империяле», причем чуть-чуть не произошло столкновения с крейсерами. Было существенно, чтобы к утру вся эскадра была как можно далее к югу. Тем не менее, адмирал Роулингс приказал миноносцу «Хатспур» возвратиться, снять с «Империяла» войска и экипаж и затопить миноносец. Сам же он сократил скорость до 15 узлов, и «Хатспур», с 900 солдатами на борту, присоединился к нему перед рассветом. Роулингс теперь запаздывал на полтора часа

против расписания и только перед восходом солнца смог повернуть на юг, чтобы пройти через пролив Касо. Было договорено о прикрытии истребителями, но отчасти из-за происшедшего опоздания самолеты не нашли кораблей. В шесть часов утра началась ужасающая бомбардировка, продолжавшаяся до трех часов дня, когда эскадра была уже в ста милях от Александрии.

Первой жертвой был «Хируорд». В него попала бомба в 6.25 и он не смог следовать за конвоем. Адмирал правильно решил, что он должен бросить поврежденный корабль на произвол судьбы. В последний момент, когда его видели, он подходил к берегу Крита. Большинство людей на борту остались в живых, — хотя и как военнопленные. Остальных ждала худшая участь. В течение следующих четырех часов произошли попадания в крейсера «Орион» и «Дидо» и миноносец «Декой». Скорость эскадры упала до 21 узла, но все продолжали вместе двигаться на юг. Положение на «Орионе» было ужасное. Помимо экипажа, на борту находилось 1.100 человек солдат и офицеров. На второй палубе пробившей мостик бомбой было убито 260 и ранено 280 человек. Командир корабля, капитан Бак, был также убит, а судно тяжело повреждено и охвачено огнем пожара. В полдень появились два Фульмана из морской авиации и немного помогли положению. Несмотря на все усилия, истребители Королевских военно-воздушных сил не могли найти находившийся в мучительном положении конвой, хотя провели несколько воздушных сражений и сбили по крайней мере два самолета. Когда эскадра добралась до Александрии в 8 часов вечера 29-го, было обнаружено, что одна пятая спасенного в Гераклионе гарнизона, была потеряна убитыми, ранеными или попавшими в плен.

Мы уже видели, под каким давлением со стороны и политических и военных руководителей из Англии находились главнокомандующие в Каире; давление это переносилось на наши войска, благородно сражавшиеся с противником. Но после опыта 29-го генерал Уэйвел и его коллеги должны были решить, в какой мере надо было продолжать усилия по вывозу наших войск с Крита. Армия находилась в смертельной опасности, авиация могла сделать немного, и снова задача падала на измученный и потрепанный воздушными атаками флот. Для адмирала Каннингхэма покинуть армию в таком критическом положении было противно всем традициям. Он заявил: «Чтобы построить новый корабль, флоту нужно три года. Но потребуются триста лет, чтобы создать новую традицию. Спасательная операция будет продолжаться». Однако, только после тяжелых размышлений и консультаций с Адмиралтейством и генералом Уэйвелом, было решено упорно добиваться проведения эвакуации. К утру 29-го было вывезено около 5.000 человек, но очень большое число войск продолжало держаться, укрываясь на всех подступах к Сфакии, подвергаясь бомбежкам каждый раз, как их замечал противник в дневное время. Решение рисковать неограниченными потерями во флоте оправдывалось не только эмоционально, но и фактическими результатами.

Вечером 28-го адмирал Кинг вышел в Сфакию с «Фебой», «Пертом», «Калькуттой», «Ковентри», десантным судном «Гленгайль» и тремя миноносцами. Ночью 28-го, без помехи, было погружено около 6.000 человек, причем очень помог при этом «Гленгайль». К 3.20 утра вся экспедиция уже находилась на пути назад, и, несмотря на три атаки в течение 30-го, благополучно добралась до Александрии. Был поврежден, попаданием в котельное отделение, только крейсер «Перт». Этому рейсу помогли самолеты Королевского военно-воздушного флота, которые, несмотря на свою малочисленность, отбили несколько атак до возвра-

щения на свои базы. Считалось, что ночь на 30-е должна быть последней ночью эвакуации, но в течение 29-го стало казаться, что положение не такое безнадежное. Соответственно, утром 30-го капитан Арлис еще раз направился в Сфакию, с четырьмя миноносцами. Два из них должны были вернуться, но он продолжал путь с «Напьером» и «Низамом» (миноносцем, подаренным нам раджей и населением Гайдерабада), и благополучно погрузил 1.500 человек. Оба судна были повреждены на обратном пути, но добрались до Александрии без человеческих потерь. Греческий король, с британским посланником, пережив много опасностей, были вывезены несколькими днями раньше. В ту же ночь, по распоряжению главнокомандующих, был эвакуирован самолетом и генерал Фрейберг.

30 мая было приказано вывезти остающиеся войска. Считалось, что у Сфакии сейчас оставалось не более 3.000 человек, но позднейшая информация говорила, что их там вдвое больше. Утром 31-го адмирал Кинг снова вышел в море, с «Фебой», «Абдиелем» и тремя миноносцами. Они не могли надеяться вывезти всех, но адмирал Каннингхэм приказал взять на корабли максимум. В то же самое время Адмиралтейству было сообщено, что это — последняя ночь эвакуации. Погрузка прошла хорошо, и в 3 часа утра 1 июня корабли вышли на Александрию, взяв с собой 4.000 человек. На этот раз погиб только крейсер «Калькутта», высланный навстречу конвою и потопленный неприятельскими самолетами.

До 5.000 британских и имперских войск было оставлено на Крите, и генерал Уэйвел приказал им капитулировать. Однако, многие рассыпались в горах острова, длиной в 160 миль. Их и греческих солдат укрывали местные крестьяне, несмотря на беспощадные расправы немцев в случаях обнаружения. На невинных и доблестных крестьян падали варварские репрессии, и их расстреливали десятками. Именно по

этой причине позднее, в 1944 году, я предложил Верховному Военному совету, чтобы совершенные преступления рассматривались бы на месте и чтобы обвиняемые посылались для суда туда, где были совершены или преступления. Этот принцип был принят и некоторые долги, таким образом, были уплачены.

**
*

В Египет было благополучно доставлено 16.500 человек. Почти все это были солдаты британских и имперских войск. Еще около одной тысячи смогли бежать позднее при помощи предприимчивых «командос». Наши потери составляли около 13.000 человек, — убитыми, ранеными и пленными. К ним надо добавить почти две тысячи жертв среди гражданского населения. Уже после войны, в районе Малеме и Судского залива было насчитано более 4.000 немецких могил, и еще тысяча — у Ретимо и Гераклиона. Помимо этого, очень большое, но неизвестное число, потонуло в море, еще сколько-то умерло от ран в Греции. Всего противник должен был понести потерь убитыми и ранеными более пятнадцати тысяч человек. Было уничтожено или тяжело повреждено около 170 транспортных самолетов. Но цена, которую враг заплатил за свою победу, не может быть измерена этими потерями.

**
*

Сражение на Крите является примером того, как решающие результаты могут быть достигнуты тяжелой и хорошо поддержанной борьбой, в обстановке, где нет места для маневрирования в целях занятия стратегических позиций. Мы не знали, сколько было у немцев парашютных дивизий. В результате опыта на Крите, мы, как будет рассказано в свое время, провели в Англии подготовительные мероприятия, рассчитанные на 4-5 таких смелых парашютных ди-

визий. Еще позднее и мы и американцы завели свои собственные, даже в больших размерах. Но 7-я парашютная дивизия была фактически всем, чем располагал Геринг, и эта дивизия была уничтожена в сражении на Крите. Было убито до пяти тысяч храбрейших людей, и вся организационная структура этой части была непоправимо нарушена. Она никогда не появилась опять в сражении в сколько-нибудь эффективных размерах. Новозеландские, и другие британские и имперские войска, и греки, участвовавшие в тяжелом и безрезультатном сражении на Крите, имеют право считать, что они сыграли решающую роль в событии, которое принесло нам существенное облегчение в ответственный момент.

Потеря немцами своих первоклассных бойцов-парашютистов привела к тому, что грозное оружие это не могло более играть роли в событиях на Среднем Востоке. На Крите Геринг выиграл Пиррову победу, потому что затраченные там силы легко бы завоевали ему Кипр, Ирак, Сирию и даже, может быть, Персию. Это были войска, по природе своей необходимые для захвата больших и беспокойных территорий, где не приходилось опасаться наткнуться на серьезное сопротивление. С его стороны было глупо отбросить такие, почти неизмеримые возможности и потерять незаменимые силы в смертельной борьбе, часто врукопашную, с воинами Британской империи.

Мы сейчас обладаем «боевым рапортом» 11-го воздушного корпуса, частью которого была 7-я парашютная дивизия. Когда мы вспоминаем суровую критику и самокритику, которым подверглись наши мероприятия, нам будет любопытно прочесть то, что писалось на другой стороне. «Британские сухопутные силы, — заявили немцы, — оказались почти втрое сильнее, чем мы предполагали. Район военных действий на острове был подготовлен для обороны с большой тщательностью и всеми возможными сред-

ствами... Все укрепления были искусно замаскированы... Неспособность, из-за недостатка в информации, правильно оценить состояние противника, поставила под удар атаку 11-го корпуса и привела к исключительно высоким и кровавым потерям».

В немецком отчете о допросе наших военнопленных прозвучала следующая нота, которую я, исполненный благодарности к неизвестным друзьям, беру на себя смелость здесь привести:

«Что касается духа и морального состояния британских войск, стоит отметить, что, несмотря на многие неудачи в войне, среди людей продолжает сохраняться в общем абсолютное доверие к Черчиллю».

**

Соотношение сил на Средиземном море, по крайней мере на бумаге, было резко изменено не в нашу пользу потерями во время сражения на Крите и последующей эвакуации. Сражение у Матапана 28 марта на некоторое время загнало итальянский флот в его гавани. Но теперь на наш флот пали новые тяжелые потери. Сразу же после Крита у адмирала Каннингхэма оставалось в строю только два линкора, три крейсера и семнадцать миноносцев. Девять других крейсеров и миноносцев находились в ремонте в Египте, но линкоры «Уорспайт» и «Бархэм», и единственный авианосец «Формидабль», плюс еще несколько судов, должны были идти из Александрии на ремонт в другие места. Было потеряно три крейсера и шесть миноносцев. Для восстановления равновесия необходимо было немедленно послать подкрепления. Но, как будет рассказано в свое время, нас ожидали другие несчастья. Период, который теперь начинался, открывал итальянцам отличную возможность оспаривать наше сомнительное господство в Средиземном море, со всеми вытекающими отсюда последствиями. Мы не могли знать, что они этой возможностью не воспользуются.

17.

СУДЬБА «БИСМАРКА»

После падения Греции, когда все еще оставалось неясным в Западной пустыне, а отчаянная борьба на Крите складывалась не в нашу пользу, в Атлантическом океане разыгрался эпизод, повлекший за собой далеко идущие последствия.

Помимо постоянной борьбы против подводных лодок, деятельность немецких надводных рейдеров обошлась нам уже более, чем в три четверти миллиона тонн нашего судоходства. Два немецких линейных крейсера «Шарнгорст» и «Гнейзенау» и крейсер «Гиппер» стояли наготове в Бресте под защитой мощных зенитных батарей, и никто не мог сказать, когда они возобновят свой разбой вдоль наших торговых путей. К середине мая появились признаки того, что новый линкор «Бисмарк», возможно в сопровождении нового, вооруженного восьмидюймовыми орудиями крейсера «Принц Евгений», будет вскоре брошен в действие. Комбинация этих быстроходных, мощных судов должна была подвергнуть величайшим испытаниям наши морские силы на просторах Атлантического океана. «Бисмарк», имевший восемь пятнадцатидюймовых орудий и построенный в нарушение Версальского договора, был самым тяжело вооруженным судном в мире. Его водоизмещение превосходило водоизмещение наших новейших линкоров почти на 10.000 тонн, и он обладал по меньшей мере такой же скоростью. «Это гордость нашего флота», — заявил Гитлер, посетив «Бисмарк» в мае.

Для встречи с надвигающейся угрозой Главнокомандующий адмирал Тови держал в Скапа наши новые линкоры «Король Георг V» и «Принц Уэльский», и линейный корабль «Худ». В Гибралтаре находился адмирал Сомервиль, с «Реноуном» и «Арк Ройалом». «Реполз», вместе с новым авианосцем «Викториус», в тот момент собирались отойти с конвоем в 20.000 человек на Средний Восток. «Родней» и «Рамилль», которых «Бисмарк», вероятно, мог бы потопить, если бы встретил их порознь, эскортировали конвой через Атлантический океан, а «Ривендж», находившийся в Галифаксе, был готов выйти в море. В это время, всего одиннадцать конвоев, включая драгоценный транспорт с войсками, со страшным риском потерять людей, или находились в море, или были готовы отплыть. Патрули из крейсеров прикрывали выходы из Северного моря, а бдительная воздушная разведка следила за норвежским побережьем. Положение в море было, одновременно, неясным и напряженным, и Адмиралтейство, с которым я находился в постоянном контакте, было полно предчувствий приближения событий, а также — острого сознания, что наше торговое судоходство представляет собой одну большую мишень для противника.

На рассвете 21 мая мы узнали, что два больших военных корабля, под сильным эскортом, прошли Каттегат; позднее в тот же день во фьорде Бергена они были опознаны как «Бисмарк» и «Принц Евгений». Было очевидно приближение какой-то важной операции и, по немедленно данному сигналу, был приведен в действие весь наш атлантический аппарат. Адмиралтейство следовало разумному и проверенному принципу сосредоточения сил против рейдеров, рискуя охраной конвоев, даже конвоев с войсками. «Худ» и «Принц Уэльский» и шесть миноносцев, вскоре после полуночи на 22-е вышли из Скапа, для прикрытия крейсеров «Норфолк» и «Суффолк», уже патрулировавших мрачную, покрытую плавающими льда-

ми полосу воды между Гренландией и Исландией, известную под названием Датского пролива. Крейсерам «Манчестер» и «Бирмингем» было приказано охранять проход между Исландией и Фарерскими островами. «Репалз» и «Викториус» были переданы в распоряжение Главнокомандующего, а конвоем с войсками пришлось выходить из Клайда в сопровождении всего лишь миноносцев.

Вторник, 22 мая, был днем неопределенности и напряжения. В Северном море стоял непроницаемый туман и шел дождь. Несмотря на эти условия, морская авиация с Оркнейских островов (из Хатстона) проникла в Бергенский фьорд и, в решительной разведке, несмотря на сильный обстрел, выяснила, что два вражеских корабля оттуда исчезли! Когда, в 8 часов вечера эта весть достигла адмирала Тови, он немедленно приказал «Королю Георгу V» и «Викториусу», четырем крейсерам и семи миноносцам занять центральную позицию к западу, с таким расчетом, чтобы они могли оказать поддержку крейсерским патрулям, какой бы путь вокруг Исландии не выбрал бы противник. На следующее утро к ним в море присоединился «Репалз». Адмиралтейство считало вероятным, что неприятель пойдет Датским проливом. В тот вечер, тотчас же по получении сообщения, я телеграфировал президенту:

«Вчера, 21-го, «Бисмарк», «Принц Евгений» и восемь грузовых пароходов были обнаружены в Бергене. Воздушной атаке помешала низкая облачность. Мы узнали, что сегодня вечером они оттуда ушли. У нас есть основания полагать, что готовится исключительный атлантический рейд. Если нам не удастся поймать их на выходе, ваш флот наверняка сможет указать нам их местоположение. «Король Георг V», «Принц Уэльский», «Худ», «Репалз» и авианосец «Викториус» со вспомогательными судами — все будут их преследовать. Дайте нам знать, где противник, и мы довершим дело».

Фактически «Бисмарк» и «Принц Евгений» вышли из Бергена почти сутками раньше и сейчас находи-

лись к северо-востоку от Исландии, направляясь к Датскому проливу. Здесь прибрежный лед сузил пролив до восьмидесяти миль и все было окутано густой мглой. К вечеру 23-го, сперва «Суффолк», а затем и «Норфолк» заметили два корабля, приближающихся с севера, следуя по каналу из открытой воды вдоль ледяной кромки. Рапорт «Норфолка» был сперва получен Адмиралтейством, немедленно передавшим его всем остальным зашифрованной радиограммой. Охота началась. Добыча была в виду, и все силы начали двигаться по намеченному плану. Главкомандующий повернул на запад и прибавил скорости. «Худ» и «Принц Уэльский» рассчитали свой курс таким образом, чтобы перехватить противника на рассвете к западу от Исландии. Адмиралтейство приказало адмиралу Сомервиллю с его эскадрой «Эйч» («Реноун», «Арк Ройал» и крейсер «Шеффилд») идти быстрым ходом на север для защиты конвоя с войсками, уже прошедшего полпути вдоль ирландского берега, — или же присоединиться к сражению. Суда адмирала Сомервила, уже находившиеся под парами, покинули Гибралтар в 2 часа утра 24-го. Как оказалось, судьба «Бисмарка» была в их руках.

**
*

В пятницу (23-го) пополудни я отправился в Черкес. Гарриман и генералы Исмэй и Поунолл должны были быть со мной до понедельника. Так как битва за Крит была в полном разгаре, можно было ожидать, что конец недели будет весьма беспокойным. Конечно, дома у меня был идеальный секретариат, а также прямые телефоны с дежурным капитаном в Адмиралтействе и другими основными министерствами. Адмиралтейство ожидало, что «Бисмарк» и «Принц Евгений» пройдут Датский пролив рано на рассвете, и что «Принц Уэльский» и «Худ», с двумя или тремя крейсерами, заставят их принять сражение. Все наши ко-

рабли двигались к месту встречи в соответствии с общим планом. Мы провели беспокойный вечер и пошли спать только в два или три часа ночи.

Около семи меня разбудили потрясающей новостью: «Худ», наш самый быстроходный и крупнейший линкор, был взорван. Хотя и несколько легкой конструкции, он обладал восемью пятнадцатидюймовыми орудиями и был одним из наших наиболее ценных судов. Утрата его была очень тяжела, но зная, что все остальные суда сближались к точке, где находился «Бисмарк», я был уверен, что с ним скоро расправятся, — если только он не повернет на север и не отправится домой. Я прошел прямо в комнату Гарримана в конце коридора и, как он потом вспоминал, сказал: «Худ» погиб, но мы наверняка расправимся с «Бисмарком». Затем я вернулся к себе, настолько усталый, что снова заснул. Около половины девятого мой главный личный секретарь Мартин вошел в комнату, одетый в халат, с напряженным выражением своего аскетического, резко очерченного лица. «Мы изловили «Бисмарка»?» спросил я. «Нет, и «Принц Уэльский» отказался от сражения». Это было горькое разочарование. Неужели «Бисмарк» повернул на север и отправился назад домой? Этого я боялся больше всего. Теперь мы знаем, что произошло.

**
*

Всю ночь на 24-е, сквозь проливной дождь, смешанный со снегом, «Норфолк» и «Суффолк» искусно следили за врагом, несмотря на погоду и его усилия уйти от них; в течение всей ночи их сигналы сообщали о точном расположении и врагов и друзей. По мере того, как арктические сумерки переходили в день, «Бисмарк» вырисовывался все яснее в двенадцати милях к югу, идущий вперед, в южном же направлении. Вскоре, сзади и по левому борту «Норфолк» заметил дым. Появились «Худ» и «Принц Уэль-

ский» и началась смертельная схватка. С «Худа» противника распознали с дистанции в семнадцать миль, к северо-западу. Британские суда развернулись к бою, и в 5.52 утра, с дистанции около 25.000 ярдов, «Худ» открыл огонь. «Бисмарк» ответил, и почти сразу же произошло попадание в «Худ», в результате которого начался пожар на батарее из четырехдюймовых орудий. Пожар распространялся с неожиданной быстротой, пока не охватил всей средней части корабля. Все суда сейчас уже находились в действии, и в «Бисмарк» также попал снаряд. Внезапно произошла катастрофа. В шесть часов, после пятого залпа с «Бисмарка», мощный взрыв расколол «Худ» надвое. Несколькими минутами позже, окутанный густым дымом, он скрылся под волнами. За исключением трех человек, вся его доблестная команда из полутора тысяч человек погибла, включая вице-адмирала Ланселота Холланда и капитана Ральфа Керра.

«Принц Уэльский» быстро изменил свой курс, чтобы избежать обломков «Худа» и продолжал ставшее теперь неравным сражение. В течение нескольких минут в него попало четыре пятнадцатидюймовых снаряда, один из которых разрушил мостик, причем были убиты или ранены почти все, на нем находившиеся. В то же самое время корабль получил пробоину у кормы, ниже ватерлинии. Капитан Лич, один из немногих, уцелевших на мостике, решил на время выйти из сражения и, прикрывшись дымовой завесой, стал отходить. Однако, он также причинил повреждение «Бисмарку», который оказался вынужден сбавить скорость. В него попало два тяжелых снаряда ниже ватерлинии, один из которых пробил бак со смазочным маслом, что привело к серьезной потере масла — имевшей в дальнейшем важные последствия. Германский командир настойчиво продолжал свой курс на юго-запад, оставляя за собой маслянистый след.

Командование теперь перешло к контр-адмиралу Уэйк-Уокеру, находившемуся на своем мостике на

крейсере «Норфолк». От него зависело, возобновить ли сражение немедленно, или следовать за противником, пока не подспеет с «Королем Георгом V» и авианосцем «Викториус» Главнокомандующий. Преобладающим фактором было положение «Принца Уэльского». Корабль этот только недавно был спущен на воду и прошла едва неделя с момента, как капитан Лич доложил о его «готовности к бою». Корабль был сильно искалечен и два из десяти его четырнадцатидюймовых орудий не действовали. Было весьма сомнительно, мог ли он в этом положении противостоять «Бисмарку». Поэтому адмирал Уэйк-Уокер решил не возобновлять сражения, но держать противника под наблюдением. Это было несомненно правильно.

**
*

Для «Бисмарка» было бы самым мудрым удовлетвориться уже достигнутым, — что само по себе было громкой победой. За несколько минут он уничтожил один из лучших кораблей Королевского флота, и мог бы с большим успехом теперь вернуться в Германию. От всего происшедшего в обстановке, которую нам было трудно оценить и объяснить, его престиж и потенциальная ударная сила колоссально бы выросли.

Более того, как мы знаем теперь, «Бисмарк» получил серьезные повреждения от «Принца Уэльского» и масло все время вытекало из судна. Как мог он надеяться выполнить свою миссию по уничтожению торгового судоходства в Атлантике? У него был выбор между возвратом домой, — победоносным, с перспективой возобновить операции в будущем, — или продолжением пути, на котором его поджидала почти верная гибель. Только крайняя экзальтация его адмирала или же высочайшие приказы, его связывавшие, могут объяснить принятое им отчаянное реше-

ние. Когда я увидел своего американского друга около десяти часов, я уже знал, что «Бисмарк» движется на юг, и поэтому с новой уверенностью мог говорить о предстоящем его конце.

Чтобы находиться в курсе непрерывного потока телеграмм министерства иностранных дел, военного и секретной службы, поступавших через частные телефоны и через курьеров, я должен был в течение долгих часов ежедневно заниматься чтением. Это было большим облегчением, потому что когда мысли все время заняты, не остается места для огорчений. Тем не менее, в глубине моего мозга, все время вертелась одна и та же картина: этот огромный «Бисмарк», с его 45.000 тонн водоизмещения, может быть, почти неуязвимый для орудийного огня, спешащий на юг к нашим конвоям, в сопровождении «Принца Евгения». Затем мысль моя обращалась к этим конвоям. С начала охоты линкоры их оставили. Среди них был конвой с войсками, — самым ценным для нас, — находившийся сейчас уже далеко к югу от Ирландии, с адмиралом Сомервилем, приближавшимся полным ходом, вот-вот готовым стать между конвоем и противником. Я спрашивал дежурного капитана о расписании и расстояниях. Его сообщения успокаивали. Хотя конвой делал только 12 узлов, а «Бисмарк» мог, поскольку мы это знали, делать 25, между ними было достаточное пространство соленой воды. Кроме того, пока мы могли держать его под наблюдением, мы могли рассчитывать его уничтожить. Но что если ночью мы потеряем его из виду? Куда он пойдет? У него был широкий выбор, а мы были уязвимы почти повсюду.

Палата общин также может оказаться в дурном настроении, когда соберется во вторник. 10 мая ей пришлось отказаться от разбитого зала заседаний и она была теперь втиснута в Чёрч-Хауз, неподалеку. Это все напоминало порт в бурю, и там не было никаких удобств. Кабинеты, курительные, столовые и

все остальные привычные помещения были примитивны и наскоро отделаны. Воздушные тревоги были часты, а средства передвижения для членов Палаты неудовлетворительны. Как им понравится, если во вторник им будет сообщено на заседании, что «Худ» остался неотомщенным, что несколько наших конвоев отрезаны или даже истреблены и что «Бисмарк» вернулся в Германию или в какой-нибудь порт оккупированной Франции, что Крит — потерян и эвакуация с него, без больших жертв, сомнительна? У меня было большое доверие к мужеству и преданности членов Палаты, — если они могли быть убеждены, что дела ведутся должным образом. Но можно ли будет их убедить? Мой американский гость думал, что я нахожусь в веселом расположении духа, но улыбаться — стоит недорого.

**
*

В течение всего дня 24-го британские крейсера и «Принц Уэльский» продолжали преследовать «Бисмарк» и его спутника. Адмирал Тови, на «Короле Георге V», был все еще далеко, но сообщал, что надеется завязать сражение к 9 часам утра, 25-го. Адмиралтейство сосредоточило все силы. «Родней», находившийся в 500 милях к юго-востоку, получил приказ взять курс на сближение. «Рамилю» было указано оставить идущий в Англию конвой и занять позицию к западу от неприятеля; «Ревендж», из Галифакса, также двигался по направлению к центру событий. Крейсера были расположены с таким расчетом, чтобы помешать прорыву противника на север и восток, в то время, как эскадра адмирала Сомервилля шла на север от Гибралтара. Со скидкой на случайности, неизбежные в море, петля затягивалась все туже.

В тот вечер, около 6.40, «Бисмарк» внезапно повернулся, чтобы завязать сражение со своими пресле-

дователями, и произошла короткая схватка. Мы теперь знаем, что это имело целью прикрыть движение «Принца Евгения» на юг, где, пополнив в море запас горючего, он благополучно смог добраться до Бреста десятью днями позднее. Адмирал Тови послал вперед «Викториус», чтобы предпринять воздушную атаку в надежде уменьшить скорость хода противника. Этот авианосец плывал недавно и некоторые из его летчиков имели недостаточный боевой опыт. В 10 часов вечера, под прикрытием четырех крейсеров, авианосец выпустил девять несущих торпеды самолетов Сордфиш, в 120-мильный полет, против сильного встречного ветра, под дождем и низкой облачностью. Под водительством капитана 3-го ранга Эсмонда, направляемые по радио с «Норфолка», самолеты нашли «Бисмарк» двумя часами позднее и смело атаковали его, несмотря на сильный огонь зениток. Одна торпеда попала под мостик. На борту «Викториуса» проблема спасения эскадрильи самолетов вызывала острое беспокойство. Сейчас было уже абсолютно темно, был сильный ветер и шел слепящий дождь, а у пилотов было мало практики в посадке на палубу даже в дневное время. Более того, направляющий радио-луч, помощь которого была необходима при посадке, перестал действовать. Не обращая внимания на возможность присутствия подводных лодок, для помощи летчикам в посадке были использованы прожекторы и сигнальные лампы. Приятно отметить, что их отчаянные усилия были вознаграждены. Все благополучно опустились в темноте, среди всеобщей радости и чувства облегчения.

Еще раз все, казалось, подготовлено к развязке на утро, и еще раз оживились надежды Адмиралтейства. Вскоре после 3 часов утра, 25-го, «Суффолк» внезапно и неожиданно потерял контакт с «Бисмарком». Он искусно следил за ним при помощи радара, следуя сзади «Бисмарка» и несколько влево от него. Все суда теперь шли зигзагами, так как входили в зону, ки-

шевшую подводными лодками; это и привело к случившемуся несчастью. У внешнего конца каждого зигзага «Суффолк» терял радарный контакт с «Бисмарком», но восстанавливал его после поворота. Может быть он был слишком самоуверен, после столь длительного и успешного преследования. Но теперь, повернув еще раз к западу, «Суффолк» больше не обнаружил врага на предполагаемом курсе. Ушел ли он назад? Или сделал два поворота, на север и восток? Это вызвало крайнее беспокойство, так как становилась бесполезной вся концентрация сил. С наступлением дня «Король Георг V» сделал бросок на запад, затем повернул на восток, полагая, что «Бисмарк» теперь движется к Северному морю, и все британское преследование теперь приняло это направление. В Адмиралтействе укреплялось мнение, что «Бисмарк» идет на Брест, но окончательно пришли к этому заключению только к шести часам вечера. Тем временем, растерянность и задержка, вызванные потерей контакта, дали возможность «Бисмарку» проскользнуть через кордон и значительно обогнать преследователей на пути к безопасности. К 11 часам вечера он уже находился далеко к востоку от британского флагманского корабля. Ему нехватало смазочного: результат утечки. Между ним и берегом все еще находился «Родней», со своими шестнадцатидюймовыми орудиями, но в течение дня, также двигаясь к северо-востоку, тот пересек курс «Бисмарка». День, начавшийся таким многообещающим, кончился в разочаровании и расстройстве. К счастью, с юга, разрезая тяжелые волны Атлантики, все приближаясь, безостановочно шли наперехват «Реноун», «Арк Ройал» и крейсер «Шеффильд».

К утру 26 мая начала сказываться проблема снабжения горючим всех наших, широко разбросанных судов, находившихся в движении уже четыре дня. Некоторые из преследователей оказались вынуждены сбавить скорость. Было очевидно, что на этих широ-

ких просторах все наши усилия скоро будут бесполезными. Однако, в 10.30 утра, как раз когда все надежды начинали улетучиваться, «Бисмарк» был снова обнаружен. Адмиралтейство и Командование береговой обороны вели поиски при посредстве самолетов Каталина, оперировавших из Лоф Эрн, в Ирландии. Один из них обнаружил беглеца, быстро двигавшегося по направлению к Бресту, до которого все еще оставалось около 700 миль. Огнем с «Бисмарка» самолет был поврежден и контакт потерян. Но меньше чем через час, два Сордфиша с «Арк Ройал» еще раз нашли корабль. Он все еще был далеко к западу от «Реноуна» и достаточно далеко от берега, чтобы немецкие самолеты из Бреста могли оказать ему свою мощную поддержку. «Реноун», однако, не мог выступить против «Бисмарка» один. Было необходимо дожидаться прибытия «Короля Георга V» и «Роднея», все еще находившихся далеко позади. Но теперь, получив сообщение с Каталины, капитан Виан, прославившийся на «Альтмарке» и шедший на «Козаке» с четырьмя другими миноносцами, сопровождая конвой с войсками, получил приказ оставить эскортирование. Не ожидая дальнейших приказов, он немедленно повернул по направлению к противнику.

В этой захватывающей операции, однако, предстояло еще пережить немало растерянности. Адмирал Сомервиль, спеша к северу, выслал вперед «Шеффильд» для наблюдения за противником. «Арк Ройал» не получил уведомления об этом движении, и когда с него поднялись самолеты, радары привели их к «Шеффильду», который они атаковали, но, к счастью, не попали. «Шеффильд», понимая ошибку, не обстрелял самолетов, которые, в раскаянии, вернулись на «Арк Ройал»; тем временем, «Шеффильд» вошел в контакт с «Бисмарком» и больше не выпускал его из виду. После семи часов вечера пятнадцать Сордфишей снова вылетели с «Арк Ройала». Теперь противник находился всего в сорока милях и на этот раз

не произошло никакой ошибки. Направляемые к своей жертве простившим им «Шеффилдом» они решительно повели атаку. К 9.30 их дело было сделано. В «Бисмарк» попало две, а может быть и три торпеды. Наблюдающие самолеты сообщили, что корабль проделал два полных круга и, казалось, потерял контроль управления. Уже приближались миноносцы капитана Виана и в течение всей ночи они не отходили от поврежденного судна, атакуя его торпедами, когда только было возможно.

**

В этот понедельник я отправился в Адмиралтейство, где следил за происходящим по картам в Военном зале. «Что вы здесь делаете?» — спросил я контролера, адмирала Фрезера. «Я дожидаюсь, чтобы мне сообщили, что я должен отремонтировать», отвечал он. Быстро прошли четыре часа, и когда я уходил, я мог видеть, что адмирал Паунд и его круг избранных экспертов находились в уверенности, что «Бисмарк» обречен.

У немецкого командира, адмирала Лютьенса, не было никаких иллюзий. Незадолго до полуночи он докладывал: «Корабль не может двигаться. Мы будем биться до последнего снаряда. Да здравствует Фюрер!» «Бисмарк» все еще находился в четырехстах милях от Бреста, теперь уже для него недостижимого. На спасение его были теперь посланы сильные соединения немецких бомбардировщиков и подводные лодки, одна из которых, уже израсходовав свои торпеды, сообщила, что мимо нее, в близком расстоянии, прошел «Арк Ройал». Тем временем, приближались «Король Георг V» и «Родней». Горючее было на исходе и адмирал Тоби решил, что если не удастся сильно уменьшить хода «Бисмарка», к полуночи ему придется отказаться от преследования. По моей рекомендации Первый морской лорд радировал, что в

случае нужды суда будут приведены в Англию на буксире, но к тому времени уже стало известно, что «Бисмарк» в действительности едва полз и в неправильном направлении. Его основное вооружение было повреждено и адмирал Тоби решил провести сражение с наступлением дня.

Когда начало светать, дул сильный северо-западный ветер. В 8.47 открыл огонь «Родней»; минутой позже к нему присоединился «Король Георг V». Попадания с британских кораблей начались очень скоро, и, после паузы, «Бисмарк» также открыл огонь. В течение короткого времени он стрелял хорошо, хотя изнеможенная после четырех дней напряжения команда едва могла держаться на ногах и люди засыпали на боевых позициях. Третьим залпом был взят в вилку «Родней», но тяжесть британского огня стала превосходящей и большая часть немецких орудий через полчаса уже замолчала. В средней части корабля пылал пожар и весь он сильно накренился на левый борт. Теперь «Родней» зашел ему с кормы, непрерывно стреляя с дистанции не более 4000 ярдов. К 10.15 все орудия на «Бисмарке» замолкли и его мачта была сбита. Судно лежало, покачиваясь на больших волнах, — пылающая и дымящаяся развалина. Но даже и теперь еще не тонул «Бисмарк».

**

В одиннадцать часов я должен был выступить перед Палатой общин, собравшейся в Чёрч-Хауз, с докладом о сражении на Крите и о драме «Бисмарка». «Сегодня утром, — сказал я, — вскоре после рассвета, «Бисмарк», по существу неподвижный и лишенный поддержки, был атакован преследующими британскими кораблями. Я не знаю результатов бомбардировки. Повидимому, однако, «Бисмарк» не был потоплен орудийным огнем и его решили подорвать торпедой. Это сейчас приводится в исполнение и пола-

гают, что в ликвидации этого судна не будет большой задержки. Как бы ни была велика наша потеря — «Худ» — необходимо рассматривать «Бисмарк» как новейший и самый мощный линкор в мире». Не успел я сесть, как мне вручили записку, заставившую меня снова подняться. Я попросил у Палаты извинения и сказал: «Только что я получил известие, что «Бисмарк» потоплен». Члены Палаты, казалось, были довольны.

Последний удар торпедами нанес крейсер «Дорсетшир», и в 10.40 утра громадный корабль перевернулся и затонул. Вместе с ним погибло около 2000 немцев и их адмирал флота Лютьенс. Нами было спасено 110 угрюмых, несмотря на все свое изнеможение, моряков. Работа по спасению была прервана появлением подводной лодки и британские корабли были вынуждены отойти. Еще пять немцев было подобрано подводной лодкой и судном, занимавшимся метеорологическими наблюдениями, но когда на место гибели «Бисмарка» позднее пришел испанский крейсер «Канарис», на волнах качались только мертвые тела.

**
*

Этот эпизод означал большое облегчение для нас в войне на море; он же иллюстрирует колоссальную прочность немецкого корабля и огромные трудности и опасности, перед которыми поставил этот рейд наши многочисленные силы. Если бы «Бисмарк» спасся, психологические последствия его существования, так же как и материальный ущерб, который он мог нанести нашему судоходству, были бы огромны. Возникли бы большие сомнения в том, можем ли мы продолжать контролировать океаны. К большому для нас вреду эти сомнения разнеслись бы по всему миру. Не без оснований после потопления «Бисмарка» претендовали на лавры все. Преследование начали

крейсера, — что привело к первому катастрофическому сражению. Затем, когда противник был потерян, нашли его снова и привели к нему опять крейсера самолеты. Затем крейсер направил атаку других кораблей, нанесших врагу решающие удары и, наконец, миноносцы тревожили его целую ночь и привели линкоры к последней сцене развязки. В то время, как все заслужили свою славу, мы не можем забывать, что затянувшееся сражение стало возможно в результате повреждений, причиненных «Бисмарку» орудиями «Принца Уэльского». Таким образом, линкор и орудия доминировали и в начале, и в конце битвы.

Сообщение по Атлантическому океану могло продолжаться безопасно.

28-го я телеграфировал президенту:

«Позднее я сообщу Вам всю историю сражения с «Бисмарком». Это был поразительный корабль, венец судостроительного искусства. Его ликвидация облегчает положение с линкорами, поскольку нам приходилось держать «Короля Георга V», «Принца Уэльского» и двух «Нельсонов» все время в Скапа-Флоу, сторожа вылазку «Бисмарка» и «Тирпица»; немцы могли выбирать момент выхода в океан, а нам нельзя было даже позволить одному из наших кораблей стать на переоборудование. Теперь положение изменилось. Эпизод этот произведет оздоравливающий эффект на японцев. Я полагаю, они теперь начинают все пересчитывать сначала.»

18.

СИРИЯ

Сирия была одной из многих заморских территорий французской империи, которая, после падения Франции, сочла себя связанной капитуляцией французского правительства, а вишийские власти сделали все от них зависящее, чтобы не допустить кого-либо из французской армии в Леванте пересечь палестинскую границу и присоединиться к нам. Перешла только Польская бригада, но очень мало французов. В августе 1940 года появилась Итальянская комиссия по перемирию, и немецкие агенты, интернированные в начале войны, были освобождены и стали активизироваться. К концу года прибыло еще немало немцев и, вооруженные крупными средствами, они приступили к кампании среди арабов Леванта, возбуждая антибританские и антиссионистские настроения. К концу марта 1941 года мы были вынуждены обратить внимание на Сирию. Люфтваффе уже атаковал Суэцкий канал с баз на Додеканезских островах и было очевидно, что при желании немецкие самолеты могли оперировать и против Сирии, особенно с использованием парашютистов. Если бы немцы взяли в свои руки контроль над Сирией, Египет, важнейшая зона Суэцкого канала, и нефтеперегонные заводы Абадана оказались бы под прямой и непрерывной угрозой вражеских воздушных атак. Наши сухопутные коммуникации между Палестиной и Ираком оказались бы в опасности. В Египте могли бы произойти политические осложнения. а наше дипломатическое

положение в Турции и на всем Среднем Востоке сильно бы ослабело.

2 мая Рашид Али обратился к Фюреру с просьбой о военной поддержке против нас в Ираке и на следующий день германскому посольству в Париже было предписано заручиться от французского правительства разрешением на переброску транзитом через Сирию самолетов и вооружения для войск Рашида Али. 5 и 6 мая адмирал Дарлан составил с немцами предварительное соглашение, согласно которому три четверти военных материалов, собранных в Сирии и находившихся под контролем Итальянской комиссии по перемирию, должны были быть перевезены в Ирак, а германской авиации должно было быть предоставлено право пользования сирийскими аэродромами.

Как мы уже видели, силы средневосточного командования в этот момент были напряжены до крайности. На первом месте стояла оборона Египта; Греция была эвакуирована; Крит надо было оборонять; Мальта умоляла о подкреплениях; Абиссиния еще не была полностью завоевана; надо было найти войска для Ирака. Все, что имелось для обороны Палестины с севера, была 1-я кавалерийская дивизия, превосходное соединение, но лишенное артиллерии и вспомогательных частей, взятых у нее для других нужд. Генерал Де Голль настаивал на введении в бой сил Свободных Французов, — если нужно, то без британской поддержки. Но имея позади опыт Дакара, и генерал Уэйвел на месте, и мы, в Лондоне, чувствовали, что не рекомендуется использовать одних Свободных Французов, даже для оказания сопротивления немецкому наступлению в Сирии. Однако, могло получиться так, что избежать этого было бы нельзя.

Тем не менее, мы не могли отказаться от Сирии, не сделав всего возможного, чтобы собрать хоть какую-то силу для сопротивления. Как нам ни хотелось избежать взваливания дополнительной нагрузки на

Уэйвела, приходилось настаивать, чтобы он хоть как-то помог Свободным Французам. 28 апреля он ответил, что все, что он может сделать, это выделить единственную бригадную группу. На его телеграмме я пометил: «Представляется крайне необходимым, чтобы генерал Уэйвел как можно лучше подготовил бы бригадную группу и ту подвижную часть, о которой он упоминает, и имел бы их наготове на палестинской границе». Соответственно, начальники штабов послали Уэйвелу инструкции, что генералу Денцу не следует делать никаких определенных указаний, но что если он сможет оказать сопротивление немецкой высадке с воздуха или с моря, ему будет немедленно оказана помощь. Генералу Уэйвелу было также сказано, что против снизившихся немцев необходимо будет немедленно организовать воздушные операции.

Положение казалось угрожающим, и 8 мая я писал начальникам штаба:

«Генералу Исмэю — для Комитета начальников штабов.

Мне необходимы рекомендации Комитета относительно Сирии, сегодня же утром, к заседанию Кабинета. Надо приложить максимальные усилия, чтобы не допустить закрепления немцев в Сирии маленькими силами, а затем использовать ее в качестве плацдарма для завоевания воздуха над Ираком и Персией. Отягощать генерала Уэйвела этими событиями на его левом фланге бесполезно... Мы должны помочь всеми средствами, не обращая внимания на реакцию Виши. Я был бы весьма признателен, если бы Комитет начальников штабов проследил, чтобы было сделано все возможное».

9 мая, с одобрения Комитета обороны, я телеграфировал генералу Уэйвелу:

«Вы, несомненно, понимаете, какими опасностями грозит захват Сирии несколькими тысячами немцев, доставленными по воздуху. Имеющаяся у нас информация наводит на мысль, что адмирал Дарлан повидимому заключил какую-то сделку, рассчитанную на то, чтобы помочь немцам туда добраться. Учитывая очевидный недостаток у Вас ресурсов, мы не видим иного пути, как снабдить нужным транспортом генерала Карту и дать ему и его Свободным Французам

возможность достичь максимума из доступного в настоящий момент, с тем, чтобы Королевский военно-воздушный флот действовал бы против мест высадки немцев. Все, что Вы сможете сделать в добавление к этому, будет отлично».

14 мая наша авиация получила указания действовать против немецких самолетов в Сирии и на французских аэродромах. 17-го генерал Уэйвел телеграфировал, что, в виду посылки войск из Палестины в Ирак, сирийское предприятие придется проводить только силами Свободных Французов; иначе требуется переброска войск из Египта. Он полагал, что Свободные Французы одни не будут эффективны и только ухудшат положение, и заключал, выражая надежду, что его освободят от сирийского предприятия, если только оно не является абсолютно важным. Начальники штабов ответили, что нет иного выхода, как организовать большую экспедицию — не подвергая опасности положение в Западной пустыне, — а также, что ему надо подготовиться к движению на Сирию в кратчайший срок. Состав экспедиции оставлялся на его усмотрение.

21 мая — в момент немецкого нападения на Крит — Уэйвел приказал 7-й австралийской дивизии, за вычетом бригады, находившейся в Тобруке, приготовиться к движению в Палестину, и дал указание генералу Вильсону, по возвращении из Греции, принявшему командование в Палестине и Трансиордании, подготовить план наступления на Сирию.

**
*

К тому времени, между нами и генералом Уэйвелом возникло недоразумение из-за того, что из телеграммы начальников штабов у него создалось впечатление, что мы более полагаемся на советы Свободных Французов, чем на его собственные. Поэтому он телеграфировал начальнику Имперского генерального штаба, что если это так, он предпочитает быть

освобожденным от командования. Я поспешил заверить его, что ничего подобного нет, но в то же время чувствовал необходимым пояснить, что вопрос о сирийском предприятии решен и что мы принимаем на себя всю тяжесть ответственности за дело, которое вряд ли даже могло считаться чисто военным.

«Премьер-министр — генералу Уэйвелу. 21 мая 41 года

Ничто происходящее в Сирии не должно сейчас отвлекать Вас от задачи победить в битве за Крит или в Западной пустыне...

Нет никаких возражений против смешения британских войск со Свободными Французами, собирающимися вступить в Сирию. Но, как Вы ясно показали, Вы сейчас не имеете возможности организовать нормальную военную операцию; как Вам сообщалось вчера, все, что можно предпринять в настоящий момент, это помочь тому вооруженному — и политическому начинанию, которое было описано в телеграмме начальников штабов от 20-го.

Вы ошибаетесь, предполагая, что описанная политика является результатом одного из представлений, сделанных лидерами Свободных Французов. Она вытекает полностью из позиции, занятой теми, на кого возложено высшее руководство военной политикой на всех театрах. Наша точка зрения такова, что если немцы могут захватить Сирию и Ирак маленькими воздушными силами, туристами и местными революционерами, нам не следует останавливаться перед таким же небольшим военным риском, стоя перед лицом политических осложнений, неизбежных в случае нашей неспособности справиться с положением. За это решение мы берем на себя полную ответственность, и если Вы чувствуете, что не хотите привести его в исполнение, будут приняты меры к исполнению Вашего желания быть освобожденным от командования».

Своим ответом Уэйвел показал, что он полностью понял меня. Он объяснил, что доказанная неточность информации Свободных Французов о положении в Сирии заставляла его уклоняться от обязательства предпринять военную операцию в то время, как Крит, Ирак и Западная пустыня требовали всех наличных ресурсов.

«Генерал Уэйвел — премьер-министру. 22 мая 41 года

Сирийская операция вызывает беспокойство, поскольку, закрепившись в Сирии, германская авиация будет оттуда ближе к Суэцкому каналу, чем от Мерса Матрух. Вишийские французы повидному теперь полностью играют в руку немцам. Я направляю в Палестину подкрепления. В результате обстоятельных обсуждений с Каннингхэмом, Теддером и Блэйми мы чувствуем, что должны быть готовы к действиям против Сирии и что слабая операция там бесполезна. Все положение на Среднем Востоке сейчас определяется силой в воздухе и военно-воздушными базами. Наличие вражеских баз в Греции сильно ослабило наше положение на Крите, а базы в Киренаике, на Крите, Кипре и в Сирии делают трудной задачу удержания Египта. Целью армии в Киренаике является отбросить противника как можно дальше на запад, стараться не допустить его закрепления в Сирии, на Крите или Кипре. Это будет не так легко, с наличными ресурсами армии и авиации. Я знаю, Вы все это себе представляете и стараетесь сделать все возможное для обеспечения необходимых условий, и мы делаем все, что в наших силах, чтобы удержать Средний Восток. Нам предстоит несколько трудных месяцев, но мы не падаем духом».

На следующий день я ответил:

«Премьер-министр — генералу Уэйвелу. 23 мая 41 года

Благодарю за Вашу телеграмму. Мы переживаем трудное время и должны стараться помогать друг другу...

Сирия. Мы считаемся с Вашими взглядами, а не со взглядами Свободных Французов. Вы лучше придерживайтесь Де Голля поближе к себе. Сообщите, смогу ли я помочь справиться с ним. Мы не можем допустить поражения на Крите ради Сирии. Поэтому, в настоящий момент нам доступны только второстепенные предприятия...

Ирак. Мы надеемся, что экспедиционный корпус вскоре войдет в Багдад и восстановит там власть регента».

По мере того, как уменьшались надежды на удержание Крита, угроза Сирии привлекала все большее внимание. 25 мая генерал Уэйвел передал вкратце свой план «Экспортера», — условное название для сирийской операции. Генерал Вильсон готовился двигаться на север с силами, состоящими из 7-й австралийской дивизии, войсками Свободных Французов, ча-

стью 1-й кавалерийской дивизии, теперь моторизованной, и некоторыми другими частями. Уэйвел считал, что движение сможет начаться не ранее первой недели июня. Хотя по своим последствиям создание немецких военно-воздушных баз в Леванте было крайне серьезным, особенно если бы оно совпало по времени с морским десантом против Турции — возможность, которой нельзя было пренебрегать, — приоритет должен был быть отдан попытке добиться успешного разрешения положения в Западной пустыне (операция «Секира»).

Ночью 27 мая Комитет обороны Кабинета был созван для рассмотрения общего положения на Среднем Востоке и его решения я изложил в телеграмме генералу Уэйвелу.

«Премьер-министр — генералу Уэйвелу. 28 мая 41 года

...Наши непосредственные операции на Среднем Востоке определяются следующими фактами:

1. Обладание Критом даст противнику возможность установить прямую линию связи с Киренаикой через западное побережье Греции и Крит. Если мы не закрепим в Киренанке наших военно-воздушных сил, мы не сможем ни прервать этой линии, ни продолжать легко удерживать Мальту и прерывать линию коммуникации на Триполи.

2. Атака через Турцию и (или) через Сирию не может развить полной силы еще в течение долгих недель.

Нашей первой целью должно быть завоевание решающего военного успеха в Западной пустыне и уничтожение вооруженных сил противника в сражении, в которое надо будет бросить все наличные силы.

Тем временем, важно укрепиться в Сирии до того, как немцы оправятся от сильнейших потерь в авиации, произошедших в результате энергичного сопротивления армии Фрейберга. Соответственно, изложенный в Вашей телеграмме от 25 мая общий план действий, утверждается.

Поэтому, среди тревог, вызванных падением Крита и предшествовавшей концентрации сил в Западной пустыне, подготовка к оккупации Сирии стала развиваться полным ходом.

«Премьер-министр — генералу Уэйвелу. 3 июня 41 года

1. Пожалуйста, сообщите точно, какие наземные и воздушные силы Вы направляете против Сирии. Что Вы делаете с поляками? Представляется важным использовать и продемонстрировать с самого начала как можно больше авиации, и даже устаревшие машины могут сыграть свою роль, как это они с таким успехом проделали в Ираке.

2. Из-за Крита поднялась буря критики и от меня требуют объяснений по многим пунктам. — Об этом сейчас не беспокойтесь совершенно. Просто следите внимательно за Сирией и, главное, за ходом «Секиры». Только эти операции дадут нам возможность ответить на критику, справедливую и несправедливую. Превосходство в воздухе, созданное для «Секиры», на много превосходит все, на что Вы можете рассчитывать в течение многих месяцев. Как сказал Наполеон, «Бой решит все». Примите мои лучшие пожелания».

Уэйвел ответил 5-го, перечислив силы, которые он использует. Сражения решено избегать как можно дольше, и сперва будет сделана попытка достичь успеха пропагандой, листовками и военной демонстрацией. Если будет оказано сопротивление, будет прибегнуто к силе. Он сообщал, что он всегда оценивал силы, нужные для оккупации Сирии в две дивизии и одну бронетанковую дивизию, или, по крайней мере, несколько танковых бригад. Поэтому, он должен считать успех по меньшей мере проблематичным и зависящим от отношения французского гарнизона и местного населения.

**
*

Помня запутанный и озадачивающий характер проблем, стоящих перед Де Голлем, накануне нашей совместной экспедиции в Сирию я послал ему следующую телеграмму:

«Премьер-министр — генералу Де Голлю.

6 июня 41 года

Мне хочется послать Вам свои лучшие пожелания в связи с нашим совместным предприятием в Леванте. Я на-

деюсь, что Вы удовлетворены, что сделано все возможное для оказания помощи оружию Свободной Франции. Я уверен, что Вы согласитесь, что эта операция, да и вся будущая политика на Среднем Востоке, должна быть основана на взаимном доверии и сотрудничестве. Наша политика в отношении арабов должна развиваться параллельно. Вы знаете, что мы не ищем специальных преимуществ во Французской империи и не имеем намерения использовать в своих выгодах трагическое положение Франции.

Я поэтому приветствую Ваше решение обещать независимость Сирии и Ливану и, как Вы знаете, считаю, что мы обязаны поддержать это обещание всем весом нашей гарантии. Я согласен с тем, что ни в каком решении сирийской проблемы мы не должны рисковать стабильностью положения на Среднем Востоке. Но с учетом всего этого, мы должны сделать все возможное, чтобы оправдать надежды арабов и не задеть их чувствительности. Я уверен, что Вы не упустите из виду важности этой задачи.

Все наши мысли сейчас с Вами и с солдатами Свободной Франции. В этот час, когда Виши достигло новых низин позора и бесчестия, лояльность и смелость Свободных Французов спасает славу Франции.

Я должен просить Вас, в этот ответственный момент, не настаивать на провозглашении Карту верховным комиссаром в Сирии».

Как обычно, я держал президента полностью в курсе дел.

«Бывший моряк — президенту Рузвельту.

7 июня 41 года

1. Завтра утром с небольшими силами мы вступаем в Сирию для того, чтобы предупредить дальнейшее проникновение туда немцев. Успех зависит, в большой степени, от позиции, которую займут местные французские войска. Соединение Свободных Французов Де Голля будет играть видную роль, но оно не будет в авангарде. Он выпускает прокламацию к арабам, предлагая им, от имени Франции, полную независимость и возможность создать либо три, либо одно, либо федерацию из трех арабских государств. Отношения этих государств к Франции будут зафиксированы в договоре, предусматривающем обеспечение взаимных интересов, — по типу англо-египетского договора. Генерал Карту будет называться не верховным комиссаром, но французским полномочным представителем.

2. Я не могу предсказать реакции Виши и того, что может случиться. Я лично не думаю, что они сделают что-нибудь худшее, чем то, что они уже делают, но, конечно, они могут попытаться ответить ударом по Гибралтару или Фритауну. Я был бы чрезвычайно Вам признателен, если бы Вы продолжали оказывать на них давление. У нас в Сирии нет никаких политических интересов, — кроме желания выиграть войну».

**
*

Всё, что Уэйвел мог собрать для наступления, были: 7-я австралийская дивизия, часть 1-й кавалерийской, 5-я индийская пехотная бригада, недавно вернувшаяся из Эритреи, и соединение Свободных Французов под командованием генерала Ле Жан-тильома, состоящее из шести батальонов, одной батареи и танковой роты. Поддержка авиацией была ограничена сперва всего семидесятью самолетами. Для обеих сторон приоритет принадлежал сражению на Крите. Для сирийской операции были предназначены также два крейсера и десять миноносцев, помимо нескольких малых судов. Силы Виши, под командованием генерала Денца состояли из 18 батальонов, со 120 орудиями и 90 танками, всего из 35.000 человек; авиации, насчитывавшей до 90 самолетов, и небольшой эскадры из двух миноносцев и трех подводных лодок, базировавшихся на Бейрут.

Задачей союзной армии был захват Дамаска, Райака и Бейрута, в качестве предпосылки для оккупации всей страны. Наступление началось 8 июня и сначала почти не встречало сопротивления. Никто не мог предсказать, как будет сопротивляться Виши. Хотя наше движение вряд ли могло быть неожиданным, некоторые думали, что сопротивление противника будет лишь символическим. Но когда неприятель понял, как мы были слабы, он возмутился и реагировал самым энергичным образом, хотя бы для спасения чести своего оружия. Свободные Французы

были задержаны в десяти милях от Дамаска, и движение противника в обход восточного фланга угрожало их коммуникационным линиям. Австралийцы, следовавшие по береговой дороге, медленно преодолевали труднопроходимую местность. У Кунейтры, встреченный контратакой двух батальонов, поддержанных танками, был разбит один британский батальон. На море была встреча с вишийскими миноносцами, но те удрали, пользуясь превосходством в скорости. 9-го в море состоялась короткая схватка, во время которой был тяжело поврежден миноносец «Янус». 15-го, бомбардируя Сидон, были повреждены в воздушной атаке два британских миноносца, но подходивший к берегу с запада вишийский миноносец был, в свою очередь, потоплен нашей морской авиацией.

В результате первой недели сражений Уэйвелу стала ясной необходимость послать подкрепления. Он смог собрать транспорт из одной бригады 6-й британской дивизии, теперь частично сформированной, а в конце июня за ней последовала вторая бригада. Он также направил через пустыню на Пальмиру с юга бригадную группу 1-й кавалерийской дивизии, принявшую ранее участие в захвате Багдада; кроме того, двум бригадам 10-й индийской дивизии в Ираке было приказано идти вверх по Евфрату на Алеппо. Это расширение кампании начало производить свой эффект начиная с 20 июня. 21-го, после трехдневной ожесточенной борьбы, австралийцами был занят Дамаск. Их наступлению помог смелый рейд 11-й группы «Коммандос», высадившейся с моря позади неприятельских линий. В этом ударе «Коммандос» потеряли своего командира, полковника Педдера, и все остальные офицеры ее были или ранены или убиты, вместе со 120 рядовыми, — четвертью всей группы.

Операции первой недели июля приблизили поражение вишийцев. Генерал Денц понял, что достиг пределов своих возможностей. У него все еще было около 24.000 человек, но он не мог надеяться про-

должать сопротивление. В целости оставалась едва одна пятая его авиации. 12 июля в 8.30 утра вишийские посланцы явились с просьбой о перемирии. Согласие было дано, протокол подписан и Сирия перешла под союзную оккупацию. Мы потеряли убитыми и ранеными 4.500 человек, противник — 6.500. В ходе кампании произошел один досадный инцидент. Захваченные во время боев британские пленные были поспешно отправлены в вишийскую Францию, откуда, несомненно, были бы переправлены в германские лагеря. Когда это было обнаружено, и не было предложено никакого удовлетворительного объяснения, генерал Денц и другие высокопоставленные офицеры были арестованы в качестве заложников. Это имело желательный эффект и наши люди были возвращены.

**
*

Успешная кампания в Сирии значительно улучшила наше стратегическое положение на Среднем Востоке. Она закрыла дверь для всех дальнейших попыток противника проникнуть на восток от Средиземного моря, передвинула линию обороны Суэцкого канала на 250 миль к северу и избавила турок от тревоги за их южную границу. Теперь, в случае нападения, они могли рассчитывать на помощь дружественных сил. Хотя, для целей повествования, мне было необходимо разделить на четыре части операции в Ираке, на Крите, в Сирии и Западной пустыне, следует помнить, что происходили они одновременно и оказывали друг на друга постоянное влияние, вызывая состояние крайне сложного кризиса. Тем не менее, можно утверждать, что конечный результат означал несомненную и важную победу для британских и имперских армий на Среднем Востоке, заслуга которой принадлежала нашему командованию в Лондоне и Каире одновременно.

Сражение за Крит, обошедшее нам так дорого, разрушило ударную силу германского парашютного корпуса. Восстание в Ираке было в конце концов подавлено, и с жалкими, импровизированными силами мы снова завоевали господство на обширных территориях. Оккупация Сирии, предпринятая для того, чтобы справиться с опасным положением, как впоследствии оказалось навсегда покончила с немецким продвижением в направлении Персидского залива и Индии. Если бы Военный Кабинет и начальники штабов слушались только голоса благоразумия и не старались превратить каждое из сражений в победу, мы ограничились бы своими потерями тем, что произошло на Крите, но не использовали бы преимуществ, бывших результатом славной и тяжелой борьбы на этом острове. Если бы генерал Уэйвел, со всей своей перегруженностью, капитулировал бы под сильнейшим давлением, которое на него оказывали события и наши распоряжения, всё будущее войны — и Турции — могло бы быть катастрофически иным. Можно многое сказать на тему о пользе осторожности и расчетливости в каждой операции, и о законности стремления обеспечить гарантированным успехом каждую попытку. Но и для этого принципа, как и всегда в жизни, существуют исключения.

Остается описать еще одну операцию, битву за Западную пустыню, которая и мной и начальниками штабов считалась важнейшей. Это сражение, хотя и не принесло нам победы, остановило продвижение Роммеля почти на пять месяцев.

19.

**ПОСЛЕДНЕЕ УСИЛИЕ ГЕНЕРАЛА УЭЙВЕЛА
«СЕКИРА»**

Все наши стремления всё время были сконцентрированы на разгроме Роммеля в Западной пустыне. Между нами, солдатами и штатскими, не было никаких разногласий по поводу колоссальной важности этой задачи. Трагедия эвакуации из Греции, диверсии в сторону Ирака и Сирии, тяжелая борьба на Крите, — все это бледнело перед значением, которое мы справедливо придавали необходимости одержать победу в Западной пустыне. В Лондоне на эту тему даже не приходилось спорить.

Конечно, на Уэйвела изо дня в день сыпались всякие другие заботы и несчастья. Но в вопросе о необходимости разгромить авантюристическое наступление Роммеля и освободить осажденный Тобрук он был непоколебимо с нами. Более того, он понимал, на какие опасности мы пошли, чтобы восстановить его танковые силы, которые он потерял, когда развалился его фланг в пустыне. Он лояльно отнесся к «Тигру». Он понимал значение нашего усилия послать ему через Средиземное море почти три сотни танков. Его дух был на высоте, и он не проглядел того общего принципа, что в войне, как и в жизни, все относительно. Можно было утверждать, что наша общая стратегическая концепция была правильна. В это время мы имели шпиона, находившегося в близкой связи с главной квартирой Роммеля, который давал нам точную картину ужасающей трудности его, все

еще напористой, но неустойчивой позиции. Мы знали, каким малым было то превосходство, с помощью которого он надеялся продержаться, а также строжайшие ограничения, наложенные на него германским Верховным командованием, требовавшим, чтобы он не растратил завоеванного чрезмерным искушением судьбы.

«Премьер-министр — генералу Уэйвелу. 7 мая 41 года

Только Вы и Ваши генералы можете судить о тактических возможностях Соллума или Тобрука. Но если «Тигр» благополучно пройдет, это будет момент для смелой акции. Я просил немедленно передать под Ваше командование Ураганы на Мальте, как только «Тигр» пройдет мимо. Эти гунны становятся несравненно менее опасны, когда они теряют инициативу. Все наши мысли с Вами.

Уэйвел, который располагал всей нашей информацией, по своей собственной инициативе пытался, даже накануне неизбежной развязки на Крите, справиться с Роммелем до того, как прибудет из Триполи, в полной силе, страшная 15-я бронетанковая дивизия, и до того, как Бенгази станет полностью использоваться противником для подвозки всего необходимого в качестве ближайшего порта. Поэтому он хотел нанести удар силам Роммеля даже до прибытия танков с «Тигром» — «тигрята», как называли мы их с Уэйвелом в нашей переписке. В начале мая наши бронетанковые силы в Западной пустыне состояли только из двух эскадронов рейдовых танков и двух — пехотных танков, стоявших к юго-востоку от Мерса Матрух. Уэйвел надеялся к началу июня превратить их в приличную ударную силу. Он полагал, что имеется возможность ударить еще до того, как «тигрята» будут готовы. Он надеялся застать противника врасплох прежде, чем его силы подкрепит 15-я танковая дивизия.

«Генерал Уэйвел — премьер-министру. 13 мая 41 года

Я приказал передать в распоряжение Готта, для наступательной операции в районе Соллума, все наличные танки.

Операция эта сейчас готовится, и скоро начнется. Я откажусь от нее только в случае, если «Тигра» постигнет катастрофа...»

«Генерал Уэйвел — премьер-министру. 13 мая 41 года

Не дожидаясь завершения операции «Тигр», я приказал всем наличным танкам присоединиться к частям Готта для атаки в районе Соллума. Сражение произойдет в ближайшие два дня и я надеюсь, что Готту удастся справиться с передовыми неприятельскими войсками. Если операция пройдет успешно, я рассмотрю возможности комбинированных действий Готта и гарнизона Тобрука, чтобы отбросить противника к западу от крепости. Может оказаться необходимым дождаться части «Тигра», чтобы это предпринять, но я хочу действовать как можно скорее, пока враг не получил подкреплений».

Начальники штабов были полностью согласны со мной. Не иметь расхождений дома — огромное облегчение!

«Начальник штаба авиации — маршалу авиации Теддеру.

14 мая 41 года

1. После того, как начальники штабов, в сегодняшнем обсуждении, выразили общее согласие с Вашей оценкой положения, я еще раз обсудил его в подробностях с премьер-министром. Он выразил большое удовлетворение общим ходом вещей и тем, что предстоящая важная и сложная воздушная операция находится в Ваших руках.

2. Следующие общие замечания относительно расписания и относительной важности элементов операции, могут Вам помочь, не связывая Вашей свободы действий.

3. На первом месте, по времени и по важности, стоит победа в Ливии. Результаты там окажут решающее влияние на положение в Ираке, заставив призадуматься немцев и иракцев.

4. Нашей целью в Ираке является восстановление в Багдаде дружественного нам правительства, и Вам следует сделать все возможное, чтобы помочь в этом, но ничто не должно мешать достижению победы в Западной пустыне.

5. Отсюда представляется вероятным, что атака на Крит произойдет после начала маленьких операций в Ливии, — и до больших, зависящих от прибытия «тигрята». Вам следует допустить возможность (но не полагаться на это), что

из-за сложности операции Крит будет атакован позднее, чем ожидалось.

6. Один ясный результат стоит дюжины мудрых предосторожностей. Общие перспективы положения в Ираке, Сирии и в Палестине, могут быть рассмотрены позднее. Придание первостепенной важности операциям в пустыне оправдывает готовность рисковать во всех остальных местах».

**
*

Войска, под командованием генерала Готта, состоявшие из 7-й бронетанковой бригады, располагавшей 55 танками, и 22-й гвардейской бригады, продвинулись на север вдоль эскарпа и 15 мая заняли Соллум и Капуццо; при этом бронетанковая бригада, на левом фланге, вышла к Сиди Азейц. Неприятель быстро контратаковал и снова занял Капуццо, в тот же день после полудня, нанеся тяжелые потери занявшим его ранее Дархэмским пехотинцам. Это вынудило отступление из Сиди Азейца 7-й бронетанковой бригады. Противник, пустив в дело 70 танков, оказался сильнее, чем ожидалось. Хотя в ту ночь мы все еще удерживались в Соллуме, было решено на следующий день отвести все войска, оставив гарнизоны на перевале, у Хальфайи и Сиди Сулеймана.

Рапорт Уэйвела об этом эпизоде не был оптимистичен. Он писал, что после предварительного наступления, очистившего от противника район Соллума — Бардии, контратака противника с танками вынудила отвести наши войска назад в Хальфайю. Мы смогли удержать передовые позиции у Соллума, а вылазка тобрукского гарнизона завершилась местным успехом. Мы нанесли неприятелю значительные потери. В Англии мы были удовлетворены.

«Премьер-министр — генералу Уэйвелу. 17 мая 41 года

1. Результаты операции нам представляются удовлетворительными. Вы предприняли наступление, не используя «тиграт», продвинулись на тридцать миль, захватили Халь-

файю и Соллум, взяли 500 немецких военнопленных и нанесли противнику потери людьми и танками. Цена двадцати танков «И» и потери в 1.000-1.500 человек с нашей стороны не должна считаться слишком высокой.

2. Новости из Тобрука также хороши, особенно, если потери врага превышают наши. Тобрук беспокоит неприятеля и когда там все спокойно, сводки немцев дышат очевидным удовлетворением. Продолжать драться у Тобрука представляется крайне важным.

3. Противник подтягивает подкрепления и старается восстановить положение. Нам надо было бы, конечно, приветствовать это, поскольку он может оказаться не в состоянии выдерживать серьезной и затяжной борьбы. Мы с Диллом уверены, что неослабное давление принесет хорошие результаты, так как нам известно чрезвычайно тревожное состояние противника. Мы уверены, что Вам необходимо продолжать нажим и у Соллума, и у Тобрука. Противник не имеет возможности пополнять свои потери так, как это можете делать Вы. Предположим, что в обоих местах Вы полностью используете свою мощную механизированную полевую артиллерию, вынуждая его растрачивать амуницию, которой, как нам знаем, ему недостает. Мы также были бы рады, если бы, не загружая себя этим лично, Вы поручили бы какому-нибудь офицеру своего штаба каждый вечер составлять для нас более полный рапорт о событиях дня. Это будет еще более желательно, когда начнутся операции в Западной пустыне, имеющие такое большое значение для положения во всем мире.

4. Когда Вы собираетесь ввести в дело «тиграт»?»

«Генерал Уэйвел — премьер-министру. 18 мая 41 года

Противник оказался сильнее, чем мы думали, и заставил нас перейти к обороне еще до того, как в дело вошли «тиграты». Последнее случится не раньше конца месяца и было бы лучше, если бы им была дана возможность лучше освоиться с обстановкой; это, однако, будет зависеть от общего положения. Противник накапливает силы в прифронтовом районе, и может попытаться продвинуться дальше.

Вы, вероятно, уже слышали о капитуляции герцога Аосты. Это практически заканчивает кампанию в Восточной Африке».

20 мая Уэйвел сообщил, что танковый батальон 15-й танковой дивизии, повидимому, прибыл на передовые линии. Таким образом, возможность нанести Роммелю поражение до того, как он получит подкрепление, миновала. Несмотря на заранее проведенную подготовку, задержки в разгрузке, подгонке и переоборудовании для действий в пустыне «тиграт» оказались значительными. Механическое состояние многих танков типа «И» по прибытии было найдено требующим проверки.

«Генерал Уэйвел — премьер-министру. 25 мая 41 года

Спасибо за письмо. Вы понимаете, что наши трудности и наша ответственность, как бы тяжелы они ни были, несравнимы с теми, которые выносите Вы с такой бодростью...

Отлучение «тиграт» от груди проходит удовлетворительно, но даже у тигров прорезывание зубов является проблемой».

«Я помню, — говорит моя жена, — страшное беспокойство и даже гнев в Чекерсе в течение нескольких воскресений, из-за того, что вновь прибывшие танки вводились в строй с такой медленностью».

**

Скоро пришла беда. Однако, в течение следующей недели было замечено значительное движение неприятельских танков. Из документов, захваченных позднее, мы узнали, что Роммель ожидал серьезной атаки для освобождения Тобрука и решил захватить и удерживать Хальфайю для того, чтобы сделать подобную попытку более трудной. Он использовал большую часть только что прибывшей 15-й танковой дивизии, которая, за исключением небольшой разведочной части, направленной к югу, была им сосредоточена на границе, между Капуццо и Сиди Омаром. Хальфайя удерживалась 3-м батальоном Колдстримских гвардейцев, полком полевой артиллерии и двумя танковыми эскадронами. Остающиеся

наши пограничные войска, за исключением наблюдательных патрулей на юге, были отведены на значительное расстояние в тыл. Враг двинулся на Хальфайю 26 мая и в тот же вечер занял высоту к северу от перевала, которая дала ему хороший наблюдательный пост над всей позицией, занимавшейся кольдстримцами. Контратака против этой высоты оказалась безуспешной и на следующее утро, после тяжелого обстрела, атака двух батальонов и шестидесяти танков поставила наши маленькие силы в величайшую опасность. Резервы были слишком далеко для того, чтобы прийти на помощь, и оставалось только извлечь оттуда наши силы. Это было сделано, но потери были тяжелы; только два наших танка были в действии, а кольдстримские гвардейцы потеряли 8 офицеров и 165 солдат. Противник достиг своей цели и стал закрепляться в Хальфайе. Как он и рассчитывал, занятие им этой позиции оказалось значительным препятствием для нас тремя неделями позже.

**
*

Приготовления к «Секире» проходили энергично, но во всем этом оставалась темная сторона.

«Генерал Уэйвел — Начальнику Имперского генерального штаба. 28 мая 41 года

1. В «Секиру» вкладывается вся наличная сила в танках и бронев автомобилях. Переформирование 7-й бронетанковой дивизии задерживается различными трудностями. Наступление из Мерса Матрух начнется не раньше 7 июня, а может быть позже.

2. Я считаю нужным сообщить Вам, что, по моему мнению, успех этой операции сомнителен. Я надеюсь, что мы сможем отодвинуть противника к западу от Тобрука и восстановить с осажденной крепостью связь по суше. Если удастся, мы разовьем успех дальше. Но недавние операции вскрыли некоторые тревожные вещи. Наши бронированные машины покрыты слишком легкой броней для огня неприятельских истребителей и, не имея орудий, они беспомощны против немецких восьмиколесных броневиков, обладающих

и орудиями, и большей скоростью. Это делает разведку затруднительной. Наши пехотные танки слишком медленны для битвы в пустыне и несут значительные потери от огня мощных противотанковых орудий неприятеля. Наши рейдовые танки имеют небольшое преимущество над немецкими средними танками. Технические поломки все еще слишком многочисленны. Мы не сможем принять сражения с полной уверенностью, в условиях численного неравенства, как это мы могли делать против итальянцев. Приведенные выше факторы могут ограничить наш успех. Они также делают необходимым продолжение потока танковых подкреплений и резервов».

31 мая генерал Уэйвел доложил о технических трудностях в переформировании 7-й бронетанковой дивизии. Самая ранняя дата, когда он смог бы начать операцию «Секира», передвигалась на 15-е июня. В то время, как он отдавал себе отчет в опасностях откладывания, связанного с риском получения неприятелем подкреплений в авиации и штурма Тобрука, он чувствовал, что поскольку предстоящее сражение будет главным образом танковым, он должен дать бронетанковой дивизии все возможности для подготовки, и что несколько дополнительных дней ожидания должны «удвоить возможность успеха».

В страстной надежде и тревоге ждал я теперь нашей атаки в пустыне, от результатов которой мог измениться в нашу пользу весь ход кампании. Еще две недели, прошедшие прежде чем «тигрята» смогли быть использованы в 7-й бронетанковой дивизии, вызвали у меня опасения, что вся 15-я танковая дивизия доберется до Роммеля.

Согласно донесениям нашей разведки, в Восточной Киренаике или на пути туда, находились немецкие 5-я (легкая) и 15-я танковая дивизии, с итальянской бронетанковой дивизией Ариете, моторизованной дивизией Тренто и пехотной дивизией Брешиа. Другая итальянская пехотная дивизия находилась в резерве в Дерне. Во вселяющем тревогу контрасте с нашими собственными операциями прошлого года,

немцы быстро ввели в действие Бенгази и значительная часть их сил в большой степени снабжалась уже через этот порт.

В своем послании Уэйвел указывал, что большая часть неприятельских войск расположена перед Тобруком, со 130 средними и 70 легкими танками. Считалось, что на передовых линиях находятся только 100 средних танков, с семью немецкими и девятью итальянскими батальонами. Поэтому полагалось, что две-третьи танковых сил противника находилось в семидесяти милях от границы. Если бы Тобрук, посредством вылазок, смог бы удерживать противника около крепости, мы бы вначале располагали на границе превосходством в 100-180 танков. Уэйвел отмечает, что эти расчеты были ошибочны. Поскольку это сейчас установлено, в пограничном сражении итальянские танки совершенно не участвовали. Немцы сумели сосредоточить на передовых позициях большую часть своих собственных танков, причем от нас это осталось скрытым. На самом деле, против наших 180 танков, они ввели в действие более 200.

«Секира» началась на рассвете 15 июня. Генерал Криг командовал нашими бронетанковыми соединениями, а генерал Мессерви — 4-й индийской дивизией и 22-й гвардейской бригадой. Все силы, составлявшие около 25.000 человек, находились под командованием генерала Бересфорд-Пейрза. В начале дела шли довольно хорошо. Хотя оборона противником Хальфайи удерживалась против наших комбинированных атак с севера и юга, гвардейская бригада заняла после полудня Капуццо, взяв несколько сот пленных. Часть этой бригады продолжала двигаться вперед, против западной линии укреплений Соллума, но там была задержана. 7-я бронетанковая бригада, двигаясь и обороняя внешний фланг, достигла позиции к

западу от Капуццо, не встретив неприятельских танков. За 16 июня не было почти ничего сделано. Хальфайя и Соллум удерживались твердо против нас, а после полудня появились сильные соединения неприятельских танков, двигавшиеся с ясным намерением обойти наш западный фланг. 7-я бронетанковая дивизия, бригада и вспомогательная группа двинулись навстречу, чтобы предупредить эту угрозу. Они схватились с противником около Сиди Омара, но были подавлены его численностью и отошли. Тем самым был открыт фланг главного направления нашего наступления, — который они должны были прикрывать.

На следующий день, 17-го, все пошло прахом. Утром гвардейская бригада все еще находилась в Капуццо и перед Соллумом. Но позже Капуццо был у нее отбит значительными силами, включавшими 100 танков. 7-я бронетанковая дивизия, имевшая к тому времени только 20 танков в строю, провела ночь у Сиди Сулеймана. Неприятельская часть, отбросившая их накануне ночью от Сиди Омара, прорвалась к Хальфайе и угрожала отрезать гвардейскую бригаду. Для того, чтобы ликвидировать эту угрозу, Криг предложил атаковать с юга силами 7-й бронетанковой бригады, в то время как 4-я, освобожденная от задачи взаимодействия с гвардейской бригадой, атаковала бы с севера. Но как только 4-я бригада начала двигаться, с запада появилась другая танковая колонна противника, угрожая флангу гвардейцев. Бронетанковая бригада выдержала эту атаку, но давление противника продолжалось и Мессерви сообщил Кригу, что он не может расстаться со своей бригадой, не рискуя изоляцией пехоты.

В этот решающий момент, в боевой штаб генерала Бересфорд-Пейрза, прибыл генерал Уэйвел. Он все еще надеялся изменить положение атакой танков Крига. Он сел в свой самолет и отправился к 7-й бронетанковой дивизии. Не успел он прибыть туда, как узнал, что генерал Мессерви самостоятельно ре-

шил, что с двойной угрозой против его фланга и тыла, противником, насчитывавшим там по крайней мере двести танков, он должен немедленно отступить, чтобы избежать окружения. Соответствующие приказы были даны. Уэйвел, находившийся с Кригом на фланге, обращенном к пустыне, был поставлен перед свершившимся фактом, и ему не оставалось ничего другого, как подтвердить решение генерала. Наша атака не удалась. Отступление всех войск было проведено в полном порядке, под защитой наших истребителей. Противник отказался от преследования, частично — несомненно — вследствие атак бомбардировщиков Королевского военно-воздушного флота. Однако, этому была, вероятно, и другая причина. Как мы теперь знаем, Роммелю было приказано действовать только в оборонительном плане и накапливать силы для операций на осень. Поэтому ввязаться в преследование большими силами, перейти границу и понести при этом потери было бы в прямом противоречии с его инструкциями.

Политика близкого взаимодействия наших войск и истребительной авиации, хотя и эффективная, привела к распылению сил и сравнительно высокой пропорции воздушных катастроф. Когда, на второй день, усилились операции авиации противника, было решено изменить нашу тактику и, продолжая прикрывать в какой-то мере наземные войска, действовать активно в больших соединениях и дальше вперед. Когда началось отступление, 17-го, наши истребители не только отбили три из четырех значительных атак неприятеля на наши войска, но также сотрудничали с бомбардировщиками, часто на небольшой высоте, в операциях против вражеских колонн. Эти атаки, несомненно, мешали движениям неприятеля и причиняли ему значительные потери. Наши летчики сослужили добрую службу отступающим войскам, но им сильно мешала трудность отличать свои войска от неприятельских.

Наши потери за три дня сражения составили несколько больше 1.000 человек, из которых 150 было убито и 250 пропало без вести. Было потеряно 29 рейдовых танков и 58 танков типа «И», при этом рейдовые — преимущественно от действий неприятеля. Значительная часть потерь танков типа «И» имела причиной механические поломки; для доставки их назад не было транспортных средств. Добрая часть 100 неприятельских танков была, повидимому, уничтожена; было взято 570 пленных и похоронено много трупов солдат противника.

**
*

Хотя эта операция может казаться маленькой в сравнении со всем размахом войны на средиземноморском театре, во всех ее разнообразных кампаниях, неудача ее была для меня горчайшей пилюлей. Успех в пустыне означал бы уничтожение дерзкой силы Роммеля. Тобрук был бы освобожден и отступление неприятеля могло бы с такой же быстротой унести его за Бенгази, с какой он пришел к египетской границе. Именно ради этой высшей цели, как я ее рассматривал, мы пошли на все опасности, связанные с «Тигром». 17-го я не получил никаких известий и, зная, что развязка скоро придет, отправился в Чартвелл, который был заколочен, желая остаться одному. В течение нескольких часов, в печальном раздумьи, я бродил по аллее.

**
*

Читатель, который следил за обменом телеграммами между мной и Уэйвелом и между начальниками штабов, будет мысленно подготовлен к решению, которое я принял в последние десять дней июня 1941 года. У нас в Англии укрепилось ощущение, что Уэйвел — устал. Можно было бы сказать, что мы заезди-

ли доброго коня до последнего. Необходимость следить и руководить пятью-шестью различными театрами одновременно, со всеми их успехами и поражениями, возлагала на плечи Главнокомандующего такое бремя, которое редко приходилось нести воину. Я был неудовлетворен мерами Уэйвела по обороне Крита и особенно тем, что туда не было послано еще несколько танков. Начальники штабов заставили его пойти на маленькую, но очень удачную операцию в Ираке, окончившуюся освобождением Хаббании и полным местным успехом. Одна из их телеграмм побудила его подать прошение об отставке, на которой не настаивалось, но которой я не отклонил. Наконец, была проведена «Секира», которую Уэйвел провел из чувства лояльности, учтя опасности, на которые я пошел, посылая «тиграт». Я был неудовлетворен приготовлениями, сделанными в главном штабе средневосточного театра для принятия «тиграт», посланных на помощь Уэйвелу через Средиземное море с таким риском и с таким успехом. Я мог восхищаться духом, с каким он провел это небольшое сражение, которое могло стать таким важным, и его личной смелостью, с какой он летал с одного конца обширного поля сражения на другой. Но, как уже было сказано, операция была плохо согласована, особенно в отношении вылазки из Тобрука — незаменимой в качестве предварительной и сопутствующей главному сражению.

Помимо всего этого, оставался факт разгрома Роммелем нашего фланга в пустыне, подорвавший и перевернувший вверх ногами все наши греческие проекты, бывшие для нас важнейшей частью Балканской войны, со всеми их мрачными опасностями и сверкающими призами. Генерал Исмэй, бывший столь близким ко мне каждый день, отмечает следующее: «Все мы здесь в центре, включая близких друзей и советников Уэйвела, получили впечатление, что прорыв фланга в пустыне произвел на него тяжелое впе-

чатление. Его разведка оказалась не на высоте и внезапный удар Роммеля явился полнейшим сюрпризом. Я помню, как Иден сказал, что «за одну ночь Уэйвел постарел на десять лет». Мне сейчас напоминают, что я сам сказал: «Роммель сорвал с Уэйвела только что завоеванные им лавры и швырнул их в песок».

Это было неверно и было продиктовано преходящей болью. Суждение об этом эпизоде может быть вынесено только на основании исследования документов, написанных в то время и включенных в настоящую книгу; несомненно, что со временем появится много других ценных показаний. Но остается фактом, что после «Секиры» я пришел к заключению о необходимости перемены.

Генерал Окинлек был теперь Главнокомандующим в Индии. Мне не совсем понравилось его поведение в Нарвике в норвежскую кампанию. Он, казалось, был слишком склонен играть наверняка и искать гарантий, — которых не бывает на войне; он также обнаруживал тенденцию подчинить всё задаче удовлетворения минимальных требований, как он их себе представлял. Однако, на меня большое впечатление произвели его личные качества, его манеры и характер. Когда, после Нарвика, он взял на себя Южное командование, с разных сторон, официальных и частных, я получал доказательства его энергичной и конструктивной деятельности в этом районе. Его назначение Главнокомандующим в Индии было всеми одобрено. Мы видели, как он пошел нам навстречу в деле посылки в Басру индийских частей, и рвение, с которым он отнесся к подавлению восстания в Ираке. У меня было убеждение, что Окинлек должен явиться новым, свежим человеком, способным вынести разнообразные тяжелые нагрузки на Среднем Востоке, и что, с другой стороны, Уэйвел, взяв на себя ответственное командование в Индии, сможет

восстановить там свои силы до того, как возникнут новые, но уже видимые возможности и перспективы. Я обнаружил, что эти мои взгляды не встретили сопротивления в министерских и военных кругах Лондона. Читатель не должен забывать, что я никогда не обладал диктаторской властью, и всегда должен был действовать, сообразуясь со мнением как специалистов, так и политиков. Соответственно, я отправил следующие телеграммы:

«Премьер-министр — генералу Уэйвелу. 21 июня 41 года

1. Я пришел к заключению, что будет в общих интересах назначить генерала Окинлека на Ваше место командующего армиями Среднего Востока. Я высоко ценю Ваше командование этими армиями, в удачных и неудачных сражениях, и победы, связанные с Вашим именем, навеки будут записаны в истории британской армии, являясь существенным вкладом в эту упорнейшую из войн. Однако я чувствую, что после выдержанного Вами огромного напряжения, на этом крайне угрожаемом театре нужны свежий глаз и другая рука. Я уверен, что Вы являетесь лучшим из всех возможных кандидатов для занятия вакансии Главнокомандующего в Индии. По этому поводу я консультировался с вице-королем, и он заверяет меня, что занятие Вами этой важнейшей должности, со всеми ее задачами, будет горячо приветствоваться в Индии. Он также сообщает, что будет горд сотрудничать с человеком «столь блестящей репутации». Поэтому, я предлагаю представить Ваше назначение Его Величеству.

2. Генералу Окинлеку приказано немедленно проследовать в Каир, где Вы его познакомите со всем положением и согласуете будущие мероприятия, которые Вы проведете вместе, для отпора надвигающемуся немецкому наступлению на восток. Я полагаю, что он прибудет на самолете не позже чем через четыре-пять дней. После того, как Вы все с ним согласуете, Вам будет необходимо как можно скорее проследовать в Индию. До прибытия вас обоих на свои места, не будет сделано никакого объявления и все будет держаться в тайне».

«Премьер-министр — вице-королю Индии.

21 июня 41 года

Будьте добры передать нижеследующее генералу Окинлеку. Я уже послал телеграмму генералу Уэйвелу.

После тщательного обсуждения всех обстоятельств, я решил представить королю Ваше имя для назначения командующим армиями Его Величества на Среднем Востоке. Вам надлежит немедленно проследовать в Каир и сменить там генерала Уэйвела. Генерал Уэйвел сменит Вас на посту Главнокомандующего в Индии. Вам следует обсудить с ним всё положение и также согласовать мероприятия, которые необходимо провести для задержания движения на восток германских армий, — теперь уже ясно намечающегося. Прошу сообщить мне, когда Вы прибудете на место. Эта смена должна держаться в абсолютной тайне до того, как вы оба не обоснуетесь на своих новых местах.

Уэйвел принял это решение с достоинством. В это время он собирался вылететь в Абиссинию, с миссией, которая оказалась крайне опасной. Его биограф отмечает, что, прочтя мое послание, он сказал: «Премьер-министр совершенно прав. На этом театре необходимы свежий глаз и другая рука». В отношении нового назначения он полностью отдал себя в распоряжение правительства Его Величества.

**
*

В течение нескольких месяцев меня крайне угнетала очевидная неполноценность штаба в Каире, и я всё более отдавал себе отчет в том, сколько ненужной нагрузки падает на нашего Главнокомандующего там. Он сам, вместе с другими Главнокомандующими, еще 18 апреля просил о какой-нибудь помощи и облегчении положения. Его взгляд был подтвержден его обоими коллегами. «Мы считаем необходимым, чтобы здесь была установлена какая-то власть, которая бы в рамках общей политики правительства Его Величества имела дело с политическими аспектами разных проблем, охватывающих более чем один департамент или одну область».

Главнокомандующие чувствовали, как облегчало их задачу присутствие на месте ответственного политического руководителя во время визита мистера

Идена. Они сознавали, что с его отъездом снова появилась пустота в этой сфере.

К 4 июня я уже назначил генерала Хэйнинга на необычную должность, созданную мной под названием «генерал-интендант». Этот офицер замещал начальника Имперского генерального штаба во время отъездов последнего за границу и был, следовательно, знаком с работой Военного Кабинета и более широкими аспектами войны. Я надеялся, что он сможет освободить Уэйвела от забот по снабжению и техническому управлению. Я полагал, что он реорганизуует всю административную машину тыла, обратив особое внимание на большие операции по ремонту танков и самолетов и на все расширяющееся строительство железных и шоссейных дорог и портовых сооружений. Таким путем командующие офицеры должны были быть освобождены от массы мелких дел и могли сосредоточиться исключительно на военных операциях.

В это время, мой сын Рандольф, бывший сначала в «коммандос», теперь уже основательно разбросанных по всем театрам, служил в пустыне. Он был членом Парламента и располагал значительными связями. Известия от него были редки и кратки, но 7 июня, через министерство иностранных дел, я получил следующую телеграмму, посланную им из Каира с ведома и одобрения нашего посла там, сэра Майлса Лампсона:

«Лично и секретно. От Рандольфа Черчилля — премьер-министру.

Я не вижу, как мы можем начать выигрывать здесь войну, пока на месте не будет компетентной гражданской власти, которая могла бы обеспечить повседневное политическое и стратегическое руководство. Почему бы не послать сюда какого-либо члена Военного Кабинета, в качестве руководителя всеми делами, относящимися к войне? Помимо маленького личного штаба, ему понадобится два выдающихся помощника для координации снабжения, цензуры, разведки и пропаганды. Большинство мыслящих людей здесь

понимают необходимость радикальных реформ в этой области. Простая переброска персонала не будет достаточной, и время сейчас представляется как нельзя более благоприятным для перемены всей системы. Прошу простить меня за причиняемое беспокойство, но я считаю нынешнее положение плачевным, а срочные меры — необходимыми, если рассчитывать на какой-то успех».

Это послание окончательно закрепило назревавшее во мне решение. Двумя неделями позже я ответил: «В течение некоторого времени я немало думаю в направлении, которое Вы затронули в своей дельной и продуманной телеграмме». И вслед затем я перешел к делу.

Капитана Оливера Литтльтона я ввел в правительство, в качестве президента Управления торговли, в октябре 1940 года. Я знал его с детства. Его отец, Альфред Литтльтон, был государственным секретарем по делам колоний в кабинете Бальфура в 1904 году, а до раскола из-за гомруля — юным личным секретарем мистера Гладстона. В течение многих лет он был выдающимся членом Палаты общин. Его сын вырос в атмосфере политики. Во время самых тяжелых боев Первой мировой войны он служил в Гренадерском полку, был ранен и награжден несколько раз. Я помню, как я посетил его в госпитале в 1918 году, после того как он был ранен осколком снаряда с отравляющим газом, разорвавшегося у самых его ног. Он был обожжен с ног до головы, вместо того, чтобы быть убитым, как это случилось бы, если бы снаряд оказался обычного типа, начиненный обычной взрывчаткой. Оставив армию, он перешел на работу в промышленность, и стал управляющим большого металлургического предприятия. Зная его замечательные личные качества, я не поколебался ввести его в Парламент и назначить на высокий пост. Его деятельность в качестве президента Управления торговли завоевала ему уважение всех партий национального правительства. Мне не понра-

вились его предложения в 1941 году по введению промтоварных карточек, но я обнаружил, что они были хорошо встречены в Кабинете и Палате общин, и нет сомнений, что в то время это было необходимо. Мой необычный выбор был оправдан результатами, хотя ему еще многому нужно было поучиться в качестве новичка в Палате общин. Он весь был человеком действия и теперь я чувствовал, что во всех отношениях он подходил на этот, вновь созданный пост на Среднем Востоке, в качестве министра-резидента Военного Кабинета. Его работа там должна была снять еще одну тяжесть с плеч военных руководителей. Эта моя идея была сразу же одобрена моими коллегами из всех партий.

«Премьер-министр — генералу Уэйвелу 29 июня 41 года

Король был рад назначить капитана Оливера Литтлтона, бывшего президента Управления торговли, государственным министром в Военном Кабинете, взамен лорда Бивербрука, который становится министром снабжения. Капитан Литтлтон вылетает самолетом 30-го и должен прибыть в Каир 3 июля, вместе с небольшим секретариатом. Он будет представлять на Среднем Востоке Военный Кабинет и его главной задачей будет освободить военное командование от всех посторонних нагрузок и разрешать на месте, в рамках установленной правительством Его Величества политики, различные вопросы, задевающие интересы разных ведомств, ранее требовавшие разрешения в Лондоне. Это мероприятие проводится, в большой мере, в соответствии с пожеланиями, выраженными в Вашей телеграмме от 18 апреля, но идет много дальше. Инструкции, которые я дал капитану Литтлтону, будут сообщены Вам дополнительно.

Прошу соответственно информировать генерала Окинлека, когда он прибудет, и сэра Майлса Лампсона. До приезда капитана Литтлтона его миссия и сам факт приезда должны держаться в тайне».

**
*

Все эти новые мероприятия, проведенные в жизнь, вполне соответствовали перемене командования на

Дальнем Востоке. Я не могу суммировать положение лучше, чем приведя телеграмму, посланную президенту Рузвельту, оказывавшему нам теперь важнейшую материальную помощь на этом театре.

«Премьер-министр — президенту Рузвельту.

4 июля 41 года

Решение о перемене в командовании на Среднем Востоке было вынесено нами на основании следующих соображений. Уэйвел обладает блестящей репутацией, совершенно разгромив итальянскую армию и завоевав итальянскую африканскую империю. Он также хорошо держался против немецких атак, и, с самого начала войны, руководил политикой и военными операциями на трёх-четырёх направлениях одновременно. Я должен рассматривать его, как нашего самого заслуженного генерала. Тем не менее, — хотя об этом и не следует заявлять публично, — после длительного, вынесенного им напряжения, мы чувствовали, что он устал, и что свежие глаза и рука необходимы на этом, наиболее угрожаемом театре. Несомненно, лучшим офицером для занятия его места является генерал Окинлек, Главнокомандующий в Индии. Мы уверены, что Окинлек вольет новую энергию и точность действий в дело защиты Нильской долины; в то же время Уэйвел будет отличным Главнокомандующим в Индии, и будет играть далее свою роль на этой огромной территории, по мере того, как наш фланг будет передвигаться на восток. В этой должности Уэйвел будет также контролировать операции в Ираке.

Это решение было принято Уэйвелом с достоинством; он говорит, что с нашей стороны было разумным провести эту замену и ввести в жизнь новые идеи в разрешении многих проблем Среднего Востока. Вице-король меня заверил, что блестящие достижения Уэйвела обеспечат ему дружеский прием в Индии со стороны армии и общественного мнения.

Нынешнее затишье в германском наступлении на Среднем Востоке представляет собой удачный момент для перемены. Оно также совпадает с назначением Оливера Литтльтона государственным министром, представляющим Военный Кабинет на этом театре; Литтльтон освободит Главнокомандующих от многих невоенных функций, до сего времени бывших для них тяжелой обузой, — как сношения со Свободными Французами, императором Абиссинии, управление оккупированными областями противника, пропаганда

и экономическая война. Государственный министр будет также осуществлять общее наблюдение за деятельностью генерал-интенданта (другое нововведение), включая все вопросы, связанные с непосредственными доставками снабжения из Соединенных Штатов.

Генерал-интенданта Хэйнинг освободит Главнокомандующего от деталей надзора за службами тыловой администрации и организацией снабжения.

Я надеюсь, что все эти перемены будут иметь результатом большой приток новой энергии в наши начинания на Среднем Востоке и гарантируют более полное использование громадных ресурсов, постепенно там накапливающихся, притекающих из Англии, заморской нашей империи и из Соединенных Штатов. Несомненно, Гарриман подробно доложит Вам о положении. Его просили дождаться прибытия в Каир Литтльтона (ожидающегося 5 июля), с тем, чтобы свести вместе всю информацию и договорится о порядке приема американских грузов».

20.

СОВЕТСКАЯ НЕМЕЗИДА

По определению оксфордского словаря английского языка, «Немезида есть богиня возмездия, создающая неисчислимы богатства, сдерживающая самонадеянность, сопровождающую обладание ими... и наказывающая за исключительные преступления». Сейчас нам следует раскрыть все тщеславие и всю ошибочность хладнокровных калькуляций советского правительства и колоссальной коммунистической машины, и их поразительное невежество в понимании собственного положения. Они проявили полнейшее безразличие к судьбе западных стран, хотя это означало разрушение «второго фронта», о создании которого они скоро начнут вопить. Казалось, они вовсе не подозревали, что уже в течение шести месяцев Гитлер готовит к проведению в жизнь свое решение: уничтожить их. Если их разведка сообщала им об обширном передвижении на восток германских сил, усиливающимся с каждым днем, они явно не предприняли многих нужных шагов, необходимых для создания противовеса им на советской стороне. Так, они допустили захват немцами Балкан. Они ненавидели и презирали западные демократии, но четыре страны, — Турция, Румыния, Болгария и Югославия, имевшие важнейшее значение для их безопасности, могли бы быть объединены советским правительством в январе и, при активной британской помощи, сформировать балканский фронт против Гитлера. Советское правительство допустило полную дезориен-

тацию в этих странах, и все они, кроме Турции, были по очереди ликвидированы немцами. Всякая война является, главным образом, перечнем ошибок с обеих сторон, но можно усомниться в том, что в истории имеется хоть одна ошибка, равная той, в которой были повинны Сталин и другие коммунистические руководители, когда они отбросили все шансы на Балканах и покорно ожидали — может быть, сами того не понимая — ужасающего удара, готовящегося обрушиться на Россию. Ранее мы считали их эгоистичными и расчетливыми людьми; в этот период они проявили себя и простофилями. Скоро будут брошены на весы войны силы, смелость, выносливость и вся необъятная масса Матушки-России. Но, поскольку дело касается стратегии, политики, дальновидности и компетентности, Сталин со своими комиссарами оказались самыми бездарными «сапожниками» Второй мировой войны.

Директива Гитлера от 18 декабря 1940 года — «Барбаросса» — устанавливала общее распределение сил, которые должны были быть сконцентрированы против России, и определяла их основные задачи. В то время немцы располагали на востоке 34 дивизиями. Чтобы более чем утроить эту цифру, потребовалась масса планирования и подготовки, которыми были заполнены первые месяцы 1941 года. В январе и феврале балканская авантюра, в которую позволил себе ввязаться Гитлер, вызвала отвлечение с востока на юг пяти дивизий, в том числе трех бронетанковых. В мае у немцев на востоке было уже 87 дивизий, а Балканы поглощали еще не менее 25. Учитывая весь размах и опасности вторжения в Россию, было весьма непредусмотрительно нарушать концентрацию войск на востоке подобной большой операцией. Мы сейчас увидим, как в результате нашего сопротивле-

ния на Балканах, и, особенно, югославского переворота, немцам пришлось отложить на пять недель свою главную операцию. Никто не может точно измерить, к каким последствиям это привело, прежде чем зима оказала влияние на ход германско-русской кампании. Но можно с основанием утверждать, что эта задержка спасла Москву. В течение мая и начала июня многие из лучших германских дивизий и все танки были переброшены с Балкан на восточный фронт и к моменту нападения немцы располагали там 120 дивизиями, в том числе 17 бронетанковыми и 12 моторизованными. В их южную армейскую группу было также включено шесть румынских дивизий. В общем резерве собиралось, или было собрано, еще 26 дивизий. Таким образом, к началу июля немецкое Верховное командование могло рассчитывать по крайней мере на 150 дивизий, поддержанных главными ударными силами авиации, составлявшими около 2700 самолетов.

**
*

До самого конца марта я был не уверен в том, что Гитлер решился на смертельную войну с Россией, и не чувствовал, насколько она была близка. Наша разведка в подробностях доносила об интенсивных перебросках на Балканы немецких войск, которыми характеризовались первые три месяца 1941 года. В этих псевдо-нейтральных балканских государствах наши агенты могли оперировать без труда, держа нас в курсе дел относительно сосредоточения германских сил на юго-востоке. Но все эти передвижения еще не доказывали, что готовится вторжение в Россию и могли быть легко объяснены заинтересованностью германской политики в Румынии и Болгарии, немецкими планами в Греции, Югославии и Венгрии. Информацию об огромном движении войск в Германии по направлению к русской границе, протянувшейся от Ру-

мынии до Балтийского моря, было получить несравненно труднее. Перспектива, что в этой стадии, до прояснения дел на Балканах, Германия готова начать большую войну против России, казалась мне слишком неправдоподобно привлекательной.

Мы не знали ни характера переговоров между Молотовым, Гитлером и Риббентропом в Берлине в ноябре 1940 года, ни о последовавших предложениях и соглашениях. Не было никаких признаков ослабления германских сил, расположенных по другую сторону Ламанша. Германские рейды на Англию продолжались с прежней интенсивностью. То, каким, повидимому, благоприятным образом было принято советским правительством немецкое объяснение концентрации войск в Румынии и Болгарии, имевшиеся у нас свидетельства о посылке из России в Германию больших количеств ценнейших материалов, очевидная заинтересованность обеих стран в разгроме и разделе Британской империи на Востоке, — всё это говорило о вероятности, что Гитлер и Сталин скорее договорятся друг с другом за наш счет, чем станут воевать один против другого. Как это мы теперь знаем, подобная сделка и была частью общего сталинского плана.

Эти заключения разделялись нашим Объединенным разведочным комитетом. 7 апреля они сообщили, что в Европе циркулируют слухи о немецком плане атаки на Россию. Хотя, говорили они, у Германии на востоке имеются значительные силы, и можно ожидать, что война между этими странами произойдет раньше или позже, представляется невероятным в данный момент образование нового большого фронта. По мнению разведки, главной целью Германии в 1941 году остается разгром Великобритании. Этот комитет, представлявший разведки армии, флота и авиации, даже еще 23 мая докладывал, что слухи о предстоящем нападении на Россию затихли и что имеются сообщения о заключении в недалеком будущем но-

вого соглашения между этими двумя странами. Это считалось правдоподобным, поскольку немецкая экономика нуждалась в укреплении, чтобы быть в состоянии справиться с нуждами затяжной войны. Необходимая помощь могла быть получена немцами из России, либо силой, либо в порядке соглашения. Последнее, по мнению Комитета, и будет избрано немцами, хотя не исключено применение угрозы силой, как средства для достижения соглашения. Сейчас готовится нужная демонстрация. Имеется достаточно доказательств строительства дорог и запасных путей в Германской Польше, подготовки аэродромов и сосредоточения войск в больших количествах, включая войска и авиационные соединения с Балкан.

Наши начальники штабов опередили своих советников и были более определены. «Мы располагаем указаниями, — предупреждали они наше средневосточное командование, 31 мая, — что немцы сейчас концентрируют большие силы против России. При посредстве подобной демонстрации они вероятно собираются добиться новых уступок, могущих тяжело отозваться на нас. Если русские откажут, немцы начнут войну».

Только 5 июня Объединенный разведочный комитет доложил, что размах германских военных мероприятий в Восточной Европе, повидимому, указывает на то, что дело идет о вещах более важных, чем экономическое соглашение. Считалось возможным, что Германия хотела устранить со своей восточной границы потенциальную угрозу все возраставших советских сил. Они все еще считали невозможным предсказать, что предстоит: война или соглашение. 10 июня они докладывали, что «во второй половине июня произойдет либо война, либо будет заключено соглашение». И, наконец, 12 июня Комитет заявил, что «по последним данным, которыми мы располагаем, Гитлер решил разделаться с советской обструкцией и атаковать Россию».

**

*

Я никогда не бывал удовлетворен этим продуктом коллективной мудрости и предпочитал сам знакомиться с документами. Поэтому, еще летом 1940 года я договорился, что майор Дезмонд Мортон будет ежедневно отбирать для меня самые интересные донесения; я сам их прочитывал, создавая свое собственное мнение, иногда значительно раньше наших разведчиков*).

С огромным чувством облегчения прочел я в конце марта 1941 года рапорт разведки, пришедший из одного из самых надежных наших источников, о движении немецких танковых соединений по железным дорогам из Бухареста на Краков. Это показывало, что как только югославские министры склонились перед волей Гитлера в Вене, три из пяти танковых дивизий, двигавшихся через Румынию на юг, к границам Греции и Югославии, были посланы на север, к Кракову; после же переворота в Белграде эти три дивизии были посланы назад в Румынию. Эти переброски взад и вперед, примерно, шестидесяти железнодорожных составов, не могли укрыться от наших агентов на месте.

Подобно молнии, это осветило для меня все положение на востоке Европы. Внезапное движение на Краков столь значительных танковых сил, в такой мере необходимых на Балканах, могло означать только намерение Гитлера атаковать Россию в мае. С того момента это представлялось мне его главной целью. Тот факт, что белградская революция потребовала возвращения танков в Румынию, возможно означал

---

*) «Премьер-министр — генералу Исмэю.

5 августа 41 года

Я не хочу, чтобы получаемые донесения обсасывались и переваривались различными разведочными органами. Майор Мортон будет с ними ознакомливаться и отбирать для меня то, что считает самым главным. Ему надо показывать всё, и он будет представлять мне поступившие документы в их оригинальном виде».

откладывание с мая на июнь. Эту важную новость я немедленно сообщил находившемуся в Афинах Идену.

«Премьер-министр — мистеру Идену, в Афинах.

30 марта 41 года

Из чтения донесений агентов разведки я заключаю, что гадкий дядя сконцентрировал очень большие танковые и прочие силы, чтобы запугать Югославию и Грецию и прибрать к рукам первую — или обе — без борьбы. В тот момент, как он почувствовал уверенность, что Югославия примкнула к блоку Оси, он послал три из пяти танковых дивизий по направлению к Медведю, считая, что оставленного будет достаточно для окончания греческой кампании. Однако, революция в Белграде опрокинула его расчеты и заставила на ходу приостановить движение на север. На мой взгляд, это может только означать намерение как можно раньше атаковать Югославию, — или Турцию. Повидимому, на Балканском полуострове будут использованы большие силы, между тем как Медведю придется немного подождать. Более того, эти движения и контрдвижения, в связи с белградскими событиями, раскрывают истинный размах планов как в направлении на юго-восток, так и на восток. Это — самые ясные указания из всего, что до сих пор к нам поступило».

Я также подумал о том, что хорошо было бы как-то предупредить Сталина, и, указав на опасность положения, установить с ним контакт, вроде того, который у меня существовал уже с президентом Рузвельтом. Я составил короткое иносказательное послание, надеясь, что самый факт присылки мной его, — в первый раз после официальной телеграммы от 25 июня 1940 года, где я рекомендовал его вниманию в качестве посла сэра Стаффорда Криппса, остановит его внимание и заставит призадуматься.

«Премьер-министр — сэру Стаффорду Криппсу.

3 апреля 41 года

Нижеследующее — от меня Сталину, при условии, что Вы можете передать ему лично.

От доверенного лица я располагаю верной информацией, что когда немцы решили, что Югославия у них в руках — то есть после 20 марта — они начали переброску трех из пяти танковых дивизий из Румынии в Южную Польшу. В

тот момент, когда они узнали о восстании в Сербии, движение это было приостановлено. Ваше превосходительство сможет оценить значение этих фактов».

Возвратившийся к этому времени из Каира Иден добавил несколько собственных замечаний:

«1. Если при приеме Вам представится возможность развить тему, Вы можете указать, что эта перемена в немецких диспозициях, несомненно, указывает на то, что события в Югославии заставили отложить предшествовавшие планы, угрожавшие советскому правительству. Если это справедливо, для советского правительства открывается возможность укрепить свои позиции. Оттяжка указывает на то, что силы противника не неограничены и иллюстрирует все преимущества чего-либо вроде единого фронта.

2. Очевидный путь для советского правительства укрепить свое положение, это оказание материальной помощи Турции и Греции, и через последнюю — Югославии. Эта помощь может настолько увеличить немецкие трудности на Балканах, что германское нападение на Советский Союз, о котором говорят столь многочисленные данные, будет отложено еще более. Если, однако, не будет использована возможность вставить в немецкие колеса как можно больше палок, угроза может стать актуальной в течение немногих месяцев.

3. Конечно, Вам не следует намекать, что мы сами нуждаемся в какой-либо помощи со стороны советского правительства, или что оно, следуя Вашему совету, будет преследовать какие-либо иные интересы, кроме своих собственных. Мы хотим, чтобы в Москве поняли, что Гитлер, если ему удастся это, намерен атаковать их, раньше или позже; что тот факт, что он воюет против нас, не может сам по себе помешать ему сделать это, — если только он не увязнет в каком-нибудь непредвиденном осложнении, вроде нынешней балканской операции и что следовательно в советских интересах принять все возможные меры к тому, чтобы не позволить Гитлеру разрешить балканскую проблему в том виде, в каком бы ему этого хотелось».

Британский посол не отвечал до 12 апреля. Затем он написал, что как раз перед получением телеграммы, он адресовал Вышинскому длинное личное письмо, в котором давался обзор последовательных промахов советского правительства в попытках про-

тивостоять немецкому проникновению на Балканы; он, в самых энергичных выражениях, старался доказать, что в собственных интересах СССР решиться немедленно на более активную политику сотрудничества со странами, все еще сопротивляющимися державам Оси в этом районе, — если он не хочет упустить последний шанс защиты своих территорий в союзе с другими. Криппс продолжал:

«Если теперь я должен передать через Молотова послание премьер-министра, передающее тот же тезис, в значительно более краткой и менее убедительной форме, я опасаюсь, что единственным результатом будет ослабление впечатления, уже произведенного моим письмом Вышинскому. Я уверен, что советское правительство не поймет цель столь краткого и отрывочного комментария к фактам, которые им, несомненно, известны, без того, чтобы у него не были затребованы объяснения относительно его позиции или столь же официально не были сделаны рекомендации к действиям.

Я чувствую себя обязанным представить Вам эти соображения, так как очень опасаюсь, что вручение послания премьер-министра будет не только не эффективным шагом, но и серьезной тактической ошибкой. Если, однако, Вы не разделяете этого мнения, я, конечно, постараюсь немедленно получить прием у Молотова».

Это министр иностранных дел сопроводил следующим примечанием:

«Я думаю, что в этом новом положении, в соображениях сэра Стаффорда Криппса против доставки Вашего послания, есть пункты, заслуживающие внимания. Если Вы согласны, я сообщу ему, что вручать Ваше послание нет необходимости, но что если ответ Вышинского будет благоприятным, ему надо будет сообщить факты, приведенные в Вашем послании. Тем временем, я попрошу его передать как можно скорее нам по телеграфу содержание посланного Вышинскому письма, и переслать полный текст его — при первой возможности».

Я был раздражен всем этим, и происшедшей задержкой. Это было единственным посланием, которое я отправил непосредственно Сталину до самого нападения на Россию. Его краткость, необычайный характер сообщения, тот факт, что оно поступило

от главы правительства и должно было быть вручено главе русского правительства нашим послом, — все это было рассчитано на то, чтобы придать ему особое значение и привлечь внимание Сталина.

«Премьер-министр — министру иностранных дел.

16 апреля 41 года

Я придаю особое значение доставке этого личного письма от меня Сталину. Я не понимаю, для чего нужно этому противиться. Посол не может оценить военного значения этих фактов. Прошу сделать, как я указал».

И снова:

«Премьер-министр — министру иностранных дел.

18 апреля 41 года

Доставил ли сэр Стаффорд Криппс Сталину мое личное послание, предупреждающее о немецкой опасности? Я весьма удивлен происшедшей задержкой, учитывая важность, которую я придаю этой исключительно важной информации».

Министр иностранных дел телеграфировал послу 18-го, дав ему указание доставить мое послание. Поскольку от сэра Стаффорда Криппса не пришло никакого ответа, я запросил, что случилось.

«Премьер-министр — министру иностранных дел.

30 апреля 41 года

Когда сэр Стаффорд Криппс вручил Сталину мое послание? Прошу запросить у него объяснений».

«Министр иностранных дел — премьер-министру.

30 апреля 41 года

Сэр Стаффорд Криппс переслал послание Вышинскому 19 апреля и Вышинский письменно сообщил ему, что оно передано Сталину. Я сожалею, что по недоразумению, телеграммы, сообщающие об этом, не были посланы Вам во время. Копии прилагаются.

Вот что было в них сказано:

«Сэр Стаффорд Криппс — министру иностранных дел.

19 апреля 41 года

Сегодня я послал Вышинскому текст послания, прося передать его Сталину. Из Вашей телеграммы не было ясно,

нужно ли было включить в него Ваши комментарии, или они должны были быть добавлены от меня; поэтому, учитывая мое письмо к Вышинскому от 11 апреля и мой разговор с ним вчера, я предпочел воздержаться от дополнительных комментариев, которые явились бы только повторением».

«Сэр Стаффорд Криппс — министру иностранных дел.

22 апреля 41 года

Вышинский информирует меня письменно, что послание вручено Сталину».

Я не могу судить, изменился ли бы ход событий, если бы мое послание было доставлено немедленно и вручено в предписанном порядке. Тем не менее, я продолжаю сожалеть, что мои инструкции не были выполнены должным образом. Если бы у меня установился непосредственный контакт со Сталиным, я бы, может быть, не допустил бы, чтобы столь значительная часть его авиации была уничтожена на земле.

Мы теперь знаем, что директива Гитлера от 18 декабря указывала на 15 мая, как на день вторжения в Россию, и что, полный ярости из-за революции в Белграде, он, 27 марта, перенес эту дату на месяц, и потом, позднее, на 22 июня. До середины марта движение войск в северном секторе русского фронта не носило характера, требовавшего от немцев особых мер к их сокрытию. Однако, 13 марта Берлином были изданы приказы о прекращении деятельности русских комиссий на германской территории, и отправке их домой. Присутствие русских в той части Германии могло быть разрешено только до 25 марта. В северном секторе уже собирались сильные немецкие формирования. Начиная с 20 марта концентрация должна была стать еще более интенсивной.

22 апреля СССР направил в германское министерство иностранных дел жалобу по поводу продолжаю-

щихся и усиливающихся нарушений советской границы немецкими самолетами. Только между 27 марта и 18 апреля произошло 80 таких инцидентов. «Не исключено, — добавлялось в русской ноте, — что в случае продолжения перелетов немецких самолетов через советскую границу, могут произойти серьезные инциденты».

Немецкий ответ состоял из серии контробвинений против советских самолетов.

**

В течение этого времени вдоль всего русского фронта собирались в три армейские группы 120 германских дивизий. По причинам, которые были объяснены, южная группа, под командованием Рунштедта, была далеко недостаточно снабжена танками. Его танковые дивизии только недавно вернулись из Греции и Югославии. Несмотря на отсрочку даты вторжения, после усиленных передвижений и механического износа на Балканах они крайне нуждались в отдыхе и ремонте.

13 апреля из Москвы в Берлин приехал Шуленбург. Гитлер принял его 28 апреля и произнес перед послом длинную речь о русском жесте по адресу Югославии. Согласно записи разговора, Шуленбург пытался извинить поведение русских. Он сообщил, что Россия встревожена слухами о предстоящем германском нападении. Он не может поверить, что Россия когда-либо атакует Германию. Гитлер сказал, что ему раскрыли глаза события в Сербии. Случившееся там является для него примером политической ненадежности государств. Но Шуленбург продолжал держаться темы, которой определялись все его сообщения из Москвы. «Я уверен, что Сталин готов идти на дальнейшие уступки. Нашим экономическим представителям уже было указано, что если бы мы

попросили об этом заранее, Россия могла бы доставлять нам до пяти миллионов тонн зерна в год».

Глубоко разочарованный приемом у Гитлера, Шуленбург вернулся в Москву 30 апреля. Он получил ясное впечатление, что Гитлер склоняется к войне. Он даже как будто пытался предупредить об этом русского посла в Берлине Деканозова. И до последнего момента он настойчиво боролся за свою политику русско-германского взаимопонимания.

Вейцзакер, официальный глава германского министерства иностранных дел, был очень компетентным чиновником того типа, который встречается в министерствах многих стран. Он не был политиком с исполнительной властью и, по британским обычаям, не был ответственен за политику правительства. Сейчас он отбывает семилетний срок тюремного заключения, по распоряжению суда, созданного победителями. Хотя он был классифицирован как военный преступник, он, несомненно, дал своему начальнику один добрый совет; мы можем радоваться, что он не был принят. Он комментировал следующим образом:

«Вейцзакер — Риббентропу. Берлин, 28 апреля 41 года

Свои взгляды на русско-германский конфликт я могу суммировать в одной фразе: если бы каждый сожженный русский город был бы столь же ценен для нас, сколько каждый потопленный британский корабль, я бы высказался в пользу германско-русской войны этим же летом. Но я полагаю, что, оказавшись победителями над Россией в военном смысле, мы, с другой стороны, потеряем ее в экономическом смысле.

Перспектива нанести смертельный удар коммунистической системе может считаться соблазнительной; есть также логика и в консолидации европейского континента против англо-саксов и их последователей. Но единственным решающим фактором является вопрос, ускорит ли это предприятие падение Англии.

Нам надо различать две возможности:

а) Англия близка к гибели. Если мы исходим из этого, заводя себе нового противника, мы придадим бодрости англичанам. Россия не является потенциальным союзником Англии. Англия не может ожидать от России ничего хорошего.

Надежды на Россию не отодвигают сроков падения Англии. Поэтому, овладев Россией, мы не разрушаем каких-либо надежд англичан.

б) Если мы не верим в близкую гибель Англии, тогда сама собой приходит мысль, что применением силы мы должны кормиться с советской территории. Я считаю, в этом случае, нормальным победоносное движение на Москву и даже дальше. Я, однако, весьма сомневаюсь, сможем ли мы использовать плоды победы, перед лицом хорошо известного пассивного сопротивления славян. В русском государстве я не вижу какой-либо эффективной оппозиции, способной прийти на смену коммунистической системе, объединиться с нами и служить нам. Поэтому нам, вероятно, придется считаться с продолжением существования в Восточной России и Сибири сталинской системы, — в обстановке возобновления военных действий весной 1942 года. Окно к Тихому океану будет оставаться для нас закрытым.

Германская атака на Россию только придаст новые силы англичанам. Она будет рассматриваться в Англии, как знак немецкой неуверенности в успехе нашей борьбы против Англии. Этим самым мы не только признаем, что война затянется еще надолго, но, идя этим путем, скорее отодвинем развязку, чем ускорим ее».

7 мая Шуленбург оптимистично доложил, что Сталин взял на себя председательствование в Совете народных комиссаров, заменив Молотова, и тем самым стал главой правительства Советского Союза.

«Причиной этого могут являться недавние ошибки во внешней политике, приведшие к охлаждению в советско-германских отношениях, к налаживанию и сохранению которых Сталин постоянно стремился.

В своей новой должности Сталин принимает на себя ответственность за все акты правительства, как во внутренней, так и во внешней сфере... Я уверен, что Сталин использует свое новое положение для того, чтобы лично принять участие в сохранении и развитии добрых отношений между СССР и Германией».

Германский морской атташе, телеграфируя из Москвы, подтверждает эту же точку зрения: «Сталин является стержнем германско-советского сотрудничества». 3 мая Россия официально признала прогерманское правительство Рашида Али в Ираке. 7 мая из

России были изгнаны дипломатические представители Бельгии и Норвегии. Был выслан даже югославский посланник. В начале июня из Москвы была выслана греческая миссия. Как позднее отметил в своей работе о военной экономике Райха генерал Томас, глава экономического отдела германского военного министерства, «Русские продолжали свои поставки до самого дня атаки и в последние, ей предшествовавшие дни, транспорт каучука с Дальнего Востока был прислан курьерским поездом».

Мы, конечно, не располагали полной информацией о настроениях в Москве, но цель немцев казалась ясной и понятной. 16 мая я телеграфировал генералу Смэтсу: «Повидимому, Гитлер собирает силы против России. Происходит непрерывное движение войск, танков и самолетов с Балкан на север, и из Франции и Германии — на восток». Должно быть Сталин очень старался сохранить свои иллюзии насчет гитлеровской политики. После месяца интенсивного передвижения и развертывания германских войск, Шуленбург, 13 июня, мог еще телеграфировать германскому министерству иностранных дел следующее:

«Народный комиссар Молотов только что передал мне следующий текст сообщения ТАСС, которое будет передано по радио сегодня вечером и появится в газетах завтра:

Даже до возвращения в Лондон британского посла Криппса, но особенно после него, в английской и иностранной печати широко распространяются слухи о предстоящей войне между СССР и Германией. Утверждается,

1. Что Германия предъявила СССР различные территориальные и экономические требования, и что предстоят переговоры между СССР и Германией о новом и более тесном соглашении.

2. Что Советский Союз отклонил эти требования, и что в результате Германия приступила к сосредоточению своих войск на границах Советского Союза, для того, чтобы напасть на него.

3. Что Советский Союз, со своей стороны, начал интенсивную подготовку к войне против Германии и сосредотачивает свои войска на германской границе.

Несмотря на очевидную абсурдность этих слухов, ответственные круги в Москве считают необходимым заявить, что они являются неуклюжим пропагандным маневром враждебных СССР и Германии сил, заинтересованных в расширении и усилении войны».

У Гитлера были все основания быть удовлетворенным успехом его маскировочных мероприятий и направлением мыслей его жертвы.

Тут имеет смысл отметить окончательный эпизод, иллюстрирующий самодовольную глупость Молотова.

«Шуленбург — германскому министерству иностранных дел.
Москва, 22 июня 1941 года, 1.17 минут утра

Сегодня вечером, в 9.30, Молотов вызвал меня к себе. Упомянув о повторных нарушениях границы немецкими самолетами, с замечанием, что Деканозову даны указания обратиться на это внимание министра иностранных дел Рейха, Молотов заявил следующее:

Имеется много указаний на недовольство германского правительства советским. Ходят даже слухи, что между Германией и Советским Союзом готова вспыхнуть война. Эти слухи находят свое основание в том факте, что на сообщение ТАСС от 13 июня со стороны Германии не последовало никакой реакции, и что оно даже не было опубликовано в Германии. Советское правительство не в состоянии понять причин недовольства Германии. Если оно явилось результатом югославского вопроса, он — Молотов — полагает, что в своих ранних сообщениях он разъяснил положение; помимо всего, это сейчас уже дело прошлого. Он был бы признателен, если бы я объяснил ему, что вызвало нынешнее положение в германско-советских отношениях.

Я ответил, что не могу ответить на его вопрос из-за отсутствия нужной информации, но что я передам его заявление в Берлин».

**
*

Но час теперь уже пробил:

«Риббентроп — Шуленбургу.

Берлин, 21 июня 41 года

1. По получении настоящей телеграммы, еще сохраняющиеся шифры должны быть уничтожены. Радиопередатчик должен быть выведен из строя.

2. Информировать немедленно Молотова, что Вы должны передать ему срочное сообщение и поэтому хотели бы видеть его сейчас же. Затем, заявите ему следующее:

«... Правительство Райха заявляет, что в нарушение принятых им обязательств, советское правительство

а) не только продолжает, но и усиливает свои попытки подорвать положение Германии в Европе;

б) принимает все более антигерманскую линию во внешней политике;

в) сосредоточило на германской границе все свои силы в полной готовности.

Тем самым советское правительство нарушило свои договоры с Германией и готово атаковать нас с тыла, в борьбе за свое существование. Поэтому Фюрер приказал германским вооруженным силам уничтожить эту угрозу всеми средствами, имеющимися в их распоряжении».

Прошу не входить ни в какие объяснения по поводу этого послания. На обязанности правительства Советской России обеспечить безопасность персонала посольства».

В 4 часа утра 22 июня Риббентроп вручил официальное объявление войны русскому послу в Берлине. На рассвете Шуленбург представился в Кремле Молотову. Последний прослушал заявление посла в молчании, и затем заметил: «Это означает войну. Ваша авиация только что бомбардировала десяток наших беззащитных деревень. Вы думаете, мы это заслужили?»*)

Перед лицом «сообщения ТАСС» для нас было бесполезно что-либо добавлять к различным предупреждениям, которые Иден делал советскому послу в Лондоне; мне не стоило возобновлять личной попытки обратить внимание Сталина на страшную опас-

---

*) Это было последним актом в дипломатической карьере Шуленбурга. В конце 1943 года его имя появляется в секретных кругах заговорщиков против Гитлера, в качестве возможного министра иностранных дел правительства, которое должно будет сменить нацистский режим, в виду его особых данных для заключения сепаратного мира со Сталиным. Он был арестован нацистами после попытки совершить покушение на Гитлера в июле 1944 года и помещен в тюрьму Гестапо. 10 ноября он был расстрелян.

ность. Еще более точная информация все время посылалась советскому правительству Соединенными Штатами. Ничто из того, что мы могли сделать, не могло пробить стену слепого предубеждения и навязчивой идеи, возникших в Сталине перед лицом ужасающей истины. Хотя, по немецким подсчетам, вдоль советских границ было сосредоточено 186 дивизий, в том числе 119 — против Германии, русские армии, в большинстве своем, получили первый удар внезапно. В передовой зоне немцы не нашли никаких признаков подготовки к наступлению, и прикрывающие русские войска были быстро разбиты. Нечто, напоминающее катастрофу, постигшую польскую авиацию 1 сентября 1939 года, теперь должно было повториться, в значительно больших масштабах, на русских аэродромах. Многие сотни русских самолетов были застигнуты на рассвете и уничтожены, прежде чем они могли подняться в воздух. Так бредовая пропаганда ненависти против Великобритании и Соединенных Штатов, которую советская машина изрыгала до полуночи того дня, была заглушена на рассвете грохотом германской канонады. Злые люди не всегда бывают умными, диктаторы — не всегда правыми.

**
*

Невозможно закончить этот рассказ, не упомянув об ужасной политике, принятой Гитлером по отношению к новым врагам, которая стала проводиться в жизнь под всем давлением смертельной борьбы, развернувшейся на обширных бесплодных или разоренных территориях, в условиях страшной зимы. На конференции от 14 июня им были отданы устные приказы, которые, в большой степени определяли поведение германской армии по отношению к русским войскам и населению и привели ко многим варварским деяниям. Согласно нюрнбергским документам, генерал Гальдер показывал:

«Перед нападением на Россию Фюрер созвал конференцию всех командиров и лиц, связанных с Верховным командованием, по вопросу о предстоящей атаке на Россию. Я не могу припомнить точной даты этой конференции... На ней Фюрер заявил, что методы, которые будут использоваться в войне против России, будут отличаться от тех, которые применялись на Западе... Он сказал, что готовая завязаться борьба — это русская борьба. Он заявил, что поскольку русские не подписали Гаагской конвенции, обращение с их военнопленными не должно определяться статьями конвенции... Он также сказал, что так называемые комиссары не должны рассматриваться как военнопленные».

И — согласно Кайтелю:

«Главной темой Гитлера было то, что это — решающее сражение двух идеологий, и что этот факт делает невозможным применение в войне с Россией методов, которые, как нам, солдатам, было известно, являются единственно правильными по международному праву».

**
*

Вечером в пятницу, 20 июня, я поехал в Чекерс один. Я знал, что бешеная атака на Россию была вопросом дней, может быть — часов. Я принял меры к тому, чтобы в субботу вечером выступить по радио по этому вопросу. Естественно, выступление должно было быть сделано в осторожных выражениях. Более того, в это время, советское правительство, одновременно тупое и высокомерное, рассматривало каждое наше предупреждение, как попытку избитого человека втянуть в драку другого. В результате размышлений в дороге, я решил перенести обращение по радио на воскресенье вечером, когда, как я полагал, все будет ясным. Таким образом, вечер субботы прошел за обычными занятиями.

Пятью днями раньше, 15-го, я телеграфировал президенту:

«Данные из всех имеющихся в моем распоряжении источников, включая самые надежные, указывают на то, что в ближайшее время произойдет огромных масштабов

нападение немцев на Россию. Не только основные германские армии развернуты на всем пространстве от Финляндии до Румынии, но уже закончены последние переброски воздушных и танковых частей. Карманный линкор «Лютцов», высунивший вчера нос из Скагерака и немедленно торпедированный нашим самолетом, весьма вероятно намеревался идти на север для подкрепления морских сил на арктическом фланге. Если эта новая война вспыхнет, мы, конечно, должны будем оказать русским всю моральную и материальную помощь, следуя принципу, что Гитлер является врагом, которого мы должны разбить. Я не ожидаю здесь никаких местных политических осложнений и надеюсь, что немецко-русский конфликт не будет означать их также для Вас».

Американский посол, который гостил у меня в субботу и воскресенье, привез мне ответ президента на мое послание. Он обещал, что если немцы нанесут удар России, он немедленно выступит с поддержкой «любой декларации, которую найдет нужным сделать премьер-министр, приветствуя Россию в качестве союзника». Мистер Виннант доставил это важное заверение на словах.

**

Когда я проснулся утром в воскресенье, 22-го, мне была сообщена новость о вторжении Гитлера в Россию. Это превращало убеждение в уверенность. У меня не было ни малейшего сомнения в том, каков был наш долг и какова должна быть наша политика. Я знал, что мне надо сказать. Оставалась задача составления речи. Я попросил немедленно известить Би-Би-Си, что я выступлю по радио в тот же вечер, в 9 часов. Вскоре в мою спальню вошел, с подробными известиями генерал Дилл, поспешивший приехать ко мне из Лондона. Немцы вторглись в Россию на огромном фронте, внезапно ударив по большей части советских самолетов, находившихся на аэродромах и, повидимому, продвигаются вперед с большой силой и быстротой. Начальник Имперского ге-

нерального штаба добавил: «Я полагаю, русских будут захватывать ордами».

Я провел день, сочиняя свое выступление. Не было ни времени, ни необходимости консультироваться с Военным Кабинетом. Я знал, что по этому вопросу у нас нет разногласий. Иден, лорд Бивербрук и сэра Стаффорд Криппс — он оставил Москву 10-го — были со мной в течение этого дня.

**
**

Может быть, небезынтересна следующая запись, сделанная находившимся на дежурстве в то воскресенье моим личным секретарем, мистером Кольвилем:

«В субботу, 21 июня, я отправился в Чекерс перед самым обедом. Мистер и миссис Виннант, мистер и миссис Иден и Эдуард Бриджес, оставались гостями на ночь. Во время обеда мистер Черчилль сказал, что германская атака на Россию теперь неизбежна и высказал мысль, что Гитлер рассчитывает на привлечение симпатий правых капиталистических элементов в Англии и Соединенных Штатах. Однако, Гитлер просчитается, и мы все должны будем сделать максимум, чтобы помочь России. Виннант сказал, что в Соединенных Штатах — положение будет аналогичное.

После обеда, когда я шел через ракетную площадку с мистером Черчиллем, он вернулся к этой теме и я спросил, не будет ли этот шаг для него, архи-антикоммуниста, равносителен поклонению лжебогам. Мистер Черчилль ответил: «Нисколько. У меня только одна цель — поражение Гитлера, и это очень упрощает мою жизнь. Если бы Гитлер вторгся в ад, я, как минимум, дал бы в Палате общин хороший отзыв о сатане».

В четыре часа следующего утра я был разбужен телефонным сообщением из министерства иностранных дел, что Германия атаковала Россию. Премьер-министр всегда говорил, что его никогда не следует будить ради чего-либо, кроме как вторжения в Англию. Я поэтому отложил сообщение до восьми часов утра. Его единственным ответом было: «Сообщите Би-Би-Си, что я буду говорить по радио в девять часов вечера». В одиннадцать он начал составлять речь и, если не считать завтрака, за которым присутствовали сэра Стаффорд Криппс, лорд Кранборн и лорд Бивербрук, он по-

святил ей целый день... Речь была готова только без двадцати девять».

**
*

В этом выступлении я сказал:

«Нацистский режим ничем не отличается от худших особенностей коммунизма. Он лишен каких-либо моральных основ и принципов, если не считать жадности и расового господства. Он превосходит все виды человеческой бесчестности по своей рассчитанной жестокости и свирепой агрессии. На протяжении последних двадцати пяти лет никто не был таким упорным противником коммунизма, как я. Я не откажусь ни от одного слова, которое я когда-либо произнес о нем. Но все это бледнеет перед тем зрелищем, которое раскрывается перед нами теперь. Прошлое, с его преступлениями, ошибками и трагедиями, отступает в сторону. Я вижу русских солдат, стоящих на пороге своей родной земли, охраняющих поля, которые отцы их возделывали с незапамятных времен. Я вижу их, стоящими на страже своих домов, где матери и жены молятся, — о да, бывают времена, когда все молятся, — о безопасности своих любимых, о возвращении своего кормильца, своего борца, своего защитника. Я вижу десять тысяч русских деревень, где средства к существованию с таким трудом выжимались из земли, где еще существуют первобытные человеческие радости, где смеются девушки и играют дети. Я вижу, как на все это надвигается в чудовищном натиске нацистская военная машина, с ее щеголеватыми прусскими офицерами, звенящими шпорами и шелкающими каблуками, с ее ловкими специалистами, имеющими свежий опыт устрашения и связывания по рукам и ногам десятка стран. Я вижу также тупые, вымуштрованные, покорные массы гуннской солдатни, тянущейся, подобно стае ползущей саранчи. Я вижу полет германских бомбардировщиков и

истребителей, с еще незажившими ранами от ударов британского бича, обрадованные возможностью найти то, что им кажется менее опасной и легкой жертвой.

Позади всего этого пламени, позади всей этой бури я вижу небольшую группу злодеев, которые замышляют, организуют и обрушивают все эти слепящие ужасы на человечество...

А теперь я должен объявить решение правительства Его Величества — при чем я уверен, что с этим решением согласятся в свое время наши великие доминионы, — ибо мы должны высказаться теперь, сразу же, без всякого промедления. Мне предстоит выступить с декларацией, но можете ли вы сомневаться, какова будет наша политика? У нас есть лишь одна цель, лишь одно единственное непоколебимое устремление. Мы твердо решили уничтожить Гитлера и все следы нацистского режима. От этой цели нас не отвратит ничто. Мы никогда не вступим в переговоры, мы никогда не станем договариваться с Гитлером или с кем-либо из его шайки. Мы будем биться с ним на суше, мы будем биться с ним на море, мы будем биться с ним в воздухе, до тех пор, пока, с Божьей помощью, мы не избавим народы мира от его ярма. Всякий человек или государство, которые борются против нацизма, получают от нас помощь. Всякий человек или государство, которые идут с Гитлером — наши враги... Такова наша политика и такова наша декларация. Отсюда следует, что мы окажем России и русскому народу любую помощь, какую только сможем оказать. Мы призовем всех наших друзей и союзников во всех частях света следовать по этому же пути и придерживаться его так же, как и мы, честно и неуклонно до конца...

Это — не классовая война, но война, в которой участвует вся Британская империя и Британское Содружество Наций, без различия рас, верований и пар-

тий. Не мне говорить о действиях Соединенных Штатов, но я могу сказать, что если Гитлер воображает, что его нападение на Советскую Россию приведет хотя бы к малейшим разногласиям в отношении целей, или к ослаблению усилий великих демократий, которые произнесли над ним свой окончательный приговор, то он жестоко ошибается. Наоборот, мы еще более укрепимся в нашем стремлении спасти человечество от гитлеровской тирании, мы станем еще сильнее в нашей решимости и в наших ресурсах.

Теперь не время морализовать об ошибках стран или правительств, которые допустили, чтобы их били по одиночке в то время, как объединенными действиями они могли бы избавить себя и весь мир от этой катастрофы. Говоря несколько минут о кровожадности и ненавистном обжорстве Гитлера, толкнувших или увлекших его на путь русской авантюры, я сказал, что за этим преступлением кроется более глубокая побудительная причина. Он стремится уничтожить русскую мощь, ибо надеется, что в случае успеха он сможет повернуть основные силы своей армии и авиации с востока и бросить их против нашего острова, который, как он знает, он должен либо покорить, либо — понести наказание за свои преступления. Вторжение Гитлера в Россию является не более как прелюдией к попытке вторжения на Британские острова. Он, несомненно, надеется, что все это может быть выполнено до наступления зимы и что он сможет завоевать Великобританию прежде, чем флот и авиация Соединенных Штатов смогут вмешаться. Он надеется, что ему снова удастся повторить, но в еще больших масштабах, чем раньше, процесс уничтожения своих противников по одиночке, — процесс, который так долго ему удавался, и что после этого очистится поле для заключительного акта, без которого все его завоевания окажутся тщетными: подчинения своей силе и своей системе Западного полушария.

Следовательно, опасность для России является опасностью для нас и опасностью для Соединенных Штатов, так же, как дело каждого русского, борющегося за свою землю и родной дом, является делом свободных людей и свободных народов во всех уголках земного шара. Усвоим же те уроки, которым нас уже научил столь жестокий опыт. Удвоим же наши усилия, и, пока жизнь и силы нас не покинули, ударим объединенной силой».

ОГЛАВЛЕНИЕ

1. В пустыне и на Балканах	7
2. Война расширяется	28
3. Блицкриг и антиблицкриг. Гесс	43
4. Война на Средиземном море	65
5. Завоевание Итальянской империи	88
6. Решение помочь Греции	104
7. Битва за Атлантику. Западные подступы . . .	123
8. Битва за Атлантику. Американское вмеша- тельство	149
9. Югославия	170
10. Японский посланец	191
11. Фронт в пустыне. Роммель. Тобрук	214
12. Греческая кампания	239
13. Триполи и «Тигр»	260
14. Восстание в Ираке	277
15. Крит. События надвигаются	293
16. Крит — сражение	312
17. Судьба «Бисмарка»	335
18. С и р и я	351
19. Последнее усилие генерала Уэйвела «Секира»	364
20. Советская Немезида	385

НАХОДЯТСЯ В ПРОДАЖЕ:

ВИНСТОН С. ЧЕРЧИЛЛЬ

ОТ ВОЙНЫ ДО ВОЙНЫ (1919-1939)

ВТОРАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА — КНИГА I

Перевод с английского. 418 стр. Цена \$2.75

Первая книга воспоминаний Черчилля, посвященных Второй мировой войне, охватывает период между Первой и Второй мировой войной: от Версальского мира до вторжения Гитлера в Польшу. Выделяя существенное из массы событий и деталей, Черчилль показывает как безрассудство победителей и растущее озлобление побежденных привели человечество к новой трагедии. В мировой литературе нет более полного, яркого и авторитетного изображения событий недавнего прошлого, имеющего огромное влияние и на теперешние судьбы мира.

СУМЕРКИ ВОЙНЫ

ВТОРАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА — КНИГА II

312 стр. Цена \$2.75

Это вторая книга первого тома мемуаров Черчилля о Второй мировой войне. «Сумерки войны» охватывают период между падением Польши и вторжением немцев в Голландию. С суровой сдержанностью описывает Черчилль драматические месяцы, пережитые Великобританией с предельным нервным напряжением. Он не скрывает заблуждений французских и британских государственных деятелей, ошибочные суждения которых привели Западные демократии чуть ли не на край гибели.

ПАДЕНИЕ ФРАНЦИИ

ВТОРАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА — КНИГА III

350 стр. Цена \$2.75

Третья книга воспоминаний Винстона Черчилля охватывает наиболее драматический период в истории Второй мировой войны: разгром Франции и апогей могущества нацистской Германии. С присущим ему мастерством и простотой, Черчилль описывает нарастание военной драмы, эвакуацию английского экспедиционного корпуса в Дюнкерке, капитуляцию Франции и грозные месяцы, когда неподготовленная к войне Англия боролась одна против противника, имевшего подавляющее военное превосходство.

В ОДИНОЧЕСТВЕ

ВТОРАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА — КНИГА IV

372 стр. Цена \$2.75

Четвертая книга охватывает период между разгромом Франции и нападением нацистской Германии на Советский Союз. Этот был «самый значительный и самый опасный год во всей английской истории». Повествование о развитии военных действий переплетается с мастерским изображением той сложной дипломатической игры, которая привела к войне между Советским Союзом и Германией.

ГОТОВЯТСЯ К ПЕЧАТИ

ВОЙНА ЗАХВАТЫВАЕТ АМЕРИКУ

ВТОРАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА — КНИГА VI

Printed in U. S. A.
WALDON PRESS,
203 Wooster Street,
New York 12, N. Y.

Цена \$2.75

